Воронежский государственный университет
Кафедра общего языкознания и стилистики ВГУ
Центр коммуникативных исследований ВГУ

Труды ведущей научной школы
в области русского и общего языкознания

Очерк современной речевой практики

Воронеж
2021

УДК 811.161.1' 242
ББК 81.411.2
О-95

В коллективной монографии, представляющей результаты очередного этапа исследований в рамках научного и просветительского проекта «Современная речевая практика» ведущей научной школы ВГУ в области общего и русского языкознания профессора З.Д.Поповой, рассматриваются актуальные процессы развития современного русского языка, новые тенденции в коммуникативной практике общества, сфера незнания носителей языка в области русского языка, основные направления и формы просветительской деятельности в области культуры русской речи. Приводится библиография трудов участников проекта в области современной речевой практики.

Для преподавателей, учителей, магистрантов и студентов, всех, интересующихся состоянием современного русского языка.

Научный редактор – проф. И.А. Стернин,
зам. научного редактора – доц. Н.А. Козельская.

Авторы разделов монографии:
Акованцева Н.В., Дьякова Л.Н., Козельская Н.А., Могловец С.В., Просовецкий Д.Ю., Розенфельд М.Я., Рудакова А.В., Саломатина М.С., Селезнева Г.Я., Стернин И.А., Стернина М.А., Ткаченко Д.И., Ткаченко Т.В., Цымбалова А.В., Шестерина А.М., Юмашева Г.Ю.

Рецензенты: д.ф.н. М.Е.Новичихина, д.ф.н. А.О. Стеблецова

Редактор - Н.В.Акованцева
Оригинал-макет – Акованцева Н.В., Козельская Н.А., Стернин И.А.
Обложка – Акованцева Н.В., Стернин И.А.

© Коллектив авторов, 2021.

ISBN

Очерк современной речевой практики. – Коллективная монография. / Научн. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: изд-во «РИТМ», 2021. – 304 с. – 300 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3
От научного редактора	6
Глава 1. Современная речевая практика: общие вопросы	7
1.1. Основные направления изменений в современном языке (И.А. Стернин)	7
1.2. Изменения в русском языке: кризис или развитие? (И.А.Стернин, Н.А. Козельская)	10
Глава 2. Активные процессы в лексико-фразеологической системе языка	15
2.1. Заимствование в современном русском языке (И.А. Стернин, А.В. Рудакова, Н.А. Козельская)	15
2.2. Стилистические изменения в лексике	24
2.2.1. Стилистическая характеристика слова в языковом сознании носителей языка (И.А.Стернин)	24
2.2.2. Формирование сленга как стилистического пласта лексики (И.А.Стернин)	27
2.2.3. Формирование фамильярной лексики как стилистического пласта (И.А.Стернин)	30
2.2.4. Тенденции развития стилистических парадигм русского языка (И.А.Стернин, Г.Ю.Юмашева)	31
2.3. Новые русские слова (И.А. Стернин, Н.А. Козельская, Д.Ю. Просовецкий, Г.Я. Селезнева)	33
2.4. Новые значения русских слов	42
2.4.1.Семантические процессы в русской лексике (И.А. Стернин, Н.А. Козельская)	43
2.4.2. Семантическая девальвация слов (И.А. Стернин)	46
2.4.3. Очерки о новых значениях слов (Н.В. Акованцева, Л.Н. Дьякова, Н.А. Козельская, М.Я. Розенфельд, А.В. Рудакова, М.С. Саломатина, Г.Я. Селезнева, И.А. Стернин, М.А. Стернина)	50
2.5. Новые русские фразеологизмы (Г.Я. Селезнева)	70

2.6. Формирование устно-письменной формы подъязыка Интернета (И.А. Стернин, М.Я. Розенфельд, М.С. Саломатина)	83
Использованная литература	89
Глава 3. Сфера незнания в языковом сознании	94
3.1. Лингвистическая мифология в современном языковом сознании (И.А. Стернин)	94
3.2. Лингвистические мифы и фейки в интернете (И.А. Стернин)	109
3.3. Сферы незнания воронежцев	111
3.3.1. Сферы незнания воронежцев по данным просветительской работы в городе (И.А. Стернин, Н.А. Козельская, С.В. Могловец, М.Я. Розенфельд, А.В. Рудакова)	111
3.3.2. Слова, неправильно понимаемые носителями языка (И.А. Стернин)	120
3.3.3. Ложные значения имен собственных в современном русском языковом сознании (А.В.Рудакова)	128
3.3.4. Экспериментальное исследование уровня общекультурных знаний и понимания актуальных слов воронежцами (Т.В. Ткаченко, Д.И. Ткаченко, А.В. Цымбалова)	132
3.4. Грамотность письменной речи воронежцев (И.А. Стернин, Н.А. Козельская, А.В. Рудакова)	139
Использованная литература	146
Глава 4. Активные процессы в современном общении	149
4.1. Активизация отдельных разрядов лексики. Расширение употребления англицизмов (И.А. Стернин)	149
4.2. Рост агрессивности общения (И.А. Стернин)	153
4.3. Фамильяризация общения (И.А. Стернин)	160
4.4. Коммуникация в условиях дистанционного обучения (И.А. Стернин, М.А. Стернина)	163
4.5. Проблемы правового и общественного регулирования словоупотребления (И.А. Стернин, Л.Н. Дьякова)	166
Использованная литература	177
Глава 5. Просветительская работа в области русского языка	180

5.1. Просветительская работа в области русского языка в традиционных СМИ (Л.Н. Дьякова)	180
5.2. Просветительская работа в новых СМИ (сайты, соцсети, блогинг) (А.М. Шестерина)	187
5.3. Просветительская работа в области русского языка в проекте «Территория слова» в Воронеже (Л.Н. Дьякова, И.А. Стернин)	195
Использованная литература	200
Глава 6. Публикации участников проекта «Современная речевая практика» (2001-2021) (Акованцева Н.В.)	201
6.1. Монографии по русскому языку и словари русского языка	202
6.2. Учебные пособия по русскому языку, культуре речи, риторике, деловому общению	204
6.3. Продолжающиеся научные издания	211
6.4. Статьи участников проекта – преподавателей кафедры общего языкознания и стилистики и сотрудников Центра коммуникативных исследований ВГУ	211
6.5. Научно-популярные публикации о русском языке	281
6.6 Публикации студентов и магистрантов кафедры общего языкознания и стилистики по проблематике проекта (2004-2020)	286
Заключение (И.А. Стернин, Н.А.Козельская)	300

От научного редактора

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография подготовлена преподавателями кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского университета и сотрудниками Центра коммуникативных исследований ВГУ, которые уже третье десятилетие реализуют научно-исследовательский и просветительский проект «Современная речевая практика» в рамках проблематики Ведущей научной школы Воронежского университета по общему и русскому языкознанию проф. З.Д. Поповой[1].

В рамках проекта осуществляется исследование современных процессов, происходящих в русском языке, изучается языковое сознание носителей русского языка в Воронеже; выпускаются продолжающиеся научные сборники, проводятся курсы повышения квалификации, осуществляется большая учебная (курсы коммуникативной подготовки, дополнительные специализации), ведется просветительская работа в области русского языка, культуры речи, риторики и культуры общения; в течение 20 лет на Воронежском радио выходит просветительская программа о русском языке «Территория слова».

Кафедра общего языкознания и стилистики организовала и обеспечивает ежедневную работу Городской телефонной «Службы русского языка», готовит многочисленные учебные пособия и популярные брошюры по культуре речи, проводит праздники русского языка, читает циклы популярных лекций о языке.

Результаты, полученные в первое десятилетие работы над проектом, были представлены в монографиях «Языковое сознание воронежцев» (2010, 250 с.), «Территория слова» (2011, 176 с.)[2], а спустя 10 лет новые исследования и результаты представлены в данной монографии.

Данная монография базируется на концепции и результатах, уже частично отраженных в монографиях 2010 и 2011 гг., но при этом дополняет, расширяет, корректирует и развивает их в опоре на полученные участниками проекта в последнее десятилетие новые данные и результаты.

В каждой главе монографии приводятся публикации, уже изданные участниками проекта по проблематике, рассматриваемой в соответствующей главе. Материалы и выводы из указанных публикаций авторов разделов вошли и в текст данной монографии, которая имеет, таким образом, обобщающий характер и отражает очередной этап разработки проблематики проекта.

В Главе 6 приведена общая библиография публикаций участников-исполнителей проекта с 2001 по 2021 г.

Авторы отдельных разделов указаны в Содержании.

Научный редактор
И.А. Стернин

---

[1] О проекте см.: http://sterninia.ru/index.php/deyatelnost/item/39-proekty

[2] Тексты см.: http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/project.html

Глава 1.
Современная речевая практика: общие вопросы

1.1. Основные направления изменений в современном языке

Перестройка, которая сопровождалась бурными общественно-политическими изменениями в России после 1985 года, привела к коренному изменению общественного уклада российского общества во всех сферах, что, естественно, не могло не сказаться на развитии и функционировании русского языка.

Язык полностью зависит от состояния общества, поскольку он обслуживает его, отражая в своих словах и значениях то, чем живет общество, в котором он функционирует.

Действует *закон общественной обусловленности языковых изменений*: *меняется общество, меняется и обслуживающий общество язык* – уходит старое, появляется новое, необходимое сегодня. Это связано с основной функцией языка – коммуникативной, и язык постоянно модифицируется и приспосабливается к ее выполнению.

При этом все языки в своей истории переживают разные периоды.

В эволюции языка выделяются *периоды стабильности,* т.е. стабильного развития языка – когда общественные перемены минимальны и язык относительно устойчив, мало меняется. Но бывают и *периоды интенсивного развития* языка – они случаются, когда в обществе происходят бурные, коренные социальные изменения, революции. В такой период язык приходит в движение и быстро изменяется, чтобы соответствовать тому новому, что возникает в обществе – новым понятиям, явлениям, предметам, новой жизни.

Интенсивные изменения в языке всегда тесно обусловлены изменениями социальными: чем значительнее последние, тем более интенсивно происходят изменения в языке.

Такие *периоды интенсивного развития* в русском языке в новое время уже бывали. Это, прежде всего, *период Петра I* – начало 18-ого века. Император-реформатор создавал промышленность в России, активно привлекая иностранных специалистов и ученых, они привозили с собой свои технологии и, естественно, свою терминологию. Тогда в русский язык пришло огромное количество заимствований из западноевропейских языков (немецкого, голландского, польского, французского, итальянского), относящихся ко всем сферам жизни: административной, научной, промышленной, военной, экономической, кораблестроительной и других.

Второй период интенсивного развития русского языка – начало XIX века. Победа России в войне с Наполеоном вызвала колоссальный национальный подъем, и произошло второе обращение России к Европе. В русскую речь хлынули иностранные слова. Язык, будучи живым, от подобного заимствования лишь обогатился. Приветствовал это и А.С. Пушкин: «Панталоны, фрак, жилет –

всех этих слов на русском нет». В романе «Евгений Онегин» и *фрак*, и *жилет* уже были неотъемлемым атрибутом молодого питерского повесы. По убеждению поэта, «истинный вкус состоит не в безотчётном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности». Эти принципом А.С.Пушкин руководствовался и сам, уместно используя славянизмы, разговорные и жаргонные слова того времени. Творчество А.С. Пушкина и последующий золотой век русской классической литературы определили становление современного русского литературного языка.

Третий период интенсивного развития русского языка – Октябрьская революция 1917 года. Вновь обширные изменения в лексике и фразеологии. Молодой Советской республике в период создания властных и общественных структур потребовалась масса новых слов. Новые понятия, новые реалии, новые государственные и общественные организации требовали новых названий. Но они зачастую получались длинные, составные – *Совет народных комиссаров, генеральный секретарь, партийно-хозяйственный актив* и под., и в результате появилось огромное количество аббревиатур – *комбед, ликбез, Наркомпрос, совнарком, генсек, партхозактив* и т.д. Переосмыслялись и некоторые старые слова – *ударник* (передовой работник), *сектор* (участок работы, за который отвечает конкретный человек – *культмассовый сектор*) и др. Ко всем этим словам люди привыкли не сразу, но постепенно они были освоены и вошли в активную речевую практику.

Однако любопытно, что в этот период не произошло «нашествия» иностранных слов. А почему? А потому, что заимствовать было неоткуда. Россия – первая страна, в которой произошла социалистическая революция, и все слова для новой жизни пришлось создавать на собственной основе. Кстати, когда в 1919 году в Баварии произошла революция и год просуществовала «Баварская социалистическая республика», уже немецкие революционеры заимствовали из русского языка слова «большевик» и «советы».

Четвертый период интенсивного развития языка – это годы перестройки, начиная с 1985 г. Опять мы наблюдаем слом общественной системы, вновь происходят огромные социальные перемены. И в результате вновь – масса новых слов и очень много заимствований. В русский язык хлынула лавина иностранных понятий из сфер политики, рыночной экономики, компьютерной техники, шоу-бизнеса, материальной культуры, отражающих явления жизни, которые при социализме фактически отсутствовали.

Глобализация и интернет значительно ускорили многие языковые процессы.

В чем же заключаются основные направления изменений в русском языке последних десятилетий?

В современном российском обществе произошла смена общественно-политической парадигмы, то есть системы понятий, определяющих господствующую в обществе систему политических ценностей. В российском обществе произошла также смена коммуникативной парадигмы, то есть доминирующего в общественной практике типа общения. На смену монологической коммуникативной парадигме тоталитарного общества («один говорит, все слушают и выполняют») пришла диалогическая парадигма плюралистического общества. Смена коммуникативной парадигмы является следствием смены общественно-политической парадигмы. В отличие от

последней, смена коммуникативной парадигмы в российском обществе в основном завершена.

Наиболее заметными последствиями смены коммуникативной парадигмы в обществе остаются несколько взаимосвязанных друг с другом процессов, возникших в русском языке. Эти процессы таковы: орализация общения; диалогизация общения; плюрализация общения.

Орализация общения проявляется в значительном возрастании роли устной речи, расширении ее функций, увеличении ее удельного веса в общении и повышении значимости устной речи как формы существования языка.

Диалогизация общения проявляется в увеличении удельного веса диалога в общении, повышении роли диалога в процессе коммуникации, расширении функций диалогической речи в структуре общения, развитии новых видов и форм диалога, расширении потребности общества в диалоге, формировании новых правил диалогического общения, увеличении общественной эффективности диалогического общения по сравнению с монологическим.

Плюрализация общения проявляется в формировании разных, в том числе оценочно-полярных дискурсов, полярных точек зрения при обсуждении той или иной общественной проблемы, сосуществовании и столкновении разных дискурсов.

Указанные процессы оказывают определяющее воздействие на развитие русского языка и приводят к многочисленным частным следствиям и изменениям. Характеризуя с этой точки зрения систему русского языка в целом, можно констатировать, что она претерпевает в ряде аспектов существенные количественные, качественные и функциональные изменения, однако не претерпевает каких-либо революционных изменений (тем более ведущих к ее разрушению или распаду), сохраняя системную и структурную целостность, устойчивый характер функционирования и внутреннюю идентичность.

Можно выделить некоторые «точки роста» современного русского языка, в которых наблюдаются наиболее заметные и интенсивные изменения. Это главным образом область лексики, в том числе семантики, фразеологии а также словообразования.

Изменилось коммуникативное ядро русского лексикона. Под коммуникативным ядром лексикона понимается совокупность наиболее частотных и коммуникативно значимых лексических и фразеологических единиц, употребительных во всех коммуникативных сферах (и в первую очередь, в бытовом общении и публицистике), денотативно значимых для говорящего коллектива и отражающих актуальную действительность.

Изменения в коммуникативном ядре лексикона связаны в основном с активизацией лексики рыночной экономики, политической лексики, лексики шоу-бизнеса, массовой культуры, интернета и компьютерной сферы. Пассивизации подверглись советский общественно-политический лексикон и лексика перестройки.

Увеличилась проницаемость лексико-фразеологической системы русского языка для заимствований. Исключительно широкий размах приобрело заимствование иноязычной лексики, которое наблюдается преимущественно в названных выше тематических сферах.

Главные изменения в русском дискурсе связаны с исчезновением тоталитарного дискурса, радикальными изменениями в публицистическом и

политическом дискурсах, появлением и быстрым развитием рекламного и коммерческого дискурса. Бытовой дискурс, который стал диалогичнее, эмоциональнее, экспрессивнее и оценочнее, стал допускать более широкое использование единиц сниженных стилистических разрядов. Появился «патриотический дискурс», основанный на жесткой критике либеральных ценностей и опоре на чисто отечественные ценности и историю.

Происходит перестройка в системе форм существования русского языка. Устная форма существования языка на данном этапе развивается интенсивнее, чем письменная, возрастает роль устной формы существования языка, расширяются ее функции. Письменная форма существования языка дифференцируется по коммуникативным сферам, возрастает специфика письменного текста в различных профессиональных областях, в особенности – в коммерческой корреспонденции. Язык интернета приобретает гибридные черты устно-письменной формы языка.

В стилистической системе русского языка образуется и укрепляется новая функционально-стилистическая подсистема – общенародный сленг, занимающая место между разговорной и сниженной лексикой. Формируется и активизируется стилистический разряд фамильярной лексики.

В целом, для русского языка конца XX – первой четверти 21-ого века характерны следующие обобщенные тенденции развития:

- определяющее влияние общественно-политических процессов и технического прогресса на языковое развитие;
- преобладание изменений в лексике и фразеологии;
- сохранение интенсивности и быстроты изменений в языке;
- формирование новых языковых стандартов под влиянием СМИ и устной речи.

Изменения в языке проявляются в его развитии и эволюции. Эволюция отражает изменения, происходящие внутри языка по его собственным законам; развитие отражает приспособление языка к изменяющимся (под влиянием внешних факторов) условиям его функционирования.

Анализ современного состояния русского языка с точки зрения соотношения процессов эволюции и развития свидетельствует, что основные изменения, происходящие в нем, могут быть классифицированы как развитие. К явлению эволюции может быть, по-видимому, в какой-то мере отнесено формирование сленга как заполнение лакун в стилистических парадигмах языка и формирование разряда фамильярной лексики; остальные изменения на современном этапе попадают под определение развитие.

1.2. Изменения в русском языке: кризис или развитие?

За последние три десятилетия русский язык очень изменился. Это замечают все, но особенно представители среднего и старшего поколения, которым есть с чем сравнить – они застали другой русский язык. И для них «новый» русский язык» – это плохо. Кстати, молодое поколение застало уже «новый русский» и принимает его довольно спокойно, как должное, не волнуется, не возмущается, а активно его осваивает. Но у более старших поколений изменения в языке

вызывают беспокойство, непонимание и, как правило, неодобрение, возбуждая многочисленные дискуссии о «кризисе русского языка». Так есть ли кризис в русском языке?

Язык, конечно же, меняется со временем. Мы сейчас многого не понимаем в русских текстах средних веков, да и в более поздних текстах – 19-ого и начала 20-ого веков. И это совершенно понятно – не только язык, но и жизнь была другая, предметы и явления были другие, проблемы у людей были другие, люди *о другом говорили*.

Большинство людей (как профессионалов, так и рядовых носителей языка), когда говорят о серьезных изменениях в современном русском языке, видят прежде всего негативные тенденции, которые проявляются, по их мнению, в массовом заимствовании иностранных слов, а также широком проникновении в речь людей сленга, жаргона и сквернословия. Это, действительно, наиболее интенсивные процессы, происходящие сейчас. Но есть еще и снижение уровня грамотности, снижение контроля говорящих за своей речью, снижение у носителей языка навыков монологической речи, общее падение культуры устной и письменной речи.

Филологи пишут об изменении самого понятия литературного языка в результате того, что в последние десятилетия границы языкового стандарта постоянно размывались, в том числе в публичной речевой практике (Кронгауз 2019). На смену художественной литературе как источнику формирования языковых норм пришли СМИ, которые, стремясь демократизировать коммуникацию, обратились к лексикону субкультур, молодежному жаргону, просторечию и даже бранной лексике. Результат – вульгаризация языка, вымывание высокого, расширение употребления сниженной лексики, что заметно меняет традиционный облик русского языка.

В связи со сказанным и возникает представление о том, что сейчас русский язык переживает кризис. Заметна также тенденция определенных сил придать проблеме политический характер, попытки представить ситуацию с русским языком как результат его целенаправленного разрушения некими силами, как его злонамеренную порчу с целью разрушения национального самосознания народа; рост заимствований в русском языке пытаются представить как процесс «вестернизации» русского языка и т.д. Называются конкретные страны, политические силы и даже конкретные люди, которые этим якобы занимаются – организуют «кризис русского языка».

Определим понятие *кризис. Кризис* – это «резкое ухудшение, угрожающее существованию». Совершенно очевидно, что интенсивное изменение языка кризисом никак не является. Совсем наоборот, применительно к языку – это период его активного *развития*, обновления лексики и фразеологии, активного приспособления языка к потребностям изменившегося общества. Ничто существованию современного русского языка *как системы знаков* не угрожает.

Язык развивается по своим законам, и организовать в нем кризисные явления никому не под силу.

Иногда утверждают, что в языке появилось много «ненужных заимствований» и вообще – «ненужных слов» и это якобы тоже кризисное явление. Это лингвистический миф. Ненужных кому? Отдельным людям или языку в целом? Ненужных слов в языке не бывает. Раз слово возникло, появилось – значит, оно кому-то необходимо для обозначения некоторого

предмета или явления. Причины возникновения, заимствования, появления новых значений – коммуникативные, значит, об этом *возникла необходимость говорить*, и язык тут же мобилизует необходимые средства, чтобы осуществить свою коммуникативную функцию.

Высказывается мнение, что новые слова, особенно заимствования, «уродуют русский язык».

«Уродующие язык» слова могут существовать во мнении отдельных людей. Конкретным людям отдельные слова могут не нравиться по самым разным причинам. Такие нелюбимые (как и любимые) слова есть у каждого человека. Это легко проверить. Мы специально изучали такие слова – опрашивали большой массив людей, какие слова им нравятся, а какие нет. Чаще всего людям нравятся слова, обозначающее что-то хорошее – *любовь, солнце, жизнь, красота, мама, море, телефон, великолепно, Вселенная, компьютер, кошка, мир, нежность, отпуск, превосходный, семья, серьезный, счастье, прелесть, любезный, автомат* (экзамен, у студентов) и под. Не нравятся – *порнуха, селфи, грязь, агрессия, богатство, грубость, зависть, ложь, ненависть, обман, тёлка, безделье, безысходность, болезнь, боль, больной, бомж, бред, бюллетень, вдуть, ветер, взыскание, война, выговор, гад, грубиян, дерзкий, долг, дрожь, сессия* (у студентов).

Иногда слова не нравятся людям своим обликом, труднопроизносимостью (*апгрейдить, мерчендайзер, франчайзинг)*. Иногда – своим грубым оттенком (*баба, бабки, бабло*); иногда – своим слащавым или разговорным характером (*попекушка, вкусняшка, няша*). Иногда нелюбовь чисто субъективна – *грибы, США, Галкин, биржа, встречаться* и под.

Например, одному из авторов данного раздела не нравятся такие новые (и не очень) слова как *сфоткаться, днюха, проставляться, бабло, мониторить, озвучить, накрыть поляну*. Должен ли он на основании того, что эти слова ему не нравятся, призывать к их запрету, исключению из употребления в русском языке, считать, что они являются проявлением кризиса русского языка? Разумеется, нет. Конкретный носитель языка их может не употреблять, это его право, но лишать других права ими пользоваться он не может.

Язык можно сравнить с огромным *ХРАНИЛИЩЕМ*, где на открытых полках в свободном доступе лежат слова и правила, которыми может воспользоваться любой человек. Разумеется, чем больше слов на полках, тем богаче у людей выбор средств выражения мысли, то есть человек может точнее и полнее, эффективнее выразить свою мысль. Чем больше в языке слов, тем лучше для общения. Все без исключения новые слова и выражения обогащают язык, расширяют его номинативные возможности – независимо от того, являются ли эти слова литературными, разговорными, жаргонными, сленговыми, узко-профессиональными терминами и т.д. Однако то, какие слова использовать в конкретном общении, решает не язык, а обратившийся к нему человек. Язык – это система номинативных и коммуникативных возможностей, а дело человека – выбрать и использовать те или иные возможности, необходимые в той или иной ситуации лично ему.

Если человек из супермакета выносит только алкогольные напитки и напивается, это не вина супермаркета, а личный выбор этого человека. Аналогично, если человек, обращаясь к «языковым полкам», берет с них и использует только нецензурную и бранную лексику, или только просторечные,

или только иностранные, или сугубо книжные и научные слова – это его выбор, язык в этом не виноват.

Другое дело, если люди ошибаются в использовании слов, употребляют их неуместно. Это уже ставит на повестку дня вопрос о кризисе не языка как системы, а о *кризисе культуры речи.*

Культурная речь – это речь, соответствующая нормам языка, уместная в той или иной ситуации. Культура речи предполагает, что люди обращают внимание на то, как они говорят. Пренебрежение культурой речи, утрата контроля за своей речью у многих людей самых разных социальных и профессиональных групп и есть *кризис культуры речи*. Причина этого кризиса – социальная.

Колоссальные проблемы, навалившиеся на людей в период перехода общества к рыночной экономике, – нищета, безработица, слом стереотипов мышления и поведения и пр.– привели к тому, что людям стало «не до языка» и временно даже не до чтения книг. Люди стали пренебрегать нормами речи.

Есть и другая причина. Нельзя путать *свободу слова* и *свободу речи*. У россиян в переходный период развития страны эти понятия в сознании часто не различались. Но свобода слова – это «говори, что хочешь», а свобода речи – это «говори, как хочешь». Свобода слова необходима любому обществу.

А может ли вообще существовать свобода речи в обществе? Никогда! Если каждый будет говорить так, как он хочет, мы перестанем друг друга понимать. В языке есть определенные нормы для определенных ситуаций. Скажем, собрались мы на вечеринку с приятелями, и я говорю: «Напрягает меня наш губернатор». Но можно ли это сказать в публичном месте или написать? Или сказать самому губернатору? Нельзя, нормы культуры речи не позволяют.

Есть такая известная фраза: язык – одежда мыслей (Сэмуэль Джонсон, 18-ый век). Это очень удачный образ. Действительно, у нас есть одежда для разных ситуаций. Мы понимаем, что работать в огороде нужно не в той одежде, в которой ты пойдешь в театр. Что дома можно одеваться попроще, а на работу нужно построже. Точно так же носитель языка должен относиться и к своей речи – она должна быть адекватной, то есть соответствовать конкретной ситуации общения. То, что можно сказать в беседе с друзьями, нельзя произносить с трибуны; а то, что можно сказать устно, не всегда можно написать. Кстати, то, что говорят с трибуны, при обсуждении дома тоже не должно выглядеть «как по писаному», это будет совершенно неуместно.

Свободы речи не может быть ни в каком обществе, иначе, при несоблюдении людьми норм языка и ситуаций употребления тех или иных слов и выражений, язык перестанет выполнять свою коммуникативную функцию – обеспечивать взаимопонимание между людьми. Люди просто перестанут понимать друг друга, так как каждый будет употреблять известные только ему языковые ресурсы, которые могут быть непонятны или неизвестны слушающему. А использование общепонятной лексики в уместных ситуациях – это и есть культура речи.

Речевое бескультурье – никак не вина языка, это вина говорящего человека. «Кризис не в стране, а в головах людей» (проф. Ф.Ф. Преображенский – М.А. Булгаков «Собачье сердце»). Необходимо работать над повышением культуры речи людей.

Язык – зеркало того общества, в котором он функционирует. Если больной или переживающий душевный кризис человек смотрится в зеркало, то в зеркале,

естественно, отражаются наблюдающиеся у него внешне признаки болезни или душевного кризиса. Но при этом само зеркало никакого кризиса не переживает.

Таким образом, язык как система не переживает никакого кризиса, и кризиса в языке в принципе быть не может – язык всегда существует и развивается, пока существует и развивается говорящий на нем народ. Русский язык – великий язык, имеющий тысячелетнюю историю, великую литературу, древнюю письменную традицию. На нем говорит огромное количество людей. Ему ничего не угрожает, и сейчас он переживает не кризис, а очередной этап интенсивного развития.

Но в настоящее время в российском обществе налицо явный *кризис культуры речи.* Можно говорить о наличии кризисных явлений в отношении общества к освоению и употреблению языка, к соблюдению языковых норм. Такой период был в истории русского языка в 20-ые годы, но он был преодолен усилиями просвещенной части общества: к середине 30-х гг. стабилизировалась норма, сформировалась культура речи, были освоены неологизмы первых лет советской власти. Современная ситуация требует такого же содействия образованной части общества.

С кризисом культуры речи необходимо бороться филологам, педагогам, журналистам – всей интеллигенции.

Использованная литература

Стернин И.А. Кризис или развитие? // Русский язык конца XX века. – Воронеж, 1998. – С. 3–4.

Стернин И.А. Русский язык конца XX века: изменения в лексико-фразеологической системе // Филологические записки. – Вып. 9. – Воронеж, 1998. – С. 149–174.

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Научное издание. Воронеж, 2004. – 93 с.

Солганик Г.Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестник Моск. ун-та. – Сер.10. Журналистика, 2010. – № 5. – С. 122–134.

Кронгауз М.А. «Предлог перед Украиной»: почему идут битвы за русский язык // «Газета. RU» 09.08.2019 URL https://www.gazeta.ru/science/2019/08/09_a_12567067.shtml.

Глава 2.
Активные процессы в лексико-фразеологической системе языка

2.1. Заимствование в современном русском языке

С конца восьмидесятых – начала девяностых годов в русском языке наблюдается резкая интенсификация процессов заимствования лексики (в первую очередь – из английского языка).

Важно разграничивать условия активизации процесса заимствования и причины заимствования (Крысин 1996, с. 142).

Условиями активизации процессов заимствования выступают развивающиеся контакты между народами, расширяющееся двуязычие, формирование открытого общества, развитие международного сотрудничества и кооперации.

Причинами заимствования лексической системой русского языка иностранных слов являются:

- потребность в наименовании нового предмета или понятия (*гамбургер, компьютер, ростер, тостер, инсайдер, ньюс-мейкер, бук-кроссинг* и др.);
- необходимость разграничить близкие понятия (*образ – имидж, обслуживание – сервис, бутерброд – гамбургер, магнитофон – плейер* и др.);
- необходимость специализации понятий (*экспорт, превентивный* и др.);
- наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, единых по происхождению (к примеру, английская компьютерная терминология, спортивная терминология: *браузер, спам, сканер, голкипер, форвард* и др.);
- закон экономии речевых усилий, побуждающий заменять длинные номинации на более короткие в случае повышения их частотности. Более экономными являются *инаугурация* – по сравнению с «вступлением в должность», *саммит* – по сравнению со «встречей в верхах», *шопинг* – по сравнению с «хождением по магазинам за покупками», *мониторинг* – по сравнению с «постоянным наблюдением», *парковка* – по сравнению с «постановкой машины на стоянку» и др. Это приводит к появлению в языке тенденции к приведению в соответствие нерасчлененности, цельности обозначаемого понятия с нерасчлененностью его обозначения (ср. *стайер, спринтер, сейф, армрестлинг, топы* и др. – парадигматическая экономия, по терминологии А. Мартине.

Соответственно в лексике недавнего заимствования можно выделить следующие группы:

– лексические единицы, называющие денотаты, ранее отсутствовавшие в российской действительности: *брокер, ваучер, холдинг, шоумен, секс-шоп, топ-модель, директ мейл, паблик рилейшенз, продюсер, тайм-шер, компакт-диск, грант, банкомат, имидж-мейкер, импичмент, кондиционер, компьютер, принтер, факс, мобильник, кавер, диспенсер, худи, сайдинг, кулер, краудфандинг, спонсор, фрилансер, шейпинг* и др.;

– лексические единицы, называющие эволюционировавшие денотаты русских слов (такие денотаты имели то или иное обозначение в русском языке, но в новых условиях сами денотаты изменились, что и привело к их

переименованию иноязычными словами – иноязычные слова обозначают такие денотаты более адекватно, поскольку в «своем» языке они давно специализированы именно на обозначении данных денотатов); к данному типу заимствований можно отнести: *дилер* – вместо посредник; *дисплей* – вместо экран; *менеджмент* – вместо управление; *менеджер* – вместо управляющий; *маркетинг* – вместо планирование спроса и сбыта; *супермаркет* – вместо магазин самообслуживания, универсам; *сэконд-хенд* – вместо комиссионный магазин; *киллер* – вместо наемный убийца и др.;

– лексические единицы, называющие известные и новые денотаты, имеющие в русском языке сложные составные наименования (результат действия закона экономии речевых усилий): *аутфит* (ансамбль одежды и аксессуаров), *киднеппинг* (похищение людей), *корпоратив* (вечеринка для сотрудников), *саммит* (встреча в верхах), *байопик* (фильм-биография), *пауэрлифтинг* (силовое троеборье), *спикер* (руководитель палаты парламента), *промоушен* (продвижение товаров и услуг), *биллинг* (процесс создания счета для оплаты) и др.;

– лексические единицы, заменившие привычные слова и словосочетания более современными, модными вариантами, в которых переименование вызвано мелиорацией (мелиорация понимается как речевая стратегия оптимизации, улучшения общения, включающая в том числе положительную оценку предмета речи (Волошина 2010, с. 2)): *барбер-шоп* (парикмахерская), *кастинг* (пробы), *секьюрити* (телохранитель, охрана), *фейк* (фальшивка, подделка), *шоп* (магазин), *сейл* (распродажа), *донат* (пожертвование) и др.

По данным Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН только за 2020 год в русском языке появилось 675 новых слов, которые были включены учеными в орфографический словарь. Они употреблялись в компьютерном, деловом или молодежном сленге уже давно, но официально признаны лишь сейчас (т.е. за ними закрепилось конкретное написание и постановка ударения); примечательно, что среди этих слов преобладают заимствования. Приведем примеры.

Троллить (***троллинг***) – это слово активно используется молодежью и означает «поднимать на смех», «издеваться», в более безобидном варианте – «иронизировать над кем-то, подкалывать». Слово происходит от английского troll, что означает «ловить на блесну», возникновение значения связано с семантическим признаком «подлавливать». Написание слова с удвоенной буквой «л» объясняется наличием двух «l» в языке-источнике.

Хейт (хейтинг, хейтспич или хейт-спич) (англ. *hate* – презирать, ненавидеть) – это публичное высказывание, выражающее неприязнь к отдельному человеку, ненависть к определенной группе людей. Например, оскорбление по национальному, расовому, религиозному, половому признаку, сексуальной ориентации.

Лайк (англ. like – нравиться) – в интернете это слово стало символом одобрения, очень удобным для тех, у кого нет времени или кому просто лень писать положительный отзыв на чью-то публикацию. Однако не менее востребована оказалась возможность как-то выражать и свое неодобрение – ***дизлайк*** (англ. dislike – не нравиться) – выражение антипатии или неодобрения кого- или чего-либо. Дизлайк, как правило, изображается в виде опущенного вниз большого пальца и находится в строке под публикацией рядом с отметкой

«мне нравится» (лайк – поднятый вверх большой палец). Оба знака используются для того, чтобы определять реакцию читателей на публикацию.

Слово ***селфи*** (**selfie**) – фотографирование самого себя, *фотоавтопортрет* – происходит от английского возвратного суффикса -self («сам»). Понятие «селфи» возникло вместе с появлением фронтальных камер на смартфонах, которые позволяют фотографировать самого себя. Впервые слово было использовано в 2002 г. на австралийском интернет-форуме. Сегодня селфи принято считать воплощением самолюбования, хотя часто бывает и так, что рядом нет человека, который бы сфотографировал вас, а очень хочется запечатлеть себя на фоне красивого места. Таким образом, ***селфи*** – это фотография самого себя (автопортрет), сделанная самостоятельно на цифровое устройство (камеру смартфона, фотоаппарата или веб-камеру) с расстояния вытянутой руки, со специальной «палки» или в зеркале.

Одна из функций абсолютно всех соцсетей – это возможность делать ***репосты*** сообщений (англ. repost – повторить пост), то есть размещать чужой пост (публикацию, сообщение) на своей странице, со ссылкой на источник, которая прописывается автоматически, либо прислать ссылку на чужой пост адресно кому-то из своих подписчиков. Цели использования репостов: дать ссылку на понравившуюся публикацию, быстро растиражировать информацию с призывом помочь (собрать деньги на операцию больному ребенку или найти потерявшуюся собаку) и др. Сейчас используются и производные: *постить, перепостить, пост*.

Каршеринг – образовано от двух английских слов: *car* – «машина» и *share* – «делиться». Каршеринг – это вид краткосрочного автопроката. Например, если вы приехали в командировку (на отдых) на недолгий срок и вам обязательно нужно (хочется) успеть побывать во многих местах, то вы можете взять в аренду легковой автомобиль на сутки или несколько часов.

Рассмотрим историю появления и семантического освоения в русском языке некоторых из наиболее популярных заимствований.

Слово ЧЕЛЛЕНДЖ в современном русском языке

Новому значению слова *вызов*, которое появилось в русском языке как калька с английского challenge, посвящено несколько статей (Стернин 2006; Стернин 2016; Стернин, Стернина 2019 и др.). В них новое значение слова *вызов* было сформулировано следующим образом:

ВЫЗОВ – *новая сложная личная или общественная проблема, стимулирующая заняться ее решением, требующая усилий, мужества, смелости и напряжения сил для ее решения и предоставляющая возможность людям или обществу проверить свои силы на решении этой проблемы, доказать свою способность оказаться на высоте и справиться с ней* (Стернин 2006, с. 95).

Подчеркнем, что в этом значении в русском языке стало употребляться именно русское слово ВЫЗОВ, которое, таким образом, приобрело в русском языке новое, калькированное с английского, значение.

Любопытно, что на этом влияние слова *challenge* на русский язык не прекратилось. В конце 10-х гг. XXI в. в русском языке появился и варваризм ***челлендж*** в немалой степени под влиянием самоизоляции в условиях пандемии.

Люди стали активно искать, чем бы им заняться, сидя дома, а поскольку основным средством связи друзей и знакомых стал интернет, социальные сети и блоги, начали придумывать от скуки всякие трюки для того, чтобы потом выложить их в интернет и позабавить ими своих друзей и подписчиков, а также просто для саморекламы.

Слово *challenge* в английском языке многозначно (см. указанные выше работы). Теперь еще одно из значений слова *challenge* нашло свое место в русском языке, но было обозначено уже варваризмом, а не калькой. Варваризм *челлендж* стал употребляться в значении *побуждение к соревнованию.*

При этом, если соответствующее английское значение слова *challenge* относится к вызову на соревнование преимущественно в серьезной области, предполагающей достижение соревнующимися какого-либо полезного для личности результата, например, похудеть, изучить иностранный язык, пробежать марафон и под. (хотя допускается и ироническое употребление), «русское» употребление, как можно судить по имеющимся примерам, касается в основном сугубо несерьезного, забавного, абсурдного, вызывающего смех в силу своей бессмысленности – чтобы было потом, что выложить в сеть и чем привлечь внимание подписчиков, в основном, чтобы *поржать* – см. статью о типах смеха (Стернин 2020, с. 73-76) и поднять свою популярность, привлечь к себе внимание. Здесь оно оказывается довольно близким по значению русским азартным выражениям «*давай на спор*» или «*а слабо*?», но в отличие от них, оно имеет субстантивную форму, что удобнее для описательных текстов.

О новизне данного слова свидетельствует тот факт, что в Национальном корпусе русского языка ruscorpora.ru (обращение 31 мая 2020 г.) зафиксировано всего два примера употребления данного слова.

Первый пример 2004г. представляет собой просто транслитерацию английского названия: Аркадий Козлов. Вызов дождливому лесу // «За рулем», 2004.03.15: Rainforest Challenge («Рейнфорест **Челлендж**») – довольно известная в мире джиперская забава и заветная мечта любителей экстремального бездорожья).

Второй пример 1997 г. скорее является просто варваризмом, судя по контексту, и употреблено это слово в «английском» значении: Петр Вайль. Сказки народов севера // «Иностранная литература», 1997: Улитка и розовый куст» – отдельно эскарго и отдельно букет в вазе; «жаба» – допустим, лягушачьи лапки; «суп из колбасной палочки» – кулинарный **челлендж.** (http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&sort=i_grtagging&lang=ru&nodia=1&text=lexform&req=%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B6).

Ни одного случая слова *челлендж* в анализируемом нами значении не зафиксировано. Характерно, что единого понимания того, что такое *челлендж*, в Сети до сих пор нет.

В «Википедии» указано следующее: «Челлендж (англ. challenge) – жанр интернет-роликов, в которых блогер выполняет задание на видеокамеру и размещает его в сети, а затем предлагает повторить это задание своему знакомому или неограниченному кругу пользователей.

Некий интернет-канал Challe.org с 9 подписчиками в 2018 г. попытался описать виды челленджей, имеющие место в современной российской

действительности (https://zen.yandex.ru/media/id/5befde9d7c401c00aa5142e7/chto-takoe-chellendj-perevod-poniatie-vidy
5befe3bc397b4000aa7ade4b?utm_source=serp):

По их определению, челлендж – это:

- задание «на слабо», которое нужно выполнить, чтобы не опозориться («*В русском языке* ***челлендж*** *чаще всего это такое задание, в большинстве случаев сложное, которое нужно выполнить, чтобы не «опозориться», выглядеть крутым, смелым или просто проверить свои силы, получить эмоции, самоутвердиться и т.д.*»);
- вызов совершить неординарные сумасшедшие поступки («*В Ютубе чаще всего под* ***челленджем*** *подразумевается вызов. Например, часто можно наблюдать то, что видеоблогеры бросают вызов друг другу, предлагают совершить неординарные сумасшедшие поступки, приглашают на честное интересное соревнование. Действия при этом развертываются примерно таким образом: участники флешмоба выполняют действия на «слабо»; в обязательном порядке снимают действия на камеру; загружают ролики в интернет, высылают друзьям / родственникам / знакомым / подписчикам – зрителям. Суть заключается в том, чтобы сделать что-то такое, что не каждый смог бы повторить*»);
- невинная игра, в которой от участника/группы участников требуется совершение какого-либо одного действия («*К таким играм относят* ***челленджи*** *чековые, знаковые, саботажные, кодовые, игровые и смешанные, с видео- и фотоотчетами, преследованием и др.*») – ничего не понятно, пояснений нет;
- когда человек сам себе бросает вызов, обещает добиться достижения в чем-либо за определенный срок (заработать определенную сумму за пару недель/на порядок выше, чем обычно; сбросить весь лишний вес за 3 месяца) («*Итак, что значит личный жизненный* ***челлендж****? Это когда человек сам себе бросает вызов, обещает добиться достижения в чем-либо за определенный срок. И это на самом деле очень удобный и эффективный способ избавиться от недостатков, слабостей и многого, что не устраивает в жизни. Например, вы можете обещать себе заработать определенную сумму за пару недель (на порядок выше, чем обычно) либо сбросить весь лишний вес за 3 месяца. И то, что вам не «слабо» было добиться положительного результата, будет вашим личным достижением*»).

Таким образом, под **челленджи** подводятся следующие смыслы:

- вызов «на слабо», который надо выполнить, чтобы не опозориться;
- вызов совершить неординарный, сумасшедший поступок;
- игра, в которой от участника/группы участников требуется совершение какого-либо одного действия, то есть определенное задание;
- вызов человека самому себе с обещанием достичь в чем-то определенного полезного результата к определенному сроку.

Первые два смысла объединяются в одно значение, которое сейчас и наблюдается в большинстве случаев употребления слова *челлендж* в Сети – *побуждение к соревнованию в чем-либо абсурдном, несерьезном.*

Третий смысл при его обозначении словом *челлендж* является *переназванием* обычных *заданий*, но при этом может появиться дополнительный дифференциальный признак – *в условиях соревнования.* Языковой единицы с таким значением в русском языке нет, поэтому можно предположить в таком

случае возможность формирования еще одного нового значения слова *челлендж* в русском языке – *задание в условиях соревнования по его выполнению* (задание-соревнование).

Четвертый смысл является переназванием слова *обещание*, но если приобретает дополнительные признаки – *обещание себе, выполняемое к определенному сроку*, то данный смысл также не имеет специального обозначения в русском языке, и при его обозначении словом *челлендж* можно также в принципе усмотреть образование отдельного нового значения.

Подчеркнем, что слово *челлендж* своей новизной и иностранным происхождением активизировало моду на него, что, как всегда, привело к многочисленным случаям некорректного употребления слова и часто просто спекулятивному использованию слова для придания речи оттенка современности и новизны.

По нашим наблюдениям, спекулятивное употребление слова *челлендж* приобретает особо широкое распространение в подъязыке «деятелей образования», которые им спекулируют как каким-то новым методическим приемом. На самом деле это просто модное, престижное переназвание давно известных видов деятельности.

Например:

«*Мы понимали, что провести линейки в этом году не получится, поэтому появились варианты проведения интернет-активностей: флешмобов,* ***челленджей****, марафонов. Многие школы активно включились в этот процесс. Кто-то, например, выкладывает свои фото в 1-м и 11-м классах, – рассказал руководитель департамента образования, науки и молодежной политики Воронежской области Олег Мосолов*».

Что же предлагается как челлендж?

Челлендж «Школьная эволюция»

Чтобы принять участие:

- опубликуйте пост в Instagram или «ВКонтакте», выложив две фотографии с 1-го класса и 11-го класса в форме с выпускной ленточкой;
- начните пост со слов «Спасибо школе за…», а дальше напишите, каким умениям и навыкам научила школа;
- при публикации используйте хэштеги #ШкольнаяЭволюция36 #рдш36 #хочувворонеж (https://www.vrn.kp.ru/online/news/3879570/)

В чем же здесь *вызов*? Это обычное *творческое задание, проект.* Здесь не в чем соревноваться, надо выполнить задание и получить оценку. Это явление переназвания, тем более, если учащимся такой *челлендж* выполнять надо в обязательном порядке.

А вот слово *челлендж* в значении *побуждение к соревнованию в чем-либо несерьезном* в современном русском языке достаточно быстро осваивается, приобретая собственную сочетаемость. Появились в русском языке словосочетания «автор челленджа», «выполнить челлендж»; очевидно, можно будет сказать – и *принять челлендж* (по аналогии с *принять вызов*) (ср.: Аргументы и факты, Черноземье. – № 22, Май, 2020, с. 8): «*Преподаватель физкультуры Терновской средней школы №1 Тимур Садовский … на видео для учеников рассказал о том, как и сколько нужно заниматься спортом дома, и даже поделился личным опытом: со своей семьей он попробовал выполнить* ***челлендж****, в котором, стоя на руках и оперевшись ногами о стену, нужно*

надеть футболку. Автор ***челленджа*** *– актер Том Холланд, сыгравший «человека-паука»*».

Таким образом, в современном русском интернете (а слово в основном используется в интернет-пространстве) слово *челлендж* употребляется в следующих значениях:

ЧЕЛЛЕНДЖ (англ. challenge «вызов»)

1. Предложение сделать или повторить что-либо необычное, как правило, от нечего делать какой-либо несерьезный или бессмысленный трюк, не имеющий практической пользы, для демонстрации своих способностей, чувства юмора, готовности развлечь публику и «показать себя» в необычном аспекте. *Выполнить челлендж. Автор челленджа. Принять челлендж.*

2. Задание, проект, предполагающие соревнование по их выполнению (задание-соревнование). *Выполнить челлендж. Принять челлендж «История моей семьи».*

3. Самообещание (обязательство) человека сделать что-то полезное для себя или других в определенный промежуток времени, как правило, в соревновании с кем-либо другим, берущим на себя аналогичное обещание. *Челлендж похудеть на 10 кг к Новому году.*

Слово ПОДКАСТ в современном русском языке

В Национальном корпусе русского языка слово ***подкаст*** практически отсутствует. Был обнаружен только один пример его употребления: *В совместном* ***подкасте****, который появится в сети 19 апреля в полночь, ребята следят за тренировкой слушателя и в буквальном смысле сопровождают его на дистанции* [Сергей Шубенков, Ян Гордиенко. Чемпион мира Сергей Шубенков и блогер Ян Гордиенко – о беге, соцсетях и мотивации // Афиша Daily, 2018].

Однако в интернет-текстах данное слово очень популярно: *Изобретательные пользователи интернета придумали новую фишку –* ***подкасты****. Это новая мода, возможность слушать лекции, способ учиться чему-либо.*

Подкасты – это аудиопрограммы, которые можно прослушать онлайн или скачать. Подкасты существуют в очень разных форматах: они могут быть разговорными, музыкальными, документальными или художественными. Подкасты обладают широкой тематикой – от спорта и книг до компьютерных игр и лайфхаков в кулинарии.

Некоторые подкасты представляют собой занимательные интервью со специально приглашенными гостями, а другие похожи на сериалы, где в каждой серии продолжается повествование, начатое в предыдущих эпизодах.

В основном подкасты слушают для саморазвития, чтобы узнавать что-то новое, быть в курсе событий интересующей сферы.

Появление подкастов в том виде, в котором мы их привыкли видеть, произошло в начале 2000-х годов, когда широкую популярность стали приобретать плееры iPod от компании Apple. Еще в 2003 году на них появилось приложение RSS-to-iPod, которое позволяло пользователям устройств следить за новыми аудиопередачами, выходящими на разных каналах. Уже спустя два года подкасты стали настолько популярными, что компания Apple создала для них специальный раздел в одном из своих главных приложений – Tunes. С того

момента количество подкастов начало расти, а вместе с ними и увеличивалось число пользователей подобного контента.

В русском языке слово «подкаст» впервые было использовано в 2004 г., тогда же появился и первый русский подкаст.

Процесс создания подскастов называется ***подкастингом***. Podcasting (калька с английского языка) образовано от двух слов – iPod (портативный медиапроигрыватель от компании Apple) и broadcasting (повсеместное вещание).

Подкастинг – это процесс создания и распространения аудио- и видеофайлов в стиле радио- и телепередач в сети Интернет.

Говоря простыми словами, подкастинг – это вещание в интернете. Сам продукт, который получается в результате подкастинга, и называется подкастом.

Обычная продолжительность подкастов – 30–60 минут, однако можно встретить и короткие подкасты продолжительностью всего 10–15 минут.

Особенности подкастов:

- размещаются на специализированных сайтах, торрентах, радио;
- посвящаются определенной теме;
- имеет функцию подписки;
- публикуются с определенной периодичностью (например, один раз в неделю);
- скачать или прослушать запись можно в любое удобное время;
- информация передается с помощью звука.

Изначально подкасты существовали только в виде аудиофайла, который было можно в любое время послушать на компьютере, телефоне, планшете или плеере. Однако со временем аудиоформат стал дополняться видеоматериалом, который может как соответствовать содержанию аудиофайла, так и быть с ним не связанным (любые изображения, на фоне которых идет повествование).

Если подкаст идет в прямом эфире, а видеофайл демонстрирует участников, то это явление называется ***стримом*** (прямая трансляция видео- или аудиофайлов через интернет).

Таким образом, в настоящий момент ***подкаст*** – это отдельный аудио- или видеофайл, либо серия таких файлов, публикуемых в интернете на определенном сайте с возможностью подписки.

Человек, который занимается подкастингом, называется ***подкастером***. Он записывает свои подкасты и загружает их на ***подкаст-терминал***, то есть сайт, который поддерживает загрузку, хранение и воспроизведение аудио- и видеофайлов, а также имеет функцию подписки на определенного подкастера.

Слово ФЕЙК в современном русском языке

Фейк – это еще одно слово, которое уже прочно вошло в лексикон пользователей интернета, но «узаконено» было лишь в 2020 году:

Лично мне удалось получить визу при том, что четыре справки из восьми были абсолютным ***фейком*** [Саша Грибоедова. Амстердам Trip // «Хулиган», 2004.07.15].

*В первой десятке оказались также слова «токсичный», «баттл» (вспомним рэп-баттлы этого года), «допинг», «криптовалюта», «****фейк****» и «харассмент»* [Ксения Туркова. В объятиях «домоганта». Какие слова стали главными в 2017 году (2017.12.27) // «Сноб», 2017]

*Слово «**фейк**» (фальсификация) в последние 2 – 3 года стало одним из главных слов интернет-пространства и в России, и в других странах* [Ксения Туркова. Слова на экспорт, новый язык и «поддельные фейки» (2018.03.17) // «Сноб», 2018]

*Информация распространяется, и не важно, **фейк** или истинная правда* [коллективный. Поколение Путина. Восемнадцатилетние – о выборах, демократии и «особом» пути страны (2018.03.01) // «Сноб», 2018].

*Фабрикация ложных фальсификаций – это новый уровень **фейка*** [Ксения Туркова. Слова на экспорт, новый язык и «поддельные фейки» (2018.03.17) // «Сноб», 2018].

Слово заимствовано из английского языка – «fake». В дословном переводе оно означает «подделка», «обман», «фальшивка», «имитация». Слово родственно словам «фикция», «фиктивный», то есть «поддельный», «лживый». Синонимом слова ***фейк*** может служить слово ***фальсификация*** (подделывание чего-либо с целью обмана).

Таким образом, ***фейк*** – намеренно ложная информация, опубликованная в интернете с целью ввести в заблуждение читателей, например: поддельные фотографии и видео в сети; недостоверные и неактуальные новостные сюжеты; «липовые» страницы, которые не принадлежат реальным пользователям и др.

Иногда фейки бывают сделаны настолько умело, что заставляют большинство людей поверить в них. Это могут быть очень качественно обработанные в фоторедакторах изображения, талантливо написанные тексты. Так, примером хорошего исторического фотофейка можно назвать «фотографии фей», опубликованные в начале XX века.

Цели создания фейка бывают разными: намеренная дезинформация пользователей о каких-либо фактах событиях для так называемого хайпа – привлечения внимания в целях зарабатывания денег; формирование у потребителя информации определенного взгляда на вещи; проведение мошеннических и жульнических операций; открытое оскорбление определенных лиц; агитация; троллинг (чаще всего в таких случаях фейк создается для развлечения и самоутверждения путем участия в спорах, дискуссиях); реклама определенного продукта или обход лимитов для спама (ведь в большинстве социальных сетей действуют ограничения на добавление друзей и рассылку писем); желание сохранить анонимность и конфиденциальность, не «светить» личной информацией; личные мотивы (например, желание закомплексованного пользователя иметь двойника, который отличается другим имиджем) и др.

В каждой из этих ситуаций *фейк* имеет негативный оттенок, поэтому коннотативная оценка слова – негативная.

Многие англицизмы русский язык прекрасно и быстро адаптирует под себя при помощи собственной морфологической системы и словообразования: *апгрейдить, флешка, заюзать, законнектиться, погуглить, мониторить, фанатеть* и др., быстро превращая их в «свои».

Некоторые английские слова, попав в русский язык, в русской речевой практике приобретают новые значения, которых нет в английском: менеджер – вообще *сотрудник среднего звена*; акция – *скидка, уценка* и под.

Таким образом, можно сказать, что английские заимствования в русском языке чувствуют себя вполне уверенно и оставляют свой след, как и

заимствования из других языков. Просто в данный момент их больше и они больше заметны. Заимствования способствуют расширению словесных ресурсов, развитию семантики, интеллектуализации языка (увеличивается количество понятий), лаконизму речи. Они хорошо осваиваются русским языком и становятся полноправными членами его лексической системы.

Что же касается стилистического аспекта, уместности употребления заимствований в конкретных коммуникативных ситуациях, в конкретных текстах – это вопрос культуры речи носителя языка.

2.2. Стилистические изменения в лексике

2.2.1. Стилистическая характеристика слова в языковом сознании носителей языка

Стилистическая характеристика слова является важнейшей функциональной характеристикой лексической единицы. Знание стилистических свойств слова влияет на культуру речи носителя языка.

Двадцатилетний опыт работы воронежской телефонной «Службы русского языка» и проведения в прямом эфире радиопередачи «Территория слова» на ГТРК «Воронеж» однозначно свидетельствуют о том, что многие ошибки в словоупотреблении в значительной степени связаны с незнанием носителями языка стилистической характеристики слова. О том же говорит и проведенный нами анализ языкового сознания воронежцев (Языковое сознание 2010).

Как мы уже неоднократно отмечали, имеющиеся в современной лексикологии и стилистике научные классификации слишком сложны, подчас противоречивы и в своей основе малопонятны обыденному языковому сознанию (Стернин 2004; 2005; 2006; 2007, 2010; 2011). На наш взгляд, практическая работа по формированию культуры речи носителей языка будет иметь успех только при использовании более простой, интуитивно понятной рядовому носителю языка стилистической классификации лексики. Полагаем, что такая классификация может быть упрощена с учетом реальных стилистических дифференциаций, доступных обыденному языковому сознанию.

Определим ключевые понятия лексической стилистики так, как мы объясняем их носителям языка, отвечая на их вопросы об употреблении того или иного слова или выражения – максимально кратко и просто.

Существует три основных разновидности лексики – *литературная, разговорная* и *сниженная*.

Литературная лексика – это «культурная лексика», такая, которая может быть использована в любой ситуации общения, как в устной, так и в письменной речи.

Разговорная лексика – лексика, предназначенная для употребления преимущественно в устной непринужденной речи, в общении между знакомыми людьми. Разговорная лексика не используется в официальной речи, ее употребление нежелательно в средствах массовой информации и в целом в письменной речи. Любое ее сознательное употребление в названных сферах носит намеренный, экспрессивный характер и должно быть мотивировано особыми коммуникативными условиями, коммуникативной ситуацией, должно быть «заключено в кавычки».

Сниженная лексика не соответствует нормам культурной (письменной и устной) речи. Она допустима в ограниченных ситуациях употребления. В эту группу слов входит *фамильярная, жаргонная, сленговая, вульгарная, бранная и нецензурная* лексика. Употребление сниженных слов рассматривается в обществе как явление, негативно характеризующее говорящего, а часто и как оскорбляющее собеседника. Согласно общественному мнению, сниженная лексика допустима к использованию только в строго ограниченных коммуникативных ситуациях; нецензурная же лексика полностью исключена из *публичного у*потребления.

Объяснение правил употребления той или иной лексической единицы с использованием этих трех категорий (*литературное, разговорное, сниженное*) обычно понятно носителям языка, не вызывает дальнейших вопросов. При этом содержание категорий *литературное, разговорное* и *ненормативное* поясняется нами в опоре на ситуацию употребления соответствующих единиц:

– литературное: «можно употреблять в любой ситуации, в письменной и устной речи»;

– разговорное: «можно употреблять только в неформальном разговоре со своими»;

– сниженное: «можно употреблять только в узком кругу», а нецензурные слова – «если уж очень хочется, то только себе под нос, в отсутствие собеседника».

Нами была выдвинута гипотеза, что рядовой носитель языка будет способен с достаточной уверенностью опознать данные стилистические категории в предъявляемом ему списке современных русских слов, если эти три стилистические категории будут пояснены как имеющие указанные ситуативные условия употребления.

Данная гипотеза была проверена в ходе лингвистического интервьюирования. Испытуемым предлагалось ответить на вопросы следующей анкеты:

«Просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы исследуем, как понимают носители русского языка особенности употребления разных типов слов.

Просим Вас распределить приведенные ниже слова по трем группам:

1. Их можно употреблять в любой ситуации, в письменной и устной речи.

2. Их можно употреблять только в неформальном разговоре со своими.

3. Их можно употреблять только себе под нос, в отсутствие собеседника.

Отметьте крестиком в соответствующей колонке, как вы оцениваете то или иное слово.

Руководствуйтесь своим понимаем того, в каких ситуациях можно употреблять каждое слово. Все ваши ответы будут правильными.

Просим прощения за то, что в список включены некоторые грубые слова, но это тоже является предметом нашего исследования.

Если слово имеет несколько значений – оцените самое употребительное, с вашей точки зрения».

Опросный лист имел следующий вид:

Слово	Можно употреблять в любой ситуации, в	Можно употреблять только	Можно употреблять только

	письменной и устной речи	в неформальном разговоре со своими	себе под нос, в отсутствие собеседника
акция			
алкаш			
баба			
баксы			
барахло			
бедокурить			
бездарь и т.д.			

Формируя опросный лист, исследователь исходил из предположения, что данные три ситуации употребления слова примерно соответствуют в обыденном языковом сознании понятиям литературной, разговорной и сниженной лексики.

Эксперимент был проведен со следующими словами: *акция, алкаш, баба, баксы, барахло, бедокурить, безалаберный, бездарь, бесстыжий, блажить, блевать, блин, бомж, бояться, бухать, валандаться, ввергнуть, вдохновить, ведомство, власть, влипнуть, втемяшиться, вызывать, галдеть, галиматья, генетика, главарь, гляделки, говнюк, говорить, гонение, горнило, грядущий, дальновидный, демократия, депутат, диктатура, доблесть, договор, достать кого-либо, достояние, дума, дурень, елозить, ехать, жопа, жрать, журить, зариться, заплатить, засранец, зачинщик, изобиловать, индифферентный, инсинуация, инструкция, истец, исчислить, кайф, кара, клонировать, колечко, колошматить, конституция, кресло, крутой, лебезить, многотрудный, морочить, морковка, наварить, нагрел, надлежит, надул, наезжать (на кого-либо), напрягаться, напряженка, начёт, недуг, немощный, нижеподписавшийся, обделался, оболванивание, общение, общество, окно, ответчик, отечество, отстегивать, партия, подвижник, получка, попса, порнуха, пособник, президент, приказ, просрать, простить, протокол, разборка, читать, чесать, фуфло, фонендоскоп, удостоверить, распоряжаться, трахаться, трактор, террорист, справка, солнце, случай, шлепнуться.*

Результаты эксперимента представлены в статье (Стернин 2011, с. 104–117).

Испытуемые в целом без особого труда разделили предъявленные лексические единицы на три предложенные группы, что свидетельствует о том, что данные стилистические характеристики являются принадлежностью реального языкового сознания носителей языка.

Предложенная нами выше стилистическая классификация лексики, включающая три стилистических типа, может быть детализирована следующим образом:

Литературная	**Разговорная**	**Сниженная**					
ехать, окно,	картошка,	**Фамильярная**	**Сленг**	**Жаргон**	**Вульгарная**	**Бранная**	**Нецензурная**

читать, жить, большой, горячо, включить, искусство и др.	электричка, влипнуть, табуретка, бездельник и др.	батя, тряпки, шмотки, малый, короче, типа, земляк, старина, пивасик, вискарь, тачка и др.	разборка, наезжать, зажигать, беспредел и др.	кент, шпора, клава, комп, пушка и др.	харя, рожа, пузо, жопа, срать, ссать, сиськи и др.	сволочь, подлец, дрянь, ублюдок, дерьмо, говно, урод, тварь и др.	4 слова и их произ-водные

Представляется, что в опоре на реальное языковое сознание носителей языка можно сократить количество стилистических помет в толковых словарях, предназначенных для широкого использования, а также унифицировать эти пометы. К примеру, стилистическая характеристика слова может быть уложена в разряды *литературное, разговорное, сниженное, нецензурное.* Такая классификация соответствует реальности обыденного языкового сознания носителя языка.

Разумеется, функционально-стилистические компоненты могут быть разными у разных значений одного и того же слова. Кроме того, таких компонентов может быть актуализовано несколько в одном употреблении, поскольку они характеризуют денотат слова и ситуацию общения по разным основаниям. И наконец, их конкретная актуализация во многом определяется контекстом, коммуникативной ситуацией. Однако это не отменяет необходимости лексикографической фиксации функционально-стилистических компонентов значений слов с ориентацией на обыденное языковое сознание.

2.2.2. Формирование сленга как стилистического пласта лексики

В настоящее время есть все основания говорить о взрывном появлении большого количества сленговых слов и фразеологизмов в русском языке и, в этой связи, формировании *русского общенародного сленга.*

Под *сленгом* понимается *общенародный жаргон*, то есть *совокупность общеизвестных лексических и фразеологических единиц, носящих сниженный стилистический характер и обладающих экспрессивностью.*

Важной чертой сленга является то, что сниженный характер образующих его единиц отчетливо осознается говорящими, что побуждает их задумываться о том, можно ли то или иное слово употребить. Однако осознается также и экспрессивность, образность, выразительность этих единиц, что вызывает желание их использовать в речи.

Несмотря на явные жаргонные признаки (сниженность, экспрессивность), такие слова и фразеологизмы невозможно отнести к какому-либо одному жаргону – возрастному, социальному, профессиональному и т.д. Они общеизвестны, общеупотребительны (или хотя бы понимаются всеми) и в силу этого образуют *общенародный жаргон,* или *сленг*.

Помимо термина *сленг*, данное явление обозначается в науке терминами *интержаргон* и *общий жаргон* (Ермакова и др., 1999). На наш взгляд, они менее удачны.

Дискуссионным является вопрос о времени появления сленга в русском языке. Нельзя сказать, что до 90-х гг. в русском языке не было сленговых единиц. Они были, но их относили к отдельным жаргонам, к просторечию, сниженной лексике, иногда к вульгаризмам. Самостоятельного функционально-семантического пласта эти лексические и фразеологические единицы не составляли. Это было связано с их малочастотностью и табуированностью употребления в большинстве коммуникативных ситуаций (даже в разговорной речи, не говоря уже о языке радио, кино, телевидения, художественной литературы). Сейчас практически все прошлые ограничения сняты, и сленговые лексемы и фразеологизмы начали активно использоваться и, как следствие, консолидироваться в особый лексический пласт.

Активное «оформление» сленга в русском языке связано также и с действием других факторов. Так, сленг интенсивно «осваивает» и «присваивает» единицы молодежного и уголовного жаргонов, которые в современном обществе заметно активизировались. Благодаря молодежи, в том числе молодым журналистам, жаргонизмы чаще стали звучать с экранов телевидения, в радиоэфире, появляться в прессе.

Подчеркнем, что публичное использование жаргонизмов и сниженной лексики не обязательно автоматически переводит эти единицы в разряд сленговых, но является первым и важным шагом к этому, поскольку делает жаргонизм общеизвестным и общепонятным, в ряде случаев – модным, а сниженное слово – привычным для расширенной сферы употребления.

Одним из источников формирования сленга, помимо жаргонов, является экспрессивное просторечие, которое в силу объективных причин – социально-экономических трудностей значительных слоев российского населения, растущей социальной дифференциации общества, роста социальной напряженности – активизировалось в коммуникативной практике заметной части российского общества. Эти «старые» экспрессивно-просторечные и отчасти вульгарные единицы, сниженные лексемы стали более употребительными, начали часто появляться в средствах массовой коммуникации, и вместе с молодежным и уголовным жаргонами пополняют состав сленга.

Какие же единицы на современном этапе развития русского языка могут быть отнесены к сленговым? Представляется, что с определенной долей уверенности к таковым можно отнести, например, следующие:

бардак – беспорядок; *баксы* – доллары; *бодун* – похмелье; *бухать, врезать* – пить; *завал* – трудное положение; *задолбать* кого-либо – замучать своими приставаниями; *залететь* – попасть неожиданно в трудное или щекотливое положение; *крутой* – выделяющийся чем-либо в положительную сторону; *клеить* кого-либо – ухаживать за кем-либо, пытаться добиться расположения; *колоться* – употреблять наркотики; *мент* – милиционер; *оттягиваться* – отдыхать, наслаждаясь, расслабляться; *попса* – поп-музыка; *порнуха* – порнофильм, порножурнал; *слупить* – взять лишние деньги с кого-либо; *совок* – Советский Союз, все, типичное для периода СССР (пренебр.); *трубить* – долго работать на одном месте, предприятии; *тусовка* – сборище «своих»; *хата* – квартира, где можно встретиться; *алкаш* – пьяница, алкоголик; *отстегивать* – давать деньги кому-либо на что-либо; *достать* кого-либо – надоесть своими претензиями, приставаниями, вопросами; *расколоть* кого-либо на что-либо –

заставить купить что-либо; *разборка* – выяснение отношений, скандал, драка; *трахаться* – совершать половой акт с кем-либо; *наезжать* – приставать, требовать; *пофигизм* – наплевательское отношение, полное безразличие к чему-либо, чаще – к общественным интересам; *расклад* – положение дел, ситуация; *пушка* – пистолет, огнестрельное оружие; *тормоз* – человек, который медленно соображает и этим затрудняет деятельность других; *хряпнуть*, *тяпнуть*, *клюкнуть* – выпить (об алкоголе); *напряженка* – ситуация дефицита, нехватки чего-либо; *наварить* – заработать, получить прибыль в результате какой-либо сделки; *шнобель* – большой, обычно уродливый нос; *кайф* – удовольствие, приятное времяпрепровождение; *заколебать* кого-либо – надоесть своими приставаниями и др.

В качестве примеров сленговой фразеологии можно привести:

дохлый номер; козе понятно; на халяву; не тянуть на кого-либо или что-либо; раскатать губу; с прибабахом; чисто трактором; до лампочки; вешать лапшу на уши; мозги компостировать кому-либо; по жизни; капать на мозги; шарить по мозгам; дать по мозгам; выкинуть финт; в упор не видеть кого-либо; ноги приделать; держать стиль; крыша поехала; ушами хлопать; до потери пульса; в жилу; один к одному; подсесть на кого-то/что-то и др.

Многочисленные примеры современных сленговых единиц можно найти в «Толковом словаре общего русского жаргона» (Ермакова и др., 1999).

Необходимо отметить, что формирование сленга в русском языке имеет не только экстралингвистические причины, о которых шла речь выше, но и в ряде случаев внутриязыковые, обусловленные самой системой русского языка.

Появление сленговой единицы может быть мотивировано отсутствием в языке общеупотребительной лексемы для обозначения какого-либо коммуникативно значимого понятия или предмета. При этом в языке может существовать узкоспециальное либо, напротив, грубое или вульгарное обозначение данного денотата. Номинативные потребности системы требуют, чтобы в языке была и единица более широкого функционального спектра, в связи с чем появляется сленгизм. Например, к такого типа случаям можно отнести сленговый глагол *трахаться* в значении «совершать половой акт с кем-либо». В русском языке нет общеупотребительной цензурной лексемы с этим значением. Есть, с одной стороны, эвфемизмы «спать с кем-либо» и «переспать с кем-либо» (первый подчеркивает длительность отношений, а второй – одноразовость), а с другой стороны – грубые, непристойные лексемы. Образование сленговой номинации, таким образом, заполняет имеющуюся функционально-стилистическую нишу, стилистическую лакуну в русском языке, отчасти нейтрализуя существующие сниженные обозначения предмета или явления. И наоборот: возникновение сленговой лексемы может быть обусловлено отсутствием в системе языка экспрессивной единицы для наименования того или иного денотата при наличии межстилевого обозначения. Например, такую лакуну заполняет сленговая лексема *оттянуться* (ср. *отдохнуть*); к этой категории можно отнести также такие единицы, как *хряпнуть*, *тяпнуть*, *мент* и др.

Появление сленговой единицы может быть вызвано, наконец, тем, что в языке не назван тот или иной концепт. Если концепт становится предметом обсуждения в обществе, можно говорить о формировании его коммуникативной релевантности, а значит – о потребности в его наименовании. Нередко такой

номинацией становится именно сленговое слово, в том числе в силу его краткости. И если в предыдущих случаях речь шла о заполнении сленгизмами стилистических лакун, здесь мы имеем дело с лакунами лексическими. В качестве примеров можем привести такие сленговые единицы, как *совок, тормоз, крутой, залететь, хата, шестерка* и др.

Важнейшими диагностическим признаками сленговой лексемы являются отчетливое ощущение носителями языка ее жаргонного, экспрессивного характера, а также общеизвестность.

Косвенным подтверждением общеизвестности сленговой лексемы можно считать употребление этой лексемы в средствах массовой информации без кавычек, пояснений или комментариев. Например: «После стольких женщин становишься мудрее *по жизни»* («Аргументы и факты»); «...*пофигистски* настроенная молодежь» («Сегодня»); «Тянуло *оттянуться, тусовались* от души» («Независимая газета»); «Публика уже плохо воспринимала его *наезды»* («Независимая газета»); «Взяточник на свидетеля наверняка *наедет»* («Литературная газета»); «Авария, дочь *мента»* (название художественного фильма) и т.д.

В иерархии функционально-стилистических пластов лексики сленг занимает место ниже разговорной лексики, но выше лексики просторечной, жаргонной, диалектной. Таким образом, он выступает как промежуточное звено между общеупотребительной разговорной лексикой и сниженной лексикой ограниченного употребления. При этом сленг остается в разряде сниженной лексики. В отличие от разговорной лексики, сленг, видимо, более подвижен по лексическому составу, так как образующие его единицы, как единицы любого жаргона, должны сохранять экспрессивную новизну. Утрата такой новизны, а также экспрессивности будет вести к переходу сленговой единицы в разряд разговорных. В то же время сленг может пополняться за счет возрастных, социальных, профессиональных жаргонов, что будет вести к его постоянному обновлению. Сленговые единицы могут, в свою очередь, переходить в разряд разговорных, то есть участвовать в процессе коллоквиализации лексики – так, вероятно, фактически уже стали разговорными такие сленгизмы, как *крутой, расклад, попса, тачка, мент* и др. В настоящий момент русский сленг находится в стадии своего формирования (Стернин 2004, с. 8–9).

2.2.3. Формирование фамильярной лексики как стилистического пласта

Фамильярная лексика общеизвестна, не имеет группового характера, при этом, в отличие от сленга и жаргона, в целом неэкспрессивна, чем сближается с лексикой разговорной.

Фамильярные слова существует в русском языке давно, однако в течение долгого времени они не составляли отдельного стилистического пласта и имели ограниченное распространение. Фамильярный стиль общения осуждался в обществе, и фамильярная лексика использовалась преимущественно в устной речи хорошо знакомых друг с другом людей – как сигнал непринужденности и раскованности коммуникации.

Семантические группы фамильярных лексических единиц были немногочисленны. Относительно большая группа – обращения к незнакомым

людям: *отец, мать, бабуля, старик, друг, земляк, земеля, братан* и под., а также обращения к знакомым по отчеству – *Михалыч, Петрович, Сергевна, Димон, Серый, Вован, Колян* и др. Были и отдельные, не относящиеся ни к одной из семантических групп, общеизвестные фамильярные номинативные единицы – *тряпки, шмотки* (одежда), *батя* (об отце), *барахло* (вещи, багаж), *диссер* (диссертация) и под.

В настоящее время фамильярная лексика формируется в самостоятельный стилистический пласт слов, предполагающих фамильярность как цель употребления. Появление таких слов в речи призвано создать обстановку непринужденности и простоты, формировать стиль общения, в котором осуществляется принудительное уравнение статуса собеседников. Как правило, употреблением этих слов демонстрируется пренебрежение принятыми формальными правилами общения, намеренное снижение регистра общения.

Число семантических групп, в которые объединяется фамильярная лексика сегодня, заметно возросло. Это уже не только обращения к человеку, но и многочисленные фамильярные названия предметов, явлений, действий. Среди активно использующихся фамильярных лексических единиц назовем следующие: *малый, деваха, короче, типа, старина, наберу, пивасик, вискарь, тачка, пузырь, водяра, закусь, закусон, покупан, продаван, футбик, жига, норм, басик, чел, тачила, голуба, братан, старик, старина, батяня, пацан, жрачка, хавчик, шевелись, водила, болела, мобила, газон (автомобиль ГАЗ), жигуль, зилок (автомобиль ЗИЛ), мерс, червонец, толчок, трояк, племяш, родич, фотка, шевелись, днюха, накрыть поляну и др.*

Активное использование фамильярной лексики в русском языке последнего десятилетия обусловлено общим усилением значимости устной речи (не случайно одним из способов образования фамильярных слов является усечение основы, свойственное именно устному словоупотреблению: *норм, чел, реф и под.*). Нарастание значимости фамильярных слов является одним из проявлений процесса демократизации языка и является составляющей процесса фамильяризации общения (подробнее об этом см. ниже, в Главе 4).

2.2.4. Тенденции развития стилистических парадигм русского языка

Тенденции изменения стилистических парадигм русского языка могут быть рассмотрены на материале русской субстантивной лексики. Анализ словарных помет толковых словарей русского языка в диахроническом аспекте позволяет выделить несколько значимых стилистических процессов.

Наиболее ярким из них является процесс *коллоквиализации*, то есть перехода единиц более низких стилистических пластов в разговорные. Как разговорная все чаще выступает в речи просторечная лексика, существенно расширяя сферу своего функционирования. Анализ словарей показывает, что утратили пометы *просторечное* и приобрели помету *разговорное* следующие слова и фразеосочетания:

бобик, глазищи, дуралей, дурачина, дубье, дурень, дурачье, драндулет, ехидна, заяц, идиот, колдобина, мелкая сошка, набитый дурак, орава, рева, браслетка, бабник, бабка, баранка, баланда, баламут, безотцовщина, бахвал, вруша, голытьба, голяшка, гулена, гроши, дока, доставала, дохлятина, дрянь, женка,

животина, жук, жох, жучок, зверюга, задавака, задавала, закусон, закусь, заводила, задница, зубоскал, космы, коновод, котелок, квиток, крикуха, крикуша, кура, киношник, копун, кус, краюха, квочка, кино, лоботряс, лохмы, латка, лапа, мастак, мураш, мурашка, малец, малолеток, малышня, недотепа, наколка, одежка, перхота, подштанники, пацан, побирушка, подлипала, пройда, прохиндей, папка, пятерня, племяш, племяшка, простяга, простяк, простота, поросенок, рот, разносолы, родич, ребятня, стряпка, столовка, свинья, страшила, торба, трудяга, технарь, трешка, трешник, трояк, телик, умывалка, фотка, хлюст, хлопец, хлопчик, хохмач, хапуга, хребет, хохол, численник, чушка, читалка, чудик, чистоган, шатун, штуковина, шельма.

Проявлением названного выше стилистического процесса в современном русском языке является переход жаргонной лексики в разговорную. Жаргонизмы выходят за пределы социального, возрастного и др. жаргонов, существенно расширяя сферу своего функционирования. Так, фактически разговорными единицами стали слова солдатского жаргона: *дембель, дедовщина;* милицейские жаргонизмы: *бомж, опер, убойный отдел;* уголовные жаргонизмы*: шестерка, стукач.*

Другой стилистический процесс – утрата словами стилистического компонента «книжное» и – как следствие – пополнение разряда межстилевой лексики.

Процесс утраты целым рядом лексических единиц функционально-стилистического компонента *книжное* в системе анализируемой нами субстантивной лексики не носит масштабного характера. Количество слов, иллюстрирующих данную тенденцию, невелико. В современных толковых словарях как утратившие помету *книжное* и ставшие *межстилевыми* обозначены следующие слова:

апологет, анналы, антагонист, мессия, пария, сомнамбула, фекалии, фолиант.

Также пополнение межстилевой лексики идет за счет разговорных лексических единиц, приобретающих стилистический компонент *межстилевое*. Под обозначенную тенденцию подпадают лексемы:

ватник, гнилье, гуляка, горняк, дурак, злюка, искусник, очковтиратель, оригинал, посредственность, половник, пустослов, расческа, спиртное, скотина, специалист, счастливчик, бездельник, рыболов, ветреник, белоручка, медик, мама, босс, беловик, гребешок, еда, книжка, колючка, лавка, лавочка, пластинка, попадья, столетник, старики, топчан, ябедник.

Как основную стилистическую тенденцию современного русского языка, на наш взгляд, можно выделить существенное расширение сферы функционирования сниженной лексики. Этот процесс находит свое отражение в том, что межстилевые единицы демонстрируют тенденцию к приобретению прежде всего стилистически сниженных синонимов; стилистические неологизмы возникают, в основном, в разговорном, просторечном и жаргонном пластах лексики.

На базе изложенного выше можно предложить следующую классификацию современной русской лексики по сфере употребления:

<table>
<tr><td colspan="8">По употребимости в устной и письменной речи</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Литературная

ехать, окно, читать, жить, большой и др.</td><td rowspan="2">Разговорная

картошка, электричка, влипнуть, табуретка, бездельник и др.</td><td colspan="6">Сниженная</td></tr>
<tr><td>Фамильярная
батя, тряпки шмотки, земляк, старина и др.</td><td>Сленг

разборка, наезжать, зажигать, беспредел</td><td>Жаргон

кент, шпора клава, комп, пушка и др.</td><td>Вульгарная
харя, рожа, пузо, жопа, сиськи и др.</td><td>Бранная
сволочь, подлец, дрянь, кретин, тварь и др.</td><td>Нецензурная
4 слова и их производные</td></tr>
<tr><td colspan="8">По формируемому коммуникативному стилю</td></tr>
<tr><td colspan="2">Формальный стиль общения</td><td colspan="6">Неформальный стиль общения</td></tr>
<tr><td colspan="8">По допустимости в общественном месте</td></tr>
<tr><td colspan="2">Приличная
(допустимо использование в общественном месте)</td><td colspan="4">Некультурная
(неуместна, не рекомендуется к использованию в общественном месте)</td><td colspan="2">Неприличная
(полностью запрещено ее использование в общественном месте)</td></tr>
</table>

2.3. Новые русские слова

Конец XX – начало XXI века характеризуется интенсивным пополнением словарного состава не только за счет внешних и внутренних заимствований, но и за счет активных словообразовательных процессов. Новые лексические единицы формируются в подавляющем своем большинстве в тех же тематических сферах, в которых осуществляется заимствование, что свидетельствует о единых причинах этих двух явлений в современном русском языке.

Будучи тесно связанным с номинацией, словообразование, образно говоря, выполняет «социальный заказ» на определенные типы наименований. Как отмечает Е.В. Сенько (Сенько 2018, с. 10), словообразовательный механизм используется в различных целях:

– создает новые слова для наименования новых реалий, видов деятельности (*мобильник, отпариватель, блогер, логистик, пиарщик*);

– изменяет структуру речи, производя новые слова, осуществляющие компрессию пропозиции, так называемые синтаксические дериваты (*кризисность* – состояние кризиса, *зарплатизация* – превращение доходов в зарплату, *самоизоляция* – изоляция в собственном жилье в целях ограничения распространения вируса, *обнуление* – приведение к исходному состоянию чего-либо; ликвидация достигнутых результатов);

– служит фактором появления нового слова путем сокращения имеющихся номинативных единиц (ЗОЖ – здоровый образ жизни; ИГИЛ — исламское государство Ирака и Леванта);

– создает новые производные слова для выражения субъективного / оценочного отношения говорящего к тому, что именуется (*собянинщина, заказуха, дебильчик, толерантненько вашингтонщина, песковщина, разводняк на деньги, майданутые, послабуха, журналюги, националюги, путиноиды*).

Назовем те тенденции и способы образования новых единиц, которые представляются нам наиболее активными в настоящий период.

Отличительной чертой современного русского словообразования исследователи назвали в конце XX века рост именной префиксации (Земская 1996). Это явление остается актуальным и в нынешний период. Так, отмечается активность размерно-оценочных суффиксов *мега-*, *супер-*, *гипер-* и под.:

супер- *супервыборы, суперлекарство, суперотель, суперуниверситет, суперпоезд, суперпрезиденсткое, суперкампания, суперпроект* и т.д.

мега- *мегановости, мегафорум, мегаграффити, мегапартия, мегасделка, мегаолигарх, мега-пафосный, мега-амбициозный* и т.д.

гипер- *гиперсуексуально, гиперлюди, гиперответственность, гиперхудоба* и т.п.

Достижения научно-технического прогресса способствовали активизации такой препозитивной части, как **нано-** (равный миллиардной доле исходной единицы измерения), которая квалифицируется то как корневая, то как префиксальная, то как префиксоид (Рацибурская 2015, с. 6). Интересно, как реагируют на часть *нано-* носители языка: «Все только и говорят про нано-что-то-там, и мне хочется поучаствовать в общем веселье. Но я ничего не понимаю в спорах о том, существуют ли *нанотехнологии* и сколько денег отмывается на подобных проектах. Не могу внести свой вклад в наноскандалы и разоблачение *нанодельцов*. Не способен даже гнать *нанопургу* про *нанобудущее.* (Все эти слова с приставкой «нано» мною не выдуманы, а взяты из Интернета) <…> И все-таки для гуманитариев найдется своя ниша во всей этой *нановакханалии* – ведь, к счастью для нас, слово «нано» давно живет своей интересной жизнью, никак не связанной с физическими исследованиями. Сегодня «нано» – передний край словообразования <…>. Похоже, эту приставку можно присоединить к любому слову – и будет толк» (Русский репортер, 22–29.05.2008).

В числе популярных префиксоидов также ***евро-*** (*евроремонт, еврозона, евромода, евроскептики, европаника, евродоговорщики*); **теле-** (*телебалет, теледебаты, телелегенда, телемагнат, теледетище*); **медиа-** (*медиа-магнат, медиа-бизнес, медиа-война, медиа-ресурсы, медиафигура*); **эко-** (*экопродукты, экоземледелие, экофермер, экопоселение, экоподворье, эко-обувь, экотуризм*); **арт-** в значении «относящийся к артистам, к искусству, к произведениям искусства, художественный» (*арт-студия, арт-дизайн, артпроект, арт-туризм, арт-тур, арт-десант, артхаус*) и другие.

Наряду с префиксоидами в активе образования новых слов остаются иностранные форманты, выполняющие роль суффиксоидов: –**абельн** (англ.able), **-голик, –ман, –ман(ия), (авто)мат, –фил(ия), –фоб(ия)**: *дискутабельный, играбельный* (комп.), *инкурабельный* (мед.), *кликабельный* (комп.), *публикабельный, смотрибельный, читабельный; шопоголик, карбоголик, наркоголик, сетеголик; гаджетоман, лекарствомания, барбимания, рейтингомания; инфомат, молокомат, фломат; американофилия, диктаторофилия, компьютерофоб, мигрантофобия, путинофобия, американофобия* и другие.

Характерной особенностью медийного словотворчества является сочетание иноязычных префиксов со сниженными производящими словами (основами), привлечение в качестве основ аббревиатур: *псевдогазетенка, экс-зек, экс-мент, антиэсэнгэшные, СБУшники, энтэвэшная студия* и под.

Заметным процессом продолжает оставаться адаптация заимствованных корней/основ к словообразовательной системе русского языка: *апгрейдить, пиарщик, пиарить, презентовать, франчайзинговый, крафтовый, офшорный, спонсорский, спонсорство, прессинговать, залогиниться, юзать, юзер, затюнингованный, зумиться, артовый, поститься, фитнесист, фэшионист, спойлерить, ретвитнуть* и т.д.

Актуальными являются отмеченные В.Г. Костомаровым в конце века (Костомаров 1994, с. 203) составные наименования (биномины), образованные путем калькирования английских образцов с препозиционной постановкой несогласованного определения: *бизнес-клуб, мастер-класс, офис-менеджер, дебют-альбом, пресс-релиз, ток-шоу, экспресс-опрос* и др. Мы отмечали ранее как наиболее частотные элементы в подобных составных наименованиях компоненты *рок-, бизнес-, поп-, пресс-, рок-*, *экспресс-* (Стернин 2004). Можно пополнить этот список корнями: ***интернет-*** (*интернет-музей, интернет-кафе, интернет-автобус, интернет-системы, интерент-планы, интернет-пожертвования*); **секс-** (*секс-отдых, секс-тур, секс-скандал, секс-стимулятор*); **онлайн-** (*онлайн-приемная, онлайн-консультация, онлайн-магазин, онлайн-игра*); **топ-** (*топ-артисты, топ-музыка, топ-модель, топ-чиновник, топ-менеджер, топ-сайт, топ-фильмы*) и др.

Активно образуются слова с помощью способа усечения. Он не является новым (ср.: *лаб, зав, маг*), но в предшествующий период не был столь востребованным, как в последние два десятилетия: *комп, бутер, док, универ, диссер, лого* (логотип), *фест* (фестиваль), *чемп* (чемпионат), *азер* (азербайджанец), *губер* (губернатор), *бух* (бухгалтер), *фан* (фанат) и др. Разновидностью подобных слов являются новообразования от усеченных основ с суффиксами и/или окончаниями: *абитура* – абитуриенты, *варики* – варианты, *телаки* – телохранители, *сижки* – сигареты, *жига* – зажигалка, *басик* – бассейн, *футбик* – футболист, *доки* – документы, *проги* – программы, *выхи* – выходные, *инфа* –информация и другие.

«Усеченные» слова активно распространяются в речевой практике по нескольким причинам: они возникают под влиянием моды на заимствования, профессиональные жаргоны; популярности интернет-коммуникации; их форма удовлетворяет потребность языка в экономии средств выражения. Естественно, что подобные образования пополняют прежде всего жаргон, устную разговорную речь.

Сохраняется отмеченный исследователями (Земская 1996) рост личностного начала в современном словообразовании, который проявляется в деривационной активности суффиксов –ец, –(н)ик, –щик(-чик), –ист, –тель, –ант, образующих наименования лиц от новых слов, собственных имен и словосочетаний: *евромайдановцы, путинцы, стобалльники, ролевик, сетевик, трамписты, граффитисты, награжданты*.

Возрастает продуктивность универбации – свёртывания двусловных наименований, в результате которого с помощью суффикса образуется одно слово – существительное на базе словосочетания прилагательное + существительное : *социалка* – социальное обеспечение, *служебка* – служебная записка, *электронка* – электронная почта, *гуманитарка* – гуманитарная помощь, *шенгенка* – шенгенская виза, *виртуалка* – виртуальная реальность, *курсовик/курсач* – курсовая работа, *научник* – научный руководитель, *кредитка*

– кредитная карта, *условка* – условный срок, *санкционка* – санкционные продукты, *настолка* – настольная игра, *дистанционка, удаленка* – форма занятости, при которой работодатель и наёмный работник находятся на значительном расстоянии и др.

В словообразовании, как видим, находят свое отражение две ярких тенденции современного развития языка: влияние заимствований и демократизация. Проявлением демократического начала в словотворчестве становится активное вовлечение в деривационные процессы стилистически сниженной лексики и сниженно-маркированных словообразовательных средств, а также деривационных моделей, характерных для разговорной речи.

Как и в предшествующий период (Земская 1996), наблюдается активное словообразование от ключевых для сегодняшнего этапа общественной жизни слов – в нынешний момент это, в частности, *ковид – ковидный, ковидница; дистант, дистантный, дистанционка.*

Рассмотрим образование и значение некоторых актуальных слов текущего периода времени.

Слово ДИСТАНТ в русском языке

Дистант – новое слово, возникшее в русском языке в 2020 г. Вместе с ним появился синоним *дистанционка*, а также активизировалось использование словосочетания *дистанционное обучение.*

В семантические отношения с этими словами вступают некоторые другие, активно используемые в настоящее время понятия – *индивидуальное (домашнее) обучение, семейное образование, он-лайн обучение, очно-заочное обучение, экстернат.* Эти термины нуждаются в дифференциации.

Дистанционное обучение – это общее название для *обучения на расстоянии*. Это форма получения образования (наравне с очной, заочной, очно-заочной и экстернатом). При этом в учебном процессе в разном сочетании могут использоваться как традиционные средства, формы и методы обучения, так и методы, основанные на компьютерных и телекоммуникационных технологиях.

Онлайн-обучение – вид дистанционного обучения, осуществляемый при помощи компьютера или другого гаджета, подключенного к интернету в режиме «здесь и сейчас» и обеспечивающего соединение преподавателя и обучающихся через интернет. Используются также понятия «e-learning» и «электронное обучение», которые указывают на возможность получать знания с помощью технических средств – аудио, видео, текстов с гиперссылками, инфографики, игр, инструментов получения знаний через дополненную реальность и прочее.

Очно-заочное обучение – преимущественно самостоятельное изучение программы, частично с очными занятиями, очной сдачей экзаменов и зачетов.

Экстернат – самостоятельное изучение программы и очная сдача экзаменов и зачетов.

Применительно к школьному обучению различают также *домашнее* и *семейное* образование.

Домашнее образование – это индивидуальное обучение на дому ребенка, который имеет какие-либо проблемы со здоровьем. При домашнем обучении педагоги приходят к ребенку домой по согласованному с родителями

индивидуальному графику и проводят уроки в соответствии с образовательной программой.

Семейное образование не предполагает занятий со школьными учителями. Предполагается, что родители берут на себя ответственность за то, каким образом ребенок будет осваивать установленную образовательную программу. Родители могут обучать ребенка самостоятельно, а могут приглашать репетиторов. Детям нужно будет освоить ту же программу, что и в школе, затем пройти аттестацию по всем предметам учебного плана. Дети получают отметки, как обычные ученики. Для этого родители должны заключить с образовательной организацией договор, в котором прописаны сроки и порядок проведения аттестации. Аттестовывать ребенка школа может по четвертям, по полугодиям, по итогам учебного года.

Таким образом, все рассмотренные термины имеют свою смысловую специфику. При этом значение слов *дистант, дистанционка*, несомненно, являясь производными от значения терминологического сочетания *дистанционное обучение*, отличаются от значения этого словосочетания, их семантика в современном языковом сознании более конкретна.

В современных толковых словарях русского языка **дистант** еще, разумеется, не представлен, однако это слово уже успело попасть в Википедию: https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82

Значение этого слова описывается там так:

ДИСТАНТ -неол., разг. Что-либо выполняющееся дистанционно, удалённо (дистанционная работа, дистанционное обучение). Примеры:

При этом поиском подходящих кандидатур на должность помощника настоятеля займется епархиальный Миссионерский отдел, а работа ***дистанта*** *(удаленного обучения) по подготовке помощников будет запущена уже в конце марта.* (Е. Таскина, «К православным батюшкам Урала приставят «советников» по делам молодежи», 2011 г. // «Новый регион», Национальный корпус русского языка, см. Список литературы).

Ранее в Минздраве РФ рассказали, что после перевода школьников на дистанционное обучение, у 83,8 % из них появились проблемы с психикой. У каждого второго учащегося на ***дистанте*** *стали возникать головные боли и нарушения сна*. (Н. Курганов, «Психолог: массовая депрессия из-за коронавируса накроет Россию», 2020 г. // «УРА.РУ»).

Отдельные карантинные меры и ***дистанты*** *в стране все-таки вводят, правда, по разным причинам. Так, в Челябинской области закрылись на карантин классы и целые школы – причина ОРВИ.* (Алла Ковалева, «Карантин с 20 сентября: что думает ВОЗ и как обстоят дела на самом деле?», 2020 г. // «Lentachel.ru»).

Интересно, что только что возникшее слово описывается как уже многозначное:

1. Удаленная работа.
2. Обучение на расстоянии.

И в том, и другом значении в настоящее время есть также такой семантический компонент, как *вводимое в связи с карантином,* который впоследствии может исчезнуть.

Синоним и того, и другого значения – тоже недавно возникшее слово *дистанционка*.

Таким образом, применительно к образованию термин дистант в современном русском языке означает: *обучение на расстоянии, вводимое в связи с карантином и предполагающее использование компьютера или другого гаджета, подключенного к интернету, для осуществления взаимодействия преподавателя и обучающихся.*

Дериваты слов КОРОНАВИРУС и КОВИД в современном русском языке

Были проанализированы новые слова русского языка, образованные от лексемы «коронавирус» и «ковид» (Просовецкий 2020). Материалом послужили тексты СМИ.

Исследование показывает, что в случае слов *коронавирус* и COVID их словообразовательная активность чрезвычайно высокая. Приведем некоторые новые слова и их значения, полученные на основе обобщения контекстов их использования.

Корона. *Разг*. Короновирус; COVID-19.

Сейчас самой обсуждаемой проблемой является корона: все передачи посвящены обсуждению этой проблемы.

Коронка, коронарка. *Разг*. Короновирус; COVID-19.

Из-за коронки все бары закрыты.

Ковидник/ковидница. *Разг*.

1. Человек, заболевший коронавирусом.

Все ковидники обязаны находиться на самоизоляции 14 дней.

2. Больница, где лечат людей, заболевших COVID-19.

Сегодня в ковидник привезли 15 человек.

Ковидиот (COVID + идиот)

1. Человек, пренебрегающий мерами предосторожности во время пандемии коронавируса, например, нарушающий режим самоизоляции.

Ковидиоты отправились на шашлыки вместо того, чтобы сидеть дома.

2. Человек, который чрезмерно паникует во время пандемии коронавируса, например, моет руки до ран на коже или закупает большие объемы продуктов, средств личной гигиены.

Эти ковидиоты опять всю гречку скупили.

Ковидиант (COVID + комедиант). Человек, который только делает вид, что принимает меры предосторожности во время пандемии коронавируса.

Мои соседи – ковидианты, ходят в маске и перчатках, а потом в этих же перчатках едят груши.

Ковидарность (COVID + солидарность). Солидарность во время пандемии коронавируса.

У меня сосед уже две недели не выходит из дома, и я из ковидарности тоже.

Ковидиворс. Развод, причиной которого стали сопутствующие коронавирусу факторы, например, самоизоляция.

Ковидиворс происходит из-за того, что люди, в большинстве своем, выбирая партнера на всю жизнь, не предполагали, что с ним нужно будет провести две недели вместе.

Ковидавер. Человек, умерший от коронавируса.

Сколько их, ковидаверов, сейчас хоронят, никто точно не знает.

Ковидарий. Больница, которую выделили под прием людей, больных пневмонией.

Сейчас в ковидарий повезут, хотя там уже, говорят, нет мест.

Ковидор (COVID + коридор). Место (обычно коридор), где лежат больные коронавирусом, которым не хватило палат.

Пока в ковидоре полежат, потом переведем в палату.

Кориалы

1. Дети, чье детство которых выпало на пандемию коронавируса.

Бедные дети, тяжело быть кориалами.

2. Дети, зачатые в период пандемии коронавируса.

Еще неизвестно, сколько родится через девять месяцев кориалов.

Коронойя (коронавирус + паранойя). Состояние паники, страха, связанное с коронавирусом, при котором людие шарахаются от чихающих и кашляющих, боятся здороваться за руку и литрами выливают на себя антисептик.

Их охватила коронойя.

Коронафобия. Патологический страх людей заразиться коронавирусом, который приводит к неадекватным поступкам тех, кто поддался панической атаке.

История в Новых Санжарах — яркий пример коронафобии.

Коронаскептики. Люди, сомневающиеся в существовании коронавируса.

В интернете сейчас каждый третий – коронаскептик.

Ковид-диссиденты

1. Люди, утверждающие, что коронавируса не существует и его опасность надумана.

2. Люди, которые считают, что вирус распространен спецслужбами ради тайных целей (переформатирования мировой экономической среды, для удаления неугодных режиму людей, для разрыва социальных связей, для удержания и контроля местонахождения населения планеты и т. д.).

Среди нас много ковид-диссидентов.

Примечательно, что у лексемы *ковидиот* возникли сразу два, и притом противоположных, значения. Отметим также, что очень быстро появилась сопутствующая лексика, например, такие слова, как: *наружа*, *маскопаника*, *маскобесье, карантикулы* (каникулы во время карантина), *карантье* (владелец собаки, которому разрешено выходить на улицу во время карантина), *санитайзеры* (антисептики для рук) и др. Данные факты свидетельствуют о высокой степени влияния рассматриваемого экстралингвистического обстоятельства на лексику современного русского языка.

Слово ГРАММАР-НАЦИ в подъязыке интернета

Довольно часто в интернет-пространстве вспыхивает полемика по поводу неправильного употребления того или иного слова. Замечание вызывает ответную реакцию, как правило, негативную. Слово за слово – спор разрастается, в него включаются новые люди, и вот уже забыта суть разговора, начинается соревнование в том, кто жестче уязвит другого. Потоки брани, грубые, унижающие собеседника высказывания, оскорбления позволяют себе

люди, считающие себя интеллектуалами, борцами за чистоту русского языка. Часто они называют себя «граммар-наци». Разберемся в семантике и этимологии этого слова.

Граммар-наци – по-русски это *грамматический нацист*. Слово «нацист» имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию. В гитлеровской Германии – это члены национал-социалистической партии. Люди, которые считали свою расу лучшей, достойной иметь все права и привилегии. Представители всех других рас – «недолюди», рабочий скот, который презирался нацистами, и уничтожить такого человека нацист не считал для себя грехом. Он боролся за чистоту расы. Что такое нацист, понятно. Но почему же к этому наименованию присоединилось слово «граммар» – грамматический? Как можно быть нацистом от грамматики? Науки мирной, науки, рассказывающей, как правильно склонять и спрягать, выбирать нужную форму слова, грамотно строить словосочетания и предложения?

Граммар-наци – это люди, считающие себя исключительно грамотными. Они остро и злобно реагируют на любую ошибку, относят к недочеловекам, «тупому быдлу» того, кто не умеет правильно говорить и писать, и готовы публично растоптать и унизить его за ошибку. Они, как правило, не вдумываются в суть написанного, не ищут аргументы, не готовы возражать по существу, а вот отсутствие запятой, по их мнению, перечеркивает весь текст: «Сначала писать правильно научись, а потом высказывайся»! Так же, как в свое время нацисты боролись за чистоту расы, они борются за чистоту языка. И все, кто не отвечает их требованиям, – недочеловеки, недостойные жить. «Правописание или смерть!» – их лозунг. Смерть не в буквальном смысле слова, а уничтожение неграмотного человека как члена интернет-сообщества.

Вот такие люди и целые интернет-сообщества, крайне педантично относящиеся к вопросам грамотности и радикально борющиеся за соблюдение правил, и получили в английском языке в начале 1990-х годов ироническое название grammar nazi – грамматический нацист (где англ. grammar – грамматика и нем. nazi – нацист). Это выражение заняло свое место в ряду таких английских выражений, как *feminazi* («феминаци» – наци от феминизма), *gym Nazi* (наци от спортзала), *stroller Nazi* (наци с колясками), *breastfeeding Nazi* (наци от грудного вскармливания), объединенных общей семой «радикальные», «крайние». Затем grammar nazi стало интернациональным интернет-мемом – единицей значимой для культуры информации, осознанно или неосознанно передаваемой от человека к человеку. Позднее, в конце XX века, это название было заимствовано русским языком и стало писаться либо латиницей grammar nazi, либо русскими буквами как *граммар-наци*. Так иронически называют себя и сами участники подобных интернет-сообществ. Иногда они используют эмблемы, содержащие заглавную латинскую букву «G», стилизованную под флаг Третьего рейха.

Слово *граммар-наци* не склоняется и имеет много синонимов: грамматический нацист, национал-лингвист, лингвофашист, *Grammatik-Nazi,* бояр, *грамотей-опричникъ*. Сокращенно граммар-наци называют ГН или в латинской графике – GN. Написание «граммар-наци» – самое распространенное, хотя иногда оно выглядит как «граммар-наци» или без дефиса «граммар наци».

Вот примеры употребления этого выражения в соцсетях:

*Оригинал взят у anteiya в Фест внедорожников (орфография и пунктуация правлены, **граммар-наци** не сдержался).* (me-slonikk, «Фест внедорожников», сообщение, April 1st, 2015 // «livejournal.com»).

*Слава Богу, что у меня встроенный в браузер электронный словарь, который за мной ошибки исправляет, так что мне **граммар-наци** не страшны*. (Tsylyachka, «Про Граммар-наци», сообщение, 17/10/12 // «Любовь и Ненависть – lovehate.ru»).

*Наши **граммар-наци** часто указывают на ошибки не для того, чтобы поправить своего собеседника и предостеречь его от этих ошибок в дальнейшем, а для того, чтобы показать свою образованность*. (Юлия Галкина, «Граммар-наци – люди, которые исправят ваши ошибки», статья, 17 февраля 2014 // «MR7 – Новости Петербурга»).

В Национальном корпусе русского языка приводятся следующие примеры употребления этого слова:

*– А ну да, забыл что **граммар наци** [grammar nazi] не поиздыхали еще, а вполне себе живы и пишут про трамвайчики, да*. (коллективный) Форум: Ура! (Платные парковки внутри бульварного кольца, 2013).

*Он не мог усидеть на месте, без конца тревожно прислушивался, всё окружающее терзало ему нервы. Рядом с этим страдающим персонажем — его жена и его друзья: коллекционер книг, антиквар, музыковед и два филолога, один из которых – настоящий **граммар-наци** – оживляет диалоги своими постоянными придирками* (Лиза Новикова. Паскаль Киньяр объяснил, как стать «самым дорогим» для своих друзей // Известия, 2012.11.09).

*Кто сказал, что националист обязан быть **граммар-наци**?* (Леонид Бершидский. Свобода, азохн вэй // «Русская жизнь», 2012).

*Две группы, которые наводят шороху в Интернете, портя нервы добропорядочным пользователям – носители «йазыка падонкафф» и «**граммар-наци**»* (сокращенно ГН) (Наталия ГРАЧЕВА. Граммар-нацизм, или «йазык падонкафф»? // Комсомольская правда,013.09.08).

Примеры показывают, что к граммар-наци относятся негативно, их не любят, боятся, считают недалекими и ограниченными. Это связано с тем фактом, что в рунете это движение характеризуется высочайшей степенью агрессивности, ненависти, самолюбования, а благие просветительские цели уходят на второй план. Известный блогер А. Носик, еще в 2011 году актуализировавший термин «граммар-наци» в интернете, выделяет три основные черты лингвистических нацистов: 1) ограниченность, неспособность обсуждать важные вещи, зацикливаясь на опечатке, 2) приверженность к устаревшим или отсутствующим нормам русского языка и 3) злобную асоциальную агрессивность. «Шум, который граммар-наци готовы поднять из-за любой не к месту поставленной запятой, градус обвинений в безграмотности и бескультурье, которыми они швыряются направо и налево, поражает воображение стороннего наблюдателя» (Носик, 18 мая 2011).

Также отрицательно оценивают это движение профессиональные лингвисты. М.А. Кронгауз дает следующее определение явления *граммар-наци:* «…это люди, которые, пренебрегая интересами коммуникации, обсуждают не заявленную тему, а ошибки в письменной речи собеседника. Для них характерно прежде всего желание исправлять речь собеседника, а не разговаривать с ним» (Кронгауз 2013).

Петербургский лингвист Валерий Ефремов называет движение граммар-наци одной из форм наивной лингвистики и отмечает, «что в системе аргументации и лингвистических рассуждениях «грамматических нацистов» можно встретить подтасовку словарей (например, апелляция к В.И. Далю при определении современных сленгизмов), ссылки на старинные источники (А.Н. Афанасьев), на несуществующие «правила русского языка, на работы и высказывания лингвофриков (Н.Н. Вашкевича, М.Н. Задорнова и др.)» (Ефремов 2014).

Вряд ли стоит относить к граммар-наци человека, любящего свой родной язык и стремящегося говорить и писать правильно. И даже если его раздражает неверная пунктуация или употребление каких-либо «слащавых», по его мнению, слов, режет глаз орфографическая ошибка, это говорит только о его знаниях и наличии у него языкового чутья. Но интеллигентный человек не начнет скандалить из-за этого, прежде всего потому, что он уважает людей, не считает их быдлом, а себя – идеалом грамотности.

Подводя итог, отметим, что слово *граммар-наци* имеет в современном русском языке следующие значения:

ГРАММАР-НАЦИ

1. Название и самоназвание интернет-сообществ, отличающихся крайне педантичным отношением к вопросам грамотности.
2. Наименование агрессивного борца за чистоту родного языка, раздражающегося, когда кто-то допускает ошибку, и тут же жестко исправляющего ее.

2.4. Новые значения русских слов

Коренные перемены в общественном укладе российского общества на рубеже XX и XXI веков не могли не сказаться на развитии и функционировании русского языка, переживающего в этот период «стремительный виток эволюции» (Скляревская 2000, с. 177). Этим объясняется стойкий исследовательский интерес к процессам, происходящим в русском языке постсоветского времени, о чем свидетельствуют как многочисленные публикации в изданиях разного уровня (от академических до популярных), так и устные выступления филологов и нефилологов, озабоченных его судьбой. Наиболее заметные изменения наблюдаются в самой динамичной языковой сфере – лексико-семантической. В проводимых авторским коллективом исследованиях описание семантических изменений в русской лексике осуществляется во временной динамике. Выявление новых слов и значений проводится с помощью традиционных методов исследования: семантического, контекстуального анализов и экспериментальных, основанных на методике описания психолингвистического значения, разработанной И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой (Рудакова 2011).

В нашем проекте семантические изменения в русской лексике описываются в рамках следующих основных семантических процессов (Стернин 2004):

- семантическая деривация
- семантическая модификация
- реструктурация смысловой структуры слова
- семантическая девальвация

2.4.1. Семантические процессы в русской лексике

Семантическая деривация – возникновение новых семем в смысловой структуре слова. Приведем примеры (в скобках даются словарные значения по словарю С. Кузнецова (БТС), если не оговорено иначе; психолингвистические значения приводятся в том случае, когда их индекс яркости составляет не менее 50%).

Агрессивный –1. Активный, добивающийся своего. *Одобр. А. нападающий.*

2. Заметный, яркий. *Неоц. А. макияж.* (БТС: Проявляющий агрессию в отношении других, склонный к нападению (о человеке, животном) // Враждебный, неприязненный, наступательный. *А. тон. А. выпад.)*

Адекватный – *разг.* Психически здоровый, о человеке (БТС: *Книжн.* Вполне соответствующий чему-л. (условиям, обстановке и т.п.); верный, совпадающий с ожидаемым).

Аниматор – человек, который занимается организацией и проведением праздников, мероприятий за определённую плату, артист, развлекающий публику (чаще всего детей) в образе персонажа мультфильма, фильма или книги.

Амбициозный – ставящий перед собой высокие цели, сложные задачи, старающийся добиться успеха. *Одобр*. (БТС: *Наполненный самомнением, полный амбиций; вызываемый ими*. *Неодобр*.).

Беспредел – *разг.* 1. Отсутствие правил, нарушение законов. 2. Хаос, беспорядок.

Брутальный – мужественный, физически сильный, мужчина // Присущий настоящему мужчине. *Одобр*. (БТС: Книжн. Грубый, суровый; жестокий. *Б-ые нравы. Б-ая выходка*).

Включить – *жарг.* Начинать действовать, вести себя определенным образом, притвориться кем-либо. *В. блондинку* – притвориться непонимающей, бестолковой. *В. ботаника* – сделать серьезный вид.

Вызов, вызовы – сложные проблемы, которые требуют профессионального решения, являются испытанием для кого-либо.

Грузить – 1. *разг*. Надоедать разговорами, пространно высказываться на тему, не интересующую слушателя. 2. *разг*. Обсуждать свои проблемы с кем-либо, рассчитывая на поддержку. *Из них двоих Алеша более эмоционален: даже по его виду Наташа может догадаться, что на работе у него проблемы, которыми он не хочет её грузить*… (Т. Шохина, 2002, НКРЯ). 3. *разг*. Постоянно думать о чем-либо, сосредоточиться на чем-то одном). (слов.: 1. жарг. Вести пустые бессмысленные разговоры. *Неодобр*. 2. *жарг*. Обманывать. *Неодобр*.) *Переключился, стал грузить себя потихоньку мыслями о старте*. (А. Сихарулидзе, 2002 г., НКРЯ).

Грузиться – *сленг.* Пребывать в депрессии, расстраиваться.

Демократ – в период перестройки сторонник реформаторских взглядов М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, приведших к развалу СССР и обнищанию народа. *Неодобр*. (БТС: 1. Сторонник демократии. Русские революционные демократы. 2. Член демократической партии. *Программа демократов России*. 3. Человек демократичного образа жизни, взглядов, поведения. *Наш начальник — д*.)

Догонять – *сленг.* Понимать, схватывать мысль, догадываться.

Достать – *сленг.* Надоесть измучить.

Зарядка – устройство для заряда батареи электроэнергией.

Заходить *– мол. жарг.* Нравиться. *Шутка не зашла.*

Крот *– проф. жарг.* Агент спецслужб, действующий в разведывательных структурах или в криминальных сообществах.

Мерин *– жарг.* Автомобиль Мерседес.

Мобильный (сущ.) – мобильный телефон.

Обнулить – 1. Избавиться от чего-либо. Ликвидировать. Лишить значения, смысла. Но уехать *к нему за кордон – значит обнулить все наработанное здесь* (О. Новикова 2012 г., НКРЯ). *Идите гулять в хвойный лес, чтобы обнулить негативные эмоции* (Д. Рощина 2017 г., НКРЯ). 2. Считать недействительным. *Внесена поправка, согласно которой президентские сроки обнуляются.* (БТС: *техн*. *Установить количественный показатель прибора, устройства и т. п. в нулевом, исходном положении*).

Овца *– разг.-сниж*. Глупая женщина (БТС: Домашнее парнокопытное жвачное животное сем. полорогих, дающее шерсть, мясо, молоко; самка барана. *Овцы паслись на горных склонах. Заблудшая о.* (о сбившемся с верного пути человеке). // *Разг*. О робком, безответном человеке. *Ты просто настоящая овца!*)

Отжать *– жарг*. Насильно, хитростью что-то отобрать либо вынудить человека отдать что-либо (жилье, фирму, собственность).

Отношения *– разг*. Любовная связь.

Питомец – животное, по отношению к тому, кто его кормит, ухаживает за ним.

Собака – знак электронной почты (с 2004 года).

Спикер – основной докладчик, компетентный специалист в определенной области. (Комлев 2009: 1) в парламентах ряда государств: лицо, председательствующее в палате представителей; 2) в Англии: председатель палаты общин; 3) разг. Употребляется по отношению к председателям Государственной Думы и Совета Федерации России.

Токсичный *– разг*. Скандальный, неприятный, создающий нездоровую обстановку. *Токсичным может быть что угодно: токсичная тема для дискуссий, токсичный человек, даже токсичный актив!* (К. Туркова 2018 г., НКРЯ). (БТС: спец. Способный вызвать отравление. *Токсичные вещества*).

Убитый *– жарг*. Пришедший в негодность от долгого употребления.

Отметим также целую группу слов с новыми значениями, возникшими в компьютерном подъязыке:

Взлом – нелегальное проникновение в компьютерную систему.

Войти – загрузить сайт, начать работу с программой, документом.

Выйти – закрыть, завершить работу программы.

Выложить, вывесить – разместить что-то на общедоступном сайте.

Зависать, виснуть – о компьютерной программе, вычислительном средстве и т. п.: оставаться в одном состоянии, не выполняя никакой работы и не отвечая на ввод. *Программа зависла*. (Зависают программы, если в них есть ошибка или такая ситуация была не предусмотрена программистом, от больших нагрузок или недостатка памяти).

Качать, скачивать – копировать информацию, файлы, программы, музыку и т.п. на свой компьютер.

Скинуть, сбросить – переслать по электронной почте, по сети.

Стена – область размещения публикаций (записей, постов) в рамках профиля социальной сети. Впервые термин стена (wall) был введен социальной сетью Facebook, откуда и перекочевал сначала во ВКонтакте, а затем и во многие другие социальные сети.

Форум – это площадка для общения пользователей в интернете.

Семантическая деривация преобладает в лексических единицах, принадлежащих к наиболее активно изменяющимся тематическим сферам – рыночная экономика, политика, компьютерные технологии, новые профессии, виды деятельности.

Семантическая модификация представляет собой процесс изменений в семной структуре значений, приводящий к частичной замене отдельных семантических компонентов, появлению новых сем, исчезновению из семной структуры тех или иных семантических компонентов. Например: *демократия* – исчезла сема «допускает диктатуру в отношении отдельного класса или социального слоя», значение закрепляется в русском языке в семном составе «соблюдение прав человека и свобод, свободное волеизъявление всех членов общества»; *диссиденты* – исчезла сема «выступающие против социалистического строя в стране», а также оценочная сема «неодобрительное»; появилась сема «выступающий против тоталитарного государства» (нигерийские, китайские диссиденты); *оппозиция* – значение закрепилось в семном составе «силы, выступающие против проводимой правительством политики и предлагающие альтернативные решения», исчезла сема «в интересах развития социализма», присутствовавшая в этом значении в период перестройки; значение стало «общеевропейским» после 1993 г.; *фермер* – значение закрепилось в семном составе «лицо, индивидуально занимающееся сельским хозяйством на арендованной или принадлежащей ему земле»; сема «частное владение землей» появилась в 90-е гг.; *карьерист* – утрачиваются семы: «любыми способами», «используя все средства» (продвинуться по службе), нейтрализуется сема неодобрительной оценочности.

К ярким проявлениям семантической модификации относятся примеры изменения оценочной коннотации лексических единиц: целые группы слов утрачивают сему «неодобрительное» и приобретают семы «одобрительное» или «неоценочное». Например, *оппозиция, конвергенция, конкуренция, собственник, частник, диссидент, предприниматель, бизнесмен;* в новых значениях возникла одобрительная оценочность у слов *агрессивный, амбициозный, брутальный.*

Сохранили свой лозунговый характер, но практически утратили имевшийся у них яркий положительно-оценочный ореол такие единицы, как *правозащитник, демократия, плюрализм, права человека, свободные выборы, консенсус* и др.

Любопытное явление произошло с семантикой названий некоторых типов учебных заведений – они приобрели семантические компоненты «престижность», «высокий уровень подготовки» *(университет, академия, гимназия, лицей, колледж)*; в значении слов *гимназия* появились семы «конкурсный характер набора», «расширенный учебный план», «углубленная подготовка по ряду предметов», в значениях слов *колледж* и *лицей* появилась сема «учебное заведение нового типа». К сожалению, реальные учебные заведения далеко не всегда пока оправдывают свою «престижную семантику», хотя рекламный характер новых названий придает этим учебным заведениям в сознании людей некоторую повышенную привлекательность.

Такое же явление наблюдается в языке политики: одни и те же лексемы приобретают разный смысл в подъязыках различных политических сил (ср. значения таких лексем как *либералы, демократы, правозащитник, свобода, коммунисты, консолидация, консерватизм, стабильность, патриоты, националисты, капитализм* и др.; ср. также понимание слова *центрист* в предвыборной платформе КПРФ, опубликованной в «Правде»: «Центристы – это презренные люди. Что сделали, с позволения сказать, «центристы», вообразившие, что сегодня можно подняться выше кричащих противоречий? Только беспомощно вздыхали над бедствиями страны да призывали грабителей и обобранных жить дружно». Подавление антигосударственного путча в августе 1991 г. в этой же «Платформе» названо «контрреволюционным переворотом».

Реструктурация смысловой структуры слова представляет собой изменение соотношения между отдельными значениями в структуре многозначной лексической единицы: одно значение оттесняется на периферию смысловой структуры слова, другое выдвигается в разряд основных, психологически наиболее актуальных для носителей русского языка в данный период. Значения могут стать историзмами и уйти в дальнюю периферию смысловой структуры слова. Например: *перестроиться* – значение «изменить содержание своей деятельности в духе требований перестройки», центральное для смысловой структуры слова во второй половине 80-ых гг., оно ушло на периферию смысловой структуры слова; то же самое произошло со всеми «перестроечными» значениями словообразовательного гнезда «перестройка» (перестроить, перестроечный и др.); *деформации* – ушло на смысловую периферию значение «искажения социализма, допущенные в период застоя»; *структуры* – на первый план выдвинулось значение «организация, система организаций» (властные, коммерческие, криминальные, политические структуры); *левый* – ушло на периферию смысловой структуры значение «незаконный, не разрешенный государством и приносящий доход частному лицу» (левый товар, груз, гонорар, заработок); *сделка* – приобретает большую яркость значение «заключенное сторонами коммерческое соглашение», а неодобрительное значение «неблаговидные действия двух сторон, сговор» уходит на второй план и т.д.

В ряде слов актуализировались жаргонные значения, которые, по данным психолингвистических экспериментов, в обыденном языковом сознании носителей языка потеснили словарные: *развод* – «обман, жульничество»; *косяк* – 1)«ошибка, неудача»; 2)«папироса, набитая коноплей, марихуаной»; *колоться* – «употреблять наркотики», *зажигать* – «шумно веселиться, развлекаться».

2.4.2. Семантическая девальвация слов

Наши наблюдения над процессами семантических изменений в современной русской лексике позволяют судить о формировании, в частности, процесса, который может быть назван *семантической девальвацией* слова. ***Семантическая девальвация семантики слов*** – это формирование на базе научных терминов и книжных слов новых, более примитивных, упрощенных значений слова. Явление характерно для сферы политики и в известной степени – рекламы.

Покажем процесс семантической девальвации на конкретных примерах.

Так, у слова *эксперт* развивается новое значение – *человек, который что-то конкретное знает.* «Многознание» не подкрепляется при этом никакими характеристиками, это просто субъективная положительная оценка. Для данного значения не характерны дифференциальные семантические компоненты *опытный, умный, авторитетный, компетентный* – они не представлены в значении, как и компоненты *образованный, квалифицированный.* Именно в этом значении данное слово сегодня широко используется в рекламе, когда показывают или цитируют «экспертов», чьи «экспертные» характеристики ничем не подкрепляются; в этом же значении слово *эксперт* активно эксплуатируется современным ТВ – во всех ток-шоу на ТВ экспертами фактически называют тех, кто просто что-то видел, что-то слышал, о чем-то узнал («Пусть говорят», «Прямой эфир», «Кто против», «60 минут», «Пацанки» и др.). Появились в рекламе выражения – *экспертный корм, экспертное средство для лечения, экспертный подход.*

В близком значении часто употребляется сегодня и слово *специалист*: *обратимся к мнению специалистов*, *спросим специалиста* – т.е. «*знающего человека*». Чем его знания подтверждаются, обычно остается неясным, «за кадром». Сходная тенденция наблюдается и в употреблении слова *профессионал.* Характерно, что практически не употребляются сейчас в языке такие единицы, как *знаток, ас, мастер, умелец.* Нетрудно заметить, что все эти изменения в значениях рассматриваемых слов обусловлены коммерческими причинами, отражающими развитие рыночной экономики и рекламы – потребностью усиления аргументации в целях навязывания товаров и услуг потребителям.

По этому же пути идет в настоящее время развитие значения слова ЗВЕЗДА. Невооруженным глазом заметно, что сейчас звездами стали называть людей, которые лет 10-20 назад никто бы звездами называть не смог.

В вышедшем в 2011 г. издании «Ассоциативный словарь употребительной русской лексики» (Ассоциативный словарь 2011) стимул ЗВЕЗДА представлен следующим ассоциативным полем:

ЗВЕЗДА 100: небо 20; Солнце 11; космическое тело 4; знаменитость, планета, шоу-бизнес, яркая 3; небесное тело, по имени Солнце 2; август, армия, артист, астрономическое тело, банкета, блеск, вдали, высота, газопылевое облако, Галина Вознесенская, гламур, далеко, дура, еврей, известный человек, комета, красная, моя, на небе, ночное, ночь, острая, пафос, поп-культура, популярность, пятиконечная, рок, рок-н-ролл, романтик, романтическая обстановка, с неба, сверкающая точка, свет, сияет, слава, созвездие, спутник, Цой, человек; человек, раскрученный в шоу-бизнесе; эстрада, я, ярко 1; отказ 6.

По результатам эксперимента методом семантической интерпретации (Стернин 2011) было сформулировано психолингвистическое значение слова ЗВЕЗДА:

1. Яркое космическое тело на небе, которое романтично наблюдать. *Наблюдать в телескоп за звездами.*

2. Яркая знаменитость в шоу-бизнесе. *В концерте приняли участие многие звезды эстрады.*

3. Человек, который ведет себя пафосно. *Терпеть не могу, когда начинают строить из себя звезд!*

4. Метеорит, падающий в августе с неба. *Смотреть на падающие звезды.*

5. Символ СССР. *Красные звезды Кремля.*

6. Знак различия в армии. *Обмывали третью звезду.*

7. Лицо, которым восхищаются окружающие. *Это звезда нашего коллектива*

Таким образом, психолингвистическое описание семантики слова ЗВЕЗДА, которое отражает реальность современного языкового сознания, включает значения, которые не отражены в толковых словарях: Метеорит, падающий с неба (*падающие звезды*), Символ СССР (красная звезда), Знак различия в армии («*обмыть» звезду*), Человек, которым восхищаются окружающие (*в нашем коллективе она звезда*), Человек, который ведет себя пафосно, гламурно (*строит из себя звезду*). Последнее значение – пример семантической девальвации.

Нами было также проведено лингвистическое интервьюирование со словом ЗВЕЗДА. Был предложен вопрос: «Звезда – это кто (что)? Определение, примеры, фамилии, ассоциации...». Получены ответы от 100 человек путем электронного опроса в ноябре 2019 г.

Большая часть респондентов (40%) под словом ЗВЕЗДА подразумевает популярного, знаменитого, часто богатого человека, вызывающего чувства от восторга до отвращения. 16 респондентов в качестве примера привели фамилии известных людей: Вертинский, Шаляпин, Пугачева, Бузова, Шурыгина, Пахмутова и Добронравов, Жириновский, Спиваков, Делон, Монро, доктор Гааз, Чарли Чаплин, Паустовский, Мария Кюри, Цой, Агузарова, Верка Сердючка. Причём, все фамилии были упомянуты по 1 разу, а Ольгу Бузову назвали 6 человек. При этом у 20% респондентов слово *звезда* четко ассоциируется с деньгами, богатством, коммерцией.

Таким образом, основным значением слова ЗВЕЗДА сейчас является *популярный, знаменитый, обычно богатый человек*.

Интересна оценочность слова ЗВЕЗДА, выявившаяся в результате опроса. 23% респондентов считают, что звезда – понятие положительное: примерно столько же (21%) при слове ЗВЕЗДА испытывают раздражение.

Слово ЗВЕЗДА в максимальной степени ассоциируется с эстрадой, кино, театром и телевидением. На ТВ регулярно появляются передачи, в названии которых слово *звезда* имеет смысл – *популярный человек*. «Звёздами» теперь называют просто актеров сериалов, участников многочисленных телешоу, например, Дом-2, Stand Up, Битва экстрасенсов, Камеди-клаб, Точь-в-точь!

СМИ, чтобы привлечь внимание, поднять статус того или иного события, упорно называют *звездами* участников сериалов, исполнителей одной из ролей, даже эпизода; участников телевизионных шоу, героев скандалов; слово *звезда* в отношении действительно талантливого, признанного героя наших дней – в явном меньшинстве. Это свидетельствует о семантической девальвации слова.

Девальвация происходит с семантикой лозунговых слов в обыденном сознании: слово эволюционирует от абстрактного и научного к конкретному и наполняется в обыденном сознании содержанием, весьма далеким от своего первоначального содержания, обычно негативно-оценочным. При этом первоначальное значение не исчезает, оно остается в словарях, в словоупотреблении политиков, ученых, словом в неких «высших сферах», но исчезает, вытесняется из повседневного употребления

Так, слово *демократия* наполняется в результате своеобразного семантического дрейфа предметным содержанием, которое может быть передано формулой «все можно» или «делай что хочешь» – это факт общественного сознания. К такому же пониманию дрейфует значение слова *свобода*, которое на уровне обыденного сознания начинает выступать как синоним слова *демократия*; слово *рынок* выступает в значении «все за деньги, все продается» и т.д.

Девальвация коснулась значений и некоторых обыденных слов.

Разбираться – глубоко вникать, анализировать и понимать. Но когда в новостях на ТВ говорят: «Обрушился дом. *Разбирался* наш журналист» – это значит, что он просто был на месте, интересовался, собирал информацию, разговаривал с очевидцами, а потом об этом рассказывает. Ни в чем он особенно и не разобрался.

Еще одним направлением семантической девальвации является развитие неодобрительных значений у положительно-оценочных или неоценочных слов (*пейоризация семантики*). Так, слова *свобода, толерантность, демократ, либерал, оппозиция* и мн. др. приобретают разговорные неодобрительные значения.

Необходимо признать, что в отличие от семантической девальвации, описанной выше, *семантическая пейоризация* общественно-политической лексики имеет в нашей стране уже определенную историю.

Одним из первых после революции пейоризировалось слово *интеллигент* – это слово стало обозначать человека, не имеющего четкой идеологической позиции, неспособного к созидательной и конкретной работе на благо народа, чуждого народу элемента (ср.: *гнилой интеллигент*). Ему со временем стала противопоставляться «рабоче-крестьянская интеллигенция». Отголоски такого

отношения к интеллигенции сохраняются и в современном значении слова *интеллигент* в русском языке.

В какой-то степени в послереволюционное время пейоризация коснулась и таких слов, как *образованный, культурный, ученый* и подобных – они стали достаточно широко употребляться в негативном смысле.

Таким образом, мы наблюдаем тенденцию к семантической девальвации определенной лексики. Данная тенденция проявляется в значениях слов, которые в современном русском языке, в силу тех или иных причин, употребляются прежде всего для формирования яркой положительно-оценочной номинации, и заключается в нивелировании конкретных дифференциальных семантических компонентов, определявших содержание слова, в результате чего оно начинает применяться в положительно-оценочном смысле к более широкому денотату (*специалист, эксперт, профессионал, звезда* и др.), а также в пейоризации ряда постперестроечных лозунговых слов, то есть формировании значений, которые негативно переосмысляют общечеловеческие ценности (*демократ, демократия, либерал, свобода, толерантность* и др.).

2.4.3. Очерки о новых значениях слов

Покажем наш опыт исследования процессов семантического изменения таких популярных современных слов, как *адекватный, неадекватный, мент* (Стернин И.А.), *агрессивный* (Селезнева Г.Я.), *прилетело* (Акованцева Н.В.), *слить(ся)* (Дьякова Л.Н.), *топить за* (Розенфельд М.Я.), *атмосферный, атмосферно* (Козельская Н.А.), *зайти / заходить* (Саломатина М.С.), *питомец* (Стернин И.А., Стернина М.А.).

АДЕКВАТНЫЙ, НЕАДЕКВАТНЫЙ

Слова *адекватный, неадекватный* стали в современном русском языке весьма частотными, причем в их значении произошли заметные семантические изменения (см. Стернин 2018).

Целесообразно начать описание значений этих слов в современном русском языке с последних и наиболее авторитетных толковых словарей. При этом воспользуемся *методом обобщения словарных дефиниций* (о данном методе см. Стернин, Рудакова 2011, с. 19–21).

Применение данного метода на материале толковых словарей С.И. Ожегова (1983), С.А. Кузнецова (2008), С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (2010) позволяет следующим образом представить значения этих слов.

Адекватный

1. книжн. Вполне соответствующий чему-либо, каким-либо требованиям, условиям, обстановке и т.п.); *А. реакции. А. ребенок*

2. книжн. Совпадающий, равный. *Адекватные понятия. Правда и истина – адекватные понятия.*

Неадекватный

1. книжн. Не совпадающий с чем-либо, лишенный адекватности. *Неадекватные понятия.*

2. книжн. Не соответствующий норме, требованиям. *Н. поведение, восприятие. Н. ребенок. Неадекватно – нареч. Вести себя неадекватно.*

Однако значение прилагательных *адекватный, неадекватный* за последние 30-40 лет явно изменилось. Так, пример из словаря 1983 г.: *Правда и истина – адекватные понятия* – сейчас скорее всего будет признан носителями языка ненормативным, устаревшим; кстати, слово *неадекватный* в словаре С.И. Ожегова 1983 г. отсутствует.

В современном русском языке оба эти слова стали употребляться гораздо чаще, их семантика значительно обогатилась, появились многочисленные новые значения. При этом *неадекватный* сейчас чаще не книжное, а разговорное слово, выполняющее во многом эвфемистические функции.

С целью проверки актуальности для современного языкового сознания носителя русского языка выделенных обобщенных словарных значений, а также выявления и описания новых значений обратимся к важному источнику современных языковых данных – Национальному корпусу русского языка (ruscorpora.ru).

Анализ употреблений исследуемых слов в Национальном корпусе русского языка показывает, что эти слова в современном русском языке в настоящее время представлены следующими наборами значений (использован *принцип денотативной дифференциации значений): «*Поскольку значение слова – это отражение совокупности признаков называемого им предмета или явления (денотата), то если слово называет денотат, не совпадающий с другими денотатами, значит, мы будем иметь дело с отдельным значением: каждому называемому словом денотату соответствует значение, разные денотаты отражаются разными значениями» (Стернин, Рудакова 2017, с. 8).

Таким образом, исследуемые языковые единицы имеют в современном русском языке следующие значения (новые выделены жирным шрифтом).

Адекватный, адекватно

1. ***книжн*. Соответствующий чему-либо**

Подход, *адекватный* реалиям сегодняшнего дня. Минфин не будет готов предложить рынку *адекватный* объем рублевых инструментов.

2. ***книжн*. Отвечающий каким-либо требованиям, потребностям и т.п.**

Ключевой вопрос – *адекватный* доступ к системе социальной защиты нуждающихся групп населения.

3. ***книжн*. Равный по силе, эквивалентный**

Любая попытка США нанести удар по территории Пакистана встретит *адекватный* ответ. Вертикальная интеграция российских металлургических компаний как *адекватный* ответ на вызовы мирового рынка.

4. ***разг*. Нормальный, психически уравновешенный, без психических нарушений в поведении и мышлении, предсказуемый**

Чувствуется, что страной правит умный, здоровый, *адекватный* человек. Сильный и *адекватный* человек с хорошей реакцией вполне может себе позволить не трястись по пустякам.

5. **разг. Правильный, подходящий, эффективный**

Самый *адекватный* подход! Это вполне *адекватный* пример известного противопоставления двух типов социальности, проведенного Фердинандом Теннисом. Найти *адекватный* механизм нейтрализации нефтедолларов.

6. ***разг*. Правильно понимающий ситуацию, правильно мыслящий**

Если она *адекватный* человек, то поймет и, может, необходимость в замке пропадет. И Вы вполне *адекватный* человек, чтобы оценить, что Ваш пост <…> был, мягко говоря, некорректным.

7. Отражающий реальность

Наука – единственно эффективный и *адекватный* метод познания мира, определяющий прогресс человеческого знания.

8. *книжн*. Положительный, положительно оцениваемый

Важно получить в результате *адекватный* и ликвидный продукт. В то же время на структурном уровне взаимосвязь деятельностей педагога и учащихся носит *адекватный* характер, показателем чего зачастую выступает высокая интеллектуальная активность учащихся и достижение цели урока.

9. Современный

У кого в гаджете разнообразнее опции, тот самый умелый и самый *адекватный*.

10. Правильно выражающий смысл

Имеем ли мы язык, хоть немного *адекватный* той вовлеченности в образы телевидения, которая, возможно, не связана только с технологией? Расставить все по местам и любому понятию подобрать *адекватный* термин.

11. Осмысленный, продуманный

Лишенный памяти об уникальном индивидуальном прошлом, человек не был бы способен выстроить сколько-нибудь *адекватный* образ будущего. Внутри общества всё еще не сформированы серьезные механизмы, способные мобилизовать недовольство людей в *адекватный* политический курс.

Неадекватный, неадекватно

1. ***книжн*. Не совпадающий с чем-либо, лишенный адекватности.** *Неадекватные понятия.*

Не зафиксировано.

2. ***книжн*. Не соответствующий норме, требованиям**. *Н. поведение, восприятие. Н. ребенок. Неадекватно – нареч. Вести себя неадекватно.*

Объединяет несколько разных значений.

3. Ненормальный, имеющий психические нарушения, не реагирующий на логику, убеждение.

Он вел себя *неадекватно* на улице, бил ногами по припаркованным автомобилям и бросался на прохожих. По словам матери подозреваемого, молодой человек вел себя *неадекватно*, разговаривал сам с собой, а затем, около 20 часов, взяв с собой спортивную сумку, выбежал из квартиры. На следствии, длившемся восемь лет, он вел себя *неадекватно*, что-то бормотал и не отвечал на вопросы, что дало его адвокатам повод заявить об умственной невменяемости их подзащитного.

4. *разг*. Нарушающий принятые нормы, правила поведения, часто – под влиянием алкоголя, наркотиков.

Водитель «Жигулей» вел себя *неадекватно*, выезжая на встречную полосу, проезжая перекрестки на красный сигнал светофора. Мужчина вел себя *неадекватно*, отказывался пристегнуть ремень, начал оскорблять членов экипажа. Водитель, 25-летний местный житель, вел себя *неадекватно*, и позже эксперты обнаружили в его крови следы наркотиков.

5. Непредсказуемый.

Только почему-то бумеранг вел себя неадекватно: не всегда и не ко всем возвращался.

6. Агрессивный.

Отец парня, егерь Александр Помазун, рассказал, что сын после возвращения из колонии вел себя *неадекватно*, был очень агрессивен, а буквально накануне трагедии набросился на него с ножом. Показывая на шрамы на лице – Вот поэтому мы с ним и разошлись: он с самого начала вел себя *неадекватно,* постоянные побои…

Как видно из приведенного материала, количество значений у исследуемых слов значительно увеличилось, а старые значения во многом потеряли актуальность. Полагаем, что причиной резкого повышения частотности слов *адекватный, неадекватный* и столь интенсивного развития их значений являются потребности политкорректности – данные слова стали часто использоваться для эвфемистической номинации различного рода отклонений в поведении людей, и в первую очередь – психических и поведенческих. Кроме того, слова являются оценочными, и их активизация соответствует общей тенденции повышения оценочности современного русского общения, особенно в публичной и межличностной сфере.

АГРЕССИВНЫЙ

Лексемы, которые традиционно для русских называли негативно оцениваемые понятия, меняют оценочность. Очень ярко это видно и в употреблении слова «агрессивный». *Агрессивная речь* – это речь грубая, бранная, ругательная, обидная, оскорбительная, неприязненная, невежливая, унижающая, подавляющая и т.п. В русской культуре такая речь традиционно оценивалась отрицательно. Однако в последнее время мы все чаще сталкиваемся с наличием положительной оценки в лексеме «агрессивный», что еще несколько десятилетий назад было совершенно невозможно.

По данным словаря, слово «агрессия» имеет значение: «активно враждебное поведение одного человека по отношению к другим» (Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкование, этимология, с. 21). Аналогичное значение словарь отмечает и в отношении прилагательного «агрессивный».

Анализируя употребление слова «агрессивный» в контекстах, замечаем, что в настоящее время лексема «агрессивный» чаще всего употребляется в значении: *активно враждебный, злой, склонный к нападению на кого-либо, причинению ущерба*. В этом значении лексема употребляется, во-первых, в сочетаниях с одушевленными существительными – наименованиями животных: агрессивные животные, агрессивный кот, обезьяна, собака: *Мой кот агрессивный и мстительный*; во-вторых, в сочетаниях с одушевленными существительными – наименованиями людей: агрессивная личность, ребенок, подросток, толпа: *По мнению Запада, русский человек брутальный и агрессивный;* и, наконец, в сочетании с неодушевленными существительными отвлеченного характера, называющими действия: *агрессивные действия, поведение, состояние*: *Агрессивное поведение и негативизм характерны для детей 3 лет*. В этом значении лексема «агрессивный» имеет следующие синонимы: *враждебный, злой, деструктивный, опасный, наглый, ненавидящий*.

Однако лексема «агрессивный» («враждебный, склонный к нападению на кого-либо») на наших глазах меняет свой оценочный потенциал. Если раньше об агрессивном человеке говорили всегда с неодобрением, агрессивное поведение всегда оценивалось отрицательно, а если хотели действия такого человека одобрить, то говорили «активное, наступательное» (поведение), то сейчас мы все чаще встречаем контексты, в которых лексема *агресссивный* используется с положительной оценкой. Так, в объявлении о вакансиях читаем:

CNN – молодое и агрессивное агентство. Самые оперативные новости, фотографии, видеорепортаж.

В этом примере в семеме «агрессивный» актуализируются семы «активный, напористый, наступательный», что ведет к изменению в оценке: с отрицательной она меняется на положительную.

На этот процесс влияет и новое терминологическое употребление лексемы «агрессивный». В последнее время она часто употребляется как медицинский термин по отношению к болезням, которые быстро прогрессируют и опасны захватом все новых и новых «территорий» – частей организма: *агрессивные болезни, агрессивный парадонтит*. Кроме болезней, агрессивными в медицинском смысле могут быть и методы лечения: *агрессивная терапия.*

В случае с агрессивными болезнями коннотация у слова «агрессивный» отрицательная, а во втором случае трудно однозначно дать оценку лечебных действий. Так, *агрессивная интенсивная терапия* – это лечение рискованное, опасное, причиняющее ущерб организму, но в безвыходной ситуации необходимое, дающее человеку шанс остаться в живых.

В сходном значении «рискованный, опасный, но результативный» используется термин «агрессивный» и в предпринимательстве. Словарь правовых и экономических терминов говорит об *агрессивном портфеле, бумагах, пифах*, то есть о тех ценных бумагах, в отношении которых ожидается резкое увеличение курса. *Агрессивный инвестор* – это человек, готовый идти на риск ради возможных высоких прибылей.

Интересно «спортивное» употребление этой лексемы. Говорят об *агрессивном стиле игры в покер*, который связан с частым повышением ставок вне зависимости от наличия нужных карт. Здесь синонимом к слову «агрессивный» снова становится лексема «рискованный». В предложении: *Аршавин пообещал болельщикам более агрессивный футбол в матче с Арменией* – слово «агрессивный» заряжено положительно, то есть это футбол наступательный, напористый, дающий шанс на успех. То же самое в контексте *«агрессивное и уверенное поведение»,* то есть поведение настойчивое, активное. Так у лексемы «агрессивный» в терминологическом употреблении развивается новая семема – *рискованные, наступательные действия, которые могут принести выигрыш.*

Агрессивный маркетинг – здесь лексема «агрессивный» может приобретать и положительную и отрицательную оценку в зависимости от контекста: *наступательный, активный маркетинг – навязчивый, агрессивный маркетинг*. То есть перед нами двуоценочная семема. То же самое и в сочетании *«агрессивная реклама»,* где чаще всего лексема используется с отрицательной оценкой (*навязчивая, агрессивная реклама*), но возможны и противоположные контексты: *Хватит нам слезы проливать, пора сделать рекламу яркой, агрессивной.*

И наконец, косметика: в парфюмерии появился *агрессивный запах*, а женщины стали делать *агрессивный макияж*, то есть резкий, вызывающий, броский: *Агрессивный макияж может сослужить неплохую службу начинающей карьеристке. Такой макияж предпочитают женщины, стремящиеся к власти*. Кстати, в этом контексте и слово «карьеристка» имеет положительную оценку.

Таким образом, в настоящее время развивается новое, не отмеченное словарями значение лексемы «агрессивный» – *активный, уверенный, наступательный, с элементами риска.* Как правило, оценочная сема здесь положительная, хоть в некоторых контекстах возможна и отрицательная оценка описываемого предмета или явления. Видимо, это связано с семантическим потенциалом самого слова и явления, им обозначенного, так как это нечто активное, сопровождающееся мощным выбросом энергии.

Так, семема «враждебное, склонное к нападению поведение» приобретает иной смысл и положительную коннотацию, тогда как раньше она использовалась только с отрицательной оценкой. Видимо, это связано и с влиянием английского языка, где слово «aggressive» достаточно часто употребляется одобрительно (Левонтина 2010, с. 23). И эта новая семантика, и одобрительная оценка у слова «агрессивный» в настоящее время в нашем обществе оказывается востребованной.

Мы видим, что в настоящее время в семантике и коннотациях лексем «агрессивный», «жадность», «карьерист» и ряда других происходят явные семантические изменения: развиваются новых семемы, появляется двуоценочность, отрицательная оценка трансформируется в положительную, развиваются новые значения. Эти семантические процессы отражают социокультурные тенденции современной жизни, когда люди стремятся стать успешными, получить выгоду, сделать карьеру любыми способами, в том числе и агрессивными, постыдными, жестокими, что раньше в русской культуре однозначно осуждалось.

МЕНТ

В Орле в 2002 г. областное УВД подало в суд на журналиста, употребившего в своей статье слово *мент*. Милиционеры пытались через суд доказать, что слово *мент* оскорбляет честь и достоинство сотрудников милиции («Известия», 9 августа 2003). Суд, правда, тогда не признал слово *мент* оскорбительным.

Несомненно, что слово *мент*, вышедшее из криминальной среды, сейчас является единицей общенародного сленга. Оно стало употребляться и за пределами сленга – ср. сериал «Менты», фильм «Авария-дочь мента», телешоу «Менты в Кремле». Сниженность этого слова, как и изменения в его семантике, в последнее время ощущаются весьма явственно.

О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина в словаре общенационального сленга «Слова, с которыми мы все встречались»: Толковый словарь русского общего жаргона (Ермакова 1999) указывают:

Мент – презр., отриц. оценка. Милиционер.

Отметим, однако, что некоторые приводимые авторами в словарной статье примеры, на наш взгляд, не подтверждают презрительный и неодобрительный характер значения описываемого слова. Например: «Вам просто надо поставить

на стоянку угнанный автомобиль и наслать *ментов*. Они за мизерный оклад сами носом землю взроют и сделают всю грязную работу (МК, 14.05.94)».

Химик В.В. в своем «Большом словаре русской разговорной лексики» (СПб., «Норинт», 2004) указывает:

Мент – (неодобр). Жарг. Милиционер, сотрудник милиции.

Однако в иллюстративном примере из «Литературной газеты», приводимом им в статье «Мент», читаем: «Думаю, не ошибусь, сказав, что благодаря этому сериалу («Менты» – И.С.) произошла невероятная трансформация: слово «менты» сменило негативный оттенок на доброжелательный».

Е.С. Отин в своей книге «Все менты – мои Кенты…» (Москва: «Элпис», 2006, с. 171–172) приводит многочисленные примеры по меньшей мере неоценочного употребления этого слова: «…в России сохранились *менты*.., которые денег не берут и защищают нас до последней капли крови»; «сериал об украинских *ментах*», «похоронили обычного *мента* из Кировского РОВД».

Автор указывает на увеличение в современной русской живой речи количества контекстов, когда негативный оттенок значения слова «мент» не актуализируется:

«В настоящее время жаргонизм *мент*(*ы)* отличается определенной стилистической амбивалентностью. С одной стороны, это несколько сниженное (но нисколько не оскорбительное!) именование сотрудников внутренних дел, разговорно-просторечный синоним слова милиционер (ср. приведенные выше примеры); с другой же – эмоционально-оценочное (пренебрежительное) обозначение профессионально непригодного милиционера (грубого, коррумпированного)» (там же, с. 172).

В Новейшем большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (СПб.: Рипол-Норинт, 2008): *Мент. Разг.-сниж. Милиционер*, нет указания на неодобрительную оценочность.

В «Толковом словаре русской разговорной речи» (проспект) (М., ИРЯ АН, 2010) слово *мент* приводится как слово *разговорное*.

Так является ли слово *мент* оскорбительным?

Для ответа на это вопрос целесообразно обратиться к обыденному языковому сознанию современных носителей языка и провести экспериментальное исследование современной семантики слова *мент*. Прежде всего нас будет интересовать возможная многозначность слова в современном языке и оценочность значения данного слова.

Для решения этих задач был проведен направленный ассоциативный эксперимент. Двумстам испытуемым – молодым людям и людям среднего возраста, в равной пропорции мужчинам и женщинам, было предложено закончить фразу: *мент – какой? мент – что делает?*

На каждый вопрос ответило по 100 человек, результаты обоих экспериментов были обобщены. Характерно, что в процессе проведения эксперимента не зафиксировано ни одного отказа от ответа, что свидетельствует, что слово *мент* полностью освоено русским языковым сознанием.

При обработке результатов экспериментов полученные реакции обрабатывались методом семантической интерпретации (Попова, Стернин 2007, с. 168–169) – интерпретировались как актуализации определенных семантических компонентов слова, а совокупности компонентов, соотносимые с одним денотатом, интерпретировались как принадлежащие одному значению.

В результате было получено психолингвистическое описание значения слова *мент* в современном языковом сознании.

Описание осуществляется по параметрам, выявленным эмпирическим путем для описания семантики наименований лиц: *Архисема. Внешность. Типичная физическая деятельность. Возраст. Опыт. Физическая сила. Характер Типичная служебная деятельность. Интеллект. Образование. Культура. Поведение. Типичное поведение. Материальное положение. Моральные качества. Общая оценка.*

Семы при описании отделяются запятыми, параметры – точкой с запятой. В некоторых значениях отдельные параметры могут быть не представлены.

Результаты эксперимента показали, что в семантике лексемы *мент* в современном русском языковом сознании явно выделяются два отдельных значения (сначала приводится краткое описание значения в опоре на наиболее яркие семы, затем пример употребления данного значения в речи, а затем – психолингвистическая дефиниция):

Мент

1. Толстый и наглый сотрудник милиции, хам, который пользуется служебным положением, берет взятки, вымогает деньги, бьет людей, хитрый, жадный, высокомерный, вызывающий негативное отношение. *Неод., презр*. или *пренебреж., сленг*. *Ничему хорошему от общения с ментами ты не научишься.*

Сотрудник милиции 37 или охранник 1;

толстый 16, в форме 4, при погонах 1, пьяный 1, ухмыляется 1;

бьет людей 9, тормозит машины 7, пьяный ездит за рулем, много пьет алкоголя 2, заигрывает, постоянно чего - то требует, ругается, ест, курит, спит 1;

наглый 20, высокомерный 12, злой, нахальный 8, хитрый 7, жадный, непорядочный, самоуверенный 4, грубый, серьезный, работает на себя 2, ищет своей выгоды, пользуется другими в своих интересах, несправедливый, человеконенавистный, ведомый, деловитый, бюрократ, непредсказуемый, недисциплинированный, очень разный 1;

берет взятки 36, вымогает 20, пользуется служебным положением 17, придирается по мелочам 9, не выполняет свои служебные обязанности 8 (*ничего не делает, не следит за порядком, делает вид, что выполняет свои служебные обязанности, делает вид, что ловит преступников, не стремится раскрывать дела, не трогает виновных, о людях не думает, иногда работает),* нарушает закон, превышает полномочия 7, крышует бандитов 3, вынюхивает, мошенничает, наказывает, обижает невиновных, подставляет людей, неправомерно берет штрафы, использует бесконтрольно оружие, наезжает, может пытать задержанных, издевается, обманывает, ворует, пытается угодить начальнику, движется по служебной лестнице 1;

тупой 4;

необразованный 2, не знает законов 1;

некультурный 1;

богатый 1;

подлый, не пользуется уважением 4;

вызывает негативное отношение 62 (*поганый 35, хам 14, козел 6, вредный, неприятный 2, гнилой, неправильно себя ведет, бандит 1*).

2. Сотрудник милиции, который охраняет общественный порядок, патрулирует, контролирует, допрашивает и штрафует людей. То же, что милиционер. Преим. неоц. или одобр. Сленг или разг. *Не могли его успокоить, ментов пришлось вызывать.*

Сотрудник милиции 37 или начальник 1;
строгий 4, опрятный, в серой форме, отдает честь, с оружием 1;
допрашивает 5, стоит на посту, составляет, протоколы, свистит 2, регулирует движение 1;
добрый 3, нормальный 2, дисциплинированный, немногословный, настойчивый, отзывчивый, справедливый, суровый 1;
взрослый 1;
опытный 1;
сильный 1;
охраняет общественный порядок 12, контролирует людей 9, задерживает, патрулирует, штрафует 4, арестовывает, работает 2, в той или иной степени обеспечивает покой, ищет, раскрывает преступления 1;
умный 1;
образованный 2;
с маленькой зарплатой 1;
порядочный, честный 2;
хороший 2.

Таким образом, слово *мент* в современном русском языковом сознании отчетливо двузначно. Первое значение неодобрительно-оценочно, второе – преимущественно неоценочное, разговорное.

Учитывая совокупный индекс яркости каждого из выделенных значений, приходим к выводу, что первое (оценочное) значение в три раза ярче в языковом сознании носителей языка, чем второе, и обычно первым приходит «на ум» при предъявлении изолированно взятого слова. Однако в конкретном контексте могут быть реализованы как первое, так и второе значение слова.

Скажем, в записке «Менты, мойте лестницу!» явно реализовано второе, неоценочное значение – это обращение к соседям по подъезду по их профессии. Ср. возможные варианты: «Педагоги, мойте лестницу!», «Бизнесмены, мойте лестницу!».

Таким образом, слово *мент* в современном русском языке имеет неодобрительное и неоценочное значения и в конкретном контексте может быть реализовано в одном из этих значений.

ПРИЛЕТЕТЬ

Слово *прилететь* в современном русском языке приобретает новое значение – *получить взбучку, нагоняй, быть побитым*. В данном значении слово употребляется преимущественно в форме прошедшего времени среднего рода страдательного залога (*прилетело ему, мне*).

Современные толковые словари не фиксируют сформировавшееся в недавнее время новое значение слова *прилететь* – «получить нагоняй, взбучку». При

этом анализ корпуса русского языка (http://www.ruscorpora.ru) показывает, что в современной речи достаточно часто используется слово *прилететь* именно в новом значении (см. Акованцева 2020).

На запрос в поиске «*прилетело*» найдено 69 документов, 108 вхождений. Примеры из Корпуса:

1. Получить удар

Все плыло и качалось. Тут ***прилетело*** *под ребра. Ботинком, наверное* [Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич» (1993)].

Следом ***прилетело*** *в живот – средний булыжник, ап, ап ртом воздух – но это так, не отключить, а напротив, подбодрить [Александр Гаррос, Алексей Евдокимов*. [Голово]ломка (2001)].

Еще больше примеров находим в свободном доступе на различных форумах, в новостных интернет-изданиях, современных любительских романах.

Нападающий рижского «Динамо» Картер Эштон рассказал о драке с нападающим «Ак Барса» Дмитрием Воронковым.

– Как подрались с Воронковым?

– Он травмировал Дялогу в первой же смене – удар в голову. Тот просто не ожидал – там с плеча или локтя ему ***прилетело*** [https://www.sports.ru/hockey/1082943187.html].

«*И капитану* ***прилетело*** *в бок!*

Опять же – не так сильно, как болезненно. И помимо всего прочего – очень оскорбительно! Его – капитана – бьют! На палубе собственного корабля!» [Владимир Колычев «Кровавые подснежники» (2018)].

В Пулково полицейский стал жертвой девушки – ему ***прилетело*** *ногой по телу. Молодая девушка ударила сотрудника полиции с ноги в пассажирском терминале аэропорта Пулково*». Заметка в «Мойке 78» от 20 ноября 2019 г. [https://moika78.ru/news/2019-11-20/321903-v-pulkovo-politsejskij-stal-zhertvoj-devushki-emu-priletelo-nogoj-po-telu/].

«*И только тогда до Семена дошло, что это не камень* ***прилетел*** *ему в лицо, а кулак. Оказывается, Боря обладал отличным нокаутирующим ударом…*» [Алена Винокурова «История одного конкурса» (2020)].

Отметим, что пример употребления данного слова в значении «получить удар» отмечен еще у Д.Н. Мамина-Сибиряка: *Здоров был этот Селифон, как медведь, лошадь кулаком с ног сшибал. Ну, как Федьке* ***прилетело*** *в ухо, он соскочил, сгреб со стола нож да с ножом на дядю…* [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Бойцы (1883)].

Таким образом, можно полагать, что данное значение в современном языке активизировалось, стало высокочастотным в настоящее время, но совершенно новым не является.

2. Получить нагоняй, выговор от начальства

«*Видимо, хорошо* ***прилетело*** *ему за художества со всеми этими обсерваторами по миллиарду рублей, гуляниями «ты туда не ходи, ты сюда ходи», пропусками на все, включая пылесосы и утюги (щютка)... Кресло мэра*

зашаталось под пятой точкой, посему карантин решили быстренько свернуть [ТАМАРКА СССР@MOSTAMRUS 8 июня].

Заголовок статьи в информационно-аналитическом еженедельнике «Листок» «*Бердников лжет про «технические ошибки» – после жалобы учителей в Москву ему «**прилетело***» [http://www.listock.ru/glavnaya/respublika-altaj/7739-berdnikov-lzhet-pro-tekhnicheskie-oshibki].

3. Достичь слуха, быть услышанным (не отражено в толковых словарях):

*– Пойду распоряжусь, а вы пока… – И никаких записей, – **прилетело** доктору в спину. Суровая сестра с лицом, черным и длинным, облачила Николая Степановича в зеленый хирургический костюм, закутала ему голову марлей, проводила туда, где пахло йодом и пережженными простынями…* [Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)].

Можно сделать вывод о том, что в настоящее время носители русского языка достаточно часто используют слово *прилететь* в новых значениях. Слово активно семантически развивается, приобретая новые разговорные значения.

В связи с этим в настоящее время словарная статья слова *прилететь* может выглядеть следующим образом:

ПРИЛЕТЕТЬ

1. Летя, достичь какого-л. места; прибыть. *Самолет прилетел вовремя. Птицы уже прилетели.*

2. *Разг.* Прибежать, быстро приехать; примчаться. *П. на вокзал за три минуты до отхода поезда.*

3. *Разг*. Получить удар, быть побитым кем-либо. *И ему прилетело в бок локтем.*

4. *Разг*. Получить нагоняй, выговор от начальства. *После жалобы учителей в Москву ему прилетело.*

5. *Разг*. Достичь слуха, быть услышанным. *– Не смей! – прилетело ему в спину.*

Значения 3–5 еще не зафиксированы имеющимися толковыми словарями.

СЛИТЬ, СЛИТЬСЯ

Интересные изменения происходят со словами ***слить и слиться.***

Они сохраняются в современной речи в своем основном значении – *соединиться, объединиться,* но остальные значения оказываются малоактуальными или совсем не актуальными для современных носителей языка (см. Дьякова 2020).

При этом современное употребление обоих слов демонстрирует большое количество новых значений, многие из которых недостаточно четко могут быть отграничены друг от друга и не могут рассматриваться как закрепившиеся в языке. Процесс семантического развития этих слов активно продолжается.

Нами был проведено лингвистическое интервьюирование, в котором приняли участие 100 воронежцев возраста 20–70 лет. Респондентам было предложено объяснить понимание значения слов СЛИЛ, СЛИЛСЯ и привести примеры их

употребления. На основе анализа контекстов СМИ и данных проведенного интервьюирования можно говорить о нескольких достаточно четко сформировавшихся новых разговорных значениях этих глаголов:

СЛИТЬ

1. **Разгласить, публично сообщить конфиденциальную информацию**. *Бывший программист ЦРУ слил информацию о тотальной интернет-слежке*.
2. **Предать.** *Этого кандидата потом просто слили*.
3. **Донести.** *А потом коллеги его просто слили начальству*.
4. **Намеренно проиграть**. *Команда слила игру*.
5. **Без объяснения внезапно завершить коллективно начатое дело**. *Она вдруг взяла и слила всю нашу избирательную кампанию*.
6. **Отделить гущу от жидкости**. *Хозяйка слила картошку*.

Последнее значение нельзя считать новым, оно давно существует, но оно было не отражено в толковых словарях

СЛИТЬСЯ

1. **Бросить женщину, исчезнуть (о мужчине).** *Нормально общались в чате. И чего он слился?*
2. **Провалиться, проиграть (в спорте).** *Почему сливается главный сюрприз НХЛ этого сезона?*
3. **Уступить в дискуссии, полностью проиграть в споре, прекратить сопротивление.** *Мы на него надеялись, а он после нескольких громких реплик оппонента вдруг внезапно позорно слился.*
4. **Не сдержать обещание, уклониться от выполнения чего-либо обещанного.** *Он много раз обещал нам помочь деньгами, а потом совсем слился и не показывается.*
5. **Уйти, сбежать, смыться.** *Вечеринка в самом разгаре, а он куда-то слился.*
6. **Не различать зрительно.** *У меня в глазах все сливается (о плохом зрении).*
7. **Закамуфлироваться, замаскироваться.** *Он быстро слился с толпой. Животное сливается с природой.*

Последние два значения существовали и ранее в системе языка, но в словарях не были отражены.

Слова *слить, слиться* в современном русском языке активно семантически развиваются, причем основной вектор семантического развития их – формирование новых разговорных и жаргонных неодобрительно-оценочных значений.

АТМОСФЕРНЫЙ, АТМОСФЕРНО

В последнее десятилетие в лексиконе оценочных слов часто можно услышать определения *атмосферный, атмосферно* по отношению к самым разным предметам, событиям, явлениям: *атмосферная музыка, фотография, книга, игра; атмосферный концерт, вокал, фильм, спектакль, стиль, момент, шедевр, вечер, город; атмосферный режиссер, человек; атмосферное место, кафе* и др.; *жить атмосферно*; *снять (кино) атмосферно, играть атмосферно* и т.п. (примеры из Национального корпуса, форумов и прессы).

Очевидно, что в семантеме прилагательного *атмосферный* идет активный процесс развития нового значения. Рассмотрим его.

Употребление слова в переносном смысле встречается еще в середине 19-ого века, но в единичных примерах: *И мне хотелось никогда не выходить из этой комнатки…не хотелось, чтобы разлетелась эта моя душевная атмосфера…* [Л.Н. Толстой. Семейное счастье (1859) НКРЯ].

В национальном корпусе русского языка употребление с новой сочетаемостью лексемы *атмосферный* зафиксировано в 2000, 2003 гг.:

*Он, например, умел создать «**атмосферный** строй» спектакля, а это совсем необъяснимо словами* [Н. Волков, «Как мы работали», 1990–2000 г.];

*Но ко времени фестиваля был уже в Петербурге «Дядя Ваня» Льва Додина, скупой и легкий в решениях, не зрелищный, но **атмосферный**; человечный, негромкий спектакль с безнадежной печалью внутри* [Чеховские круги // Театральная жизнь, 2003.24.11]. Признак *атмосферный* приписывается здесь произведению сценического искусства. Смысл слова проясняется его контекстуальными синонимами – *вызывающий переживания, размышления, создающий определенное настроение.*

Однако следует заметить, что прилагательное *атмосферный* значительно раньше, чем в кинотеатральной области, актуализировалось в музыкальной сфере и стало использоваться музыкантами и любителями, когда в конце 70-х годов XX в. появилось музыкальное направление эмбиент (англ. ambient – окружающее, обволакивающее) – стиль электронной музыки, основанный на модуляциях звукового тембра, напоминающих шумы окружающей среды. Звучание в стиле эмбиент часто характеризуется как ненавязчивое, фоновое, атмосферное [https://muzbank.net/posts/istoriya-i-stili-elektronnoi-muziki.html]. Особенно популярным этот стиль стал в 90-е гг. В связи с этим направлением сочетание *атмосферная музыка* получило специальное значение: «создающая определенную атмосферу спокойствия, интима, расслабления».

Постепенно происходило расширение сочетаемости прилагательного *атмосферный* с группой лексики, обозначающей музыкальные произведения, их исполнение, звучание инструментов: *атмоферный саундтрек, мелодия, аккомпанемент, концерт, вокал* и т.п. Соответственно наметилось расширение значения: «создающий определенную атмосферу вокруг слушателя. Например, атмосферу спокойствия или страха, счастья или депрессии» [https://vk.com/club20822176]. Так, в публикациях о кино встречаем примеры: «10 лучших атмосферных хорроров», «крутые атмосферные ужастики», «классический атмосферный триллер» «мистический атмосферный фильм». В таких сочетаниях у семемы *атмосферный* актуализируются семы «страшный, ужасный», «вызывающий психологическое напряжение», «таинственный».

Еще одна сфера, в которой активно употребляется слово *атмосферный*, – это компьютерные игры. Атмосферной называют компьютерную игру, которая вызывает захватывающие переживания (как положительные, так и отрицательные), держит в напряжении, полностью погружает в обстановку происходящего, отключая от реальности. Таким образом, в этом случае актуализируются семы «интенсивность психологического воздействия», «высокая степень психологического напряжения».

Анализ контекстов, характеризующих кинофильмы, спектакли, произведения литературы, живописи, фотографии и т.п., показывает, что прилагательное *атмосферный* проявляет деривационную активность, выступая производящей

основой для существительного *атмосферность* и наречия *атмосферно.* Названные лексемы реализуют следующие смыслы:

1) правдиво воссоздающий время, обстановку, эмоции, переживания персонажей, погружающий в свои события: *Вам не кажется, что "Родственники" – это очень специфическое* ***атмосферное кино*** *про еврейское семейство и близко и понятно оно будет не всем?* [Безрук М. Марина Голуб: счастье – быть свободным человеком // Труд-7, 2005.10.06];

2) создающий некое настроение, вызывающее эмоции за счет недосказанности, полутонов, неопределенности (создающие особую атмосферу внутри произведения): *Мы пытаемся сделать настроенческий,* ***атмосферный*** *спектакль про то, как трудно оставаться людьми, – говорит он* [А. Шевелева. Спектакли // Известия, 2012.31.05];

3) отражающий определенный авторский стиль: *Несмотря на* ***атмосферность*** *и специфический карваевский лиризм, фильм провалился, не собрав в Штатах и $1 млн»* [С. Уваров. Николь Кидман едва не погубили «Порочные игры» // Известия, 2013.21.08].

Свое значение у слова *атмосферный* формулируют фотографы: «*атмосферная фотография* – это стиль создания портретов. Его идея заключается в том, чтобы показать людей, находящихся в своем привычном окружении, где они живут, трудятся и играют» [https://photo-monster.ru/lessons/read/reportaj-v-stile-atmosfernoy-fotografii].

С другой стороны, есть понятие атмосферной фотографии природы, и тогда говорят о фото в тусклых, холодных, приглушенных сине-зеленых тонах, создающих мрачное настроение (от англ. moody landscape photos).

Анализ контента форумов в Интернете выявил у наречия *атмосферно* значение *«душевно, приятно»,* которое приписывают ему носители языка.

Таким образом, мы видим, что у слов *атмосферный, атмосферно*, с одной стороны, формируется сложная, многосемемная семантика, а с другой стороны, их основное значение (*создающий атмосферу, вызывающий определенные чувства, настроение*) проявляет сильную зависимость от контекста, наполняясь смыслом в зависимости от конкретной ситуации и предмета речи.

На основании проведенного анализа можно предложить такое толкование современного слова **АТМОСФЕРНЫЙ**:

1. прилаг. от 3 знач. слова *атмосфера.* Создающий определенное настроение, погружающий в обстановку того или иного реального или художественного времени, пространства, захватывающий внимание и чувства человека. О произведениях искусства, литературы, компьютерных играх, а также о событии, месте и под. *Атмосферный спектакль. Атмосферное кафе.*

2. муз *а. музыка*: спокойная фоновая музыка, вызывающая умиротворение, расслабление (стиль эмбиент). *Атмосферный саундтрек.*

3. фото. Стиль создания портретов (в реальной обстановке) и пейзажей (в мрачных, холодных тонах, окутанных туманом). *Атмосферная фотография.*

ТОПИТЬ (ЗА)

Среди новых лексических значений, актуализирующихся преимущественно в устной речи за пределами литературного языка, интересно появившееся в последние годы новое значение глагола «топить». Оно реализуется при употреблении этого глагола с предлогом «за» – «топить за кого-либо» или «топить за что-либо» (см. Розенфельд 2020).

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (2000) приводится три омонима лексемы (толкование взято с сайта «gramota.ru»).

1. ТОПИТЬ

1. Разводить и поддерживать огонь в печи, очаге и т.п. *Т. плиту хворостом. Т. печь дровами. Т. камин.*

2. Обогревать (помещение), разводя огонь в печи или включая отопительные приборы; отапливать. *Т. баню, дом. В квартире стали т.*

2. ТОПИТЬ

1. Делать мягким, жидким, нагревая; расплавлять. *Т. олово, воск, сургуч.*

2. Вытапливать или перетапливать. *Т. китовый жир. Т. сливочное масло. Т. молоко, сливки.*

3. ТОПИТЬ

1. Погружать в воду, заставлять тонуть. *Т. корабль. Т. котят.*

2. Заливать водой; затоплять. *Вода топит берег реки.*

3. Заглушать, подавлять в себе с помощью чего-либо тяжелые чувства, мысли и т.п. *Т. свое отчаяние. Т. тоску в заботах по дому. Т. горе в вине.*

4. Разг. Губить, предавая, оговаривая кого-либо. *Только не выдавай меня, не топи! Т. на экзамене кого-либо.*

Однако в значении, реализуемом с предлогом «за», глагол здесь не представлен. Отсутствует толкование глагола «топить» с таким управлением и в словарях, размещенных на сайте «СЛОВАРИ. РУ» (более 20 словарей, среди которых «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, 1997; «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, 1981–1984; «Русский семантический словарь» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой, 1998; «Словарь русского арго» В.С. Елистратова, 2000). Поиск в «Национальном корпусе русского языка» дает 810 результатов употребления глагола «топить» и ни одного с интересующим нас управлением.

В то же время на лингвофорумах в Интернете активно обсуждается толкование нового значения глагола, выдвигаются гипотезы его появления. «*Топить за кого-либо* в современном молодежном сленге означает *поддерживать, болеть и всячески агитировать*. Аналогия, по всей видимости, происходит от педали газа, «утопив» которую можно развить движуху. Или же тот, кто за тебя болеет, топит печку поддержки, разогревая пространство? А может, речь идет о музыкальном инструменте, где, со всей дури нажав на клавиши, можно поддержать любимую команду? Пишите ваши версии в

комментариях» (запись на сайте «Что – это – такое. ру»; https://chto-eto-takoe.ru/topit).

В книге С. Монахова и Д. Чердакова «Глазарий языка. Энциклопедия русского языка, меняющая представление о справочной литературе» так объясняется появление нового значения:

«Тем, кто читает спортивные сайты и форумы, непременно знакомо выражение «топить за», которое в жаргонной среде сегодня заменяет обесцветившееся «болеть за». Выражение это появилось в середине 2000-х годов вместе с ныне утрачивающим популярность «притапливать за». Судя по последнему слову, заимствованы эти выражения из жаргона автомобилистов, где обозначают «давить на газ», «быстро ехать» (https://www.litres.ru/dmitriy-cherdakov/glazariy-yazyka-enciklopediya-russkogo-yazyka-menyauscha/chitat-onlayn/).

Находит отражение новое значение слова и в «Викисловаре».

ТОПИТЬ:

1. погружать в жидкость, заставляя тонуть, то есть уходить под воду. *Топить корабль. Топить котят*.

2. *перен*. ставить в безвыходное положение; принуждать к провалу, поражению. *Преподаватель топил студентов на экзамене*.

3. *жарг*. поддерживать кого-либо, что-либо; болеть, переживать за кого-либо. *Топить за ЦСКА*.

(https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%82%D1%8C).

Рассмотрим сферы употребления глагола в этом значении и определим его стилистическую окраску.

Прежде всего, обращает на себя внимание употребление слова в спортивном дискурсе. В 2018 г. в Сочи были вывешены баннеры, рекламирующие местный футбольный клуб – «*Короче, топи за Сочи!*». В данном случае глагол имеет значение «болеть за спортивную команду» и употребляется как жаргонизм (спортивный жаргон). Использование глагола «топить» как спортивного жаргонизма, вероятно, является наиболее ранним среди его жаргонных употреблений. «Топить (за)» встречаем уже в 2006 г. на интернет-страничке омских хоккейных болельщиков: *«А еще у местных было меньше дудок и по свидетельствам очевидцев-телезрителей нас было слышно всю игру. Местные же начали топить за команду только тогда, когда она пошла, забив два гола»* (https://luzan-omsk.livejournal.com/3465.html). В последние годы глагол в этом значении можно встретить не только на спортивных форумах, но и в СМИ спортивной тематики.

Со временем «топить (за)» начинает встречаться в политической сфере. Пользователь «Живого журнала» Анатолий Воробьев приводит следующие контексты употребления слова в политическом дискурсе, отмечая, что записи датируются 2014 г. и позже: *«Вспомни, как он топил за Майдан»; «Все 90-е мой папа ругался на Россию и топил за СССР»; «Завтра скажут вновь агитировать за Новороссию – будет топить за Новороссию»; «Навальный вроде бы топит за праймериз и демкоалицию, но по итогам получается, что топит как-то недостаточно громко»* (https://avva.livejournal.com/2960513.html). Журналист Юрий Дудь в интервью интернет-изданию «Медуза» 25 июня 2020

года говорит о голосовании за поправки к Конституции РФ: *«Не знаю, сколько еще заготовлено селебрити-патронов у тех, кто топит за поправки, но когда они будут снова свистеть в лентах, я буду вспоминать о цитате сверху»* (https://meduza.io/feature/2020/06/25/mnogie-ne-mogut-reshit-chto-delat-s-obnuleniem-boykotirovat-ili-vse-zhe-golosovat-protiv-my-poprosili-lyudey-chie-mnenie-dlya-nas-znachimo-dat-nam-sovet).

В приведенных примерах значение глагола «топить» можно определить как «агитировать», «пропагандировать», «защищать точку зрения». При этом слово по-прежнему является сниженным, и здесь оно относится к политическому жаргону.

Сегодня глагол выходит за пределы жаргонного использования. Так, слово можно встретить в заголовках авторитетных СМИ различной тематики. *«Топить за Бобруйск»* – название статьи в «Новой газете» – март 2020 г. (https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/24/84483-topit-za-bobruysk), *«Песни отчаянных времен. Артемий Троицкий топит за политпросвет»* – название подкаста на «Радио Свобода» – 14 июня 2020 г. (https://www.svoboda.org/a/30646118.html) и др.

Актуальность нового значения проявляется также в том, что глагол все чаще употребляется со стилистическим заданием. Например, один из подкастов «Радио Спутник» называется *«Топить за себя. Трамп приказал ВМС США уничтожить иранские катера»* (публикация 23.04.2020, https://radiosputnik.ria.ru/20200423/1570478201.html). В данном случае одновременная актуализация нескольких значений глагола служит созданию каламбура. Также на использовании каламбура строится текст песни группы «Нейромонах Феофан» «Топить за Феофана», где глагол «топить» используется одновременно в двух значениях – «разводить и поддерживать огонь в печи» и «агитировать за кого-либо; пропагандировать, быть сторонником»: *«Добрый молодец, красна девица, // За медведем к берлоге я выйду! // Пока он вылезает, ленится, // За меня вы печку потопите! // Топить за Феофана, // Топить за Феофана, // Топить за Феофана / Мы будем рады. // Топить за Феофана, // Топить за Феофана, // Топить за Феофана, // За Феофана топить»* (премьера песни состоялась в 2017 году).

Таким образом, мы можем говорить об изменении стилистического статуса глагола в рассматриваемом значении. Употребляясь все реже как спортивный и политический жаргонизм, слово становится принадлежностью общенационального жаргона, т.е. сленга. Кроме того, можно прогнозировать движение лексемы по шкале стилистических смыслов. От уровня «сниженное» глагол постепенно поднимается к уровню «разговорное», т.е. существует вероятность его вхождения в литературный язык.

Для уточнения семантики глагола «топить» с управлением «за что-либо / за кого-либо» мы провели лингвистическое интервьюирование в социальной сети «ВКонтакте». Участники опроса – носители русского языка в возрасте от 20 до 45 лет – студенты-гуманитарии, а также люди с высшим гуманитарным образованием. В опросе приняли участие 30 человек. Испытуемым предлагалось дать толкование значения слова «топить (за)», а также привести примеры употребления слова в этом значении. В ходе интервьюирования получено 27 ответов и 3 отказа.

Семная интерпретация толкований, предложенных участниками опроса, позволяет выделить в семантике глагола «топить» с управлением «за что-либо / за кого-либо» следующие варианты:

1. **Выступать в защиту идеи** 11 (*Топить за правду, Топить за идею, Топить за Конституцию, Топить за отмену школьной формы, Топить за Крым вместо Египта*).
2. **Быть сторонником движения** 4 (*Топить за движение, Топить за феминизм, Топить за бодипозитив, Топить за ЗОЖ*)
3. **Болеть за спортивную команду** 4 (*Топить за Спартак, Он топит за Локомотив, Топить за «Буран»*)
4. **Выступать в поддержку лица** 2 (*Топить за Федю, Топить за Навального, Феминистки топят за права женщин*)
5. **Обсуждать что-либо** 2 (*Топить за ситуац*ию)
6. **Представлять интересы** 2
7. **Популяризировать** 1

Интерпретация рассмотренных выше контекстов, а также данных проведенного лингвистического интервьюирования, учет наиболее актуальных семантических признаков позволяют сформулировать значение глагола «топить» с управлением «за что-либо / за кого-либо» следующим образом.

ТОП*И*ТЬ, топлю, топишь, нсв., *за*

1. *сленг*. Активно выступать в защиту идеи или лица, пропагандировать, агитировать, быть сторонником движения, представлять интересы. *Топить за феминизм. Топить за Конституцию. Топить за Навального.*

2. *жарг., спорт.* Болеть за спортивную команду. *Топить за «Буран».*

ЗАЙТИ/ЗАХОДИТЬ

Слово «зайти» / «заходить» в значении «понравиться» / «нравиться» (см. такие контексты, как «мне фильм зашел»; «шутка не зашла» и под.) относится к так называемым модным жаргонным словам и воспринимается большинством носителей русского языка как новое (см. Саломатина 2020).

Как заметил в рубрике «Говорим правильно» на «Радио7» главный редактор интернет-портала ГРАМОТА.РУ Владимир Пахомов, как и все подобные слова, оно очень быстро стихийно распространяется, всеми подхватывается и используется в непринужденной речи (https://radio7.ru/programs/slovar-udareniy/kak-poyavilos-slovo-zashlo-v-znachenii-nravitsya?region=tolyati).

Этот механизм вхождения в речь жаргонизма является универсальным независимо от того, каким образом появилась та или иная лексическая единица.

Словари, как известно, с небольшим опозданием фиксируют новую лексику, а некоторые слова так и не попадают в лексикографическую литературу.

В Большом толковом словаре (2000) выделяется восемь основных значений лексемы, однако не фиксируется жаргонного значения. Такая ситуация выглядит вполне очевидной, если принять тезис о том, что глагол «зайти» / «заходить» в рассматриваемом значении появился в языке совсем недавно. Однако обращение к Словарю русского арго В.С. Елистратова (материалы 1980–1990 гг.) опровергает наше представление о новизне анализируемого глагола:

ЗАХОДИТЬ

1. под кем. Работать в сети, используя определенное регистрационное имя.

Зашел под собой.

2. обычно в 3 л. Восприниматься, получаться, ощущаться. *Водочка хорошо заходит. При коммунизме политбайки (политические анекдоты) лучше заходили.*

Таким образом, модное сегодня слово «зайти» / «заходить» имеет уже довольно солидную историю в русском языке. В предисловии к первому изданию В.С. Елистратов говорит, что в словаре «представлен сплав многочисленных городских арго (жаргонов, сленгов): шоферов, бизнесменов, проституток, грузчиков, художников, рабочих, воров и т. п. Любой арготизм в речи стилистически окрашен. Эта окраска отличает арготизм от разговорно-просторечного не-арготизма. Она безошибочно распознается носителями языка. <...> Конечно, часто грань между арготизмом и не-арготизмом размыта и нечетка. Многие вчерашние арготизмы уже претендуют на «чистую» разговорность, настолько они стали распространенными (напр., ТУСОВКА)» (Елистратов 2002).

Из этого следует, что глагол «зайти» / «заходить» пришел в молодежный жаргон, по-видимому, из жаргона какой-либо другой социальной группы. И популярность этого жаргонизма именно сегодня связана с тем, что он попал в язык молодежи, являющейся наиболее активным распространителем языковой моды.

Заметим, что у жаргонного глагола «зайти» / «заходить» сформировалась также специфическая грамматическая сочетаемость: «зайти» / «заходить» *кому* (*им зашло, мне не зашло* и т.п.). Таким образом, появилась особая конструкция, которую можно назвать фразеологизированной: что зашло / не зашло кому.

Казалось бы, очевидно, что жаргонный глагол «зайти» / «заходить» появился в результате семантического расширения глагола «зайти». Однако ни одно из восьми системных значений глагола не позволяет проследить очевидной семантической связи между системным и новым жаргонным значениями. Между тем анализ семантической структуры слов «идти» и «ходить», являющихся производящими по отношению к «заходить», дает основания предположить, что жаргонное значение возникло на базе семантики этих многозначных и семантически высокопродуктивных глаголов:

ИДТИ. 17. *только 3 л. (обычно с обстоятельством).* Получаться, ладиться, спориться. *Работа не идет. Репетиции идут тяжело. Торговля идет хорошо.* 18. *только 3 л. Разг.* Находить сбыт, спрос, распродаваться. *Товар идет хорошо. Платья устарелых фасонов идут по сниженным ценам* (БТС 2000)

ХОДИТЬ. 15. Распространяться, охватывать всех или многих, всё или многое (обычно о слухах, болезнях и т.п.). *По городу ходили тревожные слухи. О председателе ходили разные сплетни. Среди студентов на этот счет ходило множество анекдотов. В районе ходит грипп. Простуда ходит по всему телу* (БТС 2000).

Общими у слов *идти, ходить* и *заходить* будут, во-первых, сочетаемость с неодушевленными существительными; во-вторых, семы «получать распространение, распространяться где-либо», «получать отклик, ответную реакцию от какой-либо группы людей».

На наш взгляд, глагол «зайти» / «заходить» семантически не полностью совпадает с глаголом «понравиться» / «нравиться». На сайте «Модные слова» дается следующий комментарий относительно семантики анализируемого

глагола: «Не зашло – так говорят подростки, обычно, когда твоя шутка не имеет успеха, либо ее не так поняли. *Что вы сегодня такие сонные, к вам даже мои лучшие хохмы не заходят; Что, опять шутка не зашла?* (контексты взяты с сайта: https://модные-слова.рф).

Таким образом, современное значение жаргонного глагола «зайти» / «заходить» в современном русском языке можно сформулировать следующим образом:

ЗАЙТИ / ЗАХОДИТЬ. *Жарг.* Быть понятым и понравиться.

ПИТОМЦЫ

В русском языке получает все более широкое распространение слово ПИТОМЦЫ (часто – в составе устойчивого выражения *домашние питомцы*). Так в последнее время называют домашних животных, которых держат дома для забавы, прежде всего кошек и собачек.

Если в английском языке для обозначения данного концепта есть весьма употребительное слово pet, которое обозначает *любимое ручное животное, которое приручили, держат дома в комнате, с которым обращаются с любовью, к которому испытывают эмоциональную привязанность, используют как компаньона, любуются им, балуют, гладят и ласкают,* то в русском языке до последнего времени не было такого слова, хотя сами такие животные, несомненно, существовали и существуют. Важным признаком pet является признак «*не используемое для получения материальной выгоды», «не имеющее прагматического назначения*», «*используемое для забавы*».

Английское слово pet с позиций сопоставления с русским языком является немотивированной лакуной – pets у русских есть и есть соответствующий концепт, хотя обобщающего слова для этого концепта нет. Важно, что лакунарность данной лексемы в русской языковой системе вовсе не означает, что данный концепт не может быть назван в русском языке, его нельзя назвать в общении. В случае возникновения коммуникативной необходимости pet может быть назван. Если возникает необходимость номинировать данный концепт в русском общении, обычно используются такие слова и выражения:

живность (живое существо), *домашние животные* (животное, которое держат дома), *четвероногий друг, домашние любимцы* – подчеркивает любовь, эмоциональную привязанность к животному.

Словосочетание *домашние животные* в обыденном общении остается для носителей русского языка двусмысленным (это и домашний скот, и ручные домашние «кошечки и собачки») и поэтому неудобным. Русский язык, испытывающий необходимость отдельной номинации «собачек и кошечек», тем более что возникла целая индустрия обслуживания этих животных, сформировал потребность в отдельной номинации данного денотата.

В последние годы на эту роль стали все чаще «пробоваться» слова *питомец, питомцы*, что изменило ситуацию и привело к развитию нового значения у слова ПИТОМЕЦ.

Начиная с 1993 г. частотность употребления слова *питомец* по данным Национального корпуса русского языка выросла в русском языке в 6,5 раза – с 0,36 на 1 млн. словоупотреблений до 2,34 на 1 млн. словоупотреблений.

Со словом произошли заметные семантические изменения. В Новейшем большом толковом словаре русского языка под ред. С.А. Кузнецова (2008) слово *питомец* имеет единственное значение – «Чей-либо воспитанник». *Питомцы известного филолога. Питомцы университета. Питомцы школы.* Однако в реальном употреблении количество значений слова *питомец* оказывается в последние десятилетия намного больше.

Проанализированные материалы, представленные в Национальном корпусе русского языка с 1993 по 2016 гг. (дата обращения 31.3.2016) выявили 59 употреблений слова питомец за этот период. Значения данного слова, представленные в Корпусе, распределились по частотности следующим образом:

ученики какого-либо учебного заведения – 5;
выпускники учебного заведения – 10;
животные, которых держат для забавы – 23;
лица, воспитанные кем/чем-либо – 10;
специально выращиваемые растения – 8;
выходцы из какой-либо среды – 3.

Таким образом, в смысловой структуре слова *питомец* абсолютно доминирует значение *животные, которых держат для забавы*.

Формирование данного значения обусловлено изменением коммуникативной ситуации – домашние питомцы стали предметом реального внимания в России, появилась индустрия, торговля, сервис для этих животных и их хозяев, мода на них и, соответственно, заметно повысился интерес общества к содержанию домашних животных и уходу за ними, формированию государственных и коммерческих структур, связанных с домашними животными, специальных магазинов, клиник, обслуживающих потребности домашних животных и их владельцев и т.д. Все это и вызвало коммуникативную необходимость номинации концепта, что привело к стабилизации его вербального обозначения.

Таким образом, у русского слова *питомец* появляется новое значение – *животное, которое держат для забавы.*

2.5. Новые русские фразеологизмы

Процесс появления новых единиц во фразеологии идет не так интенсивно, как в лексике, тем не менее новые фразеологизмы постоянно возникают в речи, и фразеологический состав русского языка в конце 20-го – начале 21-го века интенсивно развивается.

За последнее десятилетие возникло значительное количество новых фразеологических единиц (ФЕ), причем тематические сферы фразеообразования оказываются теми же самыми, что и для новых слов и значений: общественно-политическая сфера, рыночные отношения, быт, техника, шоу-бизнес.

Так, в сфере политики появились следующие новые фразеологические единицы: *грязные технологии* – действия и приемы в политике с нарушением закона, морали; *оранжевая революция* – ненасильственный способ взятия власти народными массами; *политика двойных стандартов* – двойственная политика, дискриминирующая в чём-то одну из сторон; *хромая утка* – дискредитировавший себя политик; *чёрный пиар* – компромат на соперника; *встреча без галстуков* – встреча в непринуждённой обстановке, без официоза;

мягкая сила – форма политической власти, предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жёсткой силы», которая подразумевает принуждение и др.

Новые ФЕ из социальной сферы: *офисный планктон* – работники умственного труда с пониженной творческой составляющей, проводящие жизнь в офисах; *лихие девяностые* – эпоха тотального беззакония; *оборотни в погонах* – коррумпированные служители порядка; *сидеть на нефтяной игле* – жить за счет природных ресурсов; *непоротое поколение* – люди, родившиеся после сталинской эпохи; *поколение пепси* – категория людей, которые были детьми в 90-х годах 20-го века, чье детство прошло без компьютеров и гаджетов; *правовой нигилизм* – пренебрежение к праву; *стокгольмский синдром* – связь, симпатия, возникающая между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения, применения угрозы или насилия; *соблюдать дресс-код* – 1) соблюдать требования к одежде; 2) (перен.) выполнять условности в чём-то: *бессмертный полк* – патриотические акции-шествия с целью сохранения личной памяти о поколении Великой Отечественной войны.

В межличностных отношениях также наблюдается возникновение новых ФЕ: *воскресный папа* – отец, не живущий с семьей и не имеющий возможности видеть ребёнка постоянно; *футбольная вдова* – (ирон.) о женщине, муж которой всецело поглощён футболом; *капитан очевидность* – человек, говорящий очевидные вещи; *белый и пушистый* – (ирон.) человек, положительный до слащавости; *рублёвские жёны* – жёны олигархов, чьё прошлое темно, а будущее неопределённо.

Новые ФЕ, связанные с экономической сферой и, в частности, с рыночными отношениями: *кошмарить бизнес* – создать нестерпимые условия для существования бизнеса; *серая зарплата / зарплата в конверте* – зарплата, выплаченная на руки, минуя или сокращая налогообложение; *срубить бабло (бабки, капусту)* – заработать денег легко, без особого напряжения и риска; *чёрный нал* – денежная наличность, скрытая от налоговых органов; *шоковая терапия* – радикальные экономические реформы, которые ценой жертв должны привести к подъему экономики; *жирные коты* – финансовая компания, получающая сверхвысокие прибыли благодаря финансированию рисковых операций и др.

В технической сфере новые ФЕ возникают, главным образом, как компьютерный жаргон, а затем расширяют свое значение: *картинки не грузятся* – затруднительно привести пример, подтвердить фактами; *одна из опций* – одна из жизненных возможностей, перспектив; *перезагрузка отношений* – строить отношения на новой основе, учиться договариваться; *сливать в корзину* – 1) удалять с рабочего стола; 2) (перен.) расстаться с кем-то или чем-то; *комменты рулят* – так говорят, когда комментарии лучше, чем сам текст, сообщение и др.

Новые ФЕ, как и раньше, часто приходят из криминальной сферы: *поставить на счетчик* – вымогать долг с процентами; *развести лоха* – злоупотребляя излишней доверчивостью, обмануть; *следи за базаром* – контролируй то, о чём говоришь; *давать наколку* – 1) быть осведомителем преступных элементов; 2) (перен.) научить чему-то.

Новые ФЕ в бытовой сфере: *валенком прикинуться* – казаться простачком; *бесплатный сыр (бывает только в мышеловке)* – предостережение: что-либо бесплатное обычно имеет скрытый подвох, ловушку*; бросить кости* – лечь; *давить на массу* – спать; *всё в шоколаде* – 1. всё прошло гладко; 2. всё по высшему разряду; *ездить по ушам* – надоедать; *опуститься ниже плинтуса* – потерять своё лицо, достоинство; *раскатать губу* – рассчитывать на что-то труднодоступное*; с дуба рухнул* – сошёл сума; *фейсом об тейбл* – расправа; *вишенка на торте* – приятное дополнение к чему-то хорошему; *накрыть поляну* – отблагодарить кого-то угощением, *(что) пошло вразнос* – как попало, неправильно, плохо; *жаба душит/давит* – 1) завидовать; 2) жадничать.

ФЕ, возникшие в военной и спортивной сфере: *проводить зачистку* – 1) провести антитеррористическую операцию по уничтожению боевиков. 2) избавляться от чего-то; *упал – отжался* – требование беспрекословного выполнения приказа, подчинения; *груз 200* – военный термин, обозначающий транспортировку убитых или умерших; *танки грязи не боятся* – (ирон.) решимость в движении вперёд; *контрольный выстрел в голову* – надёжное, гарантированное обеспечение требуемого результата *красная карточка* – штрафные санкции кому-то, отстранение от чего-то.

ФЕ из рекламы, шоу-бизнеса: *богатые тоже плачут* – о проблемах в состоятельной семье; *сладкая парочка* – (ирон.) о ком-то неразлучном; *мыльная опера* – сериал; *шоу маст гоу он!* – шоу должно продолжаться! (несмотря ни на что, чего бы это ни стоило!); *как упоительны в России вечера* – о чём-то приятном; *картина маслом* – какие-то яркие явления или события, важные моменты, на которые нужно обратить особое внимание; *Санта-Барбара отдыхает*! – о лихо закрученных семейных отношениях; *православие головного мозга* – о фанатично верующем человеке, *икона стиля* – знаменитость с выраженным индивидуальным стилем, пример для подражания, *высокая мода* – модные изделия лучших модельеров, выполненные вручную в единственном экземпляре; *марлезонский балет* (*вторая часть Марлезонского балета*) – неожиданное развитие событий или череды событий гротескного характера (из фильма «Д’Артаньян и три мушкетёра», когда распорядитель бала церемонно объявляет: «Вторая часть Марлезонского балета!» – после чего его сбивает с ног врывающийся в зал Д'Артаньян, который торопится доставить подвески королеве).

Мы видим, что источниками пополнения фразеологического фонда русского языка становятся: жаргон, обычно молодежный (*респект и уважуха, полный отстой, (мне это) чисто трактором, простите за мой французский* и др.), компьютерный и интернет-жаргон (*гугол тебе в помощь, глюконат железа, всемирная паутина),* «олбанский» язык (*аффтар, убей себя! / выпей йаду! пеши есчо, аффтар жжот нипадецки, ацкий сотона, в Бабруйск, жывотное!*); уголовный жаргон (арго) (*поставить на счетчик, косяка давить, забить стрелку, воровской авторитет* и др.);

просторечие (*губу-то закатай! как два пальца об асфальт, дать в бубен, облезешь и неровно обрастешь, переть буром* и др.);

подъязык политики (*новые русские, красный пояс, умное голосование, встать с колен, если надо – повторим, мягкая сила, разыграть карту); гибридная война, вежливые люди, раскачивать лодку* и др.);

экономики (*чёрный риелтор, чёрный нал, падение рубля, попасть на деньги, развести на деньги*);

терминология (*стокгольмский синдром, весеннее обострение, измененное состояние сознания* (в обиходе используется как *измененное сознание), шоковая терапия, чистить карму, третий глаз, бегущая строка и др.);*

прецедентные тексты – в основном это выражения из фильмов и рекламы (С*ладкая парочка. Не тормози! Сникерсни! Чистота – чисто Тайд. Тогда мы идём к вам. За державу обидно. Картина маслом* и др.).

Обращает на себя внимание тот факт, что, как и в лексике, во фразеологии резко активизировалось употребление жаргонных и просторечных фразеологизмов. Кроме того, активно идет процесс заимствований, которому способствуют такие факторы, как экономическое и культурное сотрудничество стран, личные контакты, возросшее число россиян, владеющих иностранными языками.

Одним из самых распространенных способов вхождения заимствований в русский язык становится калькирование фразеологизмов: *мягкая сила, шоковая терапия, партия войны, партия мира, партия власти, коридоры власти, пиратский бизнес, большая семерка (восьмерка), высокая мода, головная боль, заниматься любовью, горячая линия, хромая утка* и др. Как правило, эти фразеологизмы являются семантической калькой, исходным выражением для которой стали оборот или слово из английского языка. Так, выражение *крестный отец* (хозяин мафиозной группировки) – представляет собой описательную семантическую кальку от англ. godfather); *мыльная опер*а – усеченная семантическая калька от англ. soap opera. Встречаются и варваризмы, оформленные обычно по правилам русского языка (*пред апорте, фейсом об тейбл, биг дата*).

И.А. Стернин обращает внимание на появление иронических фразеологизмов-эвфемизмов, номинирующих отдельных лиц: *афганский соловей* (писатель А. Проханов), *плачущий большевик* (Н.И. Рыжков), *мать русская, отец юрист* (В.В. Жириновский). Иронический характер благодаря писателю-сатирику М. Задорнову приобрело словосочетание *закрома родины*, которое получило смысл «бездонная пропасть, где бесконтрольно разворовывается и пропадает производимая в стране продукция» (Стернин 2004, с. 37).

Часто возникновение ФЕ связано с языковой игрой. Например, ФЕ из молодежной речи *шутки юмора* и *респект и уважуха* – это тавтология, которая используется здесь как прием повтора. Для усиления же сказанного используют и ФЕ *от слова «совсем»:* «Денег нет. От слова совсем». «У него нет голоса. От слова совсем». «Ребёнок ничего не ест. От слова совсем».

Уже не торт – фразеологизм, основанный на игре слов «тот» и «торт», имеет значение «уже не такой хороший, как прежде». Например: *Автор уже не торт*.

В целом ФЕ дают богатейший материал для применения различных приемов, усиливающих выразительности речи.

Новые воспроизводимые словосочетания, постоянно возникающие в речи, ведут себя по-разному. Некоторые довольно быстро уходят из употребления, другие закрепляются в языке. Наблюдаются следующие способы образования новых ФЕ:

- Новое явление требует нового наименования; возникает новое по семантике и структуре выражение (в том числе и на основе заимствования).
- Известное ранее явление становится актуальным для носителей языка, возникает новое, оригинальное по форме, но знакомое по значению выражение.
- Известное ранее явление становится актуальным для носителей языка, возникают вариативные ФЕ, близкие по структуре, семантике и образу к традиционным, но с варьируемой переменной.
- У существующей ФЕ развивается новое значение для наименования существующего или нового денотата.

Рассмотрим эти способы подробнее.

1. Возникновение новых для русского языка выражений связано с появлением новых предметов, понятий или явлений и осмыслением их.

Так, совсем недавно в связи с пандемией возникли обороты *вертолетные деньги, поставить на паузу (жизнь, расходы), социальная дистанция, вторая (третья) волна вируса, красная зона*. Вот еще примеры ФЕ, которые возникли как номинации новых явлений, понятий и предметов: *лихие девяностые, поколение пепси, бессмертный полк, всемирная паутина, цветные революции и др.*

Покажем формирование ФЕ *цветные революции*. Этот термин получил в настоящее время очень широкое распространение: он актуален уже второе десятилетие. Реже встречается другое, хотя и близкое, наименование – «*цветочные революции».* Оба этих оборота носят книжный характер и используются обычно в публицистическом стиле. Приведем некоторые примеры их употребления.

– Самым незадачливым проектом «*цветочной» революции* был выход на площадь Тяньаньмынь в 1989 году десятков тысяч демократически настроенных китайских студентов и молодежи (http:// svom.info/).

–…Борьбу государственных интересов отменить невозможно, и *цитрусово-цветочные революции* в этой борьбе – никак не российская победа (В России цитрусовые не растут // РИА Новости, 2005.04.01).

– Каждый год между ЕС и Россией возникает новый конфликт. Вначале это был вопрос транзита из России в Калининградскую область, затем *цветочные революции* в Грузии и на Украине, ЮКОС, энергетическая безопасность (Дайджест российской прессы – 19 февраля // РИА Новости, 2007.02.19).

Лексема «*цветные»* в обороте *цветные революции* образована от слова «*цвета»* – мн. ч. от слова «цвет» в знач. «тон, окраска», «*цветочные»* – от лексемы «*цветы»* – мн. ч. от ед. ч. просторечного слова «цвет» – в знач. «цветок». Слова «цвета» и «цветы» составляют паронимическую пару.

Изначально революции были именно «цветочные»: вспомним «Революцию гвоздик» в Португалии в 1974 г. По легенде, свое название она получила от того, что одна из жительниц Лиссабона опустила гвоздику в ствол винтовки встреченного ей солдата. По ее примеру граждане в массовом порядке начали раздавать солдатам красные гвоздики.

Затем были «*Революция роз»* (в Грузии в 2000 г., когда оппозиционеры во главе с Саакашвили с розами в руках – откуда и пошло название – захватили здание парламента), *Жасминовая* (Тунис 1987 г. и 2010 г.) и *Тюльпановая* (Киргизия, март 2005 г.) революции.

Далее к лексемам, образованным от названия цветов, присоединяются слова, связанные с названиями плодов и деревьев, характерных для той страны, где происходят события: *оранжевая и каштановая революция* (второе название для выступлений в Украине), *дынная* (в Киргизии в 2010 г.), *кедровая* (Ливан, 2005 г.).

Со временем паронимия: «цвет» – тон и «цвет» – цветок перестала осознаваться, и названия для конкретных событий стали браться, как правило, из тематической группы «Цветы», а позднее и из других тематических групп, а именоваться эти события стали «*цветные революции*» от слова «цвета».

Вспомним, что еще раньше в ряде восточноевропейских стран произошли так называемые «*бархатные революции».* Бархатными их называют потому, что изменение строя в этих странах совершались без массовых кровопролитий, за исключением событий в Румынии с жестоким убийством диктатора. Название пошло от первой из подобных революций – революции в Чехословакии (1989 г.): *Sametová revolúce* (чеш.) – *«Бархатная революция»*, *Nežná revolúcia* (словацк.) – «*Нежная революция*». Несмотря на первоначальные столкновения демонстрантов с силовыми структурами, в целом эта революция осуществилась бескровно, в связи с чем и получила свое название.

Образ, лежащий в основе наименований всех этих событий, разный: *апельсин, каштан, бархат*, но строятся они по одной модели: «прил. + сущ. в Им. п. ед. ч.», где основным является существительное в первом основном значении «революция», т.е. коренное преобразование общества, а второй компонент (прилагательное) в этом значении называет признак, свойства чего-либо (чаще всего цветка, растения). Во фразеологизме второй компонент используется в переносном мотивированном значении и, сохраняя первоначальный образ, приобретает сему «нечто приятное, неопасное»: *бархатная, нежная, оранжевая, васильковая, цветная революция.* При этом в названии отдельных событий идет конкретизация, связанная с ситуациями, характерными для выступлений в определенной стране. Эта конкретизация осуществляется благодаря прилагательному.

Сама модель «прил. + сущ. в Им. п. ед. ч.» с инвариантом «*цветная революция*» достаточно притягательная: есть случаи, когда в реальности революция только предполагается, прогнозируется, а название для нее уже фигурирует в печати. Таковы несостоявшиеся *орхидеевая* революция в Венесуэле, *васильковая* в Белоруссии, *березовая* в России, *пурпурная* в Ираке. «Идет цепь «революций», но даже не бархатных, а каких-то батистовых, так плавно, мягко, разумеется на 101% легитимно, они проходят» (Л. Радзиховский. Все вразнос. – 26.12.16 // https://um.plus/2016/12/26/itogi/).

С другой стороны, перевороты в странах Арабского мира уже не носят фитоназваний: если тунисские выступления еще называли *«жасминовой революцией»* (хотя был и термин «*твиттеровая революция*»), то события в Египте, Сирии, Бахрейне идут уже без названий – нет в них ничего приятного, ненасильственного.

По модели «прил. + сущ. в Им. п. ед. ч.» строятся и названия переворотов с иным, не цветочным образом: *бульдозерная, твиттеровая, подписная революция.*

Наблюдаются обороты с той же семантикой, но с другой структурой: «сущ. в Им. п. ед. ч. + сущ. в Р. п. мн. числа»: *революция гвоздик, роз, тюльпанов,*

кедров. Они имеют сходное значение: «стихийная ненасильственная революция». Некоторые из этих фразеологизмов используются как варианты: *тюльпановая, кедровая революция* и *революция тюльпанов, кедров.* Другие имеют только одно наименование. Таковы, например, *революция роз, розеток или гвоздик.* Это происходит из-за омонимии (розовая революция – это не то, что *революция роз*), из-за неблагозвучия (*революция гвоздик*, но не гвоздичная революция) или из-за сознательного отталкивания от цветочной темы (*революция розеток*).

В целом и фразеологизмы с другим, не «цветочным» образом, и обороты с другой структурой, но с общим компонентом «стихийные массовые уличные протесты» могут обобщенно называться «*цветные революции».*

Содержание исследуемого фразеологизма в общественном мнении и политическом сознании еще достаточно четко не определено.

На современном этапе понимания и употребления данного фразеологизма можно сформулировать его значение следующим образом:

Цветная революция – смена правящих режимов, осуществляемая гражданскими лицами, в первую очередь – активной, оппозиционно настроенной молодежью, преимущественно ненасильственными, невооруженными методами, как результат нежелания власти вести диалог с оппозицией, через стихийные массовые уличные протесты, с требованием смены правительства или президента, часто с осадой или захватом митингующими правительственных здании и возможной поддержкой извне неправительственными организациями.

Итак, новый фразеологизм «*цветная революция*» возник в связи с возникновением нового социального явления.

2. Актуализация известных ранее явлений. Всегда были не очень качественные, кустарные изделия, но выражение «*на коленке сделано*», то есть без специальных инструментов, без сложного оборудования, появилось недавно. К подобным ФЕ можно отнести обороты *воскресный папа, черный лебедь прилетел, вынос мозга, испанский стыд и др.* Чье-то меткое выражение повторяется и закрепляется в языке. В наши дни с появлением интернета расширились возможности для его распространения. Текст сопровождается картинками, возникает интернет-мем – это единица культурной информации, передающаяся через интернет с помощью многократной переработки; они могут быть текстовыми, видео, звуковыми или сочетающими несколько типов материала. Мемы (те, что являются устойчивыми сочетаниями) нельзя однозначно определять как фразеологические единицы, но они обладают такими свойствами устойчивых сочетаний как неделимость, устойчивость и воспроизводимость и часто порождают ФЕ.

Так появилось, например, выражение *бомбить Воронеж*.

В русском языке традиционны воспроизводимые выражения с общим значением: сделать что- либо себе во вред из желания досадить кому-то: *Назло кондуктору возьму билет и не поеду. Назло мужу сяду в лужу. Выколю себе глаз, пусть у тещи одноглазый (кривой) зять будет. Назло (кому) отморозить уши.* – Травить тебя не собирался. А то в следующий раз у тебя хватит ума дом поджечь. Отомстишь так отомстишь, – фыркнул он. – *Назло маме отморожу уши* (Н. Ускова. Останься со мной живым. 2020).

Этот психологический феномен, видимо, очень соответствует современной ситуации, что и привело к появлению в речи нового по образу и структуре фразеологизма с аналогичным значением – «*бомбить Воронеж*». Появились и варианты этой фразеологической единицы: *бомбежка Воронежа, бомбить наш собственный Воронеж, бить по Воронежу.*

Употребляя это устойчивое словосочетание, люди вкладывают в него следующий смысл: применять против кого-либо или чего-либо ряд санкций или антисанкций, которые больше вреда приносят самому инициатору, нежели тому, против кого он эти действия направил. Наносить ответный удар не по врагу, а по самому себе. Вот ряд примеров с этим фразеологизмом, взятых из Национального корпуса русского языка:

Теперь это называют «*бомбить Воронеж*», раньше – «*порвать рубаху, чтобы в драке не порвали»* (Александр Генис. Уколы счастья. Как остановить мгновение // Новая газета, 2018.04.27). «Мы опять *бомбим Воронеж*». Андрей Кураев, Андрей Зубов и Алексей Макаркин – о том, что последует за разрывом отношений РПЦ и Константинополя (Вячеслав Половинко. Новая газета, 2018.10.16).

Эта манера гопоты наказывать слабых за поражение от сильных называется «*бомбить Воронеж*» (Михаил Эпштейн. Гоп-политика, гоп-журналистика, гоп-религия // Новая газета, 2017.11.13).

Приведем примеры недавних употреблений этой единицы:

Чем можно ответить на санкции? *Бомбежкой Воронежа*, разумеется. (Дм. Быков. Особое мнение. 15.02.21).

А разве после очередного пакета санкций против компаний или физических лиц наши власти *не разбомбят какой-нибудь очередной Воронеж*? (А. Нарышкин. Эхо Москвы. 3.02.21).

В Воронеже было снесено историческое здание, расположенное по ул. Кольцовской, 15. Комментируя это, краевед Ольга Рудева сказала: Не надо *бомбить Воронеж*, сами управимся (Ревизор. 22 июня 2020 г.).

То есть во фразеологизме «*бомбить Воронеж*» в семеме «Воронеж», имеющей вне данного контекста семы «город, в центральной части России, областной», на первый план выходят потенциальные семы «наш (свой), провинциальный (нестоличный), которому легко можно нанести урон».

Большую популярность этому выражению принесли активные интернет-пользователи, придумав с ним массу юмористических картинок и превратив его в мем. Но оборот этот употребляется и без иллюстративного материала.

Выражение «*бомбить Воронеж*» стало широко использоваться в либеральных кругах при критике новых инициатив власти: при принятии закона Магницкого, при уничтожении импортных продуктов, попавших под санкции, при высылке из России дипломатов США и закрытии в Петербурге американского консульства в ответ на высылку российских дипломатов.

Так как этот фразеологизм имеет совсем свежую историю, можно предположить, откуда пошло выражение «*бомбить Воронеж»*. В интернет-архивах встречается информация по этимологии этого фразеологизма. Его связывают с грузино-осетинским конфликтом 2008 года. Тогда правительством России была выделена денежная помощь на восстановление Южной Осетии после бомбежки. И, якобы, некий воронежский депутат заявил, что «сумма, выделенная на Южную Осетию, в три раза больше, чем вся Воронежская

область получает за три года». «Разбомбите лучше Воронеж, мы хоть дороги нормальные построим», – сказал он. И хотя этот рассказ не подтвержден, можно предположить, что что-то подобное дало толчок к развитию фразеологизма. Тем более что в жизни были для этого поводы.

К сожалению, принцип «*бомбить Воронеж*» срабатывает достаточно часто. Вот почему окреп и устоялся, стал воспроизводимым в готовом виде, особенно в публицистике, этот фразеологизм.

Многие опрошенные воронежцы не знакомы с этим книжным оборотом. У тех же местных жителей, которые его знают, он вызывает негативную реакцию: выражение «*бомбить Воронеж*» прежде всего ассоциируется с войной, горем, насилием. Ведь Воронеж и вправду подвергался жестоким бомбардировкам во время Великой Отечественной войны. И люди невольно считывают не переносный, а буквальный смысл этого оборота. Он звучит более жестко, и агрессивно, чем синонимичные ему ранее возникшие выражения «*назло маме отморозить уши», «назло кондуктору взять билет и не поехать*» и подобные. Если, употребляя традиционные выражения, мы представляли родственников, соседей, автобус, т.е. что-то бытовое, то в новом обороте налицо военная метафора, образ бомбежки, войны, страшных потерь. И хотя оборот точен и актуален, не хотелось бы, чтобы он вошел в нашу речь и нашу жизнь.

3-ий способ образования новых ФЕ – варьирование ФЕ, когда к существующей традиционной единице добавляется новая, – с той же семантикой, структурой и образом, но с иной, хотя и близкой по тематике, переменной. Это мы и наблюдаем в сочетании *бомбить Воронеж*. Похожий способ образования новых ФЕ мы видим и в группе фразеологизмов со значением «сходить с ума, быть сумасшедшим». Здесь можно отметить следующие новые единицы: *весеннее обострение и измененное сознание* (термины, вошедшие в обиходно-бытовую речь), *(кому) пора на перезагрузку* (мозг уподобляется компьютеру), *сдвиг по фазе* (в основе –техническая метафора, как и в традиционном обороте *с катушек съехал*). В новых ФЕ *взрыв мозга, снаряд в голове, головой ударился, с головой не дружит*, *больной на (всю) голову, проблемы с головой (у кого)* используется новый образ, но привычный перенос: голова-ум). Всего в нашем материале около 10 новых ФЕ со своей особой формой и старым значением – «сумасшедший». Это обширная группа (около 70 единиц), актуальная и чрезвычайно продуктивная, так как уровень интеллекта – одна из важнейших характеристик языковой личности. Рассмотрим данный способ на примере инвариантного оборота *«крыша поехала»* и его вариантов.

В группу ФЕ с общим значением «сходить с ума, быть сумасшедшим» входят традиционные для русского языка обороты: *с ума сошел, помешавшийся в уме, не все дома (у кого), быть не в своем уме, ум за разум зашел, винтиков не хватает, тронутый умом, сошел с катушек, съехал с рельсов, шарики за ролики зашли*. Ум, изначально светлый, здравый, упорядоченный, имеющий определенное постоянное положение, свой, то есть принадлежащий определенному человеку, при болезни изменяет свое состояние: упорядоченность (*помешавшийся в уме (в рассудке*), ясность (*помутнение/помрачение) рассудка),* принадлежность (*не в своем уме*), положение (*с ума сошел*).

Ключевым словом во ФЕ с общим значением «сумасшедший» может быть либо прямое наименование – ум (рассудок) (*ум за разум зашел*), либо носитель интеллекта – мозг *(взрыв мозга*) и метонимическое, устоявшееся – голова как вместилище мозга *(голова не в порядке*).

Широко распространены обороты, где сошедший с ума человек описывается как разрушающийся дом (*крыша поехала, чердак протекает, башню снесло*). В последние десятилетия количество подобных единиц значительно выросло. Самым распространенным среди них является относительно новое выражение «*крыша поехала»* и его варианты. В нем человек уподобляется дому, крыша по сходству своего местоположения (вверху) – голове (уму). То, что должно иметь постоянное место, быть закрепленным, неподвижным, цельным, теряет эти качества: начинает двигаться *(крыша едет, поехала, плывет, съехала, ползет, снесло),* меняет локацию *(крыша переехала*), нарушается ее целостность (*крыша течет, дымит).* Это ведет к смещению верха дома, а значит, к его разрушению, которому уподобляется разрушение рассудка человека. К ФЕ *крыша поехала* добавляется масса вариантов с той же структурой и семантикой, но с переменными с общей семой «движение». Возникает многокомпонентный экспрессивно-вариативный узел (ЭВУ) – ряд вариантных ФЕ с общей семантикой и моделью: Сущ. + Глагол: *крыша едет (плывет, поехала, съехала, переехала, ползет, протекла, протекает, течет), снесло (сносит) крышу.*

Впоследствии появляются ФЕ, в которых идет шуточная, ироническая детализация, уточнение этого процесса: *крыша в пути, крыша адрес поменяла, тихо шифером шурша, крыша едет не спеша, крыша едет – дом стоит, крыша едет, где-то будет, крыша (крышняк) дымит (дымится) у кого, чердак течет, не в порядке, протекает, слабо меблирован.*

Крыша поехала – выражение новое, но уподобление человека, его ума дому традиционно. У С.В. Максимова находим выражение *«башня поехала», башню снесло – у кого* (Крылатые слова: По толкованию С. Максимова. – Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1899. – С. 120). Сходные по образу выражения из фольклора приводит М. Ковшова: *У него чердак без верху: одного стропильца нет, чердак слетел; у него на вышке обстоит неблагополучно.* Лексемы «башня», «чердак», «вышка» в составе оборотов с общим значением «сумасшедший» имеют общую сему «верх». Эту же сему имеет лексема «крыша» в новом, и чрезвычайно активном ФЕ *крыша поехала*. То есть образование этой ФЕ строится на традиционном образе, а затем уже на основе нового базового оборота возникает ряд вариантов, образующих ЭВУ.

Синонимом к слову «крыша» в аналогичных по семантике выражениях выступает слово «кукушка»: *кукушка (куку) поехала/съехала, уехала, слетела, протекает (кукушкой/кукухой поехать/съехать*). *Сорвало, оторвало, унесло, снесло, клинит кукушку.* Есть и традиционное выражение *(кто) совсем ку-ку*. Например: *Задержите ее, она действительно ку-ку.* (Кира Сурикова, «Буду», 2003, с. 27).

Итак, развитие новых ФЕ может идти и через варьирование формы, при сохранении общего содержания. Это могут быть либо слова из той же тематической группы, что и в базовом обороте (*крыша едет – ползет*), либо компоненты, обновленные по форме (*крышняк поехал*), либо лексемы, называющие реалии, соответствующие новой ситуации (*сделать котлету – лангет из кого*). Это продуктивный способ образования новых фразеологизмов

в современном русском языке, позволяющий описать конкретную ситуацию (*сделать котлету из кого – сделать лангет, шашлык, бешбармак из кого*) или придать своей речи оригинальность, яркость за счет обновления знакомых, «стертых» фразеологизмов (*крыша едет – крыша протекает у кого, кукушкой поехал, кукуха едет, кукушка протекает и др.*).

Рассмотрим еще один пример подобного образования новых фразеологизмов. В группе ФЕ с общим значением «безразлично» можно выделить несколько экспрессивно-вариативных узлов, в которые входят новые ФЕ, образованные по данной модели:

1. (кому*) до лампочки, до лампады, до лампы, до фонаря, до девятого этажа (что-то)*. Например: *Мне до лампочки*, хорошо или плохо вы знаете французский, потому что я его не знаю совсем.

Модель: что кому + до + сущ. в Р. п. со значением «безразлично». Часто употребляется со словом всё/это: *всё до лампочки кому-л*. В предложении является именной частью сказуемого. Переменные (до лампочки, до лампады, до лампы, до фонаря) взяты из одной тематической группы «осветительные приборы». Во ФЕ в них актуализируются потенциальная сема «высоко и далеко по отношению к кому-то, не касается кого-то». Благодаря наличию этой же семы присоединяется ФЕ *(мне) до девятого этажа (что-то)*, хоть в его основе лежит уже иной образ.

2. *(Мне это/все) как горох по барабану, по барабану, по барабанищу, по барабанчику, по барабасу, пакорабана, по шарабану; (и вторичное - по фонарю).* Например: Им нет никакого дела лично до вас, *им* вообще *по барабану*, какая у вас будет жизнь и чего вы достигнете.

Модель: что кому + по + сущ. в Д. п. со значением «безразлично». В основе ФЕ – образ барабана – музыкального инструмента из крепкой кожи, по которому изо всех сил стучат палочками, не причиняя ему вреда. Сюда же примыкает возникший по созвучию оборот «*мне пакорабана*» (Пако Рабана – известный модельер).

3. *(Мне это/все) по фигу (пофиг, по фигищу), по хрену, по боку, по периметру*. Модель: что кому + по +сущ. в Д.п со значением «безразлично». Не волнуйся так: Я тебе не враг. Просто *мне всё пофиг*, Что в анфас, что в профиль (Песня группы «Инь-Янь»).

В основе этого типа лежит образ части тела человека (не главной, часто срамной), в противоположность душе, сердцу (*мне это по сердцу*). По этой же структурно-семантической модели строится ФЕ *мне все по периметру.* Общая сема – не главное, не центральное.

4. *(Мне это/все), фиолетово (фиолетово в крапинку, сугубо фиолетово, глубоко фиолетово, ультрафиолетово, серо-буро-малиново.* Например: – Как же мне стать счастливой когда вокруг столько дел столько людей – Положи на всех на всё забей и тогда независимо от того зима или лето ты почувствуешь как ты счастлива глядя на лампочку солнца *все до лампочки все фиолетово* (Ринат Валлиулин, пунктуация автора).

Модель: что кому + наречие (безразлично). В основе этих ФЕ лежит образ фиолетового цвета как символа безразличия, неангажированности. Может быть, потому, что это холодный цвет и у него нет дополнительного идеологически нагруженного значения, как у красного, белого, черного, коричневого, зеленого и голубого.

Группа ФЕ со значением «безразлично» многочисленна и чрезвычайно продуктивна (всего 78 единиц). ФЕ в ней не имеют отрицательной коннотации и активно пополняются новыми, как правило, вариантными ФЕ. Возникло даже отфразеологическое слово «пофигизм» – то есть безразличие, нарочитое равнодушие ко всем и ко всему вообще, наплевательство. Опрос студентов 1 курса физического факультета (100 человек) показал, что чаще всего ими употребляются выражения «*всё равно»* – 80; «*по барабану»* – 55; «*без разницы»* 30; «*до лампочки»* – 24; «*фиолетово»* – 20.

Мы видим, как активно образуются новые ФЕ по готовой структурно-семантической модели.

И.А. Стернин отмечает ряд новых моделей, возникших в последние годы: *черный вторник* – день, когда осенью 1994 г. произошло обвальное падение курса рубля по отношению к доллару; по этому образцу возникли такие единицы как: ч*ерный четверг, черный понедельник.*

Разыграть (какую) карту – использовать в своих интересах сложившуюся у кого-либо или где-либо затруднительную ситуацию *(разыграть чеченскую, китайскую, боснийскую, албанскую карту*).

Новые русские – частные предприниматели нового поколения (*новые русские, болгары, армяне, узбеки*) и др. (Стернин 2004, с. 37).

К этим моделям можно добавить следующие:

Капитан Очевидность – Капитан Америка, Капитан Галактика, Капитан Вселенная. Возник как интернет-мем. Употребляется в тех случаях, когда сообщается точная, но совершенно бесполезная из-за очевидности информация: «Закрылись ключи в машине! Что делать? – Откройте машину и возьмите ключи. Не надо благодарить. Я Капитан Очевидность». Часто «Капитан» воспринимается не как имя супергероя, а как звание и появляются *Майоры Очевидность, Генералы Очевидность*.

Журналист (оператор, учитель, педагог, пианист, музыкант, ювелир…) от бога – то есть талантливый, нашедший себя в определенной профессии человек. О таких говорят – учитель от Бога!

Бог в помощь – гугол вам в помощь, компьютер вам в помощь, интернет в помощь, муж вам в помощь, боль в помощь нам! Бог в помощь (устар.) – выражение употребляется, когда человеку желают успеха в каком-либо деле (обычно в тяжелом труде, с которым нелегко справиться).

Поколение бумеров (молчаливое поколение), пепси, зумеров, (Z, цифровой человек) – термины, применяемые для поколения людей, родившихся в разные периоды 20-го – 21-ого века: Поколение Z -это дети, которые не просто выросли с интернетом, а родились с аккаунтом в Instagram и уже не представляют себе жизнь без цифровых технологий.

Бывших (офицеров, разведчиков, мужей, жен, ментов, бандитов) не бывает – о человеке, род занятий, профессия которого, оставляют отпечаток на всю жизнь: Не бывает бывших разведчиков или бывших бандитов. Это экзистенциальное состояние (К. Эрнст /https://www.kommersant.ru › doc).

4-ый способ расширения состава фразеологии – развитие нового значения у существующей ФЕ. В нашем материале наблюдается несколько подобных примеров.

Так, в устной речи последнего времени появилось выражение *«(все) пошло вразнос*». Первоначальное значение этого ФЕ – «работать в режиме

саморазрушения от больших перегрузок, с большим превышением возможностей». И говорили так о работе механизмов, машин, двигателей и т. п.: В рубке задребезжали крышки, приборы, лобовые стёкла, двери: главный двигатель пошёл вразнос (Павел Халов, «Всем, кто меня слышит» // «Огонёк», 1961 г.).

В последние десятилетия это выражение перешло из области техники в социальную сферу и получило значение «как попало, неконтролируемо, плохо, наперекосяк»: Несмотря на эти приготовления, весь план пошел вразнос. Всего день, как уехала жена, а ты уже пошел вразнос.

Примеры показывают, что в настоящее время идет следующий семантический процесс: некоторые ФЕ, изначально относившиеся к технической сфере (чаще ФЕ, связанные с работой на компьютере), расширяют свое значение и начинают использоваться по отношению к человеку или обществу (*картинки не грузятся, (кому) пора на перезагрузку, одна из опций*, *перезагрузка отношений*, *сливать в корзину и др.).*

Приведем еще несколько примеров развития нового значения у старых ФЕ. *Тараканы в голове у кого*. Основное значение этого ФЕ – пунктик, навязчивая мысль, странность: У каждого мужчины *свои тараканы в голове*. (Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004) НКРЯ).

Здесь мы снова встречаемся с уподоблением головы человека дому. Но дому неухоженному, неубранному. Тараканы в доме – признак беспорядка, тараканы в голове свидетельствуют об отсутствии порядка в мыслях.

Когда странных, навязчивых мыслей становится много, может возникнуть отклонение в умственной деятельности, что зафиксировано в новом значении этого ФЕ – «сходить с ума, быть сумасшедшим»: Знаешь, а черти тоже реальные и тоже ближе, чем ты думаешь: ржут сидят, на люстрах качаются; *тараканы в голове ползают,* пауки на шторах висят… (Василий Голованов, обозреватель. Едут черти из Анталии / Труд–7, 2006.08.10).

А мы к такому возрасту приходим, когда уже там *тараканы в голове начинаются*, какие-то детские обидки начинаются (Беседа с депутатом муниципалитета Е.А. Барановым (2009).

То есть новое значение фразеологизма «*тараканы в голове*» сумасшедший человек – возникает на основе старого значения этого же ФЕ – странный человек.

Среди оборотов с общим значением «сумасшедший» наблюдается следующий семантический процесс: некоторые ФЕ, изначально имевшие значение «глупый человек, человек, у которого имеются какие-то проблемы с сознанием», развивают новое значение – «психически ненормальный человек» (с *головой не дружит, проблемы с головой у кого, голова не в порядке у кого*).

Следовательно, состав фразеологии расширяется и через развитие нового значения у уже существующих ФЕ. Появление новых значений приводит к расширению семантического объема ФЕ, а следовательно, и к увеличению их выразительных возможностей, способствует развитию фразеологической системы языка в целом.

Мы видим, что устойчивые выражения – это не всегда что-то архаичное, пришедшее к нам из глубины веков. Некоторые из них появляются на наших глазах. Они имеют разную степень распространенности, идиоматичности и образности, но всегда номинируют явления жизни, важные для современного

человека. Это либо новое наименование пришедших в нашу жизнь явлений, либо расширение за счет вариантов группы традиционных ФЕ, если те называют денотаты, ставшие актуальными, общественно важными.

Исследователи русского языка стремятся фиксировать возникающие новшества. Этой задаче служат новые фразеологические словари. Среди словарей, вышедших в последнее время и отмечающих изменения во фразеологическом фонде русского языка, назовем следующие:

Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ЭЛПИС, 2008.

Антонова Л.В. Большой фразеологический словарь русского языка. – М.: ООО «Дом славянской книги», 2016. – 928 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2006.

Жуков, А. В. Словарь современной русской фразеологии / А. Жуков, М.Е. Жукова. М. : АСТ-Пресс, 2016. – 416 с.

Эти словари включают новые фразеологизмы, однако успеть за языком трудно – ведь он изменяется вслед за изменениями в жизни, он, по точному выражению К.И. Чуковского, «живой, как жизнь».

2.6. Формирование устно-письменной формы подъязыка Интернета

Непривычный термин «устно-письменная речь» постепенно закрепляется в лингвистической литературе. К настоящему времени написан ряд научных работ, целью которых является обоснование возникновения в современном коммуникативном пространстве феномена, называемого упомянутым термином. По мере того как интернет-пространство становится полноценной коммуникативной средой, происходит формирование новой формы существования языка, которая объединяет в себе черты как устной, так и письменной речи.

Промежуточная форма речи формируется именно в интернете, потому что этому способствует сам инструментарий интернет-коммуникации: возможность записи и передачи на любые расстояния устной речи и синхронизация переписки.

Как известно, письменная речь – это вид коммуникации, представляющий особую форму закрепления, передачи и хранения информации, при порождении и функционировании которого используется определенная знаковая система, воспринимаемая зрительно. Устная речь – это звучащая речь, основным свойством которой является использование аудиального канала для передачи информации и наличие паралингвистических средств.

Устная речь функционирует в сфере непосредственного общения, тогда как речь письменная, фиксированная, опосредуется письменными знаками и, следовательно, – временем и пространством коммуникации. Эта оппозиция признаков порождает ещё одну дихотомию: письменная речь обратима, к написанному тексту всегда можно вернуться, устная – ситуативна и необратима (за исключением случаев звукозаписи). Кроме того, традиционная письменная речь является монологическим явлением, в то время как в устной речи

преобладает диалог, что также обусловливает зависимость характера общения от ситуации общения. Не случайно некоторые смысловые компоненты коммуникации в устной речи выражаются паралингвистическими средствами.

Письменный текст тяготеет к логической организации, устная речь строится преимущественно по ассоциативному принципу, это предполагает многочисленные отступления от темы, смысловые повторы и проч. Письменная речь отличается большей рациональностью, устная – эмоциональностью, экспрессивностью. Некоторые исследователи, выстраивая оппозицию устное / письменное, вводят такой параметр противопоставления, как грамотность. В этом случае строгое следование нормам литературного языка закрепляется за речью письменной, а допустимость нарушения норм – за устной.

Как показывают исследования последних лет, в современной коммуникативной среде происходит активный процесс изменения соотношения между устной и письменной формами языка. Наблюдается перестройка традиционной системы форм существования естественного языка, которой [перестройке] активно способствует формирование и интенсивное развитие интернет-коммуникации. Язык, используемый в интернет-коммуникации, с формальной точки зрения представляя собой реализацию письменной формы существования языка, демонстрирует тенденцию к гибридизации с устной формой существования языка.

Механизм гибридизации устной и письменной форм языка в интернет-коммуникации основан на том, что в процессе интернет-общения в коммуникации актуализируется лишь часть признаков устной и письменной речи, в то время как ряд дифференциальных признаков нейтрализуется.

По мнению исследователей сетевой коммуникации, речь пользователей интернета не может рассматриваться как письменная речь в традиционном понимании, вместе с тем «говорить о том, что в Сети мы сталкиваемся только с письменной фиксацией устной речи, было бы также неправомерным, поскольку и гипертекстовый характер интернет-коммуникации, и определенные структурные особенности письменной формы речи, пусть и не всегда используемые коммуникантами, но тем не менее существующие, показывают, что данная форма речи не может рассматриваться как полностью устная. Таким образом, в Интернете функционирует новая «устно-письменная» разновидность речи, имеющая свои собственные специфические черты» (Лутовинова 2008, с. 58).

В работах, посвященных гибридной форме речи, обычно указывается на то, что черты устной коммуникации в интернете выходят на первый план (Лутовинова 2008; Курьянович 2008; Лысенко 2010; Максимова 2010; Кронгауз, 2009,Лысенко, 2010).

При этом различные жанры сорвеменной интернет-коммуникации отражают разную степень гибридности форм существования языка. При увеличении синхронности жанра увеличивается устно-разговорная направленность коммуникации. По мысли М.А. Кронгауза, на корпоративных сайтах, сайте президента, в переписке в электронной почте мы можем наблюдать «вполне традиционный письменный язык» (Кронгауз 2009). Жанры интернет-коммуникации, предполагающие синхронную обратную связь, диалогичны, а значит максимально приближены к устной форме коммуникации. К таким

жанрам относят мгновенное сообщение, сетевой комментарий, а также пост блогера.

При описании особенностей интернет-коммуникации как гибридной формы речи в фокус внимания исследователей в первую очередь попадает *креолизация текста*. Её разновидностями в данном случае являются смайлики, стикеры, гифки, фотографии и видеоролики, сопровождающие текст.

Функции смайликов в интернет-общении многообразны. Прежде всего, это выражение эмоций. Смайлики демонстрируют мимику и жестикуляцию говорящего, тем самым приближая письменную речь к устной:

Татьяна

В Москве везде люди 👎

Дмитрий

Сесть поесть сегодня в центре смогли только в МакДоналдсе😁

Однако указанием на мимические сигналы и жесты функции смайлов не исчерпываются. Визуальный элемент может заменять слово или реплику диалога, обретая семантическую значимость и становясь эквивалентным члену предложения или высказыванию в целом.

Татьяна

Мне понравилось, прям вижу, как Дима сидит с 🍷 в чудном кожаном кресле для чтения и все это вещает) соскучилась

Ирина

Да!

Дмитрий

🖤

Сегодня смайлы также используются как концевые и парные знаки препинания, как знак красной строки и символы рубрикации.

⚡ВИДЕО⚡Азербайджанец, избивший ребенка в Воронеже, может получить гражданство РФ⚡

📍18.00 – 18.15 – Демонстрация ролика о сетевом издании «Браво, Воронеж!»,

📍18.15 – 18.25 – Вступительное слово автора фильма, кинорежиссера Александра Никонова,

📍18.25 – 19.25 – Демонстрация полнометражного документального фильма «Иван Бунин. Возвращение в Россию»

Павел

На 2.5 месяца приедем, надеюсь

Марьяна

Отлично) Главное, чтобы границы опять не закрыли))

В последнем диалоге, как видим, автор сообщения пользуется смайлом «скобка» и для выражения эмоций, и для деления текста на предложения, такая практика применения смайлов типична. Она свидетельствует о полифункциональности смайлов в интернет-коммуникации.

Можно предположить, что использование смайликов как знаков препинания приводит в целом к изменению пунктуационных традиций Рунета. Знаки пунктуации, применяющиеся в «классической» письменной коммуникации,

здесь начинают использоваться вне правил литературного языка. Одним из наиболее ярких пунктуационных явлений, отражающих данную тенденцию, является нерегулярное использование точки как знака конца предложения. Точка или заменяется смайлом, или же предложение в принципе обходится без концевого знака (данное языковое явление получило подробное освещение в современной литературе по сетевому этикету -Лукинова, 2020 и др.). Другой языковой факт, иллюстрирующий описываемый процесс, – это расширение состава актуальных знаков препинания. Например, всё чаще вместо запятой или тире, а также вместо разделительного союза используется косая черта:

Как насчёт того, чтобы завтра днём погулять пешком / покататься на роликах / велосипеде от Воробьёвых гор до Парка культуры? Я буду с собакой. Потом можно у меня дома – в карты / лотто под гитару (у кого есть?), пиво или белое сухое)

Описанные выше случаи указывают на то, что применение смайлов в интернет-коммуникации не только орализует этот вид общения, но и приводит к системным языковым изменениям (кажется показательным тот факт, что в последние годы учащиеся средней школы при написании сочинений и изложений используют в «классической» письменной речи смайлы).

Помимо смайликов, в устно-письменной коммуникации используются такие средства креолизации текста – фотографии и видео. В социальных сетях «Одноклассники», «Вконтакте», «Фейсбук», «Твиттер» существует изначальная опция создания текста на странице пользователя и сопровождения этого текста изображениями. В данном случае изображение имеет статус дополнения к авторскому тексту. В более «молодой» соцсети «Инстаграм» отношение картинка / текст меняется. Здесь изображение уже является доминирующим элементом публикации, а текст создаётся как комментарий к нему. Элемент «история» («сториз»), наиболее популярный в сети «Инстаграм» и с недавнего времени появившийся в других социальных сетях, демонстрирует новый способ отношения картинка / текст. В «историях» слова часто пишутся поверх фотографии или видео, занимая небольшой объём пространства кадра, тем самым продолжая снижать свою значимость.

Интернет-текст может включать не только визуальную информацию, приближающую речь к устной форме, но и информацию *аудиальную***.** Способом её передачи является использование регистра текста: прописные и строчные буквы воспринимаются как аналог изменения громкости речи. Кроме того, в переписке могут быть использованы различные шрифты для расставления акцентов, интонационного выделения фрагментов высказывания.

Звучащая речь появляется в интернет-коммуникации будучи переданной не только при помощи визуального кода. Развивающиеся технологии позволяют включать в переписку голосовые сообщения, благодаря чему диалоги в мессенджерах становятся разнокодовыми – гибридными в буквальном смысле этого слова.

Отметим, что электронное письмо предполагает фиксацию информации и её передачу – здесь коммуникативная функция, собственно функция передачи информации основная, что отражает специфику «классической» письменной речи. Сообщения в мессенджерах во многих случаях пишутся ради установления и поддержания контакта с собеседником в данном случае доминирует *фатическая (контактоустанавливающая) функция*, и это уже

черта устного общения. Нередко контактоустанавливающая функция общения реализуется за счёт обмена смайлами и иными визуальными элементами даже без использования текста:

Наталья

Александр

Наталья

Александр

Наталья

Александр
??
Наталья

Помимо фатической, на первый план в устно-письменной форме бытования языка может выходить *эмотивная функция*. Интернет-общение легко вызывает эмоции по ряду причин: в силу синхронизированности коммуникации и создающегося благодаря синхронности эффекта непосредственности общения; благодаря богатому набору визуальных и аудиальных средств. Реализация эмотивной функции в языке интернета проявляется в его избыточной экспрессивности: частотном использовании оценочной лексики, активном использовании интернет-фразеологии.

Близость интернет-коммуникации к устной форме речи проявляется в её *диалогизации***.** Диалогичны по своей природе основные интернет-жанры: сообщение в мессенджере, сетевой комментарий, пост в социальной сети. Возможность оценивать тексты при помощи лайков также свидетельствует о диалогическом характере сетевой коммуникации.

Нередко пост в блоге является репликой в дискуссии, ведущейся вне социальной сети. В таком случае мы имеем дело с сетевой коммуникацией, являющейся частью метадиалога.

Приведём в качестве иллюстрации пост в Фейсбуке богослова Андрея Кураева:

Маленький вопрос

Куда я должен вернуться? А вдруг я вернусь в свою церковную молодость – а там уже никого нет? Или, скажем так, официальный бронепоезд уже ушел с того запасного пути, где я некогда принял его за Хогвардс-экспресс? (https://www.facebook.com/diak.kuraev).

Предполагается, что читатели блога Андрея Кураева хорошо осведомлены об обстоятельствах его жизни и способны встроить этот пост в более широкий, находящийся вне Интернета ситуативный контекст.

Диалогическая природа устно-письменной формы речи обусловливает такие её черты, как *ассоциативность и алогичность*. В устном общении нередко нарушается тематическое единство диалога. Особенно наглядно эти свойства можно наблюдать в ветках комментариев в социальных сетях.

Пост в Фейсбуке журналиста Ларисы Дьяковой:

В 8 утра провели разведку. Солнце по-южному тёплое, воздух бодрит, температура +5, но с каждой минутой становится теплее. Усманка неравномерна. Где-то ещё лежит рыхлый игольчатый лёд, на нём сидит самоубийца с удочкой. Там же, где родники и течение, лёд растаял. Вода переливается на солнце, а что там на дне, один Бог ведает.

Видела водяного жука. Грёб так весело своими крылышками, так умилительно, будто хвастался: «Смотри, какой я ловкий!»

Рыбу не видела.

Людмила

Думаешь, очистится к сезону?

Лариса

Люда, пока просто наблюдаем, ничего не думаем. Мои товарищи хотели бы уже искупаться, но не решаются. И не из-за погоды, нет, а именно по экологическим причинам. Ездим, смотрим...

Александр

...может проще взять пробу воды и анализ химический сделать?🤔

Владимир

Нет! Лариса, нет! Рано еще, лед ведь кругом...

Лариса

Найн, найн!

Максим

Откуда же рыба. Ее же потравили

Лариса

Максим, но рыбак-то сидит

Наталия

Что, уже? Я думала, Вы уже на заплывы прицеливаетесь)

Александр

Эх, рыбку бы половить

Сергей

Вы там поосторожнее с ныряниями: занырнешь белым, а вынырнешь уже голубым))))

Владимир

Эх. У нас пока не покатаешь. Снег лежит.

(https://www.facebook.com/profile.php?id=100003131508029)

В данном полилоге логическая структура и тематическая преемственность реплик оказываются нарушенными, потому что каждый участник коммуникации, комментируя исходный текст, выбирает одну из его микротем и не ориентируется на предыдущие реплики собеседников.

Отклонение от базовых признаков письменного текста – целостности и связности – типичная черта интернет-текстов. Неслучайно посты в социальных сетях часто строятся в форме рубрик, перечней, а сообщения в мессенджерах представляют собой не микротексты, а одиночные высказывания.

- Пост в Фейсбуке богослова Андрея Кураева

Он был живым!

Ушла эпоха. Принц-консорт и король неполиткорректности чуть-чуть не дожил до ста. Великого артиста провожают аплодисментами. Герцога Эдинбургского хочется проводить его шутками:

Сначала они говорили, что хотят больше свободного времени, теперь они жалуются, что стали безработными (1981)

Вы смахиваете на шахида (женщине-полицейскому в бронежилете, 2002)

Меня арестуют, если я попробую расстегнуть это платье? (девушке, одетой в облегающее платье с молнией во всю спину, 2012)

Дети ходят в школу, потому что их туда отправляют родители, которые не хотят, чтобы они сидели дома (2013)

Вы хотите у меня узнать, когда умрет королева? (на вопрос, когда же наконец принц Чарльз станет королем)

О, если бы тому человеку удалось похитить Анну, она устроила бы ему настоящий ад (о боевике, который пытался похитить принцессу Анну, 1975)

Когда мужчина открывает дверь автомобиля своей жене, это или новый автомобиль, или новая жена

В разговоре с шотландским инструктором по вождению: «Как вы удерживаете туземцев от выпивки достаточно долго для того, чтобы они смогли пройти тест?» (1995)

Люди думают, что у нас тут жесткая классовая система, но случается и такое, что герцоги женятся на хористках. А некоторые – даже на американках (2000) <…> (https://www.facebook.com/diak.kuraev)

Приведенные выше черты устно-письменной формы подъязыка Интернета во многом связаны с действием закона экономии речевых средств, наиболее активно реализующимся именно в устной речи. Именно влиянием закона экономии речевых средств, помимо уже описанных свойств, обусловлено тяготение интернет-языка к *аббревиации* (ЛОЛ, ИМХО, АКА). Аббревиатуры экономят пространство и скорость набора текста.

Также следствием влияния закона экономии является *пренебрежение правилами орфографии и пунктуации* участниками сетевого взаимодействия. В целом относительно низкий уровень грамотности в интернете обусловлен высокой скоростью обмена сообщениями участников коммуникации, и в связи с этим нежеланием корректировать свои сообщения. В то же время нельзя не согласиться со следующим наблюденеием: «В сетевом общении нарушение правил орфографии не является нарушением какой-либо нормы и не воспринимается неуважительным отношением к собеседнику» (Лутовинова 2008, с. 60).

Соседствует с нарушениями норм литературного языка *языковая игра*, проявляющаяся, в частности, в нарочитом стремлении приблизить написание слова к его звучанию. «Графическая форма некоторых слов специально приближается коммуникантами к звуковой форме и начинает больше напоминать транскрипцию слова» (Лутовинова 2008, с. 60). Примерами таких лексем могут быть: *щас, хошь, здрасьте, ваще* и др.

Перечисленные черты интернет-коммуникации не только разнообразят и демократизируют общение в Интернете, но и создают ряд коммуникативных проблем. Стремление к экономии речевых средств, ведение письменной коммуникации в режиме реального времени, многозначность используемых символов нередко приводят к неточному пониманию смысла сообщения, коммуникативным ошибкам, конфликтам в интернет-общении. В этой связи особой значимостью обладает соблюдение норм сетевого этикета.

В теоретическом плане подъязык интернета в настоящее время, несомненно, демонстрирует черты нового явления – формирования гибридной, устно-письменной формы существования языка.

Использованная литература

Акованцева Н.В. Слово *прилетело* в современном русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 107–112.

Волошина М.В. Функционально-прагматические характеристики категории мелиоративности в современном французском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2010. – 26 с.

Дьякова Л.Н., Стернин И.А. Семантическая девальвация слов в современном русском языке // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. –Вып.4. – 2020. – С.52-54.

Дьякова Л.Н. Слова *слить, слиться* в текстах СМИ и современном общении // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 112–118.

Дьякова Л.Н., Стернин И.А. Что значит ЗВЕЗДА в современном русском языке? / Язык и национальное сознание. – Вып. 26. – Воронеж: издательство «ООО РИТМ», 2020. – С. 39–46.

Ефремов В.А. О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета // Антропологический форум. – 2014. – № 21. – С. 74–81.

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / [В.Л. Воронцова, М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова и др.; Отв. ред. Е. А. Земская]; Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – С. 90–141.

Козельская Н.А., Стернин И.А. Психолингвистическое значение слов *брутальный, попсовый и потрясающий* в русском языке // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып.20. – С. 169–178.

Козельская Н.А. Экспериментальное изучение гендерной специфики слов (на примере лексем *бизнесмен* и *бизнесвумен*) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка : тезисы 11 всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 28–29 октября 2016 г.). – Воронеж : Истоки, 2016. – С. 30–32.

Козельская Н.А. Слова *атмосферный*, *атмосферно* в современном русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч.ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 118–124.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 248с.

Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. – М.: АСТ, 2013. – 440 с.

Кронгауз М.А. Язык и коммуникация: новые тенденции. Лекция 20.04.2009 // Гуманитарный портал https://gtmarket.ru/library/articles/1980.

Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / [В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова и др.; Отв. ред. Е. А. Земская]; Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – С.142-161.

Курьянович А.В. Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 2 (76). – С. 44–49.

Левонтина И.Б. Русский со словарем. – М. : Изд-во АСТ:CORPUS, 2010. – 464 с.

Лукинова О.В. Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в Интернете. – М. : Эксмо, 2020. – 210 с.

Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Изв. Рос.гос. пед. ун-та имени А.И. Герцена: общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 11 (71). – С. 58–65.

Лысенко С.А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2010.

Максимова О.Б. Язык в интернет-коммуникации: общие закономерности и национально-культурные особенности (на материале русского и английского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – №3. – С. 73-90.

Носик А. Граммар-наци: Запись в «Живом журнале». – 18.05.2011. [Электронный ресурс]. – URL: http://dolboeb.livejournal.com/2081705.html.

Отин Е.С. Все менты – мои кенты… Москва: Элпис, 2006.

Подкаст – что это такое? // Говоря простыми словами. – Режим доступа: https://proslo.ru/podkast-chto-jeto-takoe/

Подкаст – что это такое простыми словами: объясняем, а заодно советуем лучшие // https://playboyrussia.com/faqty/podkast-chto-eto-takoe-prostymi-slovami-obyasnyaem-i-sovetuem-luchshie-shou-133411/

Просовецкий Д.Ю. Психолингвистический анализ влияния экстралингвистических факторов на лексику современного русского языка (на примере лексемы КОРОНАВИРУС) // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 68–73.

Рацибурская Л.В. Специфика современного медийного словотворчества/ Л.В. Рацибурская Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова. – Москва : Флинта : Наука, 2015. –136 с.

Розенфельд М.Я. Слово *топить (за)* в современном русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч.ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 124–130.

Саломатина М.С. Слово *зайти/заходить* в современном русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч.ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 133–137.

Селезнева Г.Я. Слова грамар-наци в современном русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч.ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 139–145.

Селезнева Г.Я. Варьирование фразеологизмов с семантикой «безразлично» в речи молодежи // Материалы XIX международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: вызовы современности». – М., 2019. – С. 85–87.

Селезнева Г.Я. Цветные революции // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – Вып. 7. –С. 136–139.

Селезнева Г.Я. Вариативность как способ создания экспрессивной номинации // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. 2020. № 2. – С. 49–52.

Селезнева Г.Я. Способы развития актуальной семантики русских фразеологизмов (на материале оборотов со значением «сумасшедший») // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. – Воронеж: изд-во «ООО Ритм», 2020 .– Вып. 6.– С. 69–74.

Сенько Е.В. Тенденции современного русского словообразования : учебное пособие / под ред. Б.В. Кунавина. – Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского государственного университета, 2016. – 101 с.

Скляревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XX1 столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. – № 6. – Сеул, 2001. – С. 177–202.

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Научное издание. Воронеж, 2004. – 93 с.

Стернин И.А. Стилистическая характеристика слова и языковое сознание // Культура общения и ее формирование. – Вып.14. – Воронеж, 2005. – С. 46–50.

Стернин И.А. Стилистическая парадигма и языковое сознание носителей языка // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке. Материалы международной научно-практической конференции. – СПб., 2005. – С. 36–40.

Стернин И.А. Стилистический эксперимент и языковое сознание // Квалификационная филологическая подготовка специалистов на факультете педагогики и методики начального образования в свете модернизации системы образования. Материалы международной научно-практической конференции. – Борисоглебск, 2005. – С. 160–163.

Стернин И.А. Функциональный компонент значения в языковом сознании // Язык. Сознание. Культура. – М.-Калуга, 2005. – С. 70–83.

Стернин И.А. Языковое сознание и стилистическая характеристика слова // Филологические записки. – Вып. 23. – Воронеж, 2005. – С. 208–215.

Стернин И.А. Challenge и вызов – новый концепт в русской концептосфере? // Сопоставительные исследования 2006: сборник научных работ. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 87–94.

Стернин И.А. Стилистическая характеристика слова в обыденном языковом сознании // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / Под ред. Н.Д. Голева. – Часть 3. – Коллективная монография. – Кемерово: Кемеровский ГУ, 2010. – С. 153–161.

Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 ñ.

Стернин И.А. Обидное ли слово мент? // «Русская речь» – 2011. – № 5. – С. 34–38.

Стернин И.А. Стилистическая характеристика слова в языковом сознании носителей языка // Русский язык как явление национальной культуры: проблемы современного состояния и динамического развития. – Воронеж: Научная книга, 2011. – С. 104–117.

Стернин И.А. Pet – слово, концепт, лакуна // Сопоставительные исследования 2013 / Под ред. М.А. Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 117–122.

Стернин И.А. Pets и питомцы // Семантико-когнитивные исследования. – Вып.7. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 39–45.

Стернин И.А. Challenge – слово и концепт // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы межрегиональной научно-практической конференции 15-16 февраля 2016 г. / Отв. ред. С.А. Виноградова. – Мурманск: МАГУ, 2016. – С. 4–11.

Стернин И.А. Стернина М.А. Английские challenge и pet: концепт, слово, заимствование // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2019. – № 4. – С. 31–36.

Стернин И.А. Кто у нас звезда // Семерочка. – 19 сентября 2019-а.– С. 19.

Стернин И.А. Семантика слова *эксперт* в современном языковом сознании // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы V Всероссийской научной конференции. – Вып. 5. – Воронеж: издательство «ООО РИТМ», 2019-б. – С. 71–76.

Стернин И.А. Динамика развития и групповые различия психолингвистического значения слова ИНТЕЛЛИГЕНТ в русском сознании // Психолингвистика и лексикография. – Вып. 6. –Воронеж: издательство «РИТМ», 2019. – С. 117–137.

Стернин И.А. Английский след в русском языке // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы Всероссийской

научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию МАГУ (Мурманск, 27–29 ноября 2019 г.) / [отв. ред. С.А. Виноградова]. – Мурманск: МАГУ, 2020. – С. 14–20.

Стернин И.А. Слово челлендж в современном русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч.ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 139–145.

Цымбалова А.В. Экспериментальное изучение знания новых заимствований // Культура общения и ее формирование: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 36 / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – С. 28–32.

Юмашева Г.Ю. Стилистические изменения в русской лексике конца XX – начала XXI века (на материале существительного). – Борисоглебск, 2005. – 135 с.

Языковое сознание жителей Воронежа. Монография / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2010. – 249 с.

Словари

Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Научн. ред. А.В. Рудакова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – 187 с.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

Елистратов В.С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. – М.: Русские словари, 2000. URL: http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=224

Ермакова О.П. Слова, с которыми мы все встречались : Толковый слов. рус. общ. жаргона / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина; Под общ. рук. Р.И. Розиной. – М. : Азбуковник, 1999. – 273 с.

Ефремова Т.Е. Новый словарь русского языка. Толково- словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.

Комлев Н.Г.Словарь иностранных слов : [более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. – Москва : Эксмо, 2006.– С.669

Монахов С., Чердаков Д. Глазарий языка. Энциклопедия русского языка, меняющая представление о справочной литературе. – М.: Центрполиграф, 2018. – 400 с.

Новейший большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб: «Рипол-Норинт», 2008. – 1534 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. URL: http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235.

Словарь иностранных слов: Актуальная лексика. Толкования. Этимология / [Н.Н. Андреева и др.]. – Москва : Цитадель, 1997. – 318с.

Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / Академия наук СССР Ин-т рус. яз.–- 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1991. – Т. 1

Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 2 К – О. 1983. – 736 с.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Совет. энциклопедия, 1935-1940. – Т. 1-4.

Толковый словарь русской разговорной речи (проспект). – М.: ИРЯ АН, 2010.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной лексики. – СПб.: Норинт, 2004.

Глава 3.
Сфера незнания в языковом сознании

3.1. Лингвистическая мифология в современном языковом сознании

Обсуждение вопроса существования лингвистической мифологии выводит нас, прежде всего, на проблему существования мифологических концептов – типа *кентавр, русалка*, *леший, баба-яга* и под., присутствующих в сознании людей, но не представленных реальными явлениями в объективной действительности.

В числе мифологических концептов есть определенное количество *лингвистических* мифологических концептов и стереотипов, то есть концептов и ментальных стереотипов, отражающих мифологические лингвистические представления носителей обыденного сознания, их бытовое *мифологическое, ненаучное представление* о языке, особенностях и закономерностях его функционирования и развития.

Мифологические лингвистические концепты и стереотипы в обыденном языковом сознании формируются в результате рефлексии бытового сознания над языком.

К таким мифологическим лингвистическим концептам в русском обыденном языковом сознании, по нашему мнению, могут быть отнесены *чистота языка, порча языка*, *регресс (деградация) языка*, *прогресс языка, засорение языка, удобство языка, легкость/трудность языка, красота языка, бедность/богатство языка* и некоторые другие.

Есть и мифологические лингвистические стереотипы, например: *словарь Даля – лучший словарь русского языка, жлоб – это житель Воронежской области; язык, в котором больше слов, хороший и развитый, а в котором мало слов – плохой и неразвитый; раньше в русском языке были хорошие, красивые слова, а сейчас уродливые и некрасивые; русский язык портится; русский язык хотят уничтожить; иностранные слова портят язык; сленг и жаргон портят язык; немецкий язык грубый; итальянский язык красивый; французский язык красивый; финны говорят медленно; английский язык легкий; китайский язык трудный; в зрелом возрасте язык не выучить; русский язык удобнее других языков для общения* и т.д.

Есть также псевдонаучные стереотипы, выдаваемые за исследования ученых: *от мата вянут цветы, изменяется структура воды и изменяется геном человека; язык – это словарь, а учить язык – это запоминать много слов; русский язык изначально состоял из хороших слов, а плохие слова, например, мат, принесли в русский язык татары, а если не они – то евреи* и под.

Любопытно, что обыденное сознание носителей других языков часто весьма похоже на русское. Так, В.Б. Кашкин (Кашкин 2008, с. 36–38) приводит сведения французских лингвистов М. Дебрен и Марины Ягелло об основных мифах французского обыденного языкового сознания: *французский язык*

портится; английский язык – это легко; русский – мелодичный язык; лингвист знает все о языке и о языках; лингвист безошибочно грамотен; лингвист борется за чистоту языка; изучение иностранного языка означает заучивание всех слов этого языка; перевод невозможен из-за принципиальной несводимости одного языка к другому; языки разнятся между собой тем, что одни «бедны», а другие «богаты»; одни языки «просты», а другие «сложны»; родной язык никогда не забывают; ностальгические стереотипы о родном языке часто возникают у людей, вынужденных по политическим или экономическим причинам говорить на другом языке; в китайском языке нет грамматики (понятие грамматика отождествляется с морфологией); *если слова нет в словаре, его нет и в языке* (это представление устойчиво во Франции)*; возведение «мертвых» языков в идеал; поиски идеального языка; живучесть любого языка связана с его «красотой», «логичностью», «легкостью» или каким-либо другим качеством; французский язык – логичен; французский язык – сложный язык; родной язык богат нюансами и тонкостями, которых нет в более «примитивных» языках* и др.

Основными показателями мифологичности тех или иных *концептов* являются следующие:

1. Мифологические концепты не входят в научную лингвистическую парадигму и не имеют научного определения.

2. Мифологические концепты имеют в языке только метафорическое обозначение, раскрыть их содержание без метафоры оказывается невозможно – они не могут быть истолкованы содержательно как совокупность некоторых конкретных признаков.

3. Они имеют общественно-политическую аксиологию, широко используются в общественно-политических дискуссиях как общественно-политические лозунги, часто – в популистских, а нередко и в националистических целях.

Показателями мифологичности лингвистических *стереотипов* являются следующие:

1. Они не имеют научного подтверждения, распространяются исключительно неспециалистами, «лингвистами- любителями».

2. Носители стереотипов подтверждают эти стереотипы ссылками на мифические научные доказательства, фразами типа «ученые установили», «установлено, что» с приведением некоторых мифических цифр, процентов и т.д.

3. Подобные стереотипы устойчиво передаются из поколения в поколение, причем на их существование не влияет многократное опровержение этих стереотипов учеными и специалистами, поскольку носители и распространители таких стереотипов не общаются со специалистами либо заранее отвергают их пояснения, объявляя научные сведения неправильными, устаревшими или антипатриотичными.

Прокомментируем некоторые из вышеназванных лингвистических мифов.

Богатство языка

Нет никаких научных критериев для определения, «бедным» является язык или «богатым»: любой язык полностью удовлетворяет потребности своих носителей благодаря словообразованию, полисемии, синонимии, заимствованиям и под. Тем самым любой «действующий» язык – богатый.

Сложность языка

Для лингвиста не существует понятия «сложности языка» или даже «сложности для изучения» языка. Это тоже мифологический концепт – сложно или легко изучать не язык вообще, а конкретный язык конкретному человеку с конкретной языковой подготовкой, конкретным родным языком, конкретным знанием других языков, лицу конкретного возраста, с конкретными целями изучения языка и т.п.

Порча, загрязнение, засорение языка

Общераспространенным практически во всех развитых странах является мифологический стереотип о *загрязнении, засорении языка* – о том, что язык постепенно портится и загрязняется. *Порча, загрязнение, засорение* языка – тоже мифологические концепты. В лингвистической науке нет содержательных критериев «чистоты языка». Нет научных критериев «здоровья» языка или его «чистоты» – это все оценочные суждения, основанные на личных вкусах, пристрастиях или просто заблуждениях конкретного носителя языка.

Популярный стереотип – *надо бороться за чистоту языка.* Бороться надо за *культуру речи*, а не за чистоту языка.

Для лингвиста понятно, что любой язык развивается и изменяется, и ни то, ни другое не является его порчей или загрязнением. С точки зрения лингвистики нельзя дать оценку тех или иных изменений с позиции «хорошо-плохо» или «прогресс-деградация», хотя такие оценки регулярно «выдает» мифологическое языковое сознание носителей языка и они «гуляют» в общественном сознании.

Кризис языка

Мифологичен концепт «кризис языка». Язык зеркально отражает состояние современного ему общества, и он принципиально не может быть в кризисе, поскольку является системой знаков, которая обслуживает общество, полностью отражая и удовлетворяя его текущие коммуникативные потребности. В кризисе может быть общество, но не его язык. Однако может происходить кризис культуры речи – когда люди перестают следить за своей речью (это у нас сейчас и наблюдается), но это *кризис именно культуры речи*, а не языка как системы номинативных знаков.

Еще один распространенный стереотип*: новые иностранные слова портят язык.*

Любые новые слова, в том числе иностранные, сленг, жаргон, язык не портят, они язык обогащают, обеспечивают динамику его развития. Для любого языка увеличение словарного состава в любом его «сегменте» – благо, поскольку чем больше слов, тем больше у языка номинативных возможностей, тем он удобнее для выполнения коммуникативных функций в разных ситуациях его использования.

Новые иностранные слова могут «портить» *речь людей* – если они в тех или иных случаях неправильно употребляются, непонятны собеседнику или аудитории, наносят ущерб пониманию смысла слушателями, просто не нравятся слушателям.

Сленг и жаргон портят речь человека, если человек использует их в публичной речи, в общении с незнакомыми или малознакомыми, в общении со старшими и под., то есть неуместно, не в тех ситуациях, для которых эти слова предназначены. А между «своими» такие слова могут употребляться, там им и место.

Именно описанные выше концепты и стереотипы относятся нами к категории мифологических, то есть отражающих не объективную действительность, не научно установленную данность, а некоторое устойчивое псевдонаучное бытовое представление о языке.

Однако для языкового сознания мифоносителей смысл рассмотренных выше мифологических концептов и стереотипов предельно ясен: признание этих понятий предполагает, что языком можно руководить через разного рода постановления запретительного свойства, к принятию которых мифоносители регулярно призывают.

К сожалению, такое восприятие нередко находит отражение и в официальных документах, и особенно в их проектах (например, к счастью, отклоненный Думой проект В.В. Жириновского с его коллегами о запрете в русском языке «иностранных слов, имеющих общеупотребительные аналоги» – типа *менеджер*, вместо него В.В. Жириновский предлагал восстановить слово *приказчик*).

Частота и общественный резонанс обращения к этим концептам и стереотипам в современной социальной действительности требуют проявления к ним особого научного внимания, чтобы общественное мнение и деятельность не были бы направлены по ложному пути и не использовались для социальной демагогии и борьбы с ветряными мельницами.

Данную проблему исключительно правильно и научно корректно поставил известный сибирский ученый, профессор Н.Д. Голев. Приведем с незначительными сокращениями его рассуждение:

«...зададимся вопросом, почему проблемы языкового строительства переданы в ведомство Министерства *образования и науки*. То, что вопросы, связанные с русским языком, трактуются в первую очередь как образовательные, понятно, поскольку соответствуют базовым презумпциям обыденного сознания. «Школьноцентризм» обыденной лингвистики синонимизирует выражения «владеть языком» и «овладевать языком» (в смысле «овладевать знаниями о языке») и тем самым увязывает русский язык со школьными знаниями, а последние – со школьным курсом орфографии.

Приказ Министерства образования и науки РФ о создании межведомственной комиссии по русскому языку от 2 декабря 2004 г. № 124, подписанный А.А. Фурсенко, начинается следующей преамбулой: «*В целях развития, распространения и сохранения чистоты русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения приказываю…*». На наш взгляд, модус этой преамбулы несколько отличается от того, что предписывает данной Комиссии постановление Правительства РФ, подписанное М. Фрадковым. Предписано обеспечить *правовое функционирование* русского языка в качестве государственного. Комиссия понимает свое предназначение более расширительно. В преамбуле приказа Комиссии используется традиционная идеолого-политико-публицистическая риторика, призывающая бороться за чистоту и распространение русского языка во всех сферах его функционирования, а не только одной юридической. Такая идеологизация − характерная для российского общественного менталитета черта. Так, в свое время был идеологизирован Проект Федерального закона о русском языке, по поводу чего 6 июля 2002 года в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина президент

ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, акад. РАО В.Г. Костомаров сказал следующее: «…В предлагаемом проекте есть два совершенно разных, качественно разных объекта законодательного регулирования. Первый − это функциональный, а второй − это то, что юристы называют корпусный. Что касается функциональной стороны, то здесь законодательно все очень легко сделать. Мы можем сказать: судье можно использовать только русский язык. Мы можем сказать, что нельзя получить российское гражданство, не сдав экзамены по русскому языку. И так далее, и так далее. Мы можем сказать, что государство наше, если оно хочет себя хорошо поставить на международной арене, должно заниматься, как французы это делают, сознательным экспортом своего языка и своей культуры и т.д. А вот корпусная сторона, т. е. внутреннее развитие − прогресс, регресс самого языка, − зависит не от законов общества, а от внутренних законов развития − вообще языков или данного языка. Насколько эти законы подвержены сознательному регулированию человеком или обществом? Вопрос открытый, на него есть много разных ответов».

Отсюда становится понятно, почему сугубо юридический феномен – государственный язык − оказался в ведении Министерства образования и науки.

Что касается компонента «образование», то – отметим еще раз − увязка русского языка со школой обыкновенна для «обыденной социолингвистики», поэтому с научной, объективистской, точки зрения этому удивляться не приходится. Но и к административному руководству наукой как обязанности Министерства забота о чистоте русского языка, кажется, никак не должна относиться. Это, скорее, относится к ведению министерства культуры, поскольку речь в «корпусной части» рассматриваемых законов идет о речевой культуре.

Для реализации собственно научного подхода к проблеме нужно было бы по логике вещей организовать **исследование** объективных законов функционирования языка в разных сферах, теоретическую разработку понятий типа «чистота и порча языка» и уже на этой основе, **если будет обоснована необходимость и возможность** «чистки», разрабатывать законы, регламентирующие функционирование тех или иных участков языка. Но Министерству и Комиссии эти вещи не кажутся предметом научных изысканий. По-видимому, они представляются им само собой разумеющимися вещами, не нуждающимися в научном обосновании, комиссия априори знает, почему, зачем и как нужно улучшать язык и что означает улучшение. Не приходится удивляться в связи со сказанным, что в составе комиссии, готовившей вышеназванный проект Закона о русском языке, было очень мало профессиональных лингвистов» (Голев 2009, с. 383–385).

Полностью согласимся с предостережением Н.Д. Голева: в настоящее время «есть опасность, что ученым придется оперировать концептами естественного языка, оставшись в определенном смысле в лоне наивной науки…, пользоваться ценностями, представлениями и мифами обыденного сознания и заказами политиков. … Именно научный подход к языковому строительству должен быть противопоставлен линии официализации и легитимизации языка, вытекающей из представлений обыденного национального метаязыкового сознания. При этом важно подчеркнуть, что научный подход подразумевает объективность обыденного фактора и его реального воздействия на все сферы функционирования языка; в том числе воздействия представлений о языке в

сознании рядовых носителей русского языка, независимо от того, насколько они соответствует представлениям научным. Этот фактор должен учитываться (а для этого предварительно изучаться), а не игнорироваться» (Голев 2009, с. 396).

Исследуя содержание языкового сознания, Н.Б. Лебедева выделяет 4 вида знаний в структуре языкового сознания, каждое из которых может быть осознанным и неосознанным:

1. «*Знание языка*» – это языковая компетенция, умение говорить и понимать. Знание языка предполагает владение языком как родным, полученным в дар от своих родителей («материнский язык»), так и неродным, приобретенным позже (второй язык). Сфера неосознаваемого знания языка предполагает спонтанное владение языком, основанное на интуиции, на «чувстве языка», включает механизмы автоматизма, навыка. Выбор слов, грамматических норм, стилистических средств в этой сфере происходит спонтанно, опираясь на языковое чувство, чутье. Обучение родному языку также происходит в очень ранний период детства также спонтанно, автоматически» (Лебедева 2009, с. 61).

2. *«Знания о языке»* назовем лингвистической компетенцией пользователей языка, важнейшей составляющей которых являются «спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека…» (Арутюнова 2000, с. 7). Это метаязыковые знания «простых» носителей языка, не знакомых вообще или знакомых в незначительной степени с «лингвистической премудростью», когда в процессе порождения и в процессе восприятия речи говорящий и слушающий непроизвольно оценивают речевые произведения как правильные или неправильные» (Лебедева 2009, с. 63).

3. «*Знания в языке»* – знания, отраженные в языке, в его грамматических формах, лексике, речевых жанрах. К неосознаваемому виду ментальности «знания в языке» относятся такие понятия, как «языковая картина мира», «языковая категоризация», «образы языка, отраженные в самом языке» как часть «образов мира, отраженных в языке» (Лебедева там же, с. 65).

Знания в языке – это языковая картина мира, то есть отражение действительности в семантике языковых единиц.

4. *«Знания на языке»,* которые «включают в себя всю информацию, зафиксированную в текстах, произнесенных и написанных на данном языке, непосредственно воспринятую слушающим и читающим», а также «различные рефлексии по поводу этой информации, в основном, профессионалами (стилистика, литературоведение и пр. науки, основанные на анализе текстов)» (Лебедева там же, с. 65).

Последний вид знаний представляет собой совокупность языковых высказываний о действительности. Полностью согласимся с Н.Б. Лебедевой, предостерегающей от включения знаний этого типа в собственно языковые («иногда в некоторых концептуальных исследованиях мы находим крен в сторону интерпретации текстовой информации как языкового – концептуального – знания. Думается, это слишком сильная гипотеза – отождествлять зафиксированное на данном языке, например, в поэтических текстах, с собственно языковым знанием») (Лебедева 2009, с. 65). Эти знания находятся в концептуальной сфере и могут в отдельных случаях актуализироваться в речи при вербализации концепта (например, прецедентные знания, текстовые реминисценции – в опоре на их общеизвестность для

социума), но частью *языковой* информации они, очевидно, не являются, оставаясь в концептуальной сфере.

Таким образом, исходя из приведенной классификации знаний в структуре языкового сознания, обыденное языковое сознание включает:

1. знание единиц языка и их значений (носители языка при этом могут не знать отдельных языковых единиц или иметь неправильные представления об их значении) – *языковое знание*;

2. знания о языковой технологии (употреблении языка, языковых и стилистических нормах, сочетаемости языковых единиц, коммуникативных нормах, речевом этикете, правилах создания текстов разных типов и жанров, о речевом воздействии) – *коммуникативно-языковое знание*;

3. знания об устройстве языка, в том числе мнения и суждения о его сложности, богатстве, происхождении, заимствовании, развитии, энциклопедические сведения о языках и эмоциональную оценку разных языков и др. – *метаязыковые знания*.

Иными словами, в обыденное языковое сознание входят значения слов, правила сочетания слов и построения текстов, акустико-артикуляционные навыки речевой деятельности, нормы и правила коммуникативного поведения, а также рефлексивные знания о языке – мнения и суждения о языке, в том числе мифологические и просто ошибочные. Все это составляет содержание обыденного языкового сознания.

Мифологические лингвистические концепты и стереотипы, таким образом, являются частью обыденного языкового сознания носителя языка.

Разумеется, мифологической составляющей содержание обыденного языкового сознания не исчерпывается, но мифологический компонент обыденного языкового сознания существует, он составляет важную и часто весьма яркую часть обыденного языкового сознания и нуждается в тщательном изучении, тем более что именно на этой части языковой информации в обществе строятся различные политические кампании по «защите» языка, «пропаганде» языка, строится та или иная государственная политика, вырабатывается культурно-образовательная идеология общества.

Исследование проблемы ментальных мифов приводит к необходимости признать наиболее распространенные и вредоносные из них ментальными вирусами: когда мифами спекулируют, они становятся *ментальными вирусами.*

Ментальный вирус языкового сознания – это стойкое, повторяющееся и тиражируемое заблуждение обыденного сознания о языке, некоторый устойчивый миф о языке. Распространению ментальных вирусов надо противостоять научным анализом и разъяснительной работой.

Филологи должны бороться с ментальными вирусами, преодолевать лингвистические мифы в сознании народа. Это позволит повысить уровень владения языком и культурой речи и не будет уводить людей в бесплодные антинаучные умствования по поводу разрушения языка, его порчи, вредоносной деятельности неких мифических злокозненных сил, а будет ориентировать людей на практическую работу по совершенствованию своих языковых навыков и повышению речевой культуры общества.

И еще один важный момент: лингвистические мифы обыденного сознания не могут и не должны поддерживать и транслировать сами ученые, какими бы благими «патриотическими» и публицистическими причинами они при этом

данное обстоятельство ни объясняли: долг ученого нести научное, а не псевдознание. К сожалению, подобных случаев в последнее время довольно много, ненаучные популистские высказывания делаются публично, будоражат общественное мнение, тем более когда они подаются как выражение патриотизма, любви к своему языку и народу (и всегда при этом, отметим, скрытой критики других языков и народов).

Популистские мифологические концепты и стереотипы проникают и в научно-популярную литературу по лингвистике, и даже в некоторые научные издания.

Укажем в связи с этим на следующие обстоятельства, представляющиеся нам особенно важными и принципиальными.

1. Нельзя при анализе языковых явлений отождествлять язык и речь

Например, не избежал этого известный отечественный специалист по культуре русской речи Л.И. Скворцов, который в статье ЖАРГОН в энциклопедии «Русский язык» написал в конце научной статьи: «Нарочитое или бездумное употребление жаргонной лексики и фразеологии засоряет и огрубляет разг. речь» (с. 130). А что такое *нарочитое* употребление? А *бездумное* употребление? Это нарушение норм культуры речи? В чем проявляется при этом «засорение и огрубление разговорной речи»? Каковы критерии засорения речи? Огрубления речи? *А засорение языка* – это что? Все это не характеристика *языка*, а характеристика индивидуальной *речи* отдельных носителей языка, которых критик наблюдает вокруг себя и к речевой деятельности которых он критически относится.

Разграничение языка и речи – базовая аксиома научного исследования и описания языка. Если говорить о языке, его испортить просто нельзя – язык представляет собой склад языковых возможностей (условно говоря, слов и правил) для использования их в коммуникации. Каждый берет из языка то, что считает нужным для выражения своей мысли в конкретной коммуникативной ситуации.

Речь отдельного человека может рассматриваться как «испорченная» – то есть такая, которая мне (и, возможно, еще кому-то) не нравится – однако научных критериев хорошей речи, как мы указывали выше, нет.

Есть определенные критерии культуры речи, основной из которых (если не единственный!) – уместность речевого словоупотребления. Но это характеристика именно индивидуальной речи, а не языка как системы.

Уместности речевого употребления можно и надо учить, это и есть формирование культуры речи. Жаргон уместен внутри «своих», внутри группы жаргононосителей, там он выполняет свои функции, но он неуместен в публичной речи, в официальных коммуникативных ситуациях. Если человек этого не понимает, это доказательство его низкой речевой и общей культуры, неумения строить свою речь, но никак не свидетельство причинения им порчи русскому *языку*.

Что такое «излишнее употребление иностранных слов»? Кто определит (и кто может определить), сколько можно употреблять иностранных слов, а сколько – уже нельзя? И в каких ситуациях? В каких текстах? И какие конкретно слова – новые заимствования или давно заимствованные? Это все вкусовые

критерии, причем невербализуемые. А разговоры на эту тему обычно оканчиваются фразами типа «Нет, все-таки должны быть какие-то пределы, границы». А какие? «Какие-то» – субъективно-оценочный, а не научный критерий.

Если мне не нравятся пробки на дорогах, не нравится, что у меня двор заставлен машинами, ч то под ьокнами все время зводят машины и во двое все время пахнет бензином и ощущаются выхлопные газы – это не значит, что надо призывать к запрету автомобилей – надо упорядочить движение автомобилей, пользование ими и правила парковки. Не нравится речь окружающих – надо учить их нормативности и уместности словоупотребления, а не призывать к запрету тех или иных слов и выражений в языке вообще.

2. Нельзя отождествлять метафорические оценочные высказывания о языке с реальными качествами этого языка

Практически все русскоязычные жители нашей страны и многие иностранцы, изучающие русский язык, хорошо знают знаменитую фразу И.С. Тургенева из стихотворения в прозе «Русский язык» (1882 г.) о том, что *русский язык – великий* и *могучий*. Эта фраза часто повторяется в разных контекстах, и даже является синонимом словосочетания «русский язык» – изучать *великий и могучий*, надо знать *великий и могучий,* имел в школе тройку по *великому и могучему* и под.

Но цитата про *великий и могучий* неполна. Приведем полный текст: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Таким образом, русский язык, по мнению И.С. Тургенева, *великий, могучий, правдивый* и *свободный.*

Это, несомненно, глубоко патриотическое высказывание, в котором писатель в яркой художественной форме признается в любви к русскому языку. Но какое конкретно содержание он вкладывает в эти четыре слова в данном контексте? И вкладывает ли он конкретное содержание, указывает ли на какие-либо реальные превосходства русского языка?

Рассмотрим значения этих слов в толковом словаре С.А. Кузнецова.

ВЕЛИКИЙ

1. Очень большой, огромный. *Остров очень велик. В-ая удача. В. грех. С великим трудом мы выбрались из леса. К великой радости; к великому стыду; к великому сожалению. В-ое счастье, горе* (о чувствах, оказывающих сильное воздействие на кого-л.). // О большом количестве чего-л. *Народу на народном гулянье было в-ое множество.*

2. Выдающийся по своему значению, влиянию, по своим достоинствам; очень важный. *В-ая цель. В-ое открытие. В. русский язык. Велика роль народных масс в истории. В. день, час чего-л. для кого-, чего-л.* // *Разг.* Искусный, хорошо разбирающийся в каком-л. деле. *В. мастер пера.*

3. Превышающий среднюю меру, обычный уровень в каком-л. отношении; выдающийся. *Соблазн слишком велик. С великим (величайшим) интересом,*

трудом что-л. сделать. В. труженик. // Необыкновенно одарённый, гениальный. *В. мыслитель. В. учёный.*

4. *только кратк.* Большего размера, чем нужно. *Юбка ей велика. Квартира для троих велика.*

5. *сравн. и превосх. ст. нет.* Отличающийся особыми, выдающимися свойствами. В составе различных названий и терминов. *В-ая Отечественная война. В. четверг (церк.;* четвёртый день Страстной недели, когда проходят обрядовые очищения). .... *В. князь; в-ая княгиня, княжна* (в Российской империи: член императорской фамилии). *В. океан* (Тихий океан). ... *В-ое переселение народов* (крупные племенные переселения на европейском континенте, происходившие в 4–7 вв. н.э.). // Постоянный эпитет некоторых выдающихся исторических личностей. *Пётр Великий.*

Наиболее подходят к контексту Тургенева значения 2 и 5:

2. Выдающийся по своему значению, влиянию, по своим достоинствам; очень важный.

5. Отличающийся особыми, выдающимися свойствами. В составе различных названий и терминов.

Если русский язык *выдающийся по своим достоинствам*, то по каким достоинствам? С какими другими языками он сравнивается? Какие другие языки по каким параметрам он превосходит?

Если *отличается особыми, выдающимися свойствами* – то какими?

Эти свойства и достоинства не называются – предполагается, что они есть, для всех они должны быть очевидны. Для публицистики, для эмоционального выражения любви к русскому языку этого оказывается достаточно, для патриотической оценки родного языка – тоже, но конкретной информации о русском языке данное словоупотребление не несет.

Аналогично – **МОГУЧИЙ**

1. Обладающий большой физической силой, очень сильный (о человеке, животном). *М. лев. М. спортсмен. М. детина.* // Свидетельствующий о физической силе; очень крепкий, жизнеспособный. *М-ие руки, плечи. М-ее здоровье. М. организм.*

2. Очень большой, значительный (по силе, степени, величине); мощный. *М-ая плотина. М-ие скалы. М-ие волны. М. голос. М-ие деревья* (имеющие толстый ствол, густую, раскидистую крону). //Обладающий большой силой, мощью (о воинских соединениях, укреплениях и т.п.). *М-ая армия. М-ие крейсеры.*

3. Величественный, грандиозный. *М-ая панорама гор. М. город.*

4. Необычайный, исключительный по значению, силе проявления, размаху и т.п. *М. талант. М-ая страсть. Оказать м-ее влияние на кого-л.*

5. Обладающий властью, влиянием; могущественный. *М. правитель. М-ая организация.* < Могуче, нареч. *М. возвышаться над чем-л. М. управлять чем-л.*

Наиболее подходят значения 3 и 4:

3. Величественный, грандиозный

4. Необычайный, исключительный по значению, силе проявления, размаху и т.п.

Но и в этом смысле «могучесть» языка нельзя понимать буквально – а какие языки слабые, не величественные, незначительные по значению, размаху, силе проявления? С чем мы сопоставляем русский язык и какие видим в нем

конкретные преимущества перед другими языками по грандиозности, исключительности, силе проявления и т.д.?

СВОБОДНЫЙ

1. Не испытывающий на себе экономического и политического гнёта, давления; независимый. *С-ая личность. С-ые граждане свободной страны. С. народ.* // Свойственный такому человеку, государству. *С. дух. С-ая душа. С. образ мыслей.*

2. Никем не задерживаемый; вышедший на свободу (после заточения, плена и т.п.). *Выходите, товарищи, вы свободны. Я свободен? – Да, можете идти.*

3. Располагающий собой по собственному усмотрению; не связанный с кем-л. какими-л. отношениями, обязательствами. *Когда освободишься? – К шести я буду совершенно свободен. С. как ветер. Свободен в своих поступках, решениях. Свободен в своём выборе. Зачем тебе женатик, разве мало свободных парней? Я женщина свободная, незамужняя. Разрешите быть свободным? (воен.;* просьба разрешить удалиться; при обращении к старшему по званию).

4. Совершаемый без принуждения, давления (по своей воле и желанию); добровольный. *С. труд на благо общества. Сделать с. выбор. С-ое волеизъявление народа.*

5. Совершаемый без помех или напряжения; ничем не затруднённый; естественный, непринуждённый. *С-ое дыхание. С-ая речь. С-ое отражение. С-ое владение иностранным языком. С-ая поза, посадка в седле.*

6. Не стеснённый запретами; не ограниченный строго определёнными нормами, правилами, формами. *С-ые выборы. С-ая торговля. С. обмен мнениями. С. доступ к архивам. С-ая мысль. С-ые цены* (назначаемые производителями, торговыми организациями и т.п., не определяемые государством; рыночные).

7. Не заполненный, не занятый кем-, чем-л.; такой, который можно использовать (о пространстве, должности, времени и т.п.). *С-ое пространство. С-ое купе. С. стул. С. номер в гостинице.*

8. *Разг.* Лишённый тесноты; просторный. *Квартира большая, с-ая у кого-л. Кухня с-ая, а коридора почти нет.*

9. Не облегающий плотно фигуру; широкий, расклешённый. *С. покрой. С-ая блуза. С. плащ.*

10. от чего. Такой, которому не свойственно что-л.; освобождённый от чего-л. *С. от предрассудков, от подозрений, от страха. Построить общество, с-ое от кризисов. С. от налогов, от податей.*

11. *только полн.* Освобождённый от сцеплений, от нагрузки (о частях механизма). *С-ое колесо. С-ая шестерня. Муфта свободного хода. С. Ход* (основанный на таком принципе действия).

12. *только полн.* Не находящийся в химическом соединении с чем-л. *С. кислород. Железо в свободном состоянии. С. Электрон* (отделившийся от атома и перемещающийся в междуатомном пространстве). *С. Радикал* (химическая частица, образующаяся из молекул путём сцепления отдельных атомов и групп).

13. *Спец.* Осуществляемый без воздействия дополнительных сил, энергии и т.п.; основанный на таком принципе действия. *С-ое падение* (падение тела, обусловленное притяжением Земли). *С. Полёт* (полёт космического

летательного аппарата с выключенными ракетными двигателями под действием сил притяжения Солнца и планет).

Наиболее близко значение 5: *Совершаемый без помех или напряжения; ничем не затруднённый; естественный, непринуждённый.* Но и оно не подходит к языку – язык как таковой не может иметь помех, быть естественным и непринужденным. Это относится к речи. Кроме того, вновь возникает вопрос – а какие языки характеризуются как напряженные, неестественные, принужденные?

ПРАВДИВЫЙ

1. Стремящийся к правде, говорящий правду (о человеке); свойственный такому человеку. *П. характер.* // Выражающий склонность к правде. *П. взгляд. П-ые глаза. П-ое выражение лица.* // Реалистически выражающий жизненные явления в произведениях творчества. *П. художник. В своих произведениях автор прост и правдив.*

2. Содержащий в себе правду, основанный на правде. *П. рассказ. П-ая речь. П-ые показания свидетелей. П-ое отображение действительности.* < Правдиво, нареч. *П. говорить. П. смотреть в глаза. В романе п. изображена наша действительность.* Правдивость, -и; *ж. Отличаться правдивостью. Образы выражены с большой правдивостью.*

Правдивость вообще не может быть применена к языку – правдив может быть *человек*, автор некоторого высказывания или текста, а не язык, которым он пользуется.

Таким образом, усмотреть какое-либо конкретное, предметное, денотативно мотивированное содержание в высказывании И.С. Тургенева не удается. Высказывание целиком носит эмоционально-оценочный характер, общий смысл – высшая положительно-эмоциональная оценка русского языка писателем. *Это метафора, которую нельзя понимать буквально*.

Данные признаки в концепте *русский язык*, несомненно, являются мифологическими. Наличие таких признаков подтверждается когнитивным анализом концепта *русский язык* в обыденном языковом сознании русских испытуемых (Тавдгиридзе 2005, с. 14–15).

Ядро: *богатый* 15,6%; *красивый* 11,8%; *сложный* 11,2%; *выразительный* 7%; *родной* 6,9%.

Когнитивные признаки *богатый* 15,6%, *красивый* 11,8% могут рассматриваться как мифологические, поскольку объективных критериев богатства языка и его красоты не существует. Таким образом, наиболее яркие ядерные признаки концепта имеют мифологический характер.

Ближняя периферия концепта: *грубый* 4%; *интересный* 4%; *хороший* 3,1%; *доступный* 3%*; международный* 2,8%*; народный* 2,3%; *нужный* 2,1%*; любимый* 2; *школьный предмет* 1,9%*; старый* 1,9%; *звучный* 1,8%*;*

Мифологический характер имеют признаки *благородный* 2,9%; *великий* 2,7%; *умный* 1,8%; *могучий* 1,7%, остальные допускают рациональную интерпретацию и несут объективную характеристику русского языка – *международный, школьный предмет, старый, нужный.*

Дальняя периферия концепта (9,2%) образована следующими когнитивными признаками: *необычный* 1,2%*; культурный* 0,7%*; плохой* 0,6%*; свободный* 0,7%*; писатели и поэты* 0,6%*; средство общения* 0,6%*; непонятный* 0,6%*; носители*

языка 0,6%*; точный* 0,6%*; понятный* 0,5%*; природа* 0,5%*; универсальный* 0,4%*; живой* 0,3%*; веселый* 0,3%*; засоренный* 0,3%*; чувственный* 0,2%*; громкий* 0,2%; *быт* 0,1%*; радость* 0,1%*; литературные произведения на русском языке* 0,1%.

Мифологический характер имеют когнитивные признаки *культурный, свободный, точный, универсальный, живой, веселый; засоренный, чувственный, плохой.*

Как видно из приведенных примеров, мифологическая зона концепта *русский язык* весьма значительна и имеет достаточную яркость в структуре концепта: признаки *великий, могучий, свободный* выделены почти двадцатью процентами испытуемых. Данные признаки отражают в структуре концепта некоторый национальный стереотип, существующий относительно автономно от других компонентов концепта, причем, что характерно, на реальность данного мифа-стереотипа не влияют многочисленные противоречащие ему когнитивные признаки, выделяющиеся в структуре концепта – *грубый, непонятный, засоренный, бедность, неприятный в звучании* и некоторые другие. Данные признаки не входят в ядро концепта *русский язык*, оставаясь в рамках ближней и дальней периферии концепта.

Диссертационное исследование Т.А. Симановой «Развитие концептов «русский язык» и «родной язык» в языковом сознании иностранных студентов (экспериментальное исследование)» (Симанова 2010) показало, что под влиянием русской культуры и русского языкового окружения в сознании студента – иностранца в концепте *русский язык* формируется следующая мифологическая зона: *романтичный* 0,09; *сладкий 0,03, серьёзный* 0,03; *гибкий* 0,01; *независимый* 0,002.

В содержании концепта *родной язык* у этих же испытуемых формируется следующая мифологическая зона: романтичный 0,07; быстрый 0,04; мягкий 0,03; большой 0,03; могучий 0,03; ласковый 0,02; серьёзный 0,01; радостный 0,003, элегантный 0,01; культурный 0,01, независимый 0,01; твёрдый 0,002; чистый 0,02; добрый 0,002; честный 0,002, яркий 0,002; умный 0,002, сладкий 0,02, хрупкий 0,002.

Таким образом, оценки русского и своего родного языка иностранцами также носят субъективно-оценочный характер – они метафоричны, эмоциональны, положительно-оценочны, но денотативно не «обоснованы», не мотивированы.

Разумеется, мы не против того, что русский язык можно назвать *великий, могучий, правдивый и свободный*; результаты психолингвистических экспериментов показывают, что можно добавить к этому, что он еще *мягкий, содержательный и умный*, а также – *взрослый, развитый, сильный, мускулистый, вкусный, достойный, скромный, деликатный, дружелюбный* и т.д., но это все надо понимать как метафорическую эмоциональную объективацию положительной оценки языка носителями языка, но никак нельзя рассматривать как отражение реальных качеств, признаков, характеристик русского (и любого иного) языка.

3. Нельзя отождествлять внутреннюю форму слов и выражений с актуальными представлениями говорящих людей и тем более с «хранилищем» неких духовных ценностей.

Ср., например, рассуждение профессора-литературоведа: «В лексической структуре русского языка есть глубинные смыслы, которые сохраняют ценностные ориентиры. Например, в русском языке очень много слов с корнем «-душ-» (душа): *душеполезный, добродушный, простодушный*. Мы скажем «в комнате ни души», а англичане, как хорошо отметил Михаил Задорнов, – «nobody» (грубо говоря, «ни тела»). В русском сознании человек определялся по душе. В этом большая ценность языка, в частности в политическом смысле: он позволяет сохранить ценности, гуманитарную и гуманистическую составляющие. И это важно, ведь в политике часто фигурируют другие ценности» («Воронежский курьер», 30 июня 2015, «Поддержки не ощущаем»).

Отождествление внутренней формы слова с некими духовными ценностями народа с научной точки зрения не имеет оснований, это *вульгарная лингвокультурология.* Это, может быть, простительно юмористу Задорнову – он шутит, и все его лингвистические рассуждения ориентированы на то, чтобы вызвать у публики удивление и смех – ср. его пояснение происхождения слова *богатырь* – кто *богато натырил*), но никак не ученому, тем более филологу.

Ни о какой душе не думает русский человек, когда он говорит *ни души в комнате* – он имеет в виду, что в комнате просто совсем никого нет. Духовные ценности выражение *ни души* не «сохраняет», оно сохраняет лишь указание на свое происхождение. Духовность – феномен сознания человека, его психики, но никак не семантики слова.

Внутренняя форма большинства слов вообще случайна, это чаще всего произвольно выбранный признак, по которому впервые народом был назван предмет, явление, действие, признак – память о нем теряется в глубине веков, у большинства корней внутренняя форма давно стерлась.

Почему змея – от *земля* (по земле ползает), а не *извия* – от извивается?

В литературном языке есть слово *одуванчик* (можно сдуть), в говорах его называют *летучка* (летает), *молочник, молочай* (по стеблю), *пухлянка* (от пуха). Какой говор что выбрал, совершенно случайно, и при назывании одуванчика в речи, при пользовании словом эти признаки никак носителями языка не осознаются.

Спасибо – от *спаси бог,* но в современном употреблении бог тут не при чем, идея бога никак не актуализируется при употреблении слова.

Внутренняя форма – это один из признаков значения, иногда яркий, чаще – забытый, но в любом случае совсем не главный для понимания и употребления слова сегодня. Он интересен для анализа, но на него нельзя опираться в интерпретации современного значения слова и, тем более, современного менталитета народа.

Кстати, еще о душе: слово *душа* многозначно – это и крепостной крестьянин, который мало связан с проблемой ценностей; а какую духовность, какие ценности «сохраняют» слова *душегуб, душегубка*, *душеприказчик*?..

Отождествление внутренней формы слова с теми или иными ценностями, духовностью не имеет под собой никакой научной основы.

Духовность русского народа неоспорима, но она сохраняется не благодаря существованию нескольких слов с корнем *душа*, а благодаря преемственности в жизни общества. Кстати, именно нарушение преемственности может привести к снижению уровня духовности народа. Язык не *хранит* духовность и ценности, он *называет* их, позволяет их *выражать* и *обсуждать*. В самом языке никакие

ценности и никакая духовность не «содержится» и не «хранится». Языком можно, кстати, говорить и совершенно бездуховные вещи – это ведь вовсе не значит, что язык «хранит» и «содержит» бездуховность, несет в себе бездуховность.

Язык не отвечает за духовность говорящих на нем людей и народа в целом, за национальные ценности тем более – как трактор или комбайн не отвечает за урожай: за урожай отвечают люди, работающие на тракторах и комбайнах.

Научный подход к языку однозначно свидетельствует о сказанном выше.

И об иностранных словах.

Если кому-то не нравится, что вокруг него много стало звучать иностранных слов, пусть он борется с теми людьми, в чьей речи они звучат – пусть объяснит им (попробует!), почему их надо употреблять меньше – чтобы речь была понятнее для слушателей; пусть объяснит, как их правильно употреблять, где они уместны, а где нет. Но пусть при этом он не апеллирует к тому, что употребляющие иностранные слова люди *портят русский язык, засоряют русский язык,* а он пусть напрасно не думает, что он, выражая недовольство, якобы *защищает русский язык* – он в лучшем случае заботится о культуре речи людей, хотя в большинстве случае такая личность обычно не выходит за рамки возмущения отдельными словами и словоупотреблениями.

4. Нельзя отождествлять личное субъективно-оценочное неприятие тех или иных слов и выражений с порчей языка и подрывом национальных ценностей.

Многим жителям Воронежа непонятно и вызывает их возмущение выражение «*городской округ г. Воронеж».* Действительно, звучит неуклюже и странно. Но это термин из принятого закона об административном делении РФ. Это бюрократический, официальный административный термин. Его можно критиковать, но его нельзя исключить из официального документооборота, нельзя не употреблять в официальных бумагах.

Ср. также эмоциональное высказывание одного профессора-филолога о термине «рынок образовательных услуг»: «Не может душа жить на рынке, она туда на час заходит, за продуктами. Она должна жить на ниве просвещения. А тот, кто подвизается на рынке образовательных услуг, торгует душой и продает родину!» («Воронежский курьер», 5 февраля 2011 г.).

Если какое-то слово или термин кому-либо, в том числе и филологу, не нравится, можно его не употреблять, можно найти лингвистические аргументы для его замены, но нельзя отказывать ему в праве на существование – если это не ошибка, а просто новое слово или терминологическое выражение. Язык непрерывно развивается, и это не имеет никакого отношения к идеологии и патриотизму – у него свои законы. А обвинять использующих новые слова, значения, термины людей в измене родине – вообще за пределами понимания нормального человека.

Мне лично, например, не нравятся некоторые слова и выражения: *деверь, золовка, франшиза, сорочка, большой разговор, в проблеме разбирался* (*журналист такой-то разбирался* – обычно он ни в чем не разбирается), *мониторить, сфоткаться, проставляться, накрыть поляну* и нек. др. Но это мое личное мнение, личное отношение к словам, и я как лингвист, как ученый не

могу призывать эти слова запрещать – их употребление в русском языке никак не является ошибкой. А как носитель языка я лично могу их избегать в употреблении.

Надо различать эмоциональное отношение к языковым фактам, личные языковые пристрастия, с одной стороны, и научный подход – с другой. Для ученого именно научный подход является основным. Он в первую очередь должен разграничивать личные эмоции, личностные пристрастия при интерпретации языковых изменений и объективный научный подход к языку. Тем более ученый, особенно филолог, не должен категорично транслировать свои субъективные оценки и псевдонаучные лингвистические мифы в общественное сознание – именно потому, что он *ученый* и его миссия – нести научные знания, а не поддерживать и тиражировать научные мифы.

Избавиться в обществе от мифов, в том числе лингвистических, вряд ли возможно – мифы необыкновенно устойчивы, и, как мы отмечали выше, легко превращаются в ментальные вирусы. Но мифы ждут выявления, объяснения и смыслового истолкования со стороны науки.

Подчеркнем еще раз, что мифологические концепты и стереотипы в принципе не поддаются однозначной трактовке. Однако, объясняя мифологичность того или иного лингвистического концепта или стереотипа, можно предложить «мифоносителям» приблизительные, возможные варианты понимания высказываний, содержащих эти концепты и стереотипы – с целью пояснить, в каком реальном смысле данные высказывания фактически функционируют в речи, как их можно понимать и интерпретировать. Например:

Русский язык – великий и могучий – *я очень люблю русский язык, он мне очень нравится.*

Русский язык наводнили иностранные слова – *я слышу вокруг много иностранных слов, которые я не понимаю, и они меня раздражают*.

Русский язык наводнен жаргоном и сленгом – *я слышу вокруг много жаргона и сленга, что мне не нравятся и что меня раздражает*.

Язык – душа нации – *язык важен для существования нации*.

Русский язык портят – *я слышу вокруг очень много слов и выражений, которые мне не нравятся.*

Я защищаю русский язык – *я люблю русский язык, призываю людей обращать на него внимание, следить за своей речью* (защищать русский язык не от кого – никто на него не нападает) и под.

Такой подход, не отрицая факта существования стереотипов, позволяет объяснить носителям этих стереотипов реальный смысл соответствующих высказываний и ориентировать носителей языка на не-буквальное понимание высказываний, обозначающих эти стереотипы.

Лингвистические мифы и стереотипы подлежат выявлению и преодолению, и это одна из важных общественных задач ученых-филологов.

3.2. Лингвистические мифы и фейки в интернете

Потоки слов терзают ухо
Как эскадрилья злобных мух;
Беда, что недоросли духа
Так обожают мыслить вслух
И. Губерман

Тема русского языка очень активизировалась в последнее время в интернете. Появляется множество статей и комментариев по вопросу происхождения русского языка, причин изменений, возникновения русской письменности, истории появления отдельных слов и выражений. Очень часто эти материалы подаются как сенсации – «от вас скрывали, что…», «что в действительности означает выражение…» и под., а содержащиеся в них утверждения крайне категоричны и безапелляционны и обычно не подкрепляются какими-либо аргументами или доказательствами, кроме ссылок типа «ученые установили».

Наличие подобных утверждений, а также тенденциозных суждений и часто агрессивных комментариев в таких материалах создает богатую почву для формирования ложных представлений о русском языке в обыденном сознании, для формирования искаженного языкового сознания носителей современного языка, а также часто становится основой антинаучных, псевдопатриотических, вплоть до националистических, взглядов на русский язык, его развитие, историю России.

Околонаучные и фейковые сообщения, касающиеся русского языка, в настоящее время массово представлены в интернете, социальных сетях, в различных комментариях пользователей.

Приведем некоторые примеры интернет-высказываний о русском языке, которые носят антинаучный и фейковый характер, но тем не менее имеют широкое распространение в сети и становятся вирусными. Из огромного обилия таких материалов приведем лишь некоторые, зафиксированные нами в короткий период – в январе – марте 2021 г., сохраняя в основном орфографию, пунктуацию и фразеологию оригинала[3].

– *Санскрит произошел от русского языка* (это все равно, что сказать, будто динозавры произошли от наших ящериц – прим. автора).

– *Русские – самый древний народ Европы, а русский язык самый близкий к праязыку, поэтому он так богат и сложен.*

– *У русских письмо было всегда. Наша история древнейшая на Земле.*

– *Да все алфавиты на планете с одного корня. Как и цифры.*

– *Никто не представил доказательств в изобретении алфавита для славян Кириллом.*

– *Кирилл и Мефодий ничего не изобретали. Это ложь историков.*

– *Ни Кирилл, ни Мефодий братцы болгары не придумали нашу азбуку и это общеизвестно.*

– *Появились Кирилл и Мефодий, чтобы внести раскол между славянами.*

– *Кирилл и Мефодий это 16-17 век, и никакой не 9-ый.*

[3] Не приводим отдельных ссылок на интернет-адреса, чтобы не загромождать изложение.

– Всего-то 3000 лет назад весь мир разговаривал только на одном русском языке. И все языки, которые сейчас существуют, сейчас их более 7000, это все от русского языка.

– Общеизвестно, что все древние письменности – латинский, греческий, арабский Египта, Китая, Шумеры возникли на основе древне-славянского.

– Глаголица – это с Кавказа.

– Да все у наших предков было! Хватит уже с этими двумя «изобретателями письменности».

– Если вам впаривают, что славян научили писать Кирилл и Мефодий, знайте – это говорит враг (инородец или дурак).

– Отрицание древности письменности славян наруку жидо-христианству.

–Теория роли Кирилла и Мефодия – заговор сионистов.

– Кирил и Мефодий, выдуманые персонажи, для подгонки истории в угоду европы и израиля!

– А викинг вполне понятен по русски – корень ВЫКИНЬ, т.е. младшие дети, которым не светило наследство.

– Лейпциг можно считать своего рода тезкой российского Липецка. Википедия врать не будет!

– Поселениям славян 45 000 лет и уже тогда у них было рунное письмо и ювелирные украшения тонкой выделки. Нашли поселение где-то под Воронежем. Даже передача по телеку была.

– Западным «историкам» – большой привет от «диких неграмотных племён», подаривших миру мат, феню и санскрит.

- Русские никогда не ругались, матерные слова им навязали татары.

– Русские матерные слова переведены на иностранные языки.

– Полноценных аналогов русским ругательствам в иностранных языках нет и вряд ли когда-либо появятся.

– Из множества индоевропейских народов мат прилип только к русскому языку.

– Лингвистами уже давно было подсчитано, что такого количества ругательств, как в русском, нет ни в одном другом языке на планете!

Данные примеры можно умножать до бесконечности.

Борьба с лингвистической мифологией – важнейшая просветительская задача отечественных филологов.

3.3. Сферы незнания воронежцев

3.3.1. Сферы незнания воронежцев по данным просветительской работы в городе

Опыт просветительской работы (радиопрограмма «Территория слова», телефонная «Служба русского языка») в области русского языка и культуры речи, которая ведется в регионе с 2002 года, впервые был обобщен в коллективной монографии «Языковое сознание жителей Воронежа» (Воронеж, 2010). В ней была предпринята попытка систематизировать типы наиболее

популярных вопросов, которые задают носители языка специалистам-русистам[4]. Совокупность этих вопросов была квалифицирована авторами как «сфера незнания» жителей региона в области русского языка и одновременно как «сфера любопытства» – как та часть русского языка, которая вызывает активный интерес жителей региона (Языковое сознание 2010, с. 157).

Выявление «сферы незнания» на основе вопросов носителей языка представляет интерес в плане изучения языкового сознания, в частности его метаязыковой составляющей. Накопленные за прошедшие время данные позволяют рассмотреть «сферу незнания» в динамике: первый период – с 2002 по 2010 гг.; второй период – с 2011 по 2016 гг.; третий – с 2017 по 2020 гг.

Анализ побудительных мотивов и целей тех, кто задает вопросы специалистам, показывает, что можно разграничить определенные аспекты в запрашиваемой информации: 1) собственно незнание; 2) интерес к отдельным языковым явлениям, процессам; 3) потребность помочь детям в выполнении домашних заданий; 4) высказывание своего мнения о языке, практике его употребления и т.п. Рассмотрим данные аспекты.

1) *Собственно незнание* – запрос о правильном употреблении слова или выражения (что означает слово; как правильно сказать, поставить ударение, образовать форму, писать; какая разница между словами и т.п.). Среди причин такого незнания можно выделить отсутствие знаний об обязательной литературной норме (например, ударение в словах *умЕрший, экспЕрт, ХвОя*) и условно «мотивированное», вызванное имеющимися в языке дефектными парадигмами или несвободным употреблением (1 л. ед. ч. от гл. *гудеть, лебезить, стонать, форсить;* ср. ст. от прилаг. *жуткий* и под.); наличием равноправных вариантов (*одноврЕмЕнно, пЕтлЯ, прожЕкторы* и *прожекторА*); конкурированием старшей и младшей норм (*скучать по вас* и *по вам* в ТСОШ); стилистической/смысловой вариативностью (*рюмка коньяка и коньяку; пропуска и пропуски*; *бобр* (жив.) и *бобер* (мех) в БТС равноправны); влиянием профессиональных вариантов (*осУжденный, возбУждено, квАртал*); влиянием просторечия (*не трожь, увидал, убираюсь*).

У носителей языка, ориентирующихся на то, «как все говорят», ошибочное употребление поддерживается массовой языковой практикой, противоречащей норме (правильно: *обеспЕчение, свЁкла, щавЕль, валовОй, мАстерски, предвосхИтить*).

В целом вопросы о правильности – постановка ударения, образование формы, выбор падежа, написание слова – составляют около 60% от общего корпуса запросов горожан. По сравнению с первым периодом в последующие стало меньше вопросов об ударении. Так, не отмечены как частотные вопросы об ударении в формах гл. *звонить*, сущ. *договор;* заметно меньше вопросов о постановке ударения в глаголах прошедшего времени (*прОдал– продАл, Отдал – отдАл – ОтдАли*), в формах кратких страдательных причастий прошедшего времени (*проведЁн – провЕден*).

Вместе с тем по-прежнему актуальными остаются вопросы о постановке ударения в глаголах на –ить (типа «звонИть»): *включить, облегчить, шевелиться;* в словах *обеспЕчение, упрОчение*; в лексике, использующейся в

[4] Первичная обработка вопросов 2011–2015 гг. сделана А. С. Литовской, обработка вопросов 2016–2020 гг. – С.В. Могловцом.

профессиональных жаргонах (далее первый вариант правильный): медицинском – *ортопЕдия* и *ортопедИя, бОлей* и *болЕй,* в крОви – в кровИ; правоохранительном – *возбужденО* и *возбУждено; осуждЁнный* и *осУжденный, медэкспЕрт* и *медЭксперт*; экономическом – *договОрный* и *договорнОй; квартАл* и *квАртал*; техническом – *кожУх* или *кОжух*; в спорте и на транспорте – *запаснОй* и *запАсный*; в религии – *домовОй* и *домОвый* (храм); *акАфист* и *акафИст*, *блАга* и *благА*, *вероисповЕдание* и *вероисповедАние.* Постоянным остается вопрос об ударениях в глаголах с постфиксом -ся: *началсЯ* или *начАлся; удАлся* или *удалсЯ*. Волнует людей и правильное ударение в названиях улиц (*ул. Антонова-ОвсЕенко или Антонова-ОвсеЕнко, ВолгодОнская или ВолгодонскАя*), но уже не было постоянного раньше вопроса об ул. ДимИтрова, хотя ее название не стали произносить правильно (в приведенных примерах первые варианты являются нормативными).

В период с 2011 по 2016 гг. возросло количество вопросов об ударении в словах иноязычного происхождения: и старых заимствований (йОгурт, пулОвер, пЕня, Унция, экспЕрт), и новых (вариантные *фейхОа* и *фейхоА, пиццЕрия* и *пиццерИя; грУмер, пИнта*). Интересным фактом является стремление говорящих выяснить нормативное ударение в разговорных, просторечных словах: *нехай, внучОк (лит. внУчек), дешка, квашонка.* В текущий период, наряду с примерами, аналогичными перечисленным, много вопросов было задано о передвижении ударения в формах слов: *дверИ, на дверИ, о двЕри; гОспитали, госпиталЕй, госпиталЯми; кИсти – кистЕй; полосА – пОлосу и полосУ; вОлнам–волнАм; тОрты; прИнял, принялА, прИнятый, принЯвший; Отрасль – отраслЯми: юнА–Юны; заключЁн–заключенО* и др.

Произношение слов в рассматриваемые отрезки времени интересует воронежцев значительно меньше, чем ударение. В первый период круг вопросов на эту тему был заметно разнообразнее: твердый /мягкий согласный перед гласным [э] в иноязычных словах: *крем – [р’] или [р];* ошибочное смягчение/отвердение конечных согласных: *наверх – [х] или [х’]; четверг – [к] или [к’];* качественные изменения согласного звука – *позавчера – по[д]авчера или по[з]авчера; парикмахер – [км] или [хм]; петербургский – [гс], [рс] или [жс]*; ошибочная перемена согласных – *[скур]пулёзный или [скру]пулёзный*; правила произнесения иноязычных слов и аббревиатур – *HR-бренд, HR-брендинг; асфальт; якобинец.* Актуальными остались следующие аспекты: выпадение гласных и согласных звуков в разговорном языке: *сколько – [скол’ка] или [скока];* правила наименования букв русского алфавита – *буква «ф»: [фэ] или [эф];* твердый /мягкий согласный перед гласным [э] в иноязычных словах: *патент компьютер, стратегия;* произношение [э] или [о] после мягких и шипящих: *желчь* или *жёлчь*, *афера* или *афёра*, однако распространенный разговорный вариант произношения *[св’эклА]* вместо *[св’Окла]* в данный период не обсуждался воронежцами.

Немногочисленными в рассматриваемый период были частотные прежде вопросы о произношении буквы «е», обозначающей в речи звук [о] или [э], в причастных формах: *проведЁнный, побелЁнный, проторЁнный.* В предыдущие периоды мы отмечали, что никто не обращает внимания на частотное ошибочное произношение слова *шинель* как [шынЭл’]), и вот 2019 году был задан вопрос о произношении этого слова.

Как и прежде, не были заданы вопросы о характерной для Воронежской области (как региона, относящегося к южнорусскому диалекту) особенности – произношении на месте взрывного [г] фрикативного [h]: *[h]ород, за[h]адка*, о замене конечного согласного [к] согласным звуком [х]: *сне[х], помо[х].* Любопытно, что впервые прозвучало замечание об аканье диктора воронежского телевидения (ВАронеж), однако обративший на это внимание слушатель, по замечанию сотрудников Службы русского языка, сам заметно окал. Как известно, аканье – неразличение гласных /а/ и /о/ в безударных слогах – характерная черта южнорусских говоров и литературного произношения. Но в отличие от литературной нормы, в говорах безударное /о/ произносится не как краткое /а/, а как более долгий, открытый звук. Эта черта произношения массовому носителю языка в нашем регионе обычно не заметна, но она отмечается уверенными носителями литературной нормы и неюжнорусского диалекта.

Областью «нетвердого знания» воронежцев являются и некоторые **грамматические явления.** Традиционно вызывающими трудности остаются следующие нормы: 1) окончания существительных в именительном и родительном падежах множественного числа (хотя и снизилась частотность вопроса о формах *договоры-договора*) в словах: *профессора, учителя, лагеря, прибыли, практики, подворья, работы, экономики; татары, казаки; прожектора-прожекторы*; другие падежные формы: *вода из-под крана* или *из крана, в цеху* или *в цехе, по приезде* или *по приезду*; 2) склонение фамилий (например, *Люборец, Оський, Климок*) и топонимов: *Иваново, Останкино*, поселок *«Первое Мая», село Хреновое, Паттайя*; названий местных водоемов, рек: *Битюг, Елань, Потудань, Эртиль, Лык, Хава* и др.; иноязычных названий магазинов: *«Окей»* и *«Икеа»*; 3) склонение числительных (особенно в форме род. пад.): *не хватает 400, 700 рублей, около 800 человек, двухтысячный год, два пирожных, 3,5 миллиона*; 4) употребление предлогов *в* и *на*: *с Воронежа или из Воронежа, поехать на Украину или в Украину.*

По сравнению с первым периодом немного вопросов о роде существительных *(бра, кофе, суши, табель, авокадо, манго, киви, юбка-брюки);* единичны вопросы об употреблении собирательных числительных.

Много вопросов по-прежнему вызывает: 1) образование глагольных форм: 1 л. ед. ч. глаголов *пылесосить, гудеть, клеймить, лебезить, форсить, стонать, простудиться, лечь, постричь*; 3 л. ед. ч. гл. *лезть, бороться, глаголать*; несов. вид: *начали сплачиваться – начали сплочаться, удостаиваться – удостоиваться, подсоливать – подсаливать, обезболивать – обезбаливать, оспаривать – оспоривать*; повелит. накл.: *не плачь – не плакай, не трогай – не трожь;* 2) глагольное управление *скучать по вам* или *по вас, представлять себя* или *представлять собой, оплатить (заплатить) газ* или *за газ, стреляют в нас* или *по нам, ехать на метро* или *в метро; адаптирована под условия* или *к условиям; на радость кого* или *кому; выйти на памятнике Славы* или *у памятника Славы?* 2020-ый год сделал злободневным вопрос о том, как правильно: *прививка от или против* (оба варианта правильны).

Актуальной остается проблема грамматической связи подлежащего и сказуемого: *министр Скворцова заявилА* или *заявил; пришлО/пришли полгруппы; пол-арбуза лежалО /лежала /лежал; установленЫ/установлено 528 аншлагов, проведенА/проведены 6561 беседа, проведенЫ/проведено 84 выступления.*

Достаточно много, но заметно меньше по сравнению с предшествующим периодом, было задано вопросов **о правописании**, в том числе и правилах переноса слов. Из орфограмм наиболее частотны следующие: правописание приставок (*сверхъестественный, безыдейный, объегоривать, безудержный, безыскусный, полуживой, полумертвый, контр-адмирал*); Н/НН (*пирожное, соленный (причастие), соленый (прилагательное), моренный ядом, морёный дуб, прессованный*; НЕ с разными частями речи (*не сезон, не медицинский, не зря, не баланс, нереально*); правописание наречий (*на руки, внутрь, вдаль, внаглую, в одночасье)*; сложных слов (*сурдоолимпиада, вагоноколесная, восемнадцатиэтажный, политкорректность*); удвоенные согласные (*аппетит, искусный, инновация, коллежский, баррель*).

Активно воронежцы интересовались и интересуются написанием названий улиц (*Средне-Московская, Пешестрелецкая, Волгодонская*). Частотный в первый период вопрос об употреблении строчной и прописной буквы не был так популярен в последующее время.

В ряде случаев воронежцам было недостаточно узнать, как правильно пишется то или иное слово. Они задавали консультантам вопросы о причине такого написания (*Почему слово двести пишем с буквой е? Почему слово «дискутировать» пишется с одной буквой с? Почему слова «детсад» и «детдом» пишутся слитно? Почему сейчас на вывесках магазинов пишут «Наследникъ», «Гастрономъ». Зачем используют твердый знак в конце?*)

В последний период наметился круг вопросов, связанных с оформлением и редактированием документов: *Писать в документе инициалы? Как пишется аббревиатура ФИО? С какой буквы писать: зам. генерального? Строчные или прописные буквы в аббревиатуре «врио»?*

Нужно ли в заявлениях писать приветствие? Как обратиться к двум женщинам в деловой переписке? Как написать инструкцию для уборщицы? Можно ли назвать документ: «Сообщение о коррупции со стороны прокурора?» Как правильно: Управление образовательной политикой или Управление образовательной политики? (В «Словаре трудностей» Розенталя, Теленковой два значения слова управление: Управление чем – процесс управления. Например, управление самолётом. И управление чего – структурное подразделение, организация. Например, Управление сельского хозяйства).

Нормы словоупотребления так же, как и раньше, вызывают живой интерес горожан. Были заданы, например, следующие вопросы: ***Можно ли говорить*** *«пройдите по стеночке»? «тут» вместо «здесь»?, «порядка 30–40%»?, «прочитать аудиокнигу»?, «вполне себе хороший»?*

Как правильно сказать *«я прочитала книгу или прочла»? Бог в помощь или помочь? выписать или прописать лекарство? окончил или закончил институт? сосульки или сосули? сперва или сначала, глянь или посмотрим, перевертывать или переворачивать? я убираю в квартире или я убираюсь? нет или нету? увидел или увидал, стал или встал в очередь?*

Как правильно употребить *слово продукт? «Сперва» это литературное слово? Норма или нет слово покуда? Правильно ли говорить «преступление против человечности»? Когда можно использовать глагол «кушать» и когда «есть»?*

Воронежцы стремятся уточнить сферу употребления слов: *Где можно употребить слова пусть и пускай? Где можно употребить слово «обыватель»? Как правильно: корабль плывет или ходит?*

2. Вторая группа вопросов вызвана интересом, не связанным с проблемами нормативного употребления языковых средств. Их причина в реализации познавательных потребностей, проявления интереса к истории родного языка, развитии внимания к языковой семантике и потребности в более точном выражении мыслей.

Так, неизменно горожане спрашивают **о значении слов** (*эпатаж, эрмитаж, полиглот, культура, готовальня, хиреть, изверг, лоботряс, зрение, огурец, почем, лохудра, теща, тесть, сноха, золовка, агукать* и мн. др.); выясняют различия синонимичных слов и симиляров (*лукавить и врать, спонсор и меценат, гражданство и подданство, корифей и мэтр, чабан и овчар; диспут/ дискуссия/ спор/ полемика/ прения; область и район, провизор и фармацевт, честолюбие и гордыня, патефон и граммофон, погост и кладбище, заводь и затон, имение и усадьба, юла и волчок, абрис и контур, вакса и гуталин; уха и юшка, горница и светлица, рынок и базар, союз/ уния/ альянс; голый/ обнаженный/ нагой; учителя и педагоги, люлька и колыбель, село и поселок, лавра и монастырь, холоп/ холуй/ лакей; альфонс и жигало; лог/ яр/ овраг; холодец и студень, прасол и купец, объем и количество, уменьшение и сокращение, постер и репродукция, зелье и снадобье, геноцид и холокост, тавро и клеймо, отсев и отбор, террорист и экстремист, терпимость и толерантность, горе и беда*); паронимов (*реноме и резюме, развитой и развитый, слепун и слепыш, симулякр и симулянт, любопытный и любознательный, пропуск и допуск, костный и костлявый, минимальный и минималистический, артистический и артистичный, лаконичный и лапидарный, волнительный и волнующий, технологический и технологичный, индейцы, индийцы и индусы, психолог и психиатр, фанат и фанатик*); терминов (*аметистопология, консеквентный, преференции, реле, кильватер, фелтинг, полундра, летальный, гамбит*); диалектных (*глызнуть, жолкнуть, мирошник*); жаргонных и просторечных слов (*заворошка, прохоря, гопник, вычухивать, петрить, костерить, забубенный, хохма, уконтрапупить, мухлевать, бабки, облапошить, блат, тягомотина, хахаль, палево, оклематься, очухаться, околпачить, замурзанный, забубённый, несусветный, затурканный, профурсетка, хабалка*); интересуются значением устаревших слов (*кольчуга, ушкульник, одесную, оратан, вещий, алкать, покуда, ухарь, кондуит, тать, взашей, кальчеть, гренадер, архаровцы, кошт, исполать, таган, лоханка, загнеток*) и др.

Среди тематических групп лексики, интересующей людей, в первый период преобладали слова из сферы экономики, во второй – было больше политической и религиозной лексики (*схизма, паломник, дьякон, протодьякон, фарисей, язычество, оглашенный, ойкумена, ортодокс, кошерный, тонзура, культовый, консистория*), а также обозначений черт внешности, характера, рода занятий людей (*рафинированный, брутальный, ригорист, жлоб, злыдень, малохольный, адекват, сибарит, кудесник, эстет, вертопрах, пассия, гризетка, заядлый, смазливый, полуночник, сплетница, скромный, исполин, ветеран, мачо, мизантроп, культуртрегер, эскапист, мещанин, мажор, зацепер*).

Из года в год повторяется вопрос о семантике и происхождении слова *жлоб*, что можно объяснить его частотностью в речи горожан и в их нелестной характеристике иногородними.

В 2017–2020 гг. можно особо выделить возобновление интереса к экономическим понятиям, среди которых появились новые термины (*стейкхолдер, бенефициар, аутсорсинг, криптовалюта, биткоин, аффилированный, инсайдерская информация, фрилансер, амбассадор, ивент, лоукостер, нефискальный чек, дефектура, оферта, рецессия, фискал, франшиза*), запросы на слова из компьютерной сферы, жаргона соцсетей (*бот, логировать, NPC (неигровой персонаж компьютерной игры), блогер, инфлюенсер, рандомный, гейм-зона, игры Аркады, онлайн, кек, лол*), филологии (*парадигма, палиндром, функциональная неграмотность, феминитивы, вульгаризм, просторечие, семантика, тире, тильда, дефис, вербальный, интерфикс*), медицины и психологии (*контагиозный, литотерапия, прокрастинация, ремиссия*), спорта (*плей-офф, мо/ундиаль*), техники (*валидатор, гипокауст, дрон, инженеринг*), культуры (*кроссовер, лаунж, байопик, нон-фикшн, флешбэк*); заданы также вопросы о новых видах профессональной деятельности (*профайлинг, фрилансер*), увлечения (*косплей*), о модном слове *хайп,* модном префиксоиде *эко.*

Отметим, что в эти группы вошли как иноязычные слова, так и исконные или давние заимствования. В предшествующий период мы отмечали преобладание запросов о значении новых заимствований (Языковое сознание 2010, с. 165), в последние годы не наблюдается такого перевеса, потребность в уточнении семантики иностранных слов сопоставима с интересом к другим группам лексики. Много вопросов о значении лексики, использующейся в качестве инвектив (*дебил, балбес, болван, бандерлоги, мегера, мразь, шантрапа, урки, фуфло, прощелыга, прохиндей, вурдалаки, упыри, лохудра*). В целом группы слов остаются неизменными, меняется, естественно, их наполнение.

Людей активно интересуют **причины возникновения наименований** предметов и явлений, их этимология: *Почему растение называется зверобой? Почему рыба называется окунь? Почему блюдо называется сырники? От какого слова произошло готовальня? Откуда пошло слово фобия? Откуда на Руси появилось слово пожалуйста? Откуда взялось слово как бы? Откуда пошло слово хиреть? Как произошли слова «спасибо» и «благодарю»? Происхождение слов: тужурка, дурак, выжига, уголовный, вино, жировка, потрафить, земля и др.*

Также традиционно огромное количество вопросов задается **о значении и происхождении фразеологизмов**, особенно с устаревшими, жаргонными, диалектными словами (*щепной базар, предать анафеме, сбил с панталыку, хоть бы хны, с бухты барахты, лезть на рожон, сделать с кондачка, с гулькин нос, кузькина мать, ходить на цирлах, не зги не видно, у черта на куличиках, олух царя небесного, сермяжная правда, дышать на ладан, шлея под хвост, трынь-трава, дубина стоеросовая, вверх тормашками, тихой сапой, бить баклуши, попасть впросак, брать на арапа, вставать на котурны*), разговорно-просторечных оборотов (*ни в зуб ногой, свой в доску, всыпать по первое число, как собак нерезаных, навязаться на голову, мозги набекрень, голь перекатная, на обиженных воду возят, олух царя небесного*), выражений из греческой мифологии (*эдипов комплекс, авгиевы конюшни*), библии (*козел отпущения,*

краеугольный камень, на круги своя), крылатых слов, афоризмов из литературы (*горе от ума, выдавливать из себя раба, а был ли мальчик, гога и магога, вещий Олег, на всякого мудреца довольно простоты; котлеты отдельно, мухи отдельно; восстать из пепла*) и многих других.

Постоянный интерес у людей вызывает **происхождение и значение собственных имен** (*Лука, Саломея, Дарья, Владимир, Иван, Фекла*, *Елизавета, Матрена, Варвара* и мн. др.) и фамилий как известных людей (*Космодемьянская, Киркоров*), так и просто знакомых (*Вонигласов, Япрыщева, Асташев, Андреевская, Погребенная, Акулов, Кирадина, Усольцев, Жихарев, Щукина, Кукин, Крамаров, Кириякова, Нежельский, Шалаева, Политук, Коряка, Свербеева, Цуканова, Лесняк, Черепанов, Кубряков, Кирадиев*); топонимов, местных: *Грязи, Дрязги, Конь-Колодезь, Семилуки, Большие Алабухи, Рождественская Хава, Отрожка, Синие Липяги, Айдарово, Новоживотинное, Верхнее Турово, Белгород, Базарный Карабулак, Теллермановская роща*) и иноземных: (*Роттердам, Поднебесная, Титикака*), а также названий разных городских объектов (магазины *«Касторама»*, *«Рубль-бум»*, корабль *«Гото Предистинация»*, отель *«Рамада-плаца»*, *«Романовский»*).

Как и прежде, воронежцы задают лингвистам **вопросы общего и энциклопедического характера**, воспринимая передачу и «Службу русского языка» как место, где можно получить любую информацию. Вот несколько примеров вопросов подобного рода:

Сколько лет было Татьяне в «Евгении Онегине»? Почему у мужчин, которые носили парики, они назывались накладкой? Что значит фраза «уния 1956 года...»? Из чего дамы делали мушку? Что содержится в «Большой академической энциклопедии»? Из кожи какого животного делают натуральную замшу? Кто такие масоны? Что за блюдо самбук? Почему пьеса Шекспира называется «Двенадцатая ночь»? Что появилось раньше монокль или лорнет? Кто такие англосаксы? Что такое Силиконовая долина? Где находится Средиземное море? и мн. другие.

Вместе с тем есть и небольшой процент общих «теоретических» вопросов о языке и культуре речи: *Был ли один язык в Европе? Существует ли книга, как образовывались правила русского языка? В чем причина безграмотности людей? Почему филологам не нравятся слова типа «авторка»? Ведь язык развивается, и, если есть такая потребность, должен ее удовлетворять? Можно ли говорить, что язык произошел от одного звука, как все живое из одной клетки?*

3. В третий блок вопросов мы объединили те, которые, на наш взгляд, вызваны потребностью помочь детям в выполнении домашних заданий.

Здесь особенно частотны следующие вопросы: о словообразовании (*Какой суффикс в словах привлекательный, вмять? Как разобрать по составу слова: привереда, двое, взрослый? Какой корень у слов: наобум, опознали? Корень у слов: сорокалетие, старинный?);* о частеречной принадлежности слов (*Какая часть речи слово «русский» и почему? В словосочетании «актив обучающихся» какой частью речи является слово «обучающихся»? Какая часть речи снятОй и снЯтый?*); об образовании грамматических форм (*Как правильно образовать сравнительную степень от слова «жуткий»? Приведите примеры супплетивной формы*); о соотношении понятий часть речи и член предложения (*Существительное и подлежащее чем друг от друга отличаются? Может ли*

местоимение быть подлежащим?). Просят и просто просклонять существительное или определить его падеж.

В период с 2016 по 2020 гг. заметно возросло количество вопросов о разных видах разбора языковых единиц: больше всего о разборе слов по составу, а также о фонетическом, морфологическом разборе слов и синтаксическом разборе предложения. За такими просьбами, нередко стоит, к сожалению, не интерес к языку или реальная трудность явления, а леность и необходимость предъявить выполненное задание учителю.

Сферой постоянной востребованности у горожан остается пунктуация. Если в период с 2010 по 2016 гг. был небольшой спад интереса, то в последнее время вновь стало поступать множество вопросов о постановке знаков препинания: и в отдельных трудных случаях (*Как правильно расставить знаки препинания в фразеологическом обороте «повторение − мать учения»? Нужно ли тире в словосочетании «это гордость»? Не помню, то ли в 18 часов, то ли в 20 часов» – как пишется «то ли», постановка запятых?),* и в целом в предложениях (*Расставьте знаки препинания*), и о содержании правил (*Как правильно обособлять деепричастный оборот? Когда обособляются определения, выраженные причастным оборотом?*). Несмотря на то, что данные нормы последовательно изучаются в школе, практика показывает, что в расстановке знаков препинания пишущие испытывают постоянные затруднения. На наш взгляд, причины этого кроются в недостатке читательского опыта, особенно у молодого поколения, в уменьшении практики в письменной речи, а также пренебрежение пунктуацией в интернет коммуникации.

Пунктуацию нельзя рассматривать как просто графическую условность, которую можно обойти. Пунктуационные навыки – это интеллектуальные действия, предполагающие умение определять грамматическую основу предложения, членить высказывание на структурно-смысловые отрезки и многое другое, что требует развитого логического мышления.

4. В особую группу были объединены высказывания воронежцев, в которых получили отражения их субъективные представления о языке и правильной речи, мнения о языковой ситуации в городе и стране. Например, можно отметить ревностное отношение к чистоте речи: *Можно ли употреблять слово гаврики? Можно ли использовать иноязычные слова, если есть русский аналог? «Вау!» – это междометие-сорняк? Можно ли в публичной речи говорить* «тусоваться»? *Сегодня у нас так много рабочей силы в лице таджиков и узбеков. Они несут такие слова в наш язык, что он постепенно разрушается. Что же делать?*

Нередко воронежцы звонят в программу, чтобы указать на ошибки в рекламных объявлениях: *На киосках повсюду вижу надпись: «Самые дешевые цены». Разве могут быть цены дешевыми? В рекламе говорят: творог зерненый, а не зернистый. Получается тогда, что путь терненный, а не тернистый. Как правильно? Что вы думаете об этом слогане (реклама такси): «Езжай куда шёл!» В рекламе встретила фразу «в 7.00 ровно». Можно ли так сказать? Удачно ли выражение из рекламы «ногтевая индустрия»? В рекламе «покрас одежды». Но ведь это некорректно!*

Вопросы часто свидетельствуют о том, что люди знают норму, но, услышав речевые ошибки в СМИ, хотят убедиться в своих знаниях, спрашивая, например: *Можно ли употреблять выражение «две большие разницы»? Можно ли*

говорить «передача будет в апреле месяце»? *Можно ли так сказать «проявление заботы и помощи»? Правильно ли говорить «маленький диктантик»? Можно ли сказать: другая альтернатива?* Сторонники правильной речи замечают плеоназм в данных выражениях.

В следующих вопросах: *Можно ли в публичной речи говорить «тусоваться»? По радио «Москва» сказали в новостях – установлена прослушка сотрудников нашего посольства. Можно ли так говорить? Почему слова «прослушка» нет в словарях? Можно ли в публичной речи говорить «тусоваться»?* – отражено беспокойство ревнителей правильной речи, вызванное коллоквиализацией публичных текстов, активным использованием разговорной лексики в СМИ. Они сами так и объясняют свое недовольство, однако не вполне корректно квалифицируют сферу ограничения: *Можно ли использоваться слова санкционка, запрещенка, зарубежка в СМИ? Это жаргон.* Названные слова являются разговорными по стилистической окраске.

Итак, сравнительный анализ вопросов, поступивших на радиопередачу «Территория слова» и в «Службу русского языка» в 2005–2010 гг., 2011–2015 гг., и 2016–2020 гг. показывает, что по востребованности знаний соотношение типов норм практически не изменилось: на первом месте лексические нормы, в том числе нормы употребления и сочетания отдельных слов и выражений, значение и происхождение слов и фразеологизмов; на втором – грамматические нормы, на третьем – сведения о собственных именах (личных именах и фамилиях, наименованиях географических объектов и др.) – значение, правила их склонения и произношения. Перемены коснулись отдельных аспектов, например, стало меньше вопросов о заимствованиях, но больше о семантике просторечных, жаргонных, устаревших слов. Орфоэпические нормы остались на 4-ом месте, хотя в целом количество вопросов об ударении и особенно произношении слов уменьшилось. По сравнению с предыдущим периодом возросло количество вопросов по орфографии и пунктуации. Увеличилось количество «школьных» вопросов, например, из области словообразования, морфологии, синтаксиса. Сошли на нет вопросы из сферы коммуникативных правил и речевого этикета. Радует, что воронежцы, как и в предшествующий период, внимательно относятся к правильности речи в средствах массовой информации, рекламном дискурсе.

3.3.2. Слова, неправильно понимаемые носителями языка

Верно определяйте слова,
и вы освободите мир от половины недоразумений
Рене Декарт,
философ, физик, математик,
XVII-ый век

Любопытным явлением развития семантики современного русского языка является появление у общественно-политических слов-терминов обыденных значений, которые можно рассматривать как результат неправильного понимания соответствующих терминов.

Определенные общественно-политические термины, которые получают распространение в полемическом общественном дискурсе, приобретают

обыденные, конкретные и, как правило, ярко оценочные значения, существенно отличающиеся от научных, терминологических.

Слово с абстрактным значением семантически эволюционирует от абстрактного к конкретному и наполняется в обыденном сознании содержанием, весьма далеким от своего исходного значения. При этом исходное, первоначальное значение не исчезает, оно остается в научных текстах, в словарях, в словоупотреблении политиков, ученых, словом, в неких «высших сферах», но исчезает из повседневного употребления, из повседневного общения и дискуссий, заменяясь как бы более доступным пониманию людей конкретным содержанием.

Этот результат восприятия семантики слова характерен для людей с сенсомоторным интеллектом, затрудняющихся в понимании абстрактных понятий, которые они привычно наполняют конкретным содержанием, отражающим личное чувственное и преимущественно оценочное мировосприятие. О таких людях сказал М. Жванецкий: «Большинству думать трудно, поэтому они судят». Сенсомоторикам более легко формулировать оценку, поэтому они образуют оценочное значение, наполняя его конкретным предметно-образным содержанием из своего личного опыта.

Это в целом отражает проявление процесса семантической девальвации (см. выше, Гл. 2) – у слова развивается особое – обыденное, примитивное, упрощенное значение, но с точки зрения адекватности отражения значением действительности с позиции литературного языка такое значение можно считать ложным, то есть результатом *неправильного понимания* исходного термина или профессионализма. Психолингвистическая реальность таких значений в сознании людей не вызывает сомнений, но использование слов в данных значениях, особенно в полемике, пропаганде, политических дискуссиях ведет к агрессии, непониманию, расколу общества, формированию у носителей языка неадекватных представлений о действительности, политических процессах, социальных явлениях.

Поскольку подобные слова широко используются в общественно-политической полемике, они создают агрессивную языковую среду, разрушают возможность различным общественным группам договориться между собой.

Рассмотрим некоторые, наиболее яркие случаи.

Так, например, слово ***демократия*** в результате происходящих общественных процессов начинает восприниматься обыденным сознанием как «хаос, беспорядок», а антонимом к нему выступает слово *порядок.*

К такому же пониманию дрейфует значение слова ***свобода***, которое на уровне обыденного сознания начинает выступать как синоним слова *вседозволенность*.

Лексема ***рынок*** выступает в значении «все за деньги, все продается».

Под ***порядком*** понимают жесткую диктатуру, единоначалие во всем, не допускающее «никаких вольностей».

Это все реальные факты общественного сознания.

Слово ***патриот*** приобрело у определенной категории носителей языка значение «тот, кто не дает критиковать Россию».

Но патриот – это не тот, кто считает врагами и готов уничтожить всех тех, кто критикует порядки в его стране. Если человек недоволен чем-то в своей стране, это не значит, что ему надо предлагать уехать из нее – он хочет лучше

жить в своей стране. И за это он выступает, для этого и существует в обществе свобода слова. Такой человек как раз и патриот. Вспомним Н.А. Некрасова: «Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей». Ср. также: «Что-то стали много говорить о патриотизме. Наверно, проворовались» (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Д. Быков писал: «Российской оппозиции тоже все время говорят: не нравится – уезжайте. Но, во-первых, нам не нравится как раз умыкание разнообразными бандитами той страны, которая нам очень нравится. А во-вторых, мы пытаемся этих бандитов несколько приструнить, а вовсе не набрасываемся с ножами на тех, кому они симпатичны. Скорей происходит обратное».
(https://yandex.ru/turbo/echo.msk.ru/s/blog/bykov_d/2728634echo/?utm_source=turbo_turbo)

Ср. стишки из интернета:

Как патриот своей отчизны,
Олег зашёл в автосалон
купить тольяттинскую ладу,
а вышел как непатриот

Слово ***либерал*** сплошь и рядом используется в публичных дискуссиях, интернет-комментариях и даже бытовых спорах в негативно-оценочном смысле, *либерализм* в различного рода политических дискуссиях характеризуется как мышление, навязанное России Западом и часто – как финансируемое Западом, а люди, критикующих власть с позиций либеральных ценностей, объявляется врагами.

Как же понимают либерализм современные рядовые россияне? Как они понимают значения слов ЛИБЕРАЛ, ЛИБЕРАЛИЗМ?

Исследования в этой области показывают, что о либерализме современное русское языковое сознание имеет весьма неопределенные представления, но преимущественно негативные.

Причины негативного восприятия либерализма связаны с пониманием (точнее – непониманием) слов *либерализм, либерал*, *демократия, свобода* обыденным языковым сознанием. На это неоднократно указывали многие известные отечественные публицисты и общественные деятели.

Так, Б.Ш. Окуджава в интервью 1996 года (за год до своей смерти) газете «Московский комсомолец» говорил: «Наше общество не знает, что такое свобода. Оно знает только, что такое воля, – делай, что хочешь. А свобода – это делай, что хочешь, не мешая при этом окружающим, то есть в рамках закона. Мы же не знаем ни уважения к закону, ни уважения к личности. Пока эти понятия не приживутся в нашей стране, никакой гений нас не спасёт!» (цит. по: ГЛЭДИС, с. 4). Он же в другом интервью говорил: «Раб не мечтает о свободе, он говорит: «Да на хрена мне ваша свобода». А что такое свобода – не знает»
(https://www.krugozormagazine.com/show/okudzhava.3549.html).

Известный отечественный тележурналист и публицист В.В. Познер отмечает: «Все так называемые патриоты, государственники, все эти люди в России, они просто исходят желчью, когда они говорят о либералах, что это что-то несусветное, … «предатели, преклоняются перед Западом» и так далее...» (В. Познер
https://pozneronline.ru/2020/08/28881/;https://echo.msk.ru/blog/v_radionov/2690801-echo/).

«Многие жители России вслух высказываются об этих идеалах с нескрываемым презрением, называя либералов «либерастами», толерантность — «толерастией». В.В. Познер полагает, что эти понятия просто недостаточно знакомы жителям России и в связи с этим они оцениваются гражданами неправильно (В.В. Познер. https://regnum.ru/news/society/3136486.html). Он при этом поясняет, что, если спросить у противников этих политических систем значение данных слов, они не смогут их объяснить. Однако, если поинтересоваться у россиян, считают ли они, что у всех людей должны быть равные права, доступ к образованию и здравоохранению, свобода слова, а выборы должны быть доступны и прозрачны, они ответят положительно. «Но это и есть демократия!» – отмечает В.В. Познер. Он напоминает, что в России никогда не было демократии – ни в царской, ни в советской, поэтому люди рассуждают о совершенно незнакомом для них предмете (В.В. Познер. https://lenta.ru/news/2020/12/09/pozner/).

Для проверки предположения о непонимании многими россиянами названных выше понятий были проведены три психолингвистических эксперимента со словом *либерал*: свободный ассоциативный эксперимент (стимул ЛИБЕРАЛ) и два направленных ассоциативных эксперимента – ЛИБЕРАЛ – КАКОЙ… и ЛИБЕРАЛ – ЭТО… В каждом эксперименте приняли участие по 104 человека. Испытуемыми были люди от 18 до 83 лет – учащиеся школ, колледжей, университетов, люди разных профессий.

Затем все результаты экспериментов были объединены в одно ассоциативное поле. С помощью метода семантической интерпретации результатов экспериментальных исследований (Стернин, Рудакова 2011) сформулированы психолингвистические значения слова ЛИБЕРАЛ в современном русском языковом сознании с указанием индекса яркости каждого семантического компонента и совокупного индекса яркости каждого значения (индекс яркости отражает долю испытуемых, актуализировавших данный семантический компонент, совокупный индекс яркости – долю испытуемых, актуализировавших данное значение) [5]. Покажем актуальное представление современного языкового сознания носителей русского языка о значении слова *либерал*.

Психолингвистические значения слова ЛИБЕРАЛ

1. Политический деятель, выступающий за свободу в обществе

Человек 0,01 (человек 2), политический деятель 0,17 (политический 23, политик 12, политик 15, политическое течение 2, политический деятель 1), выступает за свободу в обществе 0,15 (свобода 19, выступающий за свободу 17, сторонник свободы 6, права и свобода 3, свободные права, ставящий права и свободы граждан превыше всего), выступает за равные права человека 0,02

[5] Эксперимент был проведен под нашим руководством В.С. Трениной (Тренина 2021, с. 132–136).

(права и свобода 3, борец за права человека, ставящий права и свободы граждан превыше всего, выступающий за политическое равенство, равный); соблюдает закон 0,01 (законопослушный 2, законник); противник недемократического государства 0,01 (противник мафиозного правительства, альтернативный); вызывает одобрение 0,01 (правильный 2);

менее 0,01: например, Навальный; выступает за мирное решение вопросов (человек выступающий за мирное решение вопроса), уверенный в себе человек, справедливый, серьезный, искренний (человек что думает то и говорит), критикует (критичный).

СИЯ – 0,40

В политике либералы всегда выступают за свободу.

2. Член либеральной партии, депутат

Человек 0,01 (человек 2), член либеральной партии 0,08 (партия 11, член партии 7, партийный 6, партиец, партийный лидер); политик 0,17 (политический 23, политик 12, политик 15, политическое течение 2, политический деятель 1), депутат 0,01 (депутат 2); принадлежащий к либеральной политической ветви 0,01 (левый 2, правый, желтый); например, Жириновский 0,01 (Жириновский 2); противник недемократического государства 0,01 (противник мафиозного правительства, альтернативный);

менее 0,01: придерживается либеральной идеологии (идеологический).

СИЯ – 0,30

На выборах я буду голосовать за либералов.

3. Свободный, самостоятельно мыслящий, независимый в мышлении человек

Человек 0,01 (человек 2), свободный 0,20 (свобода 19, сторонник свободы 6, свободный 17, свободолюбивый 4, свободный человек 4, вольнодумный 3, свободная личность 3, независимый 3, свободный человек, свободомыслящий, человек с неограниченной свободой, человек со свободой выбора); честный 0,02 (честный 7), независимый в мышлении человек, имеющий свое критическое мнение 0,01 (отличающийся взглядами, альтернативный, критичный, человек имеющий свое мнение); умный 0,01 (разумный человек, умный); вызывает одобрение 0,01 (правильный 2);

менее 0,01: самостоятельно мыслящий (думает самостоятельно); говорит, что думает (человек что думает то и говорит); выступает за мирное решение вопросов (человек выступающий за мирное решение вопроса), уверенный в себе человек, справедливый, серьезный.

СИЯ – 0,27

Слово «либерал» пришло из французского и означало «вольнодумец».

4. Политический деятель, оцениваемый негативно

Человек 0,01 (человек 2), политический деятель 0,17 (политический 23, политик 12, политик 15, политическое течение 2, политический деятель 1), депутат 0,01 (депутат 2); оценивается негативно 0,05 (вредный 2, двуличный 2, ни рыба ни мясо, ограниченный, странный, назойливый, льстивый, лживый, вонючий, враг, плохой, отрицательный человек).

СИЯ – 0,24

Эти либералы не дают нашей стране спокойно развиваться, всему противоречат.

*Фразы***:** известный – *менее 0,01*

Не интерпретируются: (*нельзя понять, в каком смысле эта реакция характеризует слово*) 4: либеральный, личный, кружева, философский.

Не актуально (*отказы*): 0,27 (84 из 312 испытуемых)

Анализ результатов экспериментов показывает, что почти треть испытуемых (27%) не смогли определить значение ЛИБЕРАЛ слова вообще – они отказались выполнить задание. Это подтверждает мысль о том, что значение слова ЛИБЕРАЛ содержательно не освоено значительным числом носителей языка.

Выявленное значение № 4 – *Политический деятель, оцениваемый негативно* – актуально для 24% опрошенных, а его содержание тоже однозначно свидетельствует о незнании значения, поскольку в семантике слова в языковом сознании носителей языка преобладают ничем не мотивированные негативные оценочные признаки личности человека. При этом оценивающие либерала участники эксперимента не оценивают его негативно по каким-либо реальным, объективным признакам, в их языковом сознании это просто бранное политическое слово.

Таким образом, 51% опрошенных носителей языка не понимает значения слова *либерал* или просто выражает этим словом негативное отношение к политическому деятелю, чьи взгляды не совпадают с их взглядами или который им просто не нравится или непонятен.

Можно сделать вывод о том, что концепт ЛИБЕРАЛИЗМ в русском сознании требует широкого общественного разъяснения. Этим должны заниматься как политики, общественные деятели, так и филологи. Это будет способствовать развитию политической и речевой культуры общества и снижению агрессии различных политических сил в отношении друг друга.

Это будет способствовать адекватному пониманию носителями языка значений слов *либерализм* и *либерал* и будет способствовать преодолению противоречий в оценке данных явлений.

Плохо понимает обыденное сознание и понятие ***толерантность***. В современном обыденном сознании *толерантность* – это потворство всяким безобразиям и непотребствам. Поэтому слово толерантность нам не нужно, нам его навязывают с Запада, чтобы разложить наше общество. А у нас есть слово *терпимость*. Нам его достаточно.

Но это вовсе не так. Слова *терпимость* и *толерантность* по значению не совпадают.

Терпимость – слово старое, для нас привычное, оно означает *терпение человека к «плохому».* Можно проявлять терпимость к боли, социальному гнету, побоям пьяницы мужа, издевательствам начальника и под. Тебе плохо, а ты терпишь – мол, все равно не удастся ничего сделать.

Толерантность – слово новое, заимствованное, оно означает *терпение к иному, другому, непохожему.* Это способ восприятия мира. Проявлять толерантность – это исходить из того, что, если кто-то не такой, как ты, или он делает что-то не так, как ты, это вовсе не значит, что он плохой и что его надо заставить отказаться от его собственных привычек, мнений, поведения.

Как модель поведения, толерантность предполагает терпимость к инакомыслию, спокойное отношение к разным мнениям и воззрениям других людей, способность прощать другим их несовершенства. Толерантность – это терпимость к чужому, готовность сосуществовать с ним; это гибкость, сдержанность в оценках, взгляд на мир без устойчивых негативных эмоций.

Толерантность не предполагает обязательного разделения мнения другого человека и тем более одобрения этого мнения или поступка. Толерантный человек фиксирует в своем сознании и собственное негативное отношение к идеям или поступкам других, но он не высказывает этого несогласия в резкой или агрессивной форме, умеет отделить главное от второстепенного, не вступает в перепалки и конфликты, старается мнение свое высказать ненавязчиво, необидно, оставляет за собеседником право на другое мнение.

Толерантность в общении – это вежливость к собеседнику независимо от того, насколько взгляды участников общения совпадают или расходятся.

Разрешение конфликтов предполагает со стороны толерантного человека использование прежде всего тактик уступчивости и компромисса в непринципиальном, и тактики сотрудничества – в важном вопросе.

Противостоит толерантности интолерантность, которая обычно направлена против групп людей с социальными характеристиками, отличными от характеристик говорящего. Интолерантность связана с выражением негативных эмоций, которые вызывает у говорящего «инаковость» объекта высказывания, т.е. такие его социальные характеристики, которые, в отличие от поведения, изменить практически невозможно.

Наконец, отличительной чертой интолерантности является разделение общества на «своих» и «чужих» (основанием для подобного разделения может стать любая социальная или биологическая характеристика).

Существует много видов толерантности.

Политическая толерантность – терпимость к людям других политических взглядов, уважение к иным политическим позициям, признание права каждого на свои политические убеждения.

Научная толерантность – терпимость к другим точкам зрения в науке, допущение разных теорий и научных школ в рамках одной науки, в рамках одного научного направления.

Бытовая толерантность – терпимость к формам поведения, мнениям и высказываниям ближайшего окружения. Она проявляется в межличностных отношениях.

Педагогическая толерантность – терпимость к собственным детям, учащимся, умение понять и простить их несовершенства.

Административная толерантность – умение руководить без нажима и агрессии, признавая, что и ты можешь допускать ошибки, способность прощать слабости и несовершенства подчиненным.

Религиозная толерантность – терпимость к людям иной веры, уважение к чужим религиозным убеждениям.

Этническая толерантность – уважительное, терпимое отношение к людям другой национальности. Противоположное понятие – ксенофобия.

Культурная толерантность – уважение явлений культуры, представляющих ценность для других, допущение плюрализма вкусов и пристрастий людей в сфере культуры.

Музыкальная толерантность – уважительное отношение к различным музыкальным стилям и их поклонникам, отсутствие пренебрежения к тем, кому нравится другая музыка.

Спортивная толерантность – отсутствие предубеждения, враждебности к другим спортивным командам, кроме «своей», уважительное, объективное отношение к другим спортивным командам и их болельщикам.

Экологическая толерантность – способность живых существ переносить те или иные изменения в окружающей среде.

Медицинская толерантность – физиологическая выносимость пациентом применения того или иного препарата, переносимость лекарства.

Толерантность многолика.

Противостоит в России толерантному мышлению *бескомпромиссность* как национальная черта: если «и нашим, и вашим» – это плохо, надо только нашим.

Кстати, важно иметь в виду, что **толерантность не распространяется на нарушения морали или законов, на преступную деятельность** – их нельзя терпеть и необходимо пресекать, а не терпеть. Совершенно понятно, что в любой цивилизованной стране гражданам нужна как терпимость, так и толерантность.

Теперь об устойчивом сочетании ***свобода слова***. Многие носители языка, позволяющие себе вольности и грубости в речи, говорят: «А у нас сейчас свобода слова!». В автобусе молодой человек беседует по сотовому телефону, каждое третье слово – матерщина. Прошу парня: «Перестань материться». Он, отняв трубку от уха, отвечает: «А у нас свобода слова». Многие, как и этот человек, путают *свободу слова* и *свободу речи*.

Разницу между этими понятиями надо терпеливо объяснять нашим гражданам всех возрастов и профессий.

Свобода слова – это «говори, что хочешь». А *свобода речи* – это «говори, как хочешь».

Свободы речи в обществе быть не может. В языке есть определенные нормы для конкретных ситуаций, и речь должна соответствовать этим ситуациям. Это культура речи. И если каждый будет говорить, как он хочет, люди перестанут понимать друг друга, язык перестанет выполнять свои коммуникативные функции.

Еще одно популярное, вольно толкуемое слово – **русофоб.** Под словом *русофоб* стали понимать любого критика недостатков в России. Если критикуешь Россию, ты русофоб, то есть не *патриот* (см. выше).

Русофоб – это не тот, кто критикует Россию, а тот, кто ненавидит Россию без причины, как таковую, и ему все в России всегда не нравится, что бы она ни делала. Фобия – это необоснованный иррациональный страх. Русофобия – это необоснованное, предвзятое, враждебное отношение к России. Ничего, кроме сожаления, это вызвать у нас не может. Во многих странах свои неудачи во внешней и внутренней политике стали привычно объяснять кознями русских – и климатические изменения, и проигрыш какого-либо кандидата на выборах, и падение производства, и вирусы – во всем Россия виновата.

Но ни в коем случае нельзя считать русофобами тех людей в нашей стране, которые критикуют разные стороны нашей жизни и хотят реально улучшить жизнь в нашей стране. «Прощай, немытая Россия» – Лермонтов русофоб? «В России две беды – дураки и дороги» – Гоголь русофоб?

Если люди у нас ругают дороги, здравоохранение, ЖКХ, чиновников, СМИ, ограничения свободы слова, пенсионную систему, налоговую инспекцию, полицию, махинации на выборах и т.д. – они не русофобы, и не надо им рекомендовать уезжать из страны. Они хотят сделать свою страну лучше и призывают других не терпеть, а заняться улучшением жизни в России.

Неправильно понимаемые слова требуют общественного разъяснения филологов, а в политической сфере – здравомыслящих политиков, ученых и журналистов.

3.3.3. Ложные значения имен собственных в русском языковом сознании[6]

При лексикографической фиксации семантики слов в психолингвистических словарях русского языка были выявлены два типа психолингвистических значений: реальные значения и рецептивные значения (Стернин, Рудакова 2020, с. 102-107).

Реальное значение – значение, отражающее реальный денотат (в случае собственных имен – реально существующее лицо с соответствующими реальными признаками). Реальные значения присутствуют в сознании всего языкового сообщества или определенной (например, профессиональной, возрастной, социальной и т.д.) группы. Например: СТОЛ – предмет мебели; ЖЕНЩИНА – лицо женского пола; КРЫСА – животное; предатель и др.

Рецептивное значение – значение, которое отражает чисто субъективное понимание слова носителем языка («я так вижу»).

С точки зрения отражения реального денотата все рецептивные значения могут быть признаны ложными, так как они отражают субъективную языковую картину мира, отличную от общепринятого (или научного) представления о значении конкретного слова. Например, в математике четко разграничиваются термины «число» (количество предметов, которое на письме изображается с помощью специальных знаков) и «цифра» (графический знак для передачи числа на письме), однако в языковом сознании носителей языка эти понятия часто смешиваются.

Среди рецептивных значений могут быть выделены *контаминированные* и собственно *ложные* значения.

Контаминированное значение – это вид рецептивного значения, представляющий собой результат контаминации (смешения) двух материальных оболочек языковых единиц в языковом сознании носителя языка, отражающий объективно существующее материальное сходство лексем в его языкового сознания (звуковое или буквенное).

Если испытуемые дают на определенный стимул ассоциации, восходящие к материально сходной со стимулом лексеме, значит, в их языковом сознании интерпретируемый стимул и сходная лексема воспринимаются как *одна и та же*

---

[6] *Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации».*

лексема. Испытуемые считают контаминируемые единицы одним словом, в их языковом сознании это одно и то же слово. Фактически в условиях эксперимента значение стимула в сознании носителя языка подменяется значением другого известного носителю языка слова (паронимия), что и проявляется в соответствующих ассоциациях.

Например, при семантической интерпретации ассоциативного поля стимула КОРИФЕЙ более 50% реакций оказались вербализацией контаминированных значений: 1) «друг» – контаминация со словом «корефан»; 2) «кофе» – контаминация со словами «кофе», разг. «кофеек», устар. «кофей/кофий» и т.п.

Ложное значение – это вид рецептивного значения, представляющий собой значение, у которого чисто субъективный, «фантазийный» денотат и нет реального референта.

Применительно к именам собственным, ложные значения – это значения, приписывающие слову ложный (не существующий в действительности) денотат – человека с данной фамилией, именем и такими признаками не существует.

Публикация психолингвистических словарей собственных имен показывает, что в языковом сознании носителей языка есть многочисленные значения, приписываемые именам собственным, которые можно рассматривать как ложные.

Эти значения выступают как ложные для лексико-семантической системы языка, хотя для языкового сознания отдельных носителей языка они ложными не являются, для конкретных носителей языка они представляются вполне реальными, субъективно релевантными семантическими явлениями. Это значения, которые отражают индивидуальное или групповое «знание-заблуждение» о том или ином историческом или культурном персонаже.

Приведем примеры наиболее ярких ложных и контаминированных значений, выявившихся в результате экспериментального описания семантики 200 наиболее популярных имен мировых и отечественных личностей.

Десятичная дробь отражает совокупный индекс яркости значения в языковом сознании испытуемых, вычисляемый как доля испытуемых, актуализировавших данное значение, от общего количества испытуемых; после индекса яркости приводятся отдельные индивидуальные семы, выделенные испытуемыми в данном значении.

Мухаммед Али – пророк Мухаммед 0,07: пророк, проповедует, фанатичный, вождь, умер, араб, исповедует ислам, борется.

Дали – автор словаря Владимир Иванович Даль 0,05: фамилия образована от слова «даль», Даль, писатель, его словарь познавателен, известный, умный.

Чайковский – писатель Корней Иванович Чуковский 0,05: писатель, поэт, детский, жил в XX веке, русский, сказочный, сочинял.

Крупская – танцовщица 0,04: красивая, пластичная, ныне живущая.

Лавров – лавровый лист 0,04: добавляется в блюда, зеленый, пахнет; придает вкус, служит для изготовления венков, созревает, шуршит.

Рейган – персонаж сериала «Игра престолов» Рейекар Таргариен 0,03: герой сериала «Игра престолов», король, северный, отец Джона Сноу, связан с Клиганом.

Шанель – повесть Н.В. Гоголя «Шинель» 0,02: произведение Гоголя под названием «Шинель», содержит рассказ о чиновнике, является поучительным; вызывает тяжелые чувства.

Кюри – японский детектив «Cure» («Исцеление») 0,02: это детектив; в нем снимается актриса; изображается хитрая героиня.

Бонапарт – торт «Наполеон» 0,02: вкусный.

Гай Юлий Цезарь – салат 0,02: вкусный; готовится, исчезает, с сухариками.

Галилей – телевизионная передача 0,02: ее ведет Пушной; ее показывают по телеканалу «СТС».

Кубрик – кубик Рубика 0,02: интересный, квадратной формы, находится в плоскости *xy*, разноцветный.

Янукович – ведущий телепередачу «Поле чудес» 0,02: весёлый, веселит.

Гоголь – гоголь-моголь 0,01: вкусный, готовится из яиц, является блюдом, добавляется в спагетти, бывает с комками.

Диоген – бог вина Дионис 0,01: бог вина, сделанного из винограда, веселый; известна чаша Диониса.

Космодемьянская – космонавт 0,01: летает в космос, летает на ракете.

Саркози – Михаил Саакашвили, 0,01; президент Грузии, участвует в составлении законов, галстук ест.

Медведев – химик, 0,01: занимается химией, составляет во сне таблицу.

Познер – певец 0,01: громкий, музыкант, пишет музыку, старый.

Реже встречаются два и более ложных и контаминированных значения у имен собственных:

Мартин Лютер

– писатель Стивен Кинг 0,05; творческий, глубокий, талантливый;

– борец за права афроамериканцев Мартин Лютер Кинг, менее 0,01: афроамериканец, боролся за права афроамериканцев;

– злодей из комиксов про Супермена Лекс Лютор, менее 0,01: злодей из серии комиксов про Супермена, злой;

– актер, менее 0,01;

– логопед, менее 0,01;

– сериал «Лютер», менее 0,01.

Нерон

– нейтрон 0,13: быстрый, необходимый, непонятный, обычно изображается в голубом цвете, существует, цветной, изучается физикой, крутится, нейтральный, перемещается, двигается, изучается химией, маленький, находится в космосе, разлагается;

– нервная клетка 0,06: изучается биологией, маленький, связан с движением, часть искусственной нейронной сети;

– ученый 0,06: умный, писал работы, физик, грек, жил много лет назад, изобретатель, придумал, работал;

– философ 0,04: грек, не русской национальности, просвещает, разговорчивый, вызывает одобрение, жил много лет назад, умный;

– летописец, менее 0,01.

Платон

– фестиваль в честь писателя Андрея Платонова, 0,02: красочный, популярный;

– планета, менее 0,01: большая, далекая, существует;

– писатель Платонов, менее 0,01;

– дерево платан, менее 0,01;

– бог, менее 0,01.

Босх

– марка бытовой техники Bosh 0,02: марка бытовой техники «Bosh», эта фирма производит чайники; вызывает неодобрение, эта фирма производит пылесосы, техника этой марки может ломаться;

– компания Hugo Boss, выпускающая туалетную воду 0,01: туалетная вода, выпускаемая этой компанией, имеет приятный запах; основатель этой компании, стильный, создает, эта компания производит средства для душа;

– шампанское Bosco, менее 0,01: игристое, шампанское «Bosco»; веселит, настаивается;

– боксер, менее 0,01; сильный;

– композитор, менее 0,01;

– программист, менее 0,01: программист; умный, изобретательный;

– актер, менее 0,01; актер, интересный;

– расширение, менее 0,01: расширение, документальное.

Вольтер

– ученый Алессандро Вольта 0,04: делал научные открытия, занимался электричеством, умный, физик; изобретал; выдающийся, его деятельность соотносится с деятельностью Ампера;

– собака из мультфильма «Вольт» 0,03: бегает, белая, собака, верная, ждет, персонаж мультфильма, по кличке Вольт, пушистая, спасает мир;

– пистолет Walther 0,02: пистолет, стреляет; боевой, железный, лежит, многозарядный, надежный, убивает, хороший;

– писатель Вальтер Скотт 0,02;

– персонаж сериала «Во все тяжкие» Уолтер Уайт 0,01: лысый, нарушает закон;

– композитор Иоганн Готфрид Вальтер 0,01: композитор, композиция, играет;

– персонаж мультсериала «Winx Валтер, менее 0,01;

– персонаж сериала «Невероятная жизнь Уолтера Митти», менее 0,01: по фамилии Митти, мечтательный;

– гипнотизер Вольф Мессинг, менее 0,01;

– политик, менее 0,01: политик; ведет переговоры;

– певец, менее 0,01;

– художник, менее 0,01: художник; живописец.

Кант

– Каннский фестиваль 0,01: существует давно, фестиваль, во время этого фестиваля демонстрируются фильмы;

– английская фраза «Я не могу» (can’t); менее 0,01;

– композитор, менее 0,01;

– писатель, менее 0,01;

– физик, менее 0,01: физик, составляет формулы;

– художник, менее 0,01;

– экономист, менее 0,01.

Левитан

– морское чудовище Левиафан, 0,01: большой, плавает;

– композитор Юрий Левитин, менее 0,01: композитор, музыкант;

– философ 0,01: древний, размышляет, философ;

– врач, менее 0,01;

– машинист, менее 0,01;
– ученый, менее 0,01;
– писатель, менее 0,01;
– изобретатель, менее 0,01;
– модельер, менее 0,01;
– поэт, менее 0,01;
– психолог, менее 0,01;
– артист, менее 0,01;
– капитан, летчик, менее 0,01.

Шарапова

– фигуристка 0,01;
– биатлонистка 0,01: биатлонистка, в настоящее время дисквалифицирована.

Отметим также, что в семантике некоторых имен собственных выделяются *ложные семы*:

БРЕЖНЕВ: с усами 0,01; индивидуальные семы: ботинком кидался (Хрущев бил ботинком по трибуне), страдал алкоголизмом, засеивал кукурузой поля (это Хрущев), в речи использовал выражение «понимаете ли» (принадлежит Ельцину), президент;

КАБАЕВА: прыгунья с шестом (менее 0,01); индивидуальная сема: фигуристка, тренирует;

СПЕРАНСКИЙ: индивидуальные семы: воевал, застрелен в театре (был застрелен П.А. Столыпин), носил парик, связан с Троцким и др.

Выявление ложных значений и сем имеет особую важность, в частности, для лингвокультурологии, поскольку показывает реальные заблуждения носителей языка относительно известных исторических персон, что дает базу для формирования у людей адекватного исторического и культурного мышления, правильных энциклопедических знаний, адекватной прецедентной информации.

Отметим, что некоторые ложные значения оказываются принадлежностью не исключительно индивидуального сознания, но и группового – они характеризуются неединичным индексом яркости, что создает образовательную проблему – проблему качества образования прежде всего подрастающего поколения, знания которого оказываются нередко весьма далеки от адекватных реальности, что и показывают психолингвистические словари.

3.3.4. Экспериментальное исследование уровня общекультурных знаний и понимания актуальных слов воронежцами

Поток новых слов, входящих в современный русский язык, с неизбежностью ставит вопрос о том, насколько понятны значения инноваций носителям языка. Эта проблема решалась экспериментальным путем. Исследования Т.В. Ткаченко и А.В. Цымбаловой были направлены на выявление уровня понимания новых заимствований и слов, актуальных для речевой практики подростков и молодых людей. В работе Д.И. Ткаченко выяснялось, какое представление о мире в целом, о городах, странах и народах есть в сознании школьников.

Т.В. Ткаченко провела лингвистический эксперимент по субъективному определению значения слова. Прежде всего были собраны (путем включенного наблюдения и выборки из комментариев в социальных сетях TikTok и Instagram) те слова, которые молодые люди используют в своей речи. Для эксперимента были отобраны 30 лексем, наиболее часто встречающихся в речевой практике молодых.

В ходе эксперимента работа велась со следующими словами-стимулами (слова приведены в алфавитном порядке – в анкетах порядок был иным): *агриться, бомбить, вайб, войсы, жесть, забить, зашквар, имбовый, книнж, крипово, кэпить, ливнуть, олды, орать, пруф, рофл, рофлить, скилл, токсик, точить, трабл, троллить, фиксить, флексить, форсить, хайп, хайпануть, чекать, чилить, юзать.*

Участниками эксперимента стали студенты 1 курса колледжа физической культуры и учащиеся 10 класса одной из школ города. Всего 40 человек в возрасте 15–17 лет. Респондентов просили не совещаться, а отражать в анкетах исключительно личный опыт.

При анализе анкет выписывались повторяющиеся реакции, синонимичные объединялись и суммировалась их яркость. Единичные реакции в данном эксперименте не учитывались. Результаты оценивались по нескольким параметрам:

1. Количество отказов (очевидно, что большой процент отказов свидетельствует о том, что данное слово не является актуальным для языкового сознания участников эксперимента).

Очевидно, что об актуальности того или иного слова в среде молодёжи можно говорить лишь в том случае, если минимум для 60% опрошенных оно окажется актуальным. То есть мы должны были получить не более 16 отказов.

2. Солидарность участников эксперимента (под солидарностью участников мы подразумевали однородность или разнородность ответов, количество различающихся толкований слов).

Ниже представлены наиболее яркие результаты по каждому из параметров. Если говорить об отказах, то в среднем их у каждого слова 9.

Максимальное число отказов среди исследуемых слов обнаружилось у слова «кэпить» (34 отказа), 25 отказов – у слова «форсить» и по 21 отказу у слов «войсы» и «трабл». Данные слова оказались неактуальными более чем для 50% испытуемых.

Минимальное число отказов среди исследованных слов обнаружено у следующих: «чилить» (2 отказа), «рофл», «чекать», «забить», «орать», «бомбить», «троллить» (по 3 отказа), «олды», «рофлить», «агриться», «ливнуть» (по 4 отказа). 60% или 16 и более отказов, помимо уже упомянутых, получили следующие слова: «фиксить» (19 отказов), «вайб» (17 отказов), «имбовый» (16 отказов).

Если говорить о солидарности респондентов и об однородности реакций на слова-стимулы, то эксперимент показал следующее: наиболее однозначно респонденты понимают слова «крипово» и «ливнуть» (здесь наблюдается лишь по одному толкованию – «жутко» и «уйти/покинуть» соответственно).

Также вполне однозначно респонденты понимают слово «рофлить» (2 разных толкования). Максимальное число толкований обнаружилось у слов «форсить» (11 толкований) и «юзать» (10 толкований), «зашквар» и «кринж» (по

9 толкований). Это свидетельствует о том, что респонденты не поняли или неверно поняли бы данные слова, если бы встретили их в разговоре.

Таким образом, можно сделать вывод, что 7 из 40 исследованных нами слов (или 18%) оказались неактуальными для языкового сознания респондентов. Еще у 10% слов обнаружилось большое количество толкований, что говорит о том, что они являются непонятными для участников эксперимента. При этом большинство исследованных слов оказались понятными для подростков 15–17 лет и актуальными для их языкового сознания.

Мы не можем остановить поток заимствований, это бессмысленно, поскольку язык является динамичной, развивающейся системой. Однако нам нужно доносить до учащихся, что не все слова, которые существуют в языке, являются общеупотребительными. Необходимо чётко разграничивать ситуации общения и понимать, где жаргонизмы следует заменять общеупотребительными синонимами.

Предметом экспериментального исследования А.В. Цымбаловой (Цымбалова 2020) стали новейшие заимствования в русском языке, значения которых еще не описаны словарями, поэтому зачастую плохо известны носителям языка.

Для выявления уровня знания носителями языка новых иностранных слов был проведен тест на знание слова (Виноградова 2016, с. 17), а также с помощью метода субъективных дефиниций (там же, с. 31) установлено, какое именно содержание вкладывают респонденты в новое слово.

Было опрошено 100 человек разных возрастов. Участников от 15 до 18 лет (28%), от 18 до 21(39%), от 21 до 30 (21%), от 30 и выше (12%). Для исследования были отобраны 10 новейших заимствований, которые, на наш взгляд, чаще всего используются в разговорной речи и не очень хорошо известны носителям языка. В тесте испытуемые получили следующую инструкцию: Ответьте на вопрос: «Знаете ли Вы значение данного слова?» Варианты ответа: «знаю», «плохо знаю», «не знаю». Тест показал, что наиболее хорошо известно значение следующих слов: *селфи* – 90%, лук –87%, *хайп* – 78%; на втором (50+- 10) месте слово: *блэкаут* 46%, на третьем месте слова с процентом меньше 40: *анбоксинг* – 39%, *хедлайнер* 39%, *чопперы* –38%, *айдентика* –36%, *стартап* – 34%. Менее всего известным оказалось слово *краудфандинг* –26%.

Во втором исследовании испытуемые должны были дать своё толкование значения. На основе семантической интерпретации полученных данных были сформированы значения иностранных слов, которые мы сопоставили со словарными определениями, чтобы выявить сходное и различное в психологически реальном значении и лексикографическом варианте (значения приводятся по словарю Шагалова 2011).

Се́лфи – разновидность автопортрета, созданного с помощью фотоаппарата, иногда при помощи зеркала, монопода или автоспуска.

Экспериментальное значение:

1. Фотография себя, автопортрет 67 *(фотография себя 15, фото15; фото самого себя 10; фотография 8; фотографирование самого себя 7; когда человек фотографирует сам себя 2; вид съемки, фоткать себя; фото лица; себяшка; сам себя фотографируешь; автопортрет; автофотография; сделать фотографию; сфоткаться; фото самого себя или своей компании 1).*

2. Фото на фронтальную камеру 17 *(фото на фронтальную камеру 9, фото на переднюю камеру 5; делать фото на переднюю камеру; фото лица на переднюю камеру; фото себя на переднюю камеру телефона 1).*

3. Палка, штатив для фото 6 *(палка для фото 3, сделанное с руки или селфи палки; штатив для фото себя; фото себя при помощи селфи палки 1).* Отказ 9.

Словарное и психолингвистическое значение совпадают по самым ярким и существенным семам: автопортрет, фото с помощью селфи-палки.

***Лук* (от англ. look)** – образ

Экспериментальное значение:

1. Образ человека, создаваемый его одеждой, единый стиль в одежде 62 (*образ 26, одежда 15; внешний вид, стиль 5; сочетание одежды 2; внешний вид, включая одежду; единый стиль в одежде; комплект одежды; облик; образ из одежды; новый образ; одежда на человеке; сочетаемая одежда; совокупность вещей, надетых на человеке; стиль одежды; стильный вид одежды, подбор одежды по стилю 1*).

2. Овощ 23 (*овощ 13; растение 5; это покушать можно; еда; образ в целом; род растений семейства лилейные; название овощной культуры 1*).

3. Оружие 8 (*оружие 7; приспособление для стрельбы1*). Отказ 10.

Как видим, даже употребление данного слова без контекста вызывает в сознании носителей языка содержание, соотносимое с актуальным иностранным заимствованием.

Хайп – шумиха, ажиотаж, крикливая реклама, и в том числе обман, возбуждение (эмоциональное) и т.д., агрессивная и навязчивая реклама,

Экспериментальное значение:

1. Популярность (как результат хайпа) 44 (*популярность 22; слава 10; быстрая известность 4; что-то популярное; быстрая дешёвая известность; что-то популярное сейчас; способ прославиться; получить известность; стать известным; звездность; известность1*).

2. Шумиха 17 (*шумиха 11, ажиотаж; информационная шумиха; какая-либо обсуждаемая персона или тема; смесь информации; с помощью обмана или иным действием сделать так, чтобы люди это обсудили; способ прославить себя 1*).

3. Реклама 15 (*реклама 10, раскрутка чего-либо; способ прославиться; в интернете реклама движения; навязчивость; раскручивать кого-то, что-то; славить себя 1*).

4. Тусовка 9 (*тусовка 7; общаться по компу; взять всё; вечеринка 1*). Отказ 14.

У этого слова более ярким, чем словарное, оказалось значение «популярность» и выделилось дополнительное значение «тусовка».

Слово ***блэкаут*** отмечено в трех вариантах значения: 1) авария в энергосистеме; 2) светонепроницаемая ткань для штор; 3) музыкальная группа.

Экспериментальное значение:

1. Ткань 38 (ткань *для штор 23; вид ткани 15, водонепроницаемая ткань 1*).

2. Аварийное выключение света 7 (*отключение 2; наступление темноты 2; резкое и намеренное отключение электричества; выключение света; темнота 1*)

3. Музыкальная группа 1 (*музыкальная группа 1*). Отказ 51.

В обыденном языковом сознании более ярким является значение «ткань».

Анбоксинг (англ. unboxing, рус. распаковка) – зафиксированный в видео- либо фотосъёмке процесс распаковки нового товара, как правило, из сферы потребительской электроники или цифровых технологий.

Экспериментальное значение:

1. Распаковка товара по видео 45 (*распаковка товара по видео 27, распаковка 17; фотосъемка1*). Отказ 51.

Психолингвистическое значение близко к словарному, единично представлены значения: *что-то в коробке 1; раскрытие какой-то информации 1; открытие чего-то 1.*

Хедлайнер – наиболее привлекающий внимание публики участник представления, концерта, фестиваля, имя которого стоит в заголовке афиши, выступающий, как правило, в конце.

Экспериментальное значение:

1. Привлекающий внимание человек 25 (*привлекающий внимание человек 20, привлечение внимания 4; известный человек; публичный 1*).

2. Заголовок 16 (*заголовок 16*).

3. Популярный участник представления 7 (*популярный исполнитель 2; Николай Должанский; самый популярный; ведущий исполнитель; группа, выступающая на концерте последней; ключевая группа в мероприятии 1*). Отказ 56.

Экспериментальное (психолингвистическое) и словарное значение очень близки, хотя у респондентов есть и другие толкования слова.

Чопперы – стиль мотоциклов с удлинёнными рамой и передней вилкой.

Экспериментальное значение:

1. Мотоциклы с удлиненной рамой 26 (*мотоцикл 20; мотоциклы 3; мототехника 2; мотоцикл к длинной рамой 1*).

2. Стиль одежды 7 (*стиль одежды 7*).

3. Женское украшение 3 (*девочки носят; женское украшение; возможно это вроде цепочки на шее, которая обматывает шею, как ошейник 1*).

4. Полицейские 3 (*полицейские 3*). Отказ 61.

Стартап – компании и бизнес-проекты, возникшие недавно и использующие оригинальный бизнес-проект или инновационную идею для получения прибыли.

Экспериментальное значение:

1. Начинающийся бизнес 22 (*начало проекта 11, зарождение проекта 7; бизнес-идеи чего-то нового; новая компания; новый проект; начинающий бизнес; начало дела 1*).

2. Бизнес-проект 17 (*бизнес проект 14; предположительно успешный проект, требующий средств на реализацию; коммерческий проект 1*).

3. Стартовый капитал 16 (*стартовый капитал 13; начинающий капитал, необходимый для осуществления проекта; стартовый капитал для какого-то дела; первоначальный капитал 1*).

4. Способ заработать 1 (спосо*б заработать 1*). Отказ 62.

Айдентика – это фирменный стиль компании, который используется при создании рекламной продукции бренда.

Экспериментальное значение:

1. Стиль, образ 35 (*стиль 28, особый образ 7*).

2. Идентификация 1 (*идентификация 1*). Отказ 64.

Краудфандинг – способ коллективного финансирования, основанный на добровольных взносах.

Экспериментальное значение:

1. Коллективный добровольный сбор денег 24 (*собирание денег 10; добровольные взносы 9; коллективные добровольные финансы; система коллективного финансирования; сбор средств на производство чего-либо с потенциальных потребителей; способ намекнуть на финансирование; типа финансируют 1*).

2. Финансирование 14 (*финансирование 14*). Отказ 72.

Это наименее известное слово, но довольно точно определяемое респондентами в эксперименте.

В целом из 10 популярных новых заимствований только три хорошо известны носителям языка. Остальные являются для большинства носителей агнонимами, поэтому нуждаются в том или ином пояснении при употреблении.

Исследование уровня социокультурных знаний, проведенное Д.И. Ткаченко, было направлено на то, чтобы установить, как отражено то или иное государство, народ, город в языковом сознании старшеклассников. Для этой цели применялся свободный ассоциативный эксперимент, данные которого обрабатывались по методике И.А. Стернина и А.В. Рудаковой (Рудакова 2016).

При обработке результатов значимыми считались лишь те ответы, которые совпали у трех и более % испытуемых, поэтому единичные ответы не учитывались. В анкетировании участвовало 100 человек из 9–11 классов одной из общеобразовательных школ г. Воронежа, поэтому 1 ответ равнялся в наших подсчетах 1%.

Приведем примеры, которые кажутся нам наиболее интересными.

Германия – это страна, в которой господствовал фашистский режим; ее жители жесткие и педантичные; это развитая, хорошая; красивая, богатая, великая страна, известная алкогольными напитками и автомобильным производством; там развитая медицина и футбол; там едят сосиски.

Украина – это страна, где едят сало и борщ; близкая к России, плохая, беспорядочная, отвергнутая, враждебная, глупая, бедная и слабая, но домашняя, лучшая и великая (для некоторых россиян) страна; она находится в состоянии войны; ее флаг имеет желто-синий цвет.

Сирия – это страна, находящаяся в состоянии войны, из-за этого там опасно и страшно жить; она разрушенная, странная, бедная, несчастная; там много террористов; она расположена в пустыне.

Наше исследование позволило не только представить образ некоторых стран в языковом сознании старшеклассников, но и выделить интересные особенности:

– несмотря на то, что с того времени, когда в Германии процветал фашизм, прошло уже более 70 лет, эта страна в сознании старшеклассников (14–15 лет) по-прежнему остается «фашистской» и «жесткой»;

– несмотря на то, что многие отмечают развитость США, также частотны ответы, отражающие мнение о том, что жители этой страны имеют слабый интеллект;

– многие страны представлены в языковом сознании опрошенных с точки зрения особенностей национальной кухни («лягушечная», «круассанная», «картофельная» и т.д.);

– в Сирии опрошенные не видят ничего культурного или исторического, для большинства участников опроса эта страна связана исключительно с войной;

– Украина, хоть и близка многим опрошенным, тем не менее для многих она чужая и отвергнутая страна.

Еще один эксперимент был проведён нами в рамках проекта «Туристическая карта России». Целью данного проекта была популяризация туристических маршрутов по России, которые в перспективе могут поспособствовать развитию внутреннего туризма. Метод исследования был тот же, что и в первом эксперименте, но если в первом случае ответы респондентов ничем не ограничивались (эксперимент был свободным), то во второй раз мы использовали направленный эксперимент: участникам предлагалось ответить на вопрос «Какая?» в отношении страны. Участниками также стали 100 старшеклассников одной из школ города. Для эксперимента мы составили список наиболее крупных городов, которые, на наш взгляд, заслуживают внимания туристов.

Приведем в обобщенном виде наиболее интересные результаты работы.

Калининград – это красивый город, он располагается далеко от нас, имеет особенное географическое расположение: он отделен от общей территории страны, довольно большой, относится к европейским городам, располагается близ Балтийского моря, имеет исторические ценности, значимые события, является частью России. 19 учеников отказались от ответа.

Севастополь – красивый город, который хранит в памяти военное прошлое. Для 9% это украинский город, а для 11% – русский. Он далёк от нашего города, окружён морем, представляет собой туристический центр, где более 2000 памятников. 1 % ответил, что Севастополь – холодный город, но при этом крымский. 14 человек не имеют представления о том, что это за город, поэтому не дали ответа.

Екатеринбург – красивый город. Для 1% школьников – промышленный. Богат историческими ценностями. Он большой и далёкий от нас, неизвестный, строгий, там низкие температуры. Он не менее важный, чем остальные города. Однако у 10 отказавшихся от ответа учеников не сложилось представление об этом городе.

Иркутск – холодный и северный, загадочный и прекрасный город. Ассоциируется с озером Байкал. Сам город маленький, далёкий от нас и ледяной. 12 человек не имеют представления об этом городе и отказались от ответа.

Результаты нашего исследования показали сильные и слабые места в знаниях школьников о некоторых городах России. Мы увидели, что некоторые города очень ярко представлены в языковом сознании испытуемых, отказов почти не было, при этом знания о городах соответствуют истине. В других же случаях мы увидели, что образы некоторых городов не сформированы в языковом сознании старшеклассников или же информация не соответствует действительности. На основании полученных результатов мы развиваем проект «Туристическая карта России».

Приведём еще некоторые примеры, которые неоднократно встречались в процессе работы с учащимися.

Школьники (и не только) часто путают следующие понятия и объекты:

Швеция и Швейцария, Австрия и Австралия, Литва и Латвия, город Вашингтон и штат Вашингтон.

Гора Белуха (самая высокая гора Сибири, расположена на Алтае) и рыба белуга (из семейства осетровых).

Половодье (выход реки из берегов вследствие таяния снега) и паводок (выход реки из берегов вследствие большого количества осадков).

Благодаря психолингвистическому эксперименту мы можем изучать актуальное представление учащихся о тех или иных явлениях жизни. В рамках изучения политической географии, на наш взгляд, это наиболее актуально. Результаты исследований позволяют более качественно организовать учебный процесс и направить его, с одной стороны, на формирование у учащихся более объективного представления о мире, а с другой, – расширять их кругозор, предлагать новую информацию, повышать заинтересованность в изучении предмета.

3.4. Грамотность письменной речи воронежцев

Общеизвестно, что грамотность является одним из важнейших показателей культурного уровня населения, хотя конкретное содержание понятия *грамотность* меняется на различных этапах развития общества вместе с повышением его культурных запросов. Современные представления о грамотности усложнились и диверсифицировались.

Грамотность определяют как определенную степень владения навыками чтения, письма в соответствии с грамматическими нормами родного языка.

Согласно определению ЮНЕСКО, под грамотностью понимается способность личности читать, понимать и составлять простые короткие тексты, имеющие отношение к повседневной жизни.

В дореволюционной России и в других странах с невысоким уровнем школьного образования грамотными считались лица, умеющие только читать; в развитых капиталистических странах – лица, владеющие навыками чтения и письма. Вопросы определения понятия *грамотность*, его статистической фиксации во время переписей населения неоднократно обсуждались на международных совещаниях по демографической статистике и программам переписей населения. Генеральная конференция ЮНЕСКО (10-я сессия, Париж, 1958) рекомендовала всем странам при проведении переписей населения считать грамотными лиц, умеющих читать с пониманием прочитанного и написать краткое изложение о своей повседневной жизни.

В целом конкретное содержание понятия грамотности имеет тенденцию к расширению с ростом общественных требований к развитию индивида: от элементарных умений читать, писать, считать к владению некоторым комплексом различных общественно необходимых знаний и навыков, позволяющих человеку сознательно участвовать в социальных процессах; грамотность понимается как минимальный объем навыков, обеспечивающих нормальное функционирование личности в системе социальных отношений (т. н. функциональная грамотность).

Анализ словарных дефиниций показывает, что в словарях русского языка (например, «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова, 2000 и др.) отражены следующие значения слов *грамотный*:

1. «читательское» – умение читать, то есть умение расшифровывать буквы и складывать их в слова, понимая полученный смысл;

2. «орфографическое» – умение писать, то есть перекодировать звуки устной речи в буквы и соединять их друг с другом на письме.

Эти два значения отражают разные навыки носителя языка: можно уметь читать, но не уметь писать; можно хорошо читать, но плохо писать. Эти навыки взаимосвязаны, но не совпадают.

3. «нормативно-языковое» – умение *правильно, хорошо* читать и писать, говорить и писать, не допуская речевых ошибок (*грамотный человек, грамотное сочинение*);

4. «коммуникативное» – умение правильно, культурно и эффективно вести общение (*грамотно построить разговор, грамотный оратор, грамотно аргументировал, грамотное выступление, грамотно провел беседу, грамотно построил убеждение*) и др.;

5. «профессиональное» – хорошо разбираться в той или иной области знаний (*грамотный специалист, инженер, руководитель*);

6. «качественно-результативное» – качественно выполненное, соответствующее нормам и правилам выполнения данного рода деятельности (*грамотный чертеж, план, работа*).

Первые четыре значения относятся к *языковой грамотности*, четвертое и пятое – к *профессиональной*.

В последние два десятилетия в структуру языковой грамотности вошел еще один вид грамотности, обозначаемый многими исследователями как медиаграмотность (Стернин 2013). Медиаграмотность – это умение пользоваться (то есть адекватно понимать и создавать) текстами печатных и электронных СМИ, включая интернет. Можно назвать основные составляющие медиаграмотности. 1. Умение находить информацию в современных СМИ и интернете. Умение адекватно понимать и оценивать информацию, предлагаемую текстами СМИ и интернета (бумажные СМИ, электронные СМИ – ТВ, радио, интернет). 3. Умение создавать тексты СМИ. 4. Знание основных тенденций развития современных СМИ.

В первой коллективной монографии «Языковое сознание жителей Воронежа», рассматривая проблему орфографической и пунктуационной грамотности населения, мы констатировали невысокий уровень языковой грамотности, в целом соотносящийся с результатами ЕГЭ по Воронежской области: у 50% – неудовлетворительный уровень, у 35,5% молодых носителей языка – удовлетворительный и только у 14,5% – высокий и хороший уровень языковой грамотности. Было также отмечено, что у носителей языка, точнее, у активной, амбициозной части молодежи есть критическое отношение к уровню своих языковых познаний (Языковое сознание 2010, с. 243).

В рамках научно-просветительского проекта «Территория слова» был продолжен мониторинг уровня орфографической и пунктуационной грамотности вузовской молодежи, начатый в 2008 году. Ежегодно для студентов 1–3 курсов разных факультетов ВГУ, изучающих дисциплину «Русский язык и культура речи» (всего около тысячи человек 17–20 лет) проводится диктант, разработанный коллективом кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета Воронежского государственного университета и отражающий наиболее типичные для жителей Воронежа трудности.

Текст диктанта состоит из двух частей: первая часть включает 50 слов и словосочетаний на различные орфографические правила русского языка, вторая часть – предложение, отражающее несколько пунктуационных правил:

1. *алюминий, без вести пропавший, безыскусный, военачальник, колоннада, местность, узнать впоследствии, гостиница, древнерусский, смотреть исподлобья, идеология, кожаный, напополам, настежь, несмотря на заботы, ни в коем случае, очарование, периферия, по окончании работы, подветренная сторона, поликлиника, поодиночке, прийти, пряность, по-прежнему, пол-Воронежа сагитировать, рассчитать, ровесник, сверхъестественный, сорокалетие, стреляный воробей, труженик, целлофан, шепот, учреждение, поплавок, юный, аккомпанемент, исхоженные тропы, адъютант, назначьте, ношеный, стелешься, несбывшиеся надежды, колющий, искусственный, недомогать, не по-товарищески, пристреленный волк.*

2. *Поддержать добрым словом человека, попавшего в беду, так же важно, как вовремя переключить стрелку на железнодорожном пути: всего один дюйм отделяет катастрофу от плавного и безопасного движения по жизни.*

Критерии оценки уровня языковой грамотности (совокупное количество ошибок: и орфографических, и пунктуационных): 0–2 ошибки – высокий уровень ЯГ; 3–5 ошибок – хороший уровень ЯГ; 6–10 ошибок – удовлетворительный уровень ЯГ; более 10 ошибок – неудовлетворительный уровень ЯГ. При проверке диктанта типичные ошибки не объединяются, каждая ошибка рассматривается отдельно.

В 2012 году диктант был проведен со студентами экономического факультета (100 человек), факультета международных отношений (120 человек) и филологического факультета (50 человек).

Результаты диктанта приведены в следующей таблице 1.

Таблица 1

Группа испытуемых 2012 г.	Высокий уровень ЯГ	Хороший уровень ЯГ	Удовлетвори тельный уровень ЯГ	Неудовлетв орительный уровень ЯГ
Студенты экономического факультета	0%	1,5%	13,5%	85%
Студенты факультета международных отношений	3%	14%	32%	51%
Студенты филологического факультета	16%	20%	35%	25%

Сопоставление средних процентов результатов диктанта, написанного в 2008 году студентами ВГУ (Языковое сознание 2010) и диктанта 2012 года показывает, что за четыре года существенных изменений в качестве грамотности молодых людей не произошло, но некоторые позитивные сдвиги наметились (см. таблицу 2).

Таблица 2

Средний процент ЯГ	Высокий уровень ЯГ	Хороший уровень ЯГ	Удовлетворительный уровень ЯГ	Неудовлетворительный уровень ЯГ
2008 г.	10,5%	4%	35,5	50%
2012 г.	6,3%	11,8%	26,8%	46%

На 4 процента уменьшилось количество испытуемых с неудовлетворительным уровнем грамотности, но все-таки их практически половина из писавших. Вместе с тем на 8 % уменьшилось количество тех, кто удовлетворительно знает правописание и на 4 % снизились показатели владеющих грамотностью на высоком уровне, зато увеличился процент тех, у кого хороший уровень языковой грамотности: 11,8 % против 4% 2008 г.

В 2018 году мы предложили подобный диктант студентам 4 курса экономического факультета ВГУ (100 человек). Выбор испытуемых объясняется тем, что это выпускники бакалавриата, получившие специальное образование, но сдавшие последний письменный экзамен по русскому языку 5 лет назад. Важно было выяснить, с какими «остаточными» знаниями по орфографии и пунктуации родного языка они пришли к выпуску.

Результаты диктанта приведены в таблице 3.

Таблица 3

Группа испытуемых 2018г.	Высокий уровень ЯГ	Хороший уровень ЯГ	Удовлетво-рительный уровень ЯГ	Неудовлетво-рительный уровень ЯГ
Студенты экономического факультета (4 курс)	1%	5%	25%	69%

Анализ ошибок, допущенных студентами экономического факультета, выявил следующее.

Самыми «неосвоенными» словами (более 50% написали их неправильно) для студентов были: а) написание словарных слов: *апелляция* (88%), *баллотироваться* (78*%), бестселлер, бюллетень* (72%), *сорокалетие* (65% – в школьном курсе дается как словарное слово); б) слитное или раздельное написание слов: *внешнеполитический, глубокоуважаемый, до свидания, иметь в виду, несмотря на дождь* (62%).

«Плохо освоенными» (30–49% ошибочных написаний) оказались а) словарные слова: *аккомпанемент, искусство* (46%), *профессия* (43%), *толерантность* (40%), *блеснуть, прийти* (35%), *программист* (32%), *будущее, расчет* (30%); б) слитное, раздельное и дефисное написание слов: *пол-Воронежа, по-русски* (44%), *фининспектор* (43%), *впоследствии, все-таки* (40%), *в то же время* (39%), *так же* (33% – в предложении); в) правописание слов с Ъ: *сверхъестественный* (43%), *сэкономить* (33%), *предъюбилейный* (31%); г) написание Н и НН в словах разных частей речи: *решенный, труженик* (40%); д) правописание приставок: *происшествие* (35%), *разыграть, почерк* (37%); написание проверяемых слов: *священник, философский* (30%).

К «средне освоенным» словам (10–29% ошибок) относятся а) написание слов: *извините* (25%), *двуглавый* (23%), *ровесник* (11%); б) слитное, раздельное и дефисное написание слов: *внешнеполитический* (28%), *в обнимку* (23%),

несмотря на заботы (15%); в) написание грамматического Ь: *назначьте* (26%), *настежь* (25%); г) написание частиц Не и НИ: *несмотря на дождь*(19%); д) написание букв О и Ё после шипящих: *решетка, шепот*(15%); написание одного и двух Н в словах разных частей речи: *гостиница* (13%); написание сложных слов: *железнодорожный* (13%), *сумасшедший* (12%).

Минимальное количество ошибок было допущено в словах: *поликлиника* (3%), *одноклассник, премьер-министр* (2%), *две тысячи* (1% – писали слитно), *пожалуйста* (1%).

Безошибочно все написали 5 слов из 50 продиктованных: *актуальный, безопасный, замужем, сделать, ценник.*

Приведем примеры ошибочных написаний: *будующее, в последствие, дветысячишестнадцатый, двухглавый/двух главый, извените, интелегент, иметь ввиду, пол Воронежа, полеклинника, под/тчерк, расчот, ращот, расовый, сороколетие, съэкономить, филосовский, решотка, проишествие, тружинник, свещенник, ни смотря на дождь толлирантность, премьерминистр, проффессия, финн.инспектор, разьиграть* и др.

Анализ пунктуационных ошибок показывает, что основной трудностью для испытуемых является постановка знаков препинания в сложном предложении, особенно такого знака, как двоеточие. Многие студенты посчитали, что в данном предложении нужно поставить тире (33%). Для 7% студентов, писавших диктант, сложным оказалось правило постановки знаков препинания при причастном обороте.

Если сопоставить наши данные с теми, которые были получены в результате написания более массового диктанта (500 человек) в 2009 году, то средние цифры по факультетам ВГУ были такими: у 50% испытуемых уровень орфографической грамотности неудовлетворительный; 35,5% носителей языка обладают удовлетворительным уровнем языковой грамотности и только 14,5% испытуемых можно отнести к людям с высоким и хорошим уровнем языковой грамотности (Языковое сознание 2010, с. 132). Наши цифры на этом фоне выглядят удручающе: неудовлетворительное состояние грамотности возросло на 19%.

Сетования о «пропавшей грамоте» стали в последнее время общим местом. Как остроумно заметил Д. Быков, «орфография начинает постепенно упраздняться» сама собою. Она размывается. Ее уже почти не видно» (Быков 2009, с. 181). Приходится с сожалением признать, что бакалавры, принявшие участие в написании диктанта, оказались в подавляющем большинстве своем малограмотными. Если культуре устной речи удается уделить хотя бы часть учебной нагрузки, то правописание пока остается только в новом названии вузовского предмета: «Русский язык для устной и письменной коммуникации».

Наряду с мониторингом уровня грамотности вузовской молодежи отслеживается также уровень грамотности представителей других групп населения г. Воронежа на основе аналогичного диктанта городского конкурса «Самый грамотный» (см. о нем в Гл. 5).

Обобщение полученных материалов за восемь лет показаны в таблице 4, в которой представлены орфографически не освоенные (более 50% ошибок) и плохо освоенные слова 30–49% ошибок от общего числа писавших).

Таблица 4

2011 г.	2012 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
баллоти-роваться	баллотироваться	апелляция	апелляция	кофе навынос	индифферентность	апелляция
апелляция	без вести пропавший	сорокалетие	баллотироваться	индифферентность	на ощупь	трехъярусный
индиффе-рентность	экстремаль-ный	поодиночке	двуглавый	персона нон грата	джентльмен	сорокалетие
незаконнорожденный	алюминий	бюллетень	иметь в виду	без вести пропавший	без вести пропавший	некрашеный
акклиматизация	агентство	некрашеный	сорокалетие	акклиматизация	периферия	без вести пропавший
анестезия	балласт	интеллигент	расовый	самоклеящиеся	экстремаль-ный	фальшь
балласт	акклиматизация	впоследствии	труженик	незаконнорожденный	баллотирова-ться	периферия
сорвиголова	интеллигент	бестселлер	интеллигент	периферия	некрашеный	интеллигент
смышле-ный	оккупант	говорить по душам	впоследствии	привилегия	акклиматизация	
подлинник	анестезия	искусственный	пресс-служба		пол-Белгорода	
пол-Одессы		в обнимку	бестселлер		интеллигент	
привилегия		ровесник	бюллетень		привилегия	
скобленый		несмотря на заботы	в обнимку		самоклеящиеся	
названый		премьер-министр	глубокоуважаемый			
нефтяник		глубокоуважаемый	сагитировать			
приданое		напополам	Блеснуть			
предыстория		до свидания	две тысячи шестнадца-тый			
замощенный		идеология	премьер-министр			
труженик		цинизм	происшест-вие			
застреленный		священник	сумасшедший			
стелешься		эскалатор				
безветренный		северо-восточный				
толерантность		расчет				
		учреждение				
		ни в коем случае				
		невзлюбить				
		чрезвычай				

		ный				
		внешнеполитический				
		программист				
		фальсификация				
		двухэтажный				

В процентном отношении к общему числу слов в диктанте плохо освоенные слова составили в 2010 г. – 30%; в 2011 г. – 52%; в 2012 г. – 25%; в 2015 г. – 6%; в 2016 г. – 4%, в 2017 г. – 20%, в 2018 г. – 28%, в 2019 г. – 16%. Как видим, при известной нестабильности в последние годы налицо положительные сдвиги.

Наиболее хорошо освоенными словами (1–2 ошибки) являются: *ни в коем случае, высококвалифицированный, всерьёз, субъективный, орфограмма, ценник, одноклассник, симпатичный, сделать, столетний.*

В целом же процент хорошо освоенных слов невелик, но после спада в 2011–2016 гг. выявляется тенденция к росту: в 2010 г. – 10%; в 2011 г. – 5%; 2012 г. – 2,5%; 2015 г. – 2%; 2016 г. – 4%; 2017 г. – 16%; 2018 г. – 17%; 2019 г. –18%.

Основная масса слов диктанта характеризуется средней освоенностью.

Сравнительный анализ ошибок, допущенных участниками в разные годы, показывает, что существенных различий в их характере практически нет. Основную трудность представляет написание словарных слов, слитное/раздельное/дефисное написание слов, правописание Н/НН в разных частях речи, слов с Ь и Ъ, приставок, некоторых глагольных окончаний.

Анализ орфографических ошибок в соцсетях позволяет добавить к этим наблюдениям такие частотные ошибки, как правописание корней с проверяемыми гласными: *слИза, освЯщал, симпОтичный, тАнуло, огАлился, выстОвил, удЕвил, гАлосит, вычЕщаются* и т. д; написание наречий, которое действительно представляет трудность для носителей языка: *на/не много, не мало, на лицо, в просак, по полам, не приятно, по долгу, на прямую, без доказательно* и под.

В 2012 году Воронеж присоединился к ежегодной образовательной акции «Тотальный диктант» (проводится в России с 2004 г.). Если поначалу казалось, что это мероприятие носит разовый характер, то теперь уже можно говорить о его традиционности. По данным организаторов, в 2012 году в акции принимало участие 116 человек, в 2013 г. – 199 чел., в 2014 году 1 118 чел., в 2015 г. – 1300 чел., в 2016 г. – 1215 чел., в 2017 г. – 1016, в 2019г.– 1200 человек. А самое главное, что у воронежцев появилась потребность подготовиться к диктанту, обсудить его результаты. Такая работа была организована на базе филологического факультета Воронежского госуниверситета. Для всех желающих за 3 месяца до диктанта начали работать бесплатные курсы. Кроме того, в ВГУ на филологическом факультете работал Вечерний гуманитарный факультет для взрослых людей, который также предоставляет слушателям возможность улучшить свои орфографические и пунктуационные навыки. После тотального диктанта на филфаке организуются встречи со всеми желающими получить разъяснения по результатам написанной работы. Судить о качестве написания диктанта достаточно сложно, поскольку не было единых критериев

отбора текстов, системы проверяемых орфограмм и пунктограмм, но позитивная динамика в целом, несомненно, налицо, если сравнить данные о количестве отличных оценок, полученных за последние годы.

Из 1 016 воронежцев, проверивших свою грамотность в 2017 году, отметки «отлично» получили 45 человек (почти в 11 раз больше, чем в прошлом году). Для сравнения: в 2016 году отличников в Воронеже было 4, в 2015 году – 24, а в 2014-м – 10 человек.

В 2019 году отмечено небывалое количество отличников – 105 человек. Всего проверить знания по русскому языку пришли 1 200 человек. Для сравнения: в 2018 году отличников Тотального диктанта было всего 35 человек, а писали его около 1 500 жителей Воронежа и области. Подробнее: https://moe-lipetsk.ru/news/culture/1035085

Исследование регионального уровня грамотности имеет большое значение для формирования культурной среды региона.

Очень важно, чтобы государство и общество в целом, а также конкретный регион четко представляли реальную ситуацию и реальные задачи по формированию грамотности своего населения. Необходимо понимать, что разные виды грамотности всегда будут представлены у населения Воронежа в разной степени.

При этом нужно быть реалистами: мы никогда не получим полностью по всем параметрам грамотное население, но необходимо определить те профессиональные, возрастные и социальные группы, на формирование грамотности которых общество и регион должны в первую очередь обратить внимание и сосредоточить на этом свои силы.

Исходя из оценки мировой практики и конкретного педагогического опыта можно предположить, что «контрольные цифры» грамотности населения, к которым наше общество должно стремиться в ближайшие 10–15 лет, реально могут быть примерно таковы:

– 100% населения – читательско-орфографическая грамотность (все должны получить ее в школе), результат – умение читать и писать всего населения;

– минимум 60% населения – нормативно-языковая грамотность (формируется в школе, техникуме, вузе, в системе повышения квалификации, на специальных курсах; должна тестироваться при приеме на многие виды работы и должности), результат – умение *хорошо* читать и писать, по школьным нормам – на 4 и 5;

– минимум 30–35% – коммуникативная грамотность населения (формируется в системе профессиональной подготовки, на специальных курсах риторики, делового общения, в коммуникативных тренингах и т.д.); результат – высокий уровень коммуникативных навыков.

– минимум 30–35 % медиаграмотность (формируется в ходе медиаобразования в дошкольных учреждениях, школе, техникуме, вузе, в системе повышения квалификации, на специальных курсах), результат – умение критически анализировать и оценивать медиа-контент.

Использованная литература

Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка: Язык о языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М. : Яз. русской культуры, 2000. – С. 7–19.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

Быков Д.Л. Пропавшая грамота // Думание мира. – М.: ЛимбусПресс, 2009. – 376 с.

Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова. – Воронеж : Истоки, 2016. – 160 с.

ГЛЭДИС. Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. –М.: ИПЦ «Маска», 2021 г. – 20 с.

Голев Н.Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1.: коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово– Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 371–386.

Дебренн М. Современные работы французских языковедов о наивной лингвистике / М. Дебренн // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты : коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. –Ч.1.– Кемерово – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та,2009.–С.163-182.

Инютин Вл.В., Стернин И.А. Концепт *либерализм* в русском сознании // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. – 2021. – № 1. – С. 29–32.

Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 3. – Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж: ВГТУ, 2002. – С. 4–34.

Кашкин В.Б. Научные теории и бытовые представления о языке. // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. – Кемерово–Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2008. – С. 30–44.

Кашкин В.Б. Обыденная философия, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1.: коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 41–61.

Козельская Н.А., Стернин И.А., Рудакова А.В., Тимошина Т.В. Исследование уровня грамотности молодежи региона // Культура общения и ее формирование. – Воронеж : Истоки, 2013. – Вып. 27. – С. 3–11.

Козельская Н.А. Сфера незнания воронежцев в области русского языка и культуры речи в 2011–2016 гг. (в сравнении с 2005–2010 гг.) // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2017. – Вып. 23. – С. 34–43.

Козельская Н.А. К изучению языковой грамотности студентов // Культура общения и ее формирование. – Воронеж : Истоки, 2017. – Вып. 33. – С. 3–5.

Козельская Н.А. Университет и речевая среда города // Вестник ВГУ. Серия : «Проблемы высшего образования». – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2012. – Вып. 1. – С. 84–89.

Лебедева Н.Б. Особенности метаязыкового сознания профессиональных юристов (опыт группового портрета) // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1.: коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 313–321.

Окуджава Б. – https://www.krugozormagazine.com/show/okudzhava.3549.html.

Познер В.В. – https://pozneronline.ru/2020/08/28881/

Познер В.В. – https://echo.msk.ru/blog/v_radionov/2690801-echo/

Познер В.В. – https://regnum.ru/news/society/3136486.html

Познер В.В. – https://lenta.ru/news/2020/12/09/pozner/.

Розенталь Д.Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. – 3-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 832 с.

«Русский язык». Энциклопедия. – М. : Русский язык, 1998.

Симанова Т.А. Развитие концептов «русский язык» и «родной язык» в языковом сознании иностранных студентов (экспериментальное исследование). – Автореф. дисс…канд. фил. наук. – Воронеж, 2010. – 18 с.

Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP Lambert Academic Publishing: – Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Стернин И.А. О некоторых дискуссионных проблемах лингвокультурологии // Человек. Язык. Культура. – Т. 1. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 138–149.

Стернин И.А. Русский язык в обыденном сознании («великий, могучий, правдивый, свободный» – это какой?) // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. – Воронеж, 2014. – С. 12–17.

Стернин И.А. Обыденное сознание и языковые мифы («Великий, могучий, правдивый, свободный» – это какой?) // Общество и человек. – № 1(7). – 2014. – С. 95–104.

Стернин И.А. Лингвистическая мифология в обыденном языковом сознании // Лингвистика без границ. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – С. 106–131.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Типология значений в психолингвистической лексикографии //Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов. / Науч. ред.А.В.Рудакова. – Вып. 7. –Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – С.102–108.

Стернин И.А. Ложные значения в языковом сознании: реальность или фикция? // Вопросы психолингвистики, 2021. – № 1. – С. 98–109.

Тавдгиридзе Л.А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании». Автореф. дисс. …канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 18 с.

Тренина В.С. Психолингвистическое значение слова ЛИБЕРАЛ // Язык и национальное сознание: сборник научных трудов. – Продолжающееся научное издание. – Вып. 27. / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: издательство «ООО РИТМ», 2021. – С. 132–136.

Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : ок. 1500 слов. – М.: АСТ : Астрель, 2011. – 413 с.

Языковое сознание жителей Воронежа / И.А. Стернин [и др.] / [под ред. И.А. Стернина]. – Воронеж: Истоки, 2010. – 250 с.

Глава 4.
Активные процессы в современном общении

4.1. Активизация отдельных разрядов лексики. Расширение употребления англицизмов

Для любого носителя русского языка очевидно, что в последнее время некоторые разряды русской лексики стали употребляться в общении гораздо чаще. Активизировалась лексика из сферы рыночной экономики, СМИ, интернета и цифровых технологий, шоу-бизнеса, ухода за телом (косметика, фитнес), одежды и моды, кулинарии, отдых и путешествия, а в 2020 г. в связи с пандемией – медицинская терминология. Это связано прежде всего с коммуникативными потребностями современного общества, обусловленными участившимся обсуждением в обществе соответствующих тем и проблем.

При этом, пожалуй, самой заметной тенденцией в современном русском общении стало активное использование иностранной лексики, особенно англицизмов недавнего заимствования.

Причины заимствования иностранных слов лексико-семантической системой языка рассмотрены нами в главе 2 «Активные процессы в лексико-фразеологической системе языка» («Заимствование»).

Однако причины заимствования лексики системой языка и причины увеличения ее частотности в языковом общении далеко не всегда совпадают.

В этом разделе мы рассмотрим заимствованную лексику *в коммуникативном аспекте* – почему она стала столь часто употребляться современными людьми в речи.

Этих причин несколько[7].

Мода на использование англицизмов

Мода – это следование новому, престижному, современному. Мода стала распространяться и на язык, которым люди говорят. Употребляя новые модные слова, говорящий выступает современным человеком, который следит за жизнью и следует в ее фарватере.

Особенно это проявляется у молодежи, для которой следование моде всегда исключительно важно, и у представителей новых профессий (тоже

[7] Приводимые в тексте примеры взяты из интернета; авторы несут ответственность за точность цитирования и не затрудняют изложение подробными ссылками на громоздкие интернет-адреса. Кроме того, употребление того или иного слова и выражения в речи может иметь несколько причин, и, если пример приводится как иллюстрация одной из причин употребления, это не значит, что одновременно при этом не присутствуют и некоторые другие причины, рассматриваемые в разделе. Некоторые примеры приводятся как иллюстрация использования сразу нескольких причин употребления заимствований в речи.

преимущественно молодых) – менеджеров, специалистов по цифровым технологиям, деятелей бизнес-сообщества, экономистов, блогеров, представителей новых электронных СМИ.

- Кадровика модно стало назвать «хед-хантером» (*охотником за головами*), «эйч-ар» (*рекрутером голов*); премию – «бонусом», тенденцию – «трендом», смысл сообщения – «месседжем», расположение торговой точки – «локацией», торговую марку – «брендом», полезный совет – «лайфхаком».
- Комментатор на НТВ перед 8 марта: «Какие возможны подарки женщинам? Не *лакшери варианты*, а класса *эконом*. Обувь *кул класс*» (реклама).
- «Новый *драфт* документа оставляет принцип самостоятельной утилизации компаниями отходов от использования товаров и упаковки в формате налоговых вычетов из суммы сбора» (набросок документа, черновой вариант – Интернет про Минфин 2.4.2019).
- Безусловно, есть определенная сумма, которую я получаю, это *бенефиты* от платформы, на которой я *стримлю*.
- В Сочи смерч вышел на берег и устроил *дестрой* (англ. *разрушение*).
- Жуткий *холивар* вокруг ЕГЭ по химии, который начался…(от английского holy war, что переводится как «священная война») – это сленговое обозначение непримиримых споров, когда доказывают правильность только своей точки зрения.
- Праздничный *чип-трип* по побережью Краснодарского края.
- Михаил Ширвиндт – рулевой *тревел-канала* на ю-тьюбе «Съедобное несъедобное».
- Наши опреаторы выбрали лучшую *локацию* для репортажа о параде.

С любой модой бороться бесполезно. Она постепенно проходит сама. Можно только демонстрировать свое недовольство ею, но последствий это, как правило, не имеет.

Мелиоративное употребление

Мелиорация – переназывание денотата более престижным словом с целью поднять статус денотата, улучшить его имидж, создать впечатление большей качественности, важности (*офис, кутюрье, визажист, стилист, супермаркет, сэконд-хэнд, фикс-прайс, секьюрити, шоп, сейл, ретейл, коуч, барбер-шоп, менеджер, клининг* и др.). Особенно распространилась мелиорация иностранным словом – это как бы нечто новое, причем качественное, улучшенное, то, чего у нас якобы не было. Подобное явление имеет давние корни в русском сознании – ср. «Иностранец Василий Федоров» у Гоголя; многие десятилетия в русском языке слово *импортный* означало *качественный*. В России всегда иностранное оценивалось как *качественное*, это стало частью российского менталитета.

Ср. рекламу косметического салона в Воронеже: *эмейзинг нейлз* (восхитительные ногти), *смоуки айз* (дымчатые глаза), *G.LAB* – (некая лаборатория), *Стрижка-шоп:* стрижки одной недостаточно, надо еще добавить узнаваемое слово shop.

Мелиорацией же, скорее всего, объясняются также:

релиз – вместо *выпуск*,

ритейл – вместо *розничной торговли,*

ритейлер – вместо *продавец*, *розничный торговец,*

секьюрити – вместо *охрана* (ср. пример Задорнова: *Баба Дуся секьюрити*);

девелопер – лучше, чем *застройщик*;

коуч – лучше, чем *преподаватель, тренер*;

коуч-сейшн – лучше, чем *обучающий семинар*;

драфт документа – лучше, чем *набросок, черновик* документа

фудкорт – лучше, чем *буфет;*

за *апгрейд* можно запросить гораздо больше, чем за *обновление комплектующих* и т.д.

Широкое распространение получило мелиоративное употребление иностранных названий в педагогике и психологии, где общеизвестные методы переназываются иностранными словами для коммерческого использования, создания впечатления новизны и коммерческой привлекательности якобы совершенно новых педтехнологий.

Ср. рекламу коммерческих курсов для педагогов:

«Технологии, способствующие развитию познавательных способностей:

майнд-менеджмент,

майнд-фитнес,

технология «скрайбинг»,

метод фасилитации,

технология «ХАКАТОН»

технология сторителлинга,

построение интеллект-карт.

Применение в учебном процессе данных технологий гарантирует 100-процентный результат в формировании общих компетенций и универсальных учебных действий».

Демонстрация высокого статуса, избранности, образованности, профессионализма говорящего

«Они хочут свою образованность показать
и всегда говорят о непонятном».
А.П. Чехов. «Свадьба»

Говорящий употребляет известные ему иностранные термины, чтобы продемонстрировать свое современное передовое мышление, образованность, компетентность (как дед Щукарь в «Поднятой целине» – *бордюр, астролябия, апробация, антресоли*).

Современный говорящий при этом чаще всего использует те иностранные термины, которые вошли в профессиональный лексикон узкой сферы его деятельности, но при этом не предполагает, что слушатели могут быть незнакомы с этими терминами и что это их раздражает (а часто просто употребляет такие слова сознательно).

Известный журналист писал, что после собеседования юная сотрудница отдела кадров ему сказала: *«Это ваш жоб-оффер. Поставьте, пожалуйста, здесь свою подпись. – Не знаете, что это? – поползли вверх бровки девушки. – А как вы вообще собираетесь работать у нас с таким уровнем развития?».*

«Недавно у меня, – пишет тот же журналист, – в одной из редакций поинтересовались, в чем заключается «хэви-контент» моей статьи. «Не знаю, – обескураженно ответил я. – Вот идея вроде есть, стиль тоже, говорят, присутствует. Вот цифры, вот факты, вот комментарии… А «хэви-контента»… боюсь, что нету совсем… А что, сильно скажется на гонораре?»

Оказалось, сильно: без «хэви-контента» никак. И это у них все рерайтеры и копирайтеры знают».

Я лично получил из Российской государственной библиотеки список моих работ, озаглавленный словом *дезидераты*. Я написал сотруднице, приславшей мне этот список, что от меня конкретно ожидает РНБ? Что это такое? Получил ответ: «Здравствуйте! "Desideratum" – это лакуна фонда. РНБ старается восполнить такие пробелы и разыскивает недостающие издания». Почему бы библиотекарю не написать, что ищут эти мои издания?

Из интервью Г. Грефа: *модератор, дискуссионная панель, вертикальная модель подачи информации, горизонтальные информационные потоки, краудсорсинг, когнитивная флексибильная гибкость, топовые вузы, коллаборативность, это был для меня главный триггер* и др.

А. Малахов на передаче: «Я сейчас дам ваш *профайл*».

На радио «Эхо Москвы» в программе (обратите внимание – передача «Говорим по-русски»!): *Резюме – это триггер для рекрутера. …* А вещала э*йчар* (это хед рекрутер).

Из статей в интернете:

Данные собрала *программа-парсер* на основе анализа профилей соцсетей.

Российские магазины предупредили о росте цен из-за *эквайринга.*

Необходимы навыки механика, сварщика, *кастомайзера* и маляра.

В целом это *стенс-проект*.

Олдтаймер-Галерея

Другой пункт, с четырьмя *гейтами* (по два в каждом направлении) расположили на 672 километре М-4.

В нынешнем СКА слишком быстро одни «*некстваны*» сменяют других.

(Лариса Гузеева) *панчи* выдает направо и налево, она никого не щадит.

Московский футбольный клуб «Спартак» показал *тизер*, связанный с переходом в команду Александра Кокорина. Видео создали в стиле CS: GO, используя звуковое оформление из *шутера* и вид от первого лица.

Муравьеду тренируют язык, чтобы прокачать соответствующий приобретенный *скилл* – он наследуется.

Кокорин перечислил *тиммейтам* по 300 тыс.

В августе 2018 года футболист опубликовал *хайлайт из шутера* в инстаграмме.

Mail.ru Group подала заявку на *листинг* на Мосбирже.

Волга ГАЗ-24 1982 года выпуска из московского *лоурайд* клуба «Бояре».

Самые интересные *кастомные* автомобили.

и т.д. и т.п.

Таким образом, повышение частотности иноязычных заимствований в современной коммуникации, как и отдельных тематических разрядов лексики, имеет свои объективные причины и связано прежде всего с процессами, происходящими в обществе.

4.2. Рост агрессивности общения

Характерной чертой современной речевой коммуникации является рост агрессивности общения. Это факт сейчас беспокоит очень многих.

Градус конфликтности, бытовой и деловой агрессии в обществе зашкаливает. Фильмы, сериалы – везде, где есть «менты» или предприниматели, – это бесконечный «мордобой»; спорт – сплошная агрессия (футбол, хоккей, единоборства); компьютерные игры – везде агрессия.

Само слово *агрессия* в русском языке подверглось существенной семантической трансформации. Так, прилагательное *агрессивный* за последние 30 лет перестало быть сугубо неодобрительным, ср.: *агрессивный макияж, агрессивный стиль, агрессивный дизайн* – это просто *яркий, заметный*, и даже приобрело положительную оценочность: *агрессивный нападающий***,** *агрессивный маркетинг* – это *активный***.**

Важнейшая общественная задача – приостановить эскалацию агрессии в обществе, а если удастся – то и повернуть ее вспять. Нужно всеми способами объяснять и пропагандировать отход от конфликтов и агрессии в повседневном общении, поведении, деловых отношениях, в политике.

Преодоление агрессии и конфликтности – это труднейшая задача в нашем обществе.

Причины взрывного роста агрессивности современного общения, к сожалению, многочисленны и разнообразны.

Есть общие причины, связанные, прежде всего, с менталитетом, национальным характером россиян. Именно они составляют почву для возможности агрессивного общения в российской коммуникативной среде.

- *Агрессия в сознании русского народа не относится к категории недопустимых явлений*: русский менталитет, в целом не поощряя агрессию, допускает при этом, что, если тебя «доведут» или тебе очень нужно чего-то достичь, можно и проявить агрессию – «для пользы дела».
- *Тенденция русского человека к биполярному, черно-белому мышлению* («кто не с нами – тот против нас»; если он «и нашим, и вашим» – это плохой человек).
- *Нелюбовь русского человека ко всему среднему* («или – или», «гулять так гулять»).

Агрессия противостоит в сознании людей компромиссам, но россияне во многом негативно относятся к компромиссам, поскольку ошибочно рассматривают компромисс как одностороннюю уступку, фактически – как *капитуляцию* или *проявление беспринципности***.** *Пошел на компромисс* – значит отказался от своей позиции, проиграл (при том, что компромисс – это взаимный обмен уступками) (см. Главу 3). Стоять до конца, «не поступаться принципами» считается доблестью и геройством. Ср.: министр иностранных дел СССР А. А. Громыко имел на международной арене прозвище «*Мистер Нет»,* поскольку в СССР был принцип: надо отстаивать свои позиции, нельзя *сдавать свои позиции*. И это при том, что одновременно всегда цитируют известную фразу: *«Дипломатия — это искусство возможного»,* вся дипломатия в мире всегда построена на компромиссах. Компромисс – первый этап любого урегулирования.

М.С. Горбачев говорил в одном из интервью журналисту Д. Диброву: *«Ни нам, ни американцам не удалось ничего добиться противостоянием, только компромисс и встречное движение. Сотрудничество, а не классовая борьба!»*

Слово *консенсус*, которое часто употреблял М.С. Горбачев, призывая все политические силы стремиться к нему, народ принял враждебно, над этим словом насмехались, не понимая его и отвергая его просто за непонятность и вдобавок иностранное происхождение.

- *В России обычно спорят не на истину, а на победу*

Считается, что, если собеседник замолчал, значит, он согласился. (*Молчание – знак согласия*). В действительности, молчание никогда не является знаком согласия (Меликян 2000). Это чаще знак отказа от дальнейшего спора, что вовсе не означает согласия.

При этом в русском споре почти всегда основное внимание в споре уделяется критике собеседника, объяснению, почему что-то нельзя делать, почему это неправильно, к каким негативным последствиям это может привести, а вовсе не к выдвижению работоспособного решения. Важно протолкнуть свою точку зрения во что бы то ни стало. Это и является причиной агрессии в споре.

- *Высокая категоричность высказывания мнения у русского человека*

В спорах русский человек склонен высказывать весьма категоричные мнения, не утруждая себя аргументами или ссылаясь на единственный аргумент, который он абсолютизирует. Если его побудить перечислить аргументы: *во-первых, во-вторых и в-третьих,* он обычно теряется. Говорит что-то типа «это же и так понятно».

Есть закон Даннинга-Крюгера: чем меньше человек знает, тем менее он сомневается в своей точке зрения, и тем категоричнее он судит, и тем он агрессивнее в отстаивании своей точки зрения (Kruger 1999).

- *Положительная оценка агрессивных людей в сознании русского народа*

Как ни удивительно, русский человек любит агрессивных и жестоких правителей, он восхищается ими и даже преклоняется перед тиранами. Безжалостные, агрессивные правители (да и любые руководители) оцениваются в исторической перспективе положительно, им все прощается, а демократичным руководителям упорно припоминаются многочисленные пороки. Кто-то из современных историков верно заметил: в народной памяти положительно, благодарно сохраняются тираны: Иван Грозный, Петр I, Сталин, а «тишайшие» цари, реформатор Александр II, Н.С. Хрущев, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин не снискали у народа уважения, их демократические, ненасильственные методы не были оценены обществом. Традиционна любовь народа к жестоким хозяевам: «*Чем тяжелей наказание, тем им милей господа*» (Н.А. Некрасов). *«Нам палка нужна»* — ни у одного народа нет такой поговорки. Что за мазохизм?

- *Высокая эмоциональность русского человека*

Проявлению агрессии во многом способствует традиционная высокая эмоциональность русского человека, который «не сдерживает свои эмоции в процессе коммуникации» (Прохоров, Стернин 2007, с. 176). Несдержанность в эмоциях – распространенная причина формирования агрессивного стиля общения и поведения.

- *Неприятие толерантности русским менталитетом*

Есть два варианта понимания толерантности российским обыденным сознанием. Первый вариант: люди путают *толерантность* и *терпимость*, считая, что это одно и то же, и поэтому слово *толерантность* «нам не нужно, его нам навязывают с Запада, это вообще лишнее для нас понятие».

В действительности разница между терпимостью и толерантностью, разумеется, весьма существенна (см. об этом подробнее Главу 3, 3.2.). Ее можно объяснить так: *терпимость* – это терпение к плохому; *толерантность* — терпение к иному, другому, непохожему. Толерантность – это осознание и поддержание равенства, она не допускает предоставления какой-либо группе преимуществ в чем-либо. Толерантность – это неагрессивность к другим.

Второй вариант осмысления толерантности, формирующийся в последние годы, – это представление, что *толерантность* – это то же самое, что *вседозволенность.* И теперь еще стали говорить, что *пресловутая толерантность* навязана нам врагами с Запада, они этой *толерантностью* хотят разложить наше общество: *«Видим, до чего толерантность довела на Западе! Вседозволенность! Общество разлагается*!» Толерантность – это диверсия врагов против нас.

Толерантность – это никак не вседозволенность, никак не попустительство. *Толерантность не распространяется на нарушение законов***.** Разлагает общество не толерантность, а несоблюдение законов и моральных норм, что и есть вседозволенность. Это совсем не одно и то же.

Другое дело, что на Западе стараются не замечать нарушения законов определенными группами населения (например, чернокожими). Это их собственное искажение принципа толерантности, это попустительство, которое им может дорого обойтись. Следует помнить, что «жить в обществе и быть свободным от

общества нельзя» (К. Маркс), а также что «свобода — это возможность делать все, что законы позволяют» (Екатерина II).

Неприятие русским сознанием толерантности как принципа поведения может быть объяснено историческими причинами. Тысячелетняя борьба русского народа за выживание, борьба с врагами, со всех сторон покушавшимися на русскую землю, колоссальный социальный гнет, господствовавший в России практически на всем протяжении ее существования (крепостное право) – все это приучило русский народ к сплочению во имя выживания, к совместному противостоянию врагам, чужим. Постоянная ориентированность на отпор врагам, насаждавшийся государством постоянный образ врага обусловлены в русском менталитете объективными социально-историческими причинами. Этот тип мышления поддерживался и культивировался и в сталинские годы – образ врага внутри и снаружи, кругом враги, мы во вражеском окружении, будь всегда готов к отпору, готовься к войне. А все наши неудачи – это козни врагов.

Идея классовой борьбы подогревала нетерпимость в обществе, причем необходимо признать, что сама идея классовой борьбы и социальной нетерпимости легла на подготовленную веками почву русского национального сознания. Коллективизация и экспроприация шли на ура, так как осуществлялись под лозунгами борьбы с классовым врагом – богатеями, буржуазией, гнилыми интеллигентами. Культивировалась нетерпимость к врагам, непримиримая борьба с чуждыми элементами – материально обеспеченными, образованными, культурными, высокопоставленными (ср. китайскую культурную революцию, где то же самое произошло в виде карикатурного, но кровавого фарса).

К сожалению, 10–20-ые годы 21-ого столетия в России также дают многочисленные примеры нетолерантности к мыслящим по-другому, прежде всего к оппозиции, которую однозначно объявляют врагами народа.

В связи с вышесказанным необходимо признать, что идея толерантности была в России всегда очень слаба и проповедовалась, теоретически говоря, только христианской религией – *возлюби ближнего своего, прощай врагов своих, подставь щеку ударившему*. Христос – первый проповедник толерантности: *мирись с врагом своим, пока ты еще на пути с ним.* Кстати, при этом РПЦ всегда почему-то выступала против такой формы религиозной толерантности, как экуменическое движение. На большой конференции по проблемам толерантности я спросил одного из присутствовавших там церковных иерархов, почему? – *Там много язычников,* – объяснил он мне.

На бытийном уровне, то есть в быту, в повседневной жизни принцип толерантности в России не находил практического воплощения. Толерантность оставалась уделом отдельных нравственных и просвещенных личностей и не была фактом общественного сознания.

Дискуссии по поводу толерантности появились в России лишь в девяностые годы XX века, причем характерно, что сами эти дискуссии часто носили нетолерантный характер. К примеру, в 1997 г. в журнале «Октябрь», №3 появилась статья, посвященная проблеме толерантности в российском обществе и сознании, написанная Л.В. Скворцовым, доктором филологических наук, профессором, заместителем директора ИНИОНа РАН. Статья, интересная и богатая по содержанию, носит тем не менее характерное название – «Толерантность: иллюзия или средство спасения?» – сам заголовок статьи не

толерантен по своей сути: читателю предлагается на выбор только «или –или»: или толерантность спасет нас, или это чистая иллюзия, чья-то вредная придумка.

- *Отсутствие привычки к рациональной аргументации своих взглядов, своей точки зрения*

К аргументации наш народ не приучен. Обыденное общественное сознание не приучено к развернутой, а часто и вообще к какой-либо аргументации. В споре высказываются чаще всего только эмоциональные категоричные точки зрения.

Русский спор – это высказывание резких агрессивных суждений без каких-либо развернутых аргументов. Отсутствуют традиции регламентированного спора, регламентированных, уважительных дискуссий, обсуждений – все телевизионные ток-шоу превращаются в крик и скандал. Никто другого не слушает, все пытаются эмоционально перекричать собеседников.

- *В России вежливость не является общественным императивом*

Вежливость в русском общении, конечно, теоретически является желательным элементом общения, но на практике как бы и не обязательным. Вежливость во мнении людей «абстрактно» нужна, но на практике ею можно и пренебречь. На вопрос: «Что вы на меня кричите?» – можно получить ответ: «А вы меня не выводите из себя!»

Вежливость – это в основном знание и употребление пяти слов: *здравствуйте, до свидания, спасибо, пожалуйста, извините*. Эти пять слов ребенок (и взрослый) должен знать и автоматически употреблять в своей речи, они лучшая прививка от агрессии. «Культура народа – это привычка здороваться, способность извиняться и не делать мимо», — сказал кто-то из отечественных юмористов. Мысль совершенно правильная.

Вежливости надо учить с раннего детства, и это обязанность родителей. Однако далеко не все родители сами демонстрируют в семье вежливость, полагая, что вежливость – это некие «условности» и проявление неискренности. Как говорил Шариков: «Вот всё у вас, как на параде. Салфетку – туда, галстук – сюда. Да «извините», да «пожалуйста-мерси». А так, чтобы по-настоящему, – это нет».

Также существует ряд причин, связанных с современными общественными обстоятельствами, с новыми явлениями общественной жизни, которые никак не способствуют предотвращению агрессии в общении.

Это, к примеру, следующие.

- Агрессия в настоящее время стала восприниматься как эффективное средство достижения цели, победы. Психологи, исследующие проявления агрессии в обществе, указывают на то, что каждый раз агрессор, добиваясь быстрой победы, испытывает положительные эмоции, что, в свою очередь, стимулирует дальнейшее использование им агрессии. А окружающие убеждаются в эффективности агрессии как средства достижения поставленных целей.
- Восприятие свободы слова как свободы речи – представление об отсутствие речевых ограничений в условиях свободы слова (см. Главу 3). Поэтому и были в конце концов приняты, например, законы о запрете мата в СМИ и интернете.
- Широкое развитие интернет-общения – «безгласные получили возможность высказаться», при этом все получили возможность обсуждать и

осуждать любых лиц и любые события, не обладая знаниями в этой области, не предъявляя никаких «полномочий», а лишь безапелляционно и эмоционально выражая свои негативные суждения, навязывая свою личную субъективную точку зрения.

- Возможность анонимности автора публикации в интернете, что позволяет беспрепятственно и безнаказанно агрессивно реагировать.
- Низкий интеллектуальный уровень большинства агрессивных авторов в интернете. «Большинству думать трудно, поэтому они судят» (М. Жванецкий).
- Публичная интернет-агрессия сплошь и рядом выступает как отражение социальных и материальных проблем отдельного человека, которые он решает в виде нападок, эмоциональных вспышек, стремления отразить агрессией свои текущие проблемы. «Специалисты по социальной психологии говорят, что беднеющий человек постепенно перестает чувствовать себя частицей гражданского общества и замыкается в кругу бытовых проблем. Он не пойдет на выборы, не вступит в партию, не выйдет на акцию протеста в случае, если его права ущемлены. При нарастании бедности идет самоустранение не только от политики, но и от социальной жизни, от культуры. ….Бедность меня психологию и мораль человека. Возрастает агрессия. В последние годы мы все чаще слышим о росте разводов и бытового насилия, об избиении детей, о расправах отчаявшихся жен над своими пьющими и одичавшими мужьями. Власть сегодня (об этом свидетельствует последнее обращение В.Путина) уже не пытается скрыть этих проблем, хотя и преуменьшает порой их глубину и не любит говорить об истоках» (В.Костиков. Бедность и демократия //АиФ, № 17, 2021, с.8).

Рост употребления спиртных напитков и рост агрессивности общения – равнозначные следствия.

- Агрессия – это также реакция на страх перед изменениями в окружающем мире, перед неизвестностью будущего. Речевая агрессивность проявляется в увеличении громкости и эмоциональности диалога, увеличении количества неодобрительно-оценочных слов в диалоге, количества грубых и нецензурных выражений, в росте удельного веса конфликтного общения во многих группах общения; в пренебрежении нормами речевого этикета и культуры общения, в росте фамильярности в обращении незнакомых граждан друг к другу.
- Речевая агрессия в адрес оппонентов стала привычным компонентом телевизионных шоу, многих демонстрируемых криминальных и семейных сериалов, что ведет к популяризации агрессивного стиля общения и привыканию к нему. Телевидение и кино в целях реалистического показа жизни сплошь и рядом демонстрируют агрессивные бытовые и семейные диалоги, тем самым фактически приучая аудиторию к агрессии, создавая представление об агрессивном общении как о некоторой стандартной норме современного общения, как о признаке силы, решительности, бескомпромиссности.

Как сформировать в обществе толерантное поведение, выработать у людей установку на отказ от агрессии в решении личных и общественных проблем?

Необходим анализ общественным сознанием как минимум следующих аргументов.

1. *Выяснение отношений проблему никогда не решает.*

Выяснение отношений – традиционно российский способ общения, это взаимное предъявление претензий («Почему ты...» — «А почему ты?» и «А ты вспомни, как ты...» — «А ты вспомни, как ты!»). Это как конфликт в песочнице: «Ты у меня ведерко сломал!» — «А ты мой совочек забрал!» — «А ты первый начал!» — «Нет, ты первый начал!»

При ДТП в России водители выходят из машин и орут друг на друга, каждый объясняя другому, что тот «*козел*» (типично «автомобильная» российская формулировка), а уже потом вызывают ГИБДД. За рубежом — осматривают повреждения, охают пропорционально ущербу и вызывают полицию или страховщиков.

Выяснение отношений – это чисто русский коммуникативный жанр, подобно таким жанрам, как пьяная мужская исповедь или «плакаться в жилетку».

Кстати, выражение *выяснять отношения* не переводится ни на один иностранный язык, другие народы просто не понимают, что это такое.

Выяснение отношений никак не способствует решению проблемы. Оно вообще не связано с решением проблемы. Решают проблемы только компромисс (обмен уступками) и сотрудничество (совместная разработка решения проблемы).

2. Агрессия блокирует рациональное, логическое мышление.

Агрессия формируется в правом полушарии, а его возбуждение прекращает доступ информации в левое полушарие, блокирует его – точно так же, как это делает алкоголь. Агрессивного человека по поведению и мышлению можно сравнить с пьяным.

На аргументы (которые должно рассматривать левое, «логическое» полушарие) в равной степени не реагирует эмоционально возбужденный, агрессивный человек и человек пьяный. И с тем, и с другим лучше не спорить, а отложить решение вопроса на потом.

Ругательства – это словесная форма проявления агрессии. Это чистое выражение эмоций. Ни одной проблемы они не решают, только позволяют выплеснуть эмоцию или подавить сопротивление собеседника, совершить насилие над ним. В жизни ругаться человеку во многих случаях необходимо, это защитная реакция психики, но надо делать это себе под нос, а не публично. У ругательств много полезных функций, но есть два важных противопоказания к их употреблению:

- Они не должны употребляться публично, на них существует общественное табу.
- На них нельзя рассчитывать в решении проблемы, поскольку они отключают логическую деятельность индивида, блокируют логическое полушарие.

Есть и чисто российские проблемы, способствующие (или не препятствующие) проявлениям агрессии. Они таковы.

3. Люди путают мнение и аргумент.

Говоришь собеседнику: «Приведите аргументы!» Приводит: «Этого ни в коем случае не надо делать. Это просто глупое предложение».

Мнения заменяют аргументы, а мнения всегда субъективны и окрашены эмоцией. Характерно, что в русском языке есть весьма популярные специальные русские присказки, объясняющие нежелание аргументировать: *Почему? – Потому! Почему? – Потому что кончается на У!*

На вопрос «Согласны ли Вы?» люди обычно отвечают охотно – *да* или *нет*, а вот на вопрос «А почему?» в любой аудитории отвечают весьма неохотно. Если люди не поняли аргументы, они обычно их отрицают.

Необходимо понимать, что аргумент – это ответ на вопрос «Почему?» (он должен и начинаться со слов «Потому что...»).

- *Крик рассматривается как эффективное средство воздействия.*

Крик — это попытка силового давления на человека, вопреки каким-либо аргументам и объяснениям, стремление достичь победы любым способом.

«Садись учить уроки!» — три раза повторяет мать, каждый раз еще сильнее повышая голос на ребенка. Какие новые аргументы она привела? Никаких.

Если на тебя кричат – значит, у людей нет аргументов. Если ты сам хочешь повысить голос – значит, у тебя тоже нет аргументов. Надо искать и слушать аргументы, а не настаивать на своем, повышая громкость голоса.

- *Понимание вежливости как проявления слабости, готовности подчиниться, а агрессии – как проявления силы, правоты.*

Это относится к людям низкой общей культуры, низкого уровня образования. Есть такая английская поговорка: *дикари принимают вежливость за сервильность* (другой возможный перевод — *готовность услужить, заискивание*).

Хамы, люди низкого интеллекта принимают вежливость, тактичность в общении с ними за слабость, подчинение. Надо учиться общаться с агрессивным собеседником. Психологи советуют разные приемы: игнорировать и молчать, улыбаться, вежливо отвечать, соглашаться, ставить в тупик, избегать ответного хамства и крика – все зависит от ситуации. Однако нередко в общении с хамом работает именно отзеркаливание его поведения, повышение тона, иначе он не будет с тобой разговаривать на равных, иначе он никогда не поймет, что есть какая-то проблема в его поведении, что он что-то нарушил, и он будет считать, что вы признали его правоту, и это стимулиует его дальнейшее хамство. Этим приемам интеллигентному и образованному человеку, к сожалению, надо учиться.

Наш опыт обучения эффективному общению показывает, что можно сформулировать три основных принципа для формирования антиконфликтного поведения (антиконфликтной коммуникативной стратегии):

1. Понимание бесперспективности конфликта и агрессии для решения проблемы: *агрессия проблему не решает***.**
2. Умение аргументировать: приводите аргументы: *во-первых, во- вторых, в-третьих*.
3. Освоение приемов *эффективного бесконфликтного общения*, преодоления агрессивности в собственном поведении и в поведении собеседника с помощью освоения приемов эффективного речевого воздействия.

Борьба с агрессией в обществе – важнейшая общественная задача интеллигенции, вообще образованных людей.

4.3. Фамильяризация общения

В современной речевой практике носителей языка отчетливо проявляется тенденция к *фамильяризации речи* – расширению общения в фамильярном стиле.

Понятие фамильярности требует разъяснения. Это понятие оценочное, поэтому точно определить его содержание довольно трудно.

Происходит термин от лат. familiaris – *семейный, близкий*, что вроде бы ограничивает сферу фамильярности – это сфера близких людей. Фамильярность – стиль общения, при котором человек ведёт себя так, будто давно и хорошо знаком с собеседником.

Такой стиль считается нормой при общении с родственником или близким другом, но неприемлем в большинстве других случаев. При этом весьма часто фамильярное обращение распространяется и на людей незнакомых, не являющихся близкими, что и рождает негативную оценку фамильярности.

Важно отметить также и то, что фамильярность далеко не всегда наблюдается даже между хорошими друзьями. Обычно переход к такому стилю происходит постепенно или по взаимной договорённости, но никак не может приветствоваться в одностороннем порядке.

Именно это обстоятельство делает слова *фамильярность, фамильярный* негативно-оценочными – они указывают на нарушение определенных норм общения и поведения.

Фамильярность с незнакомыми или малознакомыми– это нарочитая демонстрация того, что нечто, что может быть важно, значимо для других, для говорящего лишено значимости, он демонстративно относится к нему без особого уважения, пиетета, «запросто» и предлагает остальным принять данную тональность коммуникации в акте общения. Это игнорирование статуса собеседника, намеренное занижение его статуса в коммуникативном акте. Так может происходить от незнания норм культуры общения в конкретной ситуации – например, вопрос студента к преподавателю: «*Как у вас дела*?», реплика студентки преподавателю: *«Вы своей курсовой мне всю плешь проели!*» Но в большинстве случаев фамильярные лексические единицы используются говорящим для одностороннего «уравнивания статусов».

В чем проявляется фамильярность? Различные дефиниции фамильярности, содержащиеся в словарях и пособиях по речевому этикету, указывают на следующие составляющие фамильярности:

- неуместная развязность в обращении
- чрезмерная, излишняя непринужденность в общении с кем-либо
- панибратство
- пренебрежение
- нарушение субординации
- бесцеремонность, граничащая с наглостью
- бесцеремонное поведение в отношении всех людей – как знакомых, так и незнакомых
- игнорирование возраста и статуса собеседника
- нежелание и неумение оценить необходимые и допустимые рамки общения
- непочтительное отношение к тем, кто требует уважения, к старшим
- нарушение социальной дистанции

Типичные речевые проявления фамильярности:

- использование фамильярной лексики

- использование местоимения «Ты» при обращении к собеседнику в обстоятельствах, подразумевающих общение на «Вы»
- бестактные «участливые» вопросы (*Когда ты уже женишься?)*
- обращение по отчеству без имени (*Михалыч*)
- употребление различных «упрощенных» форм имени (*Толик, Сан Саныч*)
- неформальные приветствия (*Какие люди! Наше вам с кисточкой!)*
- демонстративно пренебрежительное обращение (*дружок, сынок*)
- свойские обращения к незнакомцу (*друг, дружище, братуха*)
- «ленивые» сокращения слов (*Здрасьте!)*
- панибратские жесты (похлопывание по плечу)
- панибратское упоминание общих знакомых (*«Здравствуйте! Мне Толик из охраны дал Ваш номер»)*
- «детские» комплименты (*Какая ты умничка! Молодчинка!*)
- ласкательные обращения (*Андрейка, Олюшка, Зиночка Даниловна*)

По сути, фамильярность – это любая развязность в общении, которая может быть неприятна собеседнику.

Причины фамильяризации общения

Фамильяризация общения имеет вполне определенные причины (которые сам говорящий далеко не всегда осознает):

1. Психологическая защита – от переживаний, боязни, что о нем подумают что-то плохое.

2. Невоспитанность – в его среде все так общаются.

3. Желание унизить собеседника (особенно часто – в интернет-общении).

4. Стремление подавить собеседника – психологический приём, используемый «гопниками», грабителями, коллекторами, следователями, некоторыми торговцами, чтобы быстро получить от человека согласие.

5. Попытка возвыситься за счёт принижения других – для повышения чувства собственной важности.

6. Демонстрация агрессии – всегда переходят на «ты» в общении с незнакомцами, когда требуется продемонстрировать агрессию, например, ДТП, конфликт в очереди и др.

7. Попытка продемонстрировать дружеское отношение – пытаются таким образом показать своё положительное отношение, не чувствуя, что доставляют дискомфорт собеседнику.

8. Демонстрация снисходительности, более высокого социального или профессионального статуса – по отношению к тем, кто явно моложе или чей социальный статус воспринимается как более низкий (к подросткам, официантам, слесарям, заправщикам – на «ты»).

9. Демонстрация превосходства, компетентности – например, в интернете, когда авторы комментариев развязно и грубо комментируют мнения специалистов, приравнивая себя к знатокам проблемы, не имея для этого никакого основания.

Выбирающий фамильярный стиль общения носитель языка старается продемонстрировать непринужденность, неофициальность в предлагаемом диалоге. Это стремление (и предложение собеседнику и окружающим) отойти от официальности словоупотребления (в том смысле, в котором это понимает говорящий), предложение собеседнику или окружающим не соблюдать нормы литературного языка, перейти на сниженный регистр общения, демонстрация

неуважения к официальности, демонстративное игнорирование, пренебрежение официальными нормами речи и стремление вести диалог с собеседником с позиций социального равенства (при беседе с незнакомым) или превосходства над собеседником (при беседе с нижестоящим).

Фамильярный стиль общения негативно оценивается людьми образованными, лицами определенного высокого социального статуса, пожилыми, высокопоставленными людьми – эти категории носителей языка обычно вздрагивают, когда слышат фамильярное слово или выражение, поскольку опознают его как не соответствующее их общественному статусу, не отвечающее их представлениям о принятой культуре речи.

В устном общении статусных лиц с подчиненными расширилась сфера использования сквернословия, вульгарной и нецензурной лексики как демонстрации «близости к народу», журналисты и специалисты по связи с общественностью дали этому явлению даже свое название – «новая искренность» (хотя начальственный мат существовал в России всегда). Надо иметь в виду, что, как писал Ф. Ницше: «Фамильярность человека сильнейшего раздражает, потому что за нее нельзя отплатить той же монетой».

Фамильяризация проникает уже и в письменную речь, особенно в интернете:

*– Чтобы миф опровергнуть, нужны **доки** и факты.*

*– Санкт-Петербург – ...калька с немецкого или фламандского. Хотя есть **варик** вернуть Петроград (проблема правда в том, что Пётр не русское имя).*

*– Я сделал на своей даче **басик**, теперь в жару можно нырнуть.*

*– Да его дома и не бывает, он **бабки** зарабатывает.*

*– Я вам **вкусняшку** принесу (купил).*

Многие так называемые слова-паразиты в настоящее время используются именно для придания речи фамильярности:

Это *типа* Гусев звонит; *короче*; *есть тема* и др.

Кстати, как объясняют психологи, фамильярность – это чаще всего скрытая агрессия. Это очень легко проверить. Если вежливо попросить того, кто вдруг стал говорить вам «ты» и называть вас уменьшительным именем, так не делать – «*давайте общаться на «вы», мне неудобно разговаривать в этом тоне»*, вы сразу убеждаетесь, что никакого дружелюбия и в помине не было. Реакция на вашу просьбу будет или злобной агрессией – *мол, надо же, цаца какая выискалась*, или демонстративной обидой – *мол, я к вам с добром, а вы вот как! Смотрите, люди добрые, как этот злой человек меня за мою доброту обижает!*

4.4.Коммуникация в условиях дистанционного обучения

В настоящее время активизировалось употребление таких слов и выражений как *дистант, дистанционное обучение.*

Применительно к образованию термин *дистант* в современном русском языке означает: обучение на расстоянии, вводимое в связи с карантином и предполагающее использование компьютера или другого гаджета, подключенного к Интернету, для осуществления взаимодействия преподавателя и обучающихся.

Дистанционное обучение является синонимом дистанта.

Дистант стал в настоящее время заметным общественным явлением, которое оказывает влияние на многие сферы развития общества, затрагивает массу людей, вторгается в их повседневную жизнь, открывает новые возможности для людей и создает для них новые проблемы.

Рассмотрим некоторые особенности дистанта в вузе и возникающие при этом коммуникативные проблемы – в общении преподавателей и студентов, а также коллег между собой.

Первая проблема – это общение преподавателей и студентов.

В силу обстоятельств и студенты, и преподаватели вынуждены работать в дистанционном режиме. Но при этом многие студенты не всегда правильно понимают саму форму дистанционного обучения. Поскольку они учатся, сидя за компьютером у себя дома, они начинают думать, что во время дистанционных занятий перестают действовать академические правила и можно вести себя «по-домашнему»: выходить на занятие с опозданием, сидеть перед камерой в домашнем халате (девушки) или майке (юноши), отключаться, когда тебе хочется, пить чай «в эфире», просить преподавателя провести с ними занятия в другое, удобное для них время и т.д. Коммуникация студентов с преподавателями в условиях дистанта часто приобретает раскованность и недопустимую фамильярность.

Новизна ситуации не позволяет обвинить студентов в незнании правил дистанционного обучения, поскольку дистант – явление новое, и таких правил еще просто нет. Соблюдение же общекультурных норм и норм академического общения современными молодыми людьми вообще серьезно страдает. Получается, что опереться им не на что.

В связи с этим целесообразно сформулировать некоторый кодекс дистанционного обучения, некоторый свод правил, этикет дистанционного обучения, который необходимо соблюдать в условиях дистанта – как «он-лайн», так и в учебной переписке. Разработка подобного свода правил позволит сделать дистанционное обучение более эффективным и комфортным как для преподавателей, так и для студентов.

Вторая проблема – это общение преподавателей и руководства кафедр, факультетов и вуза.

В условиях дистанционного обучения очень возросла нагрузка на преподавателей. Это и физическая, и психологическая, и эмоциональная нагрузка. Преподаватель фактически весь день, с раннего утра и до позднего вечера «в компьютере», которым далеко не все идеально владеют. А ведь существуют СанПиНы – сколько можно в день сидеть за компьютером.

Многие руководители вузов и факультетов этого не понимают или просто не замечают, не учитывают. Из этого недоразумения проистекают два следствия.

Во-первых, руководство начинает считать, что раз преподаватели на работу не ходят, у них теперь появилась масса лишнего времени, которое надо немедленно заполнить. И в этих условиях руководство начинает присылать дополнительные распоряжения, поручая преподавателям дополнительную работу.

Так, в одном из вузов в самом начале карантина проректор по науке издал распоряжение, согласно которому после снятия ограничительных мер деканы и руководители структурных подразделений должны отчитаться, сколько

монографий и статей в журналах, индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus (с указанием квартиля), а также статей, опубликованных в журналах, входящих в перечень ВАК, опубликовано и подготовлено НПР в этот период, отметив, что представленные данные будут использованы при анализе эффективности работы руководителей кафедр и факультетов в период действия ограничительных мер.

Во-вторых, наличие постоянной электронной связи руководства с преподавателем создает иллюзию круглосуточной доступности преподавателя для выполнения новых и новых срочных поручений, причем и в позднее время, и в выходные, и в праздники. Как пришла руководителю в голову идея – он тут же поручает ее реализовать подчиненным, невзирая на время суток и день недели.

Между тем у преподавателя, как у всех служащих, должен быть нормированный рабочий день и выходные дни, когда он может отойти от компьютера. Государственная Дума сейчас приняла закон о нормировании рабочего дня на «удаленке» и о сверхурочной работе. К преподавателям это тоже относится. Нельзя круглосуточно заваливать преподавателей письменными распоряжениями, поручениями и дополнительной работой.

Третья проблема – *в условиях дистанта разрушается профессиональное и личное общение между коллегами.*

В нынешних условиях важно с помощью Интернет-общения попытаться сохранить традиционные способы общения коллег.

Надо признать, что в сфере науки это оказалось возможно и даже отчасти улучшило возможности научного общения. Для проведения научных конференций дистанционный формат оказался благом – те, кто раньше не приезжал на конференцию и участвовал заочно, теперь присутствуют и выступают. Заметно увеличилось число иногородних участников на наших традиционных конференциях, стали активнее участвовать зарубежные коллеги. Выяснилось, что и дистанционно можно делать доклады, задавать вопросы, обсуждать, высказывать оценки.

Заседания кафедр, ученых советов, научно-методических советов тоже стали дистанционными, но их эффективность, при условии грамотной работы организатора видеоконференции, не уменьшилась.

Диссертационные советы с возможностью дистанционно участвовать тоже благо: облегчается жизнь иногородних членов совета – они могут не приезжать, появляется возможность участвовать в заседании представителей ведущей организации, что ранее не практиковалось, использование открытого голосования уменьшает возможности «свести счеты» с диссертантом или руководителем.

В условиях дистанта при этом заметно ограничилось естественное общение коллег. Но тут можно принять определенные меры. Существенную помощь здесь может оказать создание кафедральных чатов на базе существующих мессенджеров. Подобные чаты позволяют оперативно поддерживать связь с членами кафедрального коллектива, делать оперативные объявления, сообщать о знаменательных датах и событиях в жизни членов кафедры. Хорошо зарекомендовали себя и корпоративные он-лайн праздники. Например, кафедрой английского языка естественно-научных факультетов Воронежского университета за время дистанционной работы проведено два подобных

заседания. Так, 7 мая, в преддверии 75-летия Победы, на кафедре прошло он-лайн-заседание, посвященное этому празднику. Вначале четырехлетний сын старшего преподавателя Людмилы Кривенко Кирилл прочитал стихотворение Андрея Усачева «День Победы», затем члены кафедры поделились воспоминаниями о своих родственниках – участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла. В завершение двухчасового душевного разговора все дружно спели одну из самых трогательных песен о войне из кинофильма «Белорусский вокзал» – написанную Булатом Окуджавой песню «Десантный батальон». Традиционный Новогодний вечер на кафедре также состоялся в он-лайн формате: каждый рассказал, что хорошего произошло у него и членов его семьи в прошедшем году, а отличившиеся члены кафедры получили специальные электронные дипломы за достижения в 2020 году.

Таким образом, дистант ставит новые проблемы в вузовской жизни, и он как помогает, так и мешает работе вузовского преподавателя, учебе студентов, науке, профессиональному и личному общению коллег.

Сейчас появился и приобрел популярность термин *офф-лайн. Встречаться в офф-лайне* – это встречаться в реальной жизни. Получается, что сейчас он-лайн – это основная, базовая форма коммуникации людей, а реальная жизнь, реальное общение определяется «от нее» – *офф-лайн.* Это явно ненормально.

Важно использовать все плюсы дистанционной формы обучения, но при этом сохранить традиционные формы общения в вузовском сообществе, иначе под угрозой трансформации окажется национальный коммуникативный менталитет, традиционный уклад жизни русского человека. Необходимо помнить, что общение между людьми – важнейший приоритет русского национального характера. Дистант не должен стать препятствием в реализации важнейшей потребности русского человека в традиционном душевном общении с другими людьми как в дружеском кругу, так и в коллективе, в профессиональном сообществе.

4.5. Проблемы правового и общественного регулирования словоупотребления

В обществе существует выраженное недовольство современной речевой практикой СМИ, речью молодежи, журналистов, деятелей культуры. Носители языка различных возрастных и социальных категорий выражают активное недовольство самыми разными словами и выражениями, которые слышат вокруг. Периодически раздаются общественные призывы законодательно запретить те или иные словоупотребления.

Интересно, что к дискуссии (в данном случае – об уместности употребления иностранных слов) присоединился Председатель Правительства РФ – М. Мишустин (MK.RU, 5 марта 2021). В ходе посещения лаборатории математического центра Новосибирского госуниверситета в марте 2021 г. он вступил в полемику с учеными из-за англицизмов. Когда премьер зашел в лабораторию, сотрудники и студенты обсуждали подготовку к мероприятию. «Будет *воркшоп*, более 200 участников», – сообщили Мишустину. «Российское название воркшопа – семинар», – заявил Мишустин. Он высказал мнение, что такое название «более звучное», к тому же «более настраивает на фундаментальные исследования». Директор центра Евгений Вдовин в ответ

пояснил, что речь, по сути, идет о мастерской, ориентированной на обучение. «Тогда нужно говорить мастерская», – парировал Мишустин, добавив, что выступает за то, чтобы английские слова «не перекрывали» русские. Как сообщает ТАСС, Вдовин и Мишустин пришли к компромиссу, сочтя приемлемым название «математическая мастерская».

Вопрос об уместности и запрете тех или иных слов и выражений в настоящее время приобретает в России все большую актуальность, но остается весьма дискуссионным как в правоприменительном аспекте, так и в аспекте соблюдения норм культуры речи.

С одной стороны, словоупотребление носителя языка лежит в «сфере ответственности» его речевой культуры. Культура речи не может базироваться на законодательных запретах: в целом это рекомендательная область знания. Но в то же время существует понятие *речевая ошибка* – нарушение норм культуры речи, связанное в основном с неуместностью употребления тех или иных слов и выражений в определенных ситуациях общения, в том числе в письменной речи.

Запретить определенное словоупотребление – это то же самое, что запретить орфографические, грамматические, стилистические ошибки. Запретить их можно, но носители языка их все равно будут допускать, поскольку это вопрос умений и навыков пользования языком, которые обусловлены большим количеством факторов.

Имеет смысл лишь сформулировать правила словоупотребления для конкретных ситуаций, что и делает наука о культуре речи, и рекомендовать следовать таким правилам. Можно фиксировать ошибки, можно в учебных условиях снижать оценки за несоблюдение языковых норм, но заставить законодательно носителей языка говорить так или иначе нельзя. Да и кто будет осуществлять контроль за соблюдением такого закона вне учебных аудиторий?

С другой стороны, общественное недовольство определенными речевыми практиками налицо, и общественное мнение массово требует принятия законодательных мер для регулирования устной и письменной речи. Государство и общественность не могут на это не реагировать.

В настоящее время ситуация в РФ складывается следующим образом.

Государство предпринимает определенные попытки регулирования речи своих граждан.

Так, в Закон о государственном языке 2005 г. (N 53-ФЗ. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». С изменениями и дополнениями от: 2 июля 2013 г., 5 мая 2014 г.) была в 2014 г. внесена поправка, запрещающая использовать слова, не соответствующие литературной норме.

Статья 1. «Русский язык как государственный язык Российской Федерации», в частности, содержит п.6:

«6. При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке».

В статье 4. «Защита и поддержка государственного языка Российской Федерации» указывается, что «В целях защиты и поддержки государственного

языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции: <…>

7) осуществляют контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации, в том числе за использованием слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, путем организации проведения независимой экспертизы».

Положения данных статей вызывают немало вопросов у филологов. Из сказанного в Законе о государственном языке следует, что носителям языка надо пользоваться исключительно литературными словами и нельзя, например, пользоваться профессионализмами, возрастным и профессиональным жаргонами? Как это возможно? И почему ими нельзя пользоваться, если они необходимы для коммуникации? Разговорные слова *табуретка, электричка, картошка* тогда тоже оказываются вне закона? И ведь далеко не все понятия имеют литературное обозначение. И как этот запрет можно на практике осуществить? Как можно его распространить на устную речь?

Что такое *норма* ***современного*** *литературного языка*? Нельзя употреблять устаревшие слова – *армяк, алтын*, диалектные слова? И какие нормы имеются в виду? Книжные слова подчиняются одной норме, разговорные – другой, сниженные слова – третьей норме (определению условий их употребления).

Законом допускается «употребление иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». Что это такое – общеупотребительный аналог? В лингвистике нет такого понятия – «аналог». И кто будет такие «аналоги» выявлять и как? Есть ли «аналог» у слова *менеджер* – это продавец? Или управляющий? Слово *менеджер* надо запретить? У слова *парламент* есть «аналог» – Дума. Значит, слово *парламент*, а заодно тогда и *парламентарии* нельзя употреблять?

Как будет контролироваться выполнение закона? Сказано: «…путем организации проведения независимой экспертизы». Кто будет назначать экспертизу? Что значит – «федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции»? Какие органы имеются в виду? И кто будет в этих органах этим заниматься? Будут созданы специальные службы – языковая полиция? В каких случаях будут назначать экспертизу? Во всех, когда зафиксировано где-либо слово или выражение, «не соответствующее нормам современного литературного языка?». Это нереально, что совершенно очевидно.

Этот же закон 2014 г. внес изменения в Федеральный закон от 22 августа 1996 года N 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» – запрещено нецензурное словоупотребление в продукции средств массовой информации; при показах фильмов в кинозалах; при публичных исполнениях произведений литературы, искусства, народного творчества посредством проведения театрально-зрелищных, культурно-просветительных, зрелищно-развлекательных мероприятий.

Также внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, которые предполагают ответственность физических и юридических лиц (штраф, приостановление деятельности):

«за организацию публичного исполнения произведения литературы, искусства или народного творчества, содержащего нецензурную брань, посредством проведения театрально-зрелищного, культурно-просветительного

или зрелищно-развлекательного мероприятия»;

«за распространение экземпляров аудиовизуальной продукции и фонограмм на любых видах носителей, экземпляров печатной продукции, содержащих нецензурную брань, без специальной упаковки и текстового предупреждения в виде словосочетания «содержит нецензурную брань»;

«за осуществление проката фильма и (или) показа фильма без прокатного удостоверения на фильм».

Снова возникают вопросы. А если так выражаются герои произведения, за это тоже будут штрафовать? Или они теперь должны говорить «стерильно», как в анекдоте: *Ты нехорошо поступил, Вася*!?

Получается, что вопросов к приведенным поправкам больше, чем ответов. И главное: требования закона о запретах на практике невыполнимы.

Единственное требование подобных законопроектов, которое возможно выполнить, – это запрет на нецензурную лексику в публичном употреблении. Нарушение такого запрета можно зафиксировать и наказать матерщинника. Необходимость борьбы с публичным сквернословием очевидна, его следует искоренять.

Но для начала надо четко определить, какие слова являются нецензурными, не оставляя этот вопрос на усмотрение судебных или административных органов.

На наш взгляд, целесообразно исходить из стилистической классификации сниженной лексики. Существует лексика бранная, вульгарная и просторечная. Эти функционально-стилистические пласты лексики следует отграничить от лексики нецензурной (Стернин 2008, с. 233–236). Приведем примеры:

ВУЛЬГАРНАЯ – *харя, рожа, пузо, жопа и др.*

ПРОСТОРЕЧНАЯ – *сиськи, перть, деваха и др.*

БРАННАЯ – *сволочь, подлец, дрянь, ублюдок, урод и др.*

Все эти категории слов относятся к *грубой* лексике.

НЕЦЕНЗУРНАЯ – это предельно грубая лексика.

К нецензурной лексике в русском языке в настоящее время можно отнести четыре слова: обозначения мужского и женского половых органов (на букву «х» и на букву «п»), нецензурное обозначение процесса совокупления (на букву «е») и нецензурное обозначение женщины распутного поведения (на букву «б»), а также все образованные от этих слов языковые единицы.

Данный списочный состав современной русской нецензурной лексики подтвержден Институтом русского языка РАН им. В.В. Виноградова, Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации и принят Роскомнадзором. Данного понимания состава нецензурной лексики придерживается в настоящее время большинство экспертов, и Роскомнадзор в своей практике ссылается обычно именно на такое понимание (Стернин 2018, с. 291).

Обозримый и согласованный список нецензурных лексических единиц – единственная реальная основа для выполнения закона о запрете нецензурного словоупотребления. При наличии такого списка нецензурные слова легко выявить и предъявить соответствующую претензию употребившему эти слова.

Отметим, что приведенные выше законы направлены прежде всего против публичной матерщины. Но стало ли ее после принятия поправки 2014 года меньше? Скорее, наоборот, по нашим наблюдениям интерес к сквернословию у

носителей языка и общества в целом повысился. Общество отреагировало на запрет сквернословия как на вызов свободе речевого употребления. С многочисленными протестами выступают известные деятели культуры. В результате возникли разнообразные способы обхода этого закона.

Эвфемизация нецензурной лексики из-за ее запрета интенсифицировалась и стала своеобразной речевой игрой. Быстро сформировались способы камуфлирования нецензурных выражений в СМИ, рекламных и иных текстах, главных образом – размещенных в Интернете. Среди таких способов назовем:

- Запикивание в аудиотекстах.
- Отточия, звездочки, другие замещающие графические знаки – х**ня, Без подписи, потому что мне по***!, хватит п..деть; Как был на### никому не нужен, так и остался; Арустюмян, е..ло свое заткни, не п.зди; гоните ее на х@й в Польшу! Автор – долбо.б – и под.
- Недописывание слова или выражения – эта б…, ну и х… с ним.

В одном из интервью сотрудники Роскомнадзора отметили, что замена некоторых букв нецензурного термина многоточием не избавляет от ответственности (http://izvestia.ru/news/563178#ixzz2oeU1b1J3). С этим нельзя согласиться: в данном случае перед нами не *употребление*, а *сообщение об употреблении* нецензурного слова. Смысл вычитывается приблизительно такой: *здесь было употреблено нецензурное слово, он нецензурно выругался.* Следовательно, мы имеем дело с графической эвфемизацией. Существуют также многочисленные лексические эвфемизмы, которые позволяют авторам тем или иным способом обойти табу на нецензурное словоупотребление.

Варианты эвфемизмов сквернословия

Созвучия: блин, бляха муха, бля, ёперный театр, ексель-моксель, ё-мое, япона мать, ё-пе-ре-се-те, ё-ка-ле-ме-не, ёшкин кот, грёбанный, ну тебя на хутор близ Диканьки, полный писец и под.

Недоговоренности: пошел ты на…, пошел ты…, …твою мать, вот бля…; Похоже Домогарову не заплатили, не доплатили, нае…, короче…; за рубежом оно нах никому не нужно.

Перефразирование: послал его на три буквы, пошел ты в женский половой орган, пошел ты на член.

Лексикализация инициальных букв: эта бэ, послал его на хэ.

Графический: ХЗ (используется в интернете), Как был на ### никому не нужен…. Пошли вы все на ***!

Замена или перестановка отдельных букв в нецензурном слове (в интернете): Это все муйня. Послал его на йух. Он приехал в Россию и окуел. Пздц – мы теряем историю. Он, млять, опять об этом. И это при включенном, тлять, двигателе! Прям аж блеать чуть ли не самый секретный. Славяне свиздили этот букварь.

Замена слова: А Навке на *икс* нужен слепой секретарь.

Сообщение о желании употребить нецензурное слово: Нет, я не собираюсь весь этот (нецензурное слово) комментировать. Я тебе перезвоню, сейчас без мата не смогу разговаривать.

Во всех рассмотренных случаях читатель понимает, что подразумевается нецензурное слово, и обычно знает, какое. Но то, что слово *опознано,* вовсе не значит, что автор его *употребил*. Он в этом случае только сообщил, что *хотел бы выразиться нецензурно, но воздержался и это выражение заменил.*

Разумеется, степень сходства эвфемизма с прототипом может быть разной, соответственно – и степень узнаваемости закамуфлированного нецензурного слова тоже. Но нарушение табу здесь минимально – даже можно сказать, что табу не нарушается, а как раз соблюдается: нецензурного слова пишущий специально избегает.

Информация о желании употребить нецензурное слово не есть его употребление, поэтому использование эвфемизмов сквернословия не подлежит правовому регулированию (ср. высказывание «просто хочется матом выругаться» не является матерным). Таким образом, закон о запрете мата может быть легко обойден носителями языка.

В 2020 г. Думой были приняты поправки к закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», обязывающие социальные сети удалять тексты, сообщения с нецензурной бранью. Поправки вступили в силу с 1 февраля 2021 г. (https://news.mail.ru/politics/45069244/).

В соответствии с принятыми поправками социальные сети должны самостоятельно выявлять и удалять незаконный контент, в разряд которого попадают, в частности, и материалы, содержащие нецензурную брань. Кроме того, запрещены сообщения в неприличной форме, которые «оскорбляют человеческое достоинство и общественную нравственность».

Решение о блокировке соцсеть должна принять в течение суток с момента выявления запрещенных материалов, в спорных ситуациях ее представитель может обратиться в Роскомнадзор.

В целях мониторинга данной ситуации Роскомнадзор должен создать реестр соцсетей, в который войдут сайты, где пользователи создают персональные страницы и обмениваются сообщениями, с суточной посещаемостью на территории России более 500 тыс. человек. При этом сайт может быть удален из реестра, если количество посещений в сутки станет ниже указанного в законе значения.

За отказ удалить запрещенный контент для соцсетей предусмотрены санкции. Это регулируется другим законом – Об ограничении доступа к запрещенной информации (закон вступил в силу 10 января 2021 г.). За невыполнение требований Роскомнадзора об удалении запрещенного контента социальную сеть могут оштрафовать на сумму от 800 тыс. до 4 млн руб. Вместе с тем автор законопроекта, депутат Сергей Боярский, пояснил, что поправка, обязывающая социальные сети с 1 февраля выявлять и блокировать противоправный контент, не направлена на полный запрет нецензурной лексики в соцсетях. По словам Боярского, разработчики понимают невозможность блокировки всей ненормативной лексики из постов и комментариев в соцсетях. «Мы лишь призываем это делать. Дальше это будет на совести социальной сети и тех решений, которые они будут применять», – заявил Боярский (цитата по ТАСС). «Никаких санкций мы не вводим за неисполнение этого требования», – утверждал он в ходе обсуждения поправки в Госдуме.

Однако ясно, что в любом случае реализация данного закона также натолкнется на значительные препятствия. У Госкомнадзора не хватит возможностей отслеживать все электронные ресурсы и выдавать предписания об устранении нарушений. Фактически закон может работать только выборочно, что делает его, с одной стороны, неэффективным, а с другой стороны –

превращает в возможное орудие субъективной расправы с неугодными журналистами и блогерами.

Потенциально более эффективным и выполнимым представляется возможный запрет определенной лексики на отдельных телеканалах, в отдельных конкретных СМИ, принимаемый решением самого канала или СМИ, хотя и это тоже вызывает большие дискуссии.

В этом отношении пример показал телевизионный канал «Матч ТВ».

Спортивный канал «Матч ТВ» в 2021 г. объявил о запрете комментаторам использовать в своей работе ряд иностранных, в основном английских футбольных терминов.

Это касается вошедших у комментаторов в последнее время в моду слов – *кипер* вместо *вратарь*, *латераль* вместо *крайний защитник*, *корнер* вместо *угловой*; *коуч* вместо *тренер, голеададор* вместо *бомбардир, вингер* вместо *крайний нападающий, бек* вместо *защитник, чемпионшип* вместо *чемпионат, хав* вместо *хавбек, реф* вместо *рефери* и ряд других, около 40 слов.

Инициатором явился главный начальник «Газпрома», хозяин «Зенита» и «Матч ТВ» Алексей Борисович Миллер, который известен как активный борец за чистоту русского языка в эфире.

Он издал распоряжение, запрещающее употреблять определенные заимствованные слова в передачах канала.

В СМИ появился список этих слов:

«Список Миллера»

Допустимо к употреблению в эфире	**Допустимо к употреблению в эфире только в специализированном поясняющем контексте**	**Недопустимо к употреблению в эфире**
Арбитр	Амплуа	Андердог
Аут	Бисиклета	Ассист
Аутсайдер	Бокс-ту-бокс	Бек
Блок	Дубль-вэ	Бэкграунд
Боллбой	Вингер	Голеадор
Бомбардир	Дерби	Дэф
Бренд	Инсайд	Каппер
Бутса	Инсайдер	Кипер
Гандикап	Латераль	Ковер-шадоу
Гол	Пайп	Корнер
Голкипер	Реджиста	Коуч
Гол-лайн,	Терафлекс	Лайкать
Технология гол-лайн	Тиффози	Лонг-болл
Дерби	Треквартиста	Лузер
Джокер	Фантазиста	Мидфилдер
Дриблинг	Челендж	Но-тач-пас
Дубль		Ноунейм
Камбэк		Ноу-тач-пасс
Катеначчо		Окей, ок
Корнер		Перформанс
Корт		Пивоте

Кросс Лайнсмен Либеро Матч Микст, микст-зона Ноу-хау Овертайм Офсайд Пас Пенальти Плеймейкер Плей-офф Покер Прессинг Рабона Рейтинг Рестарт Рефери Ротация Саммари Сет Скаут, скаутинг Скудетто Снайпер Спарринг Спикер Спринт/спринтер Спурт Тай-брейк Тайм-аут Тинейджер Топ Трансфер (и производные) Трекинг, трекеры Троллинг Файеры Фан-клуб Фейр-плей Финт Фитнес(с) Фланг Флэш-интервью Фол Форвард Хавбек Хет-трик Хит-парад Чемпион Чемпионат Экстра U-21, U-I8 и т.п.		Плей-аут Реф Ростер Свипер Скиллз (скиллзы, скиллы) Слоумошн Стенд-бай Стоппер Страйкер Таргетмен Тим-билдинг Тим-спирит Треннинг Флот Хав Хайлайт Шорт-лист Чемпионшип

«Список Миллера» активно обсуждался. Прежде всего – зрителями спортивного канала, спортивными болельщиками.

Решение канала приветствовал известный футболист Евгений Ловчев: «Когда сижу в эфире с более молодыми коллегами, а они вставляют все эти слова, говорю им: «Не надо мне мозги пудрить иностранными терминами». Предлагаю им сказать то же самое, но по-русски». Но когда слышу эти слова от коллег, для меня это не составляет проблему, значение всех этих терминов мне известны.

Что касается слова *кипер*, никогда его не употребляю. *Голкипер* – да, говорю. Но так вратарей в нашей стране называют испокон веков. А вот *кипер* – нет, это слово стали употреблять не так давно.

– Еще слово из запрещенного списка – «голеадор». Употребляете его?

– Нет, никогда! Есть хорошее русское слово *бомбардир* – оно характеризует нападающего, который много забивает.

– Еще – коуч?

– То же самое – не употребляю. Что там еще – корнер? Нет, не мое. Можно сказать нормально – *угловой*.

– Под запрет попало слово лайкать. Но это явно не про вас…

– Абсолютно, вообще не мое слово. Это из компьютеров пошло, а для меня компьютер пока далекая вещь.

– Зато «сейв» не запретили…

– Я им не злоупотребляю, но это удобное, короткое слово, чтобы описать действие вратаря, который выручил, отбил в броске сложный удар. Так что сейв – это нормально.

– Как вам вообще эти запреты на англицизмы, не перебор?

– Не знаю насчет перебора, но соглашусь с руководством канала. Эти слова засоряют эфир и порой режут слух. Я говорю лично про себя.

– Мне не все режут, но вот латераль – режет.

– Соглашусь. Ну, какой еще латераль? Почему нельзя просто сказать – крайний защитник. Я же сам был крайним защитником. Это меня бы сейчас тоже обозвали латералем. А еще вингер – из той же серии. Нужно возвращаться на круги своя, когда крайний защитник – это крайний защитник, а никакой не латераль. А вратарь должен быть вратарем, а не кипером. Ведь среди болельщиков много людей, скажем так, не совсем молодых, им часто эти термины непонятны, это вызывает дискомфорт.

Как говорил дядя Нины в «Кавказской пленнице» в исполнении блестящего Фрунзика Мкртчяна: «В моем доме попрошу не выражаться».

Генеральный продюсер «Матч ТВ» Тина Канделаки так прокомментировала информацию о запрете на заимствования в эфире телеканала: «Для комментаторов «Матч ТВ» есть рекомендации воздержаться от употребления англицизмов. Если в контексте того или иного эпизода логично рассказать о самом англицизме – никаких ограничений, разумеется, нет. Мы, и прежде всего сами комментаторы, следим за чистотой своей речи. Так что опубликованная табличка – не более чем резюме обсуждения многих вовлеченных в создание контента для «Матч ТВ» лиц. … Штрафов, разумеется, нет. Есть внутренний консенсус, как он есть и по поводу нецензурной брани или сна в прямом эфире».

Член Гильдии лингвистов-экспертов, кандидат филологических наук Елена Кара-Мурза пояснила, что о загрязнении русского языка иностранными словами можно говорить лишь тогда, когда люди друг друга не понимают.

«Тут важен контекст спортивной журналистики. С одной стороны, журналисты должны чувствовать, когда стоит объяснить редкий в употреблении термин, – говорит филолог. – С другой стороны, необходима динамика. Нужно быстрее рассказать, что происходит. У комментаторов нет времени мучительно подбирать синонимы в прямом эфире».

«Глагол *лайкать* образовался по правилам русского языка: *лайкаю, лайкаешь*, у него широкое употребление, в нем нет ничего страшного. Вряд ли у аудитории «Матч ТВ» есть затруднения с пониманием слова», – подчеркивает лингвист.

Специалист также считает, что важно разграничивать заимствования и слова, возникшие в русском языке, но с иностранным влиянием…

Те же «скиллзы» активно используются в речи геймеров, во всех социальных сетях встречается глагол «лайкать», «бэкграунд» – в каждом медиа», – комментирует Е.С. Кара-Мурза.

По мнению филолога, ограничения не соответствуют самой природе языка, как вечно развивающейся категории.

Однако отказ от таких слов, как «дэф», «коуч», «корнер», когда в русском языке мы можем найти эквиваленты «защитник», «тренер», «угловой», Елена Кара-Мурза считает правомерным. Ведь есть полные синонимы иностранным заимствованиям.

«Я не являюсь сторонником безудержного заимствования и приветствую любые возможности воспользоваться русским словом, тем более активное использование именно русских вариантов требуется Законом о государственном языке Российской Федерации», – резюмирует лингвист.

Отношение болельщиков к ограничениям, введенным А.Б. Миллером, преимущественно негативное – они сравнивают запрет на заимствованные слова на канале с запретом их в языке вообще (это в действительности не так) и указывают, что многие иностранные слова давно вошли в русский язык (в этом они, несомненно, правы).

Отметим, что «списком Миллера» устоявшиеся слова употреблять не запрещено – в их число входят *бомбардир, арбитр, аут, аутсайдер, гол, голкипер, дерби, дриблинг, дубль, либеро, матч, овертайм, офсайд, пас, пенальти, плей-офф, прессинг, фан-клуб, фейр-плей, финт, хавбек, хет-трик, чемпион, рефери* и т.д.

Запреты должны касаться тех слов, которые *непонятны широкому кругу слушателей, зрителей, читателей-неспециалистов.*

Спортивные передачи смотрят не только спортсмены, новости экономики – не только экономисты, материалы об образовании читают не только педагоги, материалы о музыке – не только рокеры. Новости смотрят не только люди, свободно владеющие иностранными языками. Но если издание специализированное, тогда допустима любая профессиональная терминология, понятная специалистам в данной области. При этом при формировании ограничений на употребление той или иной лексики руководителям ведомств надо посоветоваться с филологами, а не руководствоваться только своим личным вкусом.

Так, иностранное слово вполне может быть употреблено в СМИ:

1. Если оно сейчас уже общеизвестно. Из 46 слов, которые запрещены Миллером, есть уже *общеупотребительные*: *амплуа, дерби, челлендж, бэкграунд, лайкать, лузер, перфоманс, тим-билдинг, тим-спирит, шорт-лист, о-кей.*

2. Если оно употребительно и за пределами специальной отрасли знаний, за пределами узкой профессиональной сферы (те же примеры – *лайк, челлендж, окей, амплуа, лузер, бэкграунд*).

3. Если нет общеизвестного русского синонима в том же значении (например, *стоппер* – это не просто защитник, а эффективный защитник, *консалтинг* – не просто консультирование, а экономическое консультирование).

4. Если слово используется только в профессиональной сфере, но есть коммуникативная потребность в его использовании, его надо пояснять при употреблении (*сейв* – отражение вратарем удара в створ ворот, *дерби* – важный матч популярных соперничающих команд, часто – из одного города).

В эфире нужен общепонятный всем потенциальным зрителям и слушателям литературный или литературно-разговорный язык, но не узкопрофессиональная лексика или профессиональный жаргон. Надо учитывать, что слушают журналистов не только спортсмены, и они должны понимать это. Не должно нарушаться взаимопонимание.

И еще один важный момент. Действия владельца канала «МатчТВ» имеют не только общекультурную цель – заботу о русском языке, но и вполне конкретную медийную составляющую – стремление *расширить аудиторию своего канала.*

Стремление любого СМИ расширить аудиторию и поднять свои рейтинги вполне понятно и может только приветствоваться. Тем более, когда речь идёт о каналах узкопрофессиональной направленности (спорт, музыка, животные, экономика и т.д.). И проблема гораздо шире, нежели инициатива владельца канала «Матч-ТВ». Было бы замечательно, если бы чисто спортивную передачу про скелетон или гандбол с интересом смотрел учёный-филолог, а спортсмена захватил бы обзор книжных новинок или литературоведческая передача на канале «Культура». К слову, на Всесоюзном ТВ прошлого века именно такая политика и проводилась. Её негласный девиз «Просто – о сложном, понятно – о непонятном».

К ведению научно-популярных программ привлекались специалисты, консультанты, но работали они в тесной связи с телевизионными редакторами. О науке, армии, спорте, музыке, живописи, литературе, технике, природе рассказывалось понятным языком – ни в коем случае не специальным. Речь ведущих можно охарактеризовать как литературно- разговорную, доходчивую и эмоциональную. Достаточно вспомнить таких ведущих, как Пётр Капица, Лев Николаев (наука), Светлана Виноградова и Элеонора Беляева (музыковедение), Юлия Белянчикова (медицина), Василий Песков и Николай Дроздов (природа, животные), целый ряд политических обозревателей.

Достойно работают сейчас Иван Затевахин, ученик Дроздова, который ведёт «Диалоги о животных» на ТК «Россия», Сати Спивакова («Нескучная классика» на ТК «Культура»). Это примеры людей, которые являются крупными специалистами в своей области, но умеют при этом рассказывать о своём предмете просто, выразительно и легко.

Язык телевидения особенный. Здесь важно сохранить баланс между литературной речью и разговорной. С одной стороны, важно не переусердствовать с «учёностью», с другой – не свести речь к просторечию, пошлости, грубости.

Многие иностранные и сленговые слова, пришедшие из языка социальных сетей, интернета, приживаются в языке. Их активное употребление распространяется и на СМИ. Сегодня практически каждый понимает значение слов, которые ещё несколько лет назад вызывали недоумение и вопросы*: инстаграм, ник, перепост, лайкнуть, выложить в стори, троллить, забанить, мем, копирайт, паблик.*

А вот слова *джингл, диггер, думкор, заппинг, инсайт, копипаст, ньюс-рум, пилоксинг, пинч-хиттер, сайдстик* понимает не каждый, и, если уж их необходимо употребить, нужно это делать осторожно и обязательно с пояснениями.

Журналисты, ведущие должны понимать, что они влияют на мысли и чувства зрителей, на речевую культуру общества. Это профессия, где требуется не только грамотное владение речью, но и ответственное обращение с языком. Журналист – своеобразный «кодификатор» языка, то есть человек, который *правильно* говорит, *правильно* пишет, сохраняет и показывает, «как *правильно*», подаёт пример.

Таким образом, влияние СМИ на язык можно рассматривать как с положительной, так и с отрицательной стороны. В то время как массовые коммуникации расширяют кругозор, держат в курсе происходящих событий, они могут оказывать и негативное влияние на свою аудиторию в области языка, общей культуры, вкуса.

Чтобы избежать безграмотного использования языка, журналисту необходимо повышать собственную культуру речи и очень критично подходить к использованию новых слов, оборотов и выражений.

Итак, можно сформулировать такие критерии допустимости (основания для употребления) заимствованного слова в СМИ:

- Общеизвестность
- Использование за пределами узкой профессиональной сферы
- Отсутствие русского однословного названия (например, *хет-трик* – три гола, забитые игроком за один матч)
- Отсутствие полного односложного русского синонима (пенальти – одиннадцатиметровый удар)

Можно сделать следующие общие выводы.

Проблема культуры речи в современном российском обществе актуальна сейчас как никогда. Именно поэтому делаются попытки государства ее регулировать, принимать меры по повышению культуры речи. Государственный подход заключается в принятии определенных законов, регулирующих словоупотребление.

В настоящее время в России существуют законодательные акты, подписанные Президентом:

- О недопустимости слов и выражений, не соответствующих нормам современного литературного языка;
- О недопустимости использования нецензурной лексики в СМИ;

- О недопустимости использования нецензурной лексики в публично демонстрируемых произведениях искусства;
- О недопустимости нецензурной лексики в интернете.

Существует ведомственное ограничение на использование иностранных слов в работе телевизионного канала МатчТВ.

Таким образом, уже есть определенный опыт регулирования словоупотребления государством и отдельными ведомствами. Но при наличии определенных результатов становится ясно, что подобное регулирование имеет существенные недостатки:

в законодательных актах используется неясная терминология, позволяющая произвольную интерпретацию закона;

принимаемые акты не содержат необходимых механизмов осуществления контроля за соблюдением принимаемых законов, что приводит к неэффективности принятого закона и возможности субъективизма и выборочного применения законов к неугодным авторам;

законы принимаются без консультации с авторитетными филологами, филологической общественностью, в результате чего принимаемые законодательные акты во многом не учитывают законы развития языка или прямо противоречат существующим законам функционирования и развития языка.

Надо учитывать, что устную речь народа нельзя контролировать, ее развитие определяет дальнейшее развитие языка. Язык не поддается сознательному регулированию, регулирование может касаться только культуры речи.

Запреты на русского человека, к тому же зачастую действуют как вызов и поднимают популярность запрещаемых слов, повышают к ним внимание, мобилизуют людей на поиски обходных путей.

Некорректное, не соответствующее нормам культуры речи, нормам приличия словоупотребление и сквернословие в обществе никаким строгим законом не искоренить. Исполнение закона в повседневной речи граждан невозможно проконтролировать. И не надо повседневную речь контролировать.

Вместе с тем необходимо развернутое и целенаправленное формирование культуры речи широких слоев населения, которая бы исключила или снизила бескультурное, в том числе нецензурное словоупотребление в *публичной сфере*. Язык в устном межличностном общении людей в любом случае останется вне регламентации, и именно устная речь является двигателем развития и изменения языка.

Культуру речи, культуру общения надо формировать не законодательными запретами, а разъяснением уместности тех или иных языковых средств в конкретных коммуникативных ситуациях, в конкретных сферах общения.

При этом могут быть эффективны те или иные запреты в официальных изданиях, произведениях искусства, исполнение которых можно проверить.

Что касается запретов в СМИ, они могут быть эффективны как форма воспитания у носителей языка культуры речи – чувства *уместности употребления слов и выражений*. Ведь СМИ – для всех. Они и называются – средства *МАССОВОЙ* информации. То, что они сообщают, должно быть всем понятно, а не только узкопрофессиональной аудитории.

Но вопрос культуры речи – преимущественно вопрос педагогический, воспитательный, а не правовой.

Основной путь борьбы за культуру речи – просветительский, педагогический, а не законодательный. Общественная борьба за культуру речи населения, конкретные мероприятия в этой области, конечно, очень трудоемки и затратны, требуют длительного времени, но это единственный эффективный путь вытеснения сквернословия и повышения культуры речи и общей культуры народа, который дает долговременный эффект. Законодательные же запреты уместны в рамках отдельных ведомств, изданий, публичных ситуаций и мероприятий, но не эффективны в глобальном контексте.

Использованная литература

Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. – М., 2002. – 526 с.

Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 386 с.

Зорина З.А., Полетаева И.И., Резникова Ж.И. Основы этологии и генетики поведения. – М., 2002. – 383 с.

Стернин И.А. Агрессия: как убедить в ее неэффективности // Третейский суд. – № 3/4, 2020. – С. 81–86.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – Изд. 3, испр. – М.: Флинта-Наука, 2007. – 238 с.

Стернин И.А. О понятиях «неприличная форма высказывания» и «нецензурная лексика» // Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы. Воронеж: Истоки, 2008. – С. 233–237.

Стернин И.А., Стернина М.А. Этикет дистанционного обучения. – http://sterninia.ru/index.php/studentam-i-aspirantam/item/475-etiket-distantsionnogo-obucheniya

Стернин И.А. Основы лингвокриминалистики: учебное пособие / Воронежский государственный университет; Центр коммуникативных исследований; Воронежская ассоциация экспертов-лингвистов. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. – 304 с.

Стернин И.А. Дискуссионные вопросы оценки нецензурного словоупотребления в рекламе // Актуальные вопросы развития конкурентной политики, совершенствования правоприменительной практики пресечения недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы. Материалы IX Международной научно-практической конференции 23 мая 2019 г. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 205–210.

Стернин И.А., Стернина М.А. Дистант и коммуникация // Вестник ВГУ. Педагогика высшей школы. - №2 - 2021. (в печати)

Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – М., 2001. – 264 с.

Kruger, Justin; David Dunning. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments (англ.) // Journal of Personality and Social Psychology : journal. — 1999. — Vol. 77, no. 6. — P. 1121—1134. — doi:10.1037/0022-3514.77.6.1121. — PMID 10626367.

Глава 5.
Просветительская работа в области русского языка

5.1. Просветительская работа в области русского языка в традиционных СМИ

Большое значение для поддержания грамотности и культуры речи имеет просветительская работа в области русского языка, которая ведётся в печатных и электронных СМИ.

ВЧЕРА

В эпоху СССР теме русского языка и культуры речи уделялось серьёзное внимание. Существовал отдельный канал ТВ, посвящённый образовательному вещанию. Четвёртая (учебная) программа Центрального телевидения [https://ru.wikipedia.org/wiki/Четвёртая программа ЦТ] была ориентирована на школьников и учащуюся молодёжь, а также на взрослую аудиторию. Здесь транслировались уроки, лекции, документальные, исторические фильмы, экранизации русской и мировой классики.

Программа версталась с учётом того, какая тема или книга изучались в школах (такие показы назывались «В помощь школе»). К примеру, если советские школьники проходили в школе причастные и деепричастные обороты, то по телевизору шли видеоуроки, посвящённые этой теме. Если спряжение глаголов – значит, по телевизору тоже объясняли, как спрягать глаголы. Передачи для учащихся предназначались как для показа на уроке, так и для индивидуального просмотра. Это было очень удобно тем ребятам, которые не ходили в школу из-за болезни. Именно телевизор помогал советским школьникам не отставать от программы, которая, к слову, была едина для всей страны.

В высших учебных заведениях также существовали просмотровые аудитории, в которых студенты смотрели предназначавшиеся для них учебные циклы. В качестве ведущих и участников учебных передач приглашались учёные, писатели, деятели искусства и лучшие педагоги. Учебные передачи снимали с учётом советов психологов, методистов и учителей. И это была предтеча онлайн-занятий, семинаров, конференций, которые все мы постигали на фоне пандемии коронавируса, когда в интернет ушла практически вся коммуникация.

Упомянем знаменитые «Беседы о русском языке» с Корнеем Чуковским, которые выходили на советском ТВ и которые сегодня можно найти в архиве Гостелерадиофонда [https://www.youtube.com/c/gtrftv/featured].

Одной из самых популярных и авторитетных передач о русском языке являлась передача «В мире слов» Главной редакции литературно-драматического вещания Всесоюзного радио.

Она выходила в эфир 34 года! Два раза в месяц по воскресеньям с 1962 по 1996 год. Время выхода – 12.35 ч.

Передача-долгожительница занимала особое место в программах Всесоюзного радио. Она целиком строилась на письмах и вопросах радиослушателей, касающихся норм русского языка, истории появления слов и выражений – от самых сложных, научных проблем до вполне обыденных, практических вопросов – значение, произнесение, написание.

Готовили передачу «В мире слов» настоящие энтузиасты: Зоя Люстрова, более тридцати лет отдавшая созданию и поддержанию этой передачи, редактор Ирина Грачева, учёные-филологи, доктора филологических наук Виктор Дерягин, Лев Скворцов и др. Текст передачи в разные годы читали ведущие дикторы и актеры: Владимир Балашов, Вера Енютина, Ирина Ложкина, Борис Федосеев, Татьяна Лузкова, Евгений Терновский.

По мнению слушателей, авторы программы поддерживали все эти годы общую культуру, интеллигентность звучания передачи – одной из самых востребованных на протяжении многих лет. Подробнее об этой передаче и её судьбе, причинах исчезновения из эфира см.: https://makanom.livejournal.com/257504.html.

В той или иной степени тема русского языка присутствовала в таких передачах советского радио и телевидения, как «Радионяня», «В стране литературных героев», «АБВГДейка», «Русская речь», «Будильник».

Образовательный телеальманах «Русская речь» просуществовал на экране 20 лет. Впервые он вышел в эфир ЦТ СССР 1 сентября 1971 года. Альманах был посвящен грамотности русской устной и письменной речи. Ведущие отвечали на письма зрителей с вопросами о русском языке: «Как правильно сказать?», «Как правильно написать?» Предназначался для широкой зрительской аудитории от школьников до пенсионеров.

Передача выходила по понедельникам, четвергам, субботам в разное время, «плавая» в сетке вещания (то утром, то днём, то вечером). Количество эфиров: 1339 – как мы смогли узнать из архива телепрограмм. В 1991 году передачу «Русская речь» закрыли. В интернете можно найти несколько передач за разные годы. Например, передача 1984 года, посвящённая фамилиям и кличкам, нам представляется очень актуальной и сегодня. Видео: https://www.youtube.com/watch?v=fDuFxLQ_u4w.

Отметим, что популярные общественно-политические, художественные, юмористические, женские, спортивные советские газеты и журналы, а также ведомственные, узконаправленные издания посвящали русскому языку рубрики в стиле вопрос-ответ, консультация специалиста, а также материалы самых разных форм и жанров: беседа с учёным, слово писателя, интервью, заметки, истории слов и выражений, даже карикатуры, шаржи, фото…

Популярная рубрика советского времени «Нарочно не придумаешь» высмеивала безграмотность, канцелярит, отсутствие логики. Например:

Просьба в автобусе: *«Станьте плашмя. Свободнее будет».*

Объявление: *«Продаётся мотороллер «Вятка» с десятью курицами и петухом».*

Ценник: *«Горошек зелёный из консервированных мозгов. 39 копеек».*

Из футбольного репортажа: *«Арбитр пошёл разговаривать со стенкой».*

Объявление на магазине: *«Отдел закрыт. Папиросы в хлебе».*

Надо отметить, что юмористические рубрики в СМИ, как правило, были основаны на игре слов. Читатели подмечали забавные высказывания, объявления, реплики, фразы, выдержки из документов, приказов, характеристик, фотографировали их, записывали и присылали в редакцию.

Особенно этим славился журнал «Крокодил», который из таких забавных примеров собирал коллекцию «Нарочно не придумаешь» и издавал приложение к основному журналу – «Библиотека крокодила».

Отметим, что тема русского языка была представлена как в центральных СМИ, так и средних – городских, областных, краевых, и совсем маленьких – районных, заводских, строительных, студенческих.

Детские и подростковые газеты и журналы методично и творчески просвещали своих юных читателей («Мурзилка», «Пионер», «Костёр», «Пионерская правда» и т.д.) в специальных материалах, посвящённых русскому языку. Здесь интересные факты о словах и выражениях, критика школьников, которые употребляют слова-паразиты, жаргон, загадки (например, *«в каком слове сорок гласных» или «какие три местоимения самые чистые»?),* а также забавные выдержки из школьных сочинений, ответов на уроке *(«Глаза княжны Марьи стали грустными и печальными, и из них выкатилось горе», Трилогия Толстого «Война и мир», «Онегин, как и все помещики, родился не в роддоме, а на брегах Невы»).*

Очень популярен в советских СМИ был язык и стиль плаката.

Например: *«Чем ребят бранить и бить, лучше книжки им купить», «Если книг читать не будешь, скоро грамоту забудешь», «Любите книгу – источник знаний».*

Популярен Маяковский*: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин».* Эта цитата в усечённом виде встречается в виде заголовков, названий рубрик, передовиц советских газет, плакатов.

Словом, просвещению, образованию, повышению культурного уровня советского человека печатные и электронные СМИ уделяли большое внимание в самых разных формах. Но главное, язык и речевая культура дикторов, ведущих телевизионных и радиопрограмм в советский период были столь высоки и безупречны, что на них равнялась аудитория.

Слово, произнесённое в эфире, априори являлось правильным, литературным, ведь советские дикторы работали с текстом очень серьёзно, что называется, «с карандашом».

В сборнике статей дикторов и редакторов Всесоюзного радио и Центрального телевидения «О культуре и логике речи» [http://dedovkgu.narod.ru/bib/okult.htm] профессионалы, радиоклассики О. Высоцкая, Ю. Левитан, Е. Емельянова, В. Всеволодов подробно описывают свой опыт и дают полезные советы начинающим – как нужно готовиться к передаче, как работать с текстом, с микрофоном.

Нам представляются советы дикторов старой школы очень современными даже сегодня – о поиске стиля, культуре, логике речи и её основных закономерностях.

Но главное, за что мы благодарны советским электронным СМИ, – за язык.

Он был представлен в двух формах: дикторы демонстрировали образцовый *литературный* русский язык, герои же передач были носителями живого *разговорного* языка.

СЕГОДНЯ

А как русский язык, культура речи представлены в современных, постперестроечных СМИ, претерпевших невероятные перемены во всех смыслах: цифровизация, смена форматов, стилистики?

Существует ли *русский язык* как тема, как предмет разговора или информповод в печатных изданиях, на радио и ТВ?

Сразу ответим – существует. И даже, по нашим наблюдениям, в б*О*льшем объёме, что в минувшие годы.

Правда, колоссальный поток информации поглощает его, он выглядит скромно и не так броско, рейтингово, как, к примеру, убийства, скандалы, новости светской жизни.

Теме русского языка и культуре речи посвящены регулярные рубрики и материалы в федеральных печатных изданиях: «Российская газета», «Известия», «Комсомольская правда», «АиФ», «Вести образования», а также в местных газетах Ярославля, Пскова, Белгорода, Новосибирска, Нижнего Новгорода и других городов (в Воронеже это «Коммуна» и «Семёрочка»).

На сайтах выходят подкасты на тему русского языка. Например, РИА-Новости свой подкаст «Как это по-русски» позиционирует следующим образом: «Подкаст о русском языке и о странностях, которые с ним происходят. Как меняется язык, на котором мы говорим? Кого и отчего бесят феминитивы? Откуда берутся и куда исчезают новые слова?» [https://ria.ru/kak_jeto_po_russki/].

Русский язык в электронных СМИ ассоциируется прежде всего с именем филолога, журналиста Марины Королёвой, которая работала консультантом по русскому языку и ведущей новостей на нескольких радиостанциях: Всесоюзное радио, «Радио России», «Открытое радио», «Эхо Москвы», была автором и бессменной ведущей программ «Говорим по-русски» и «Как правильно». Вместе с Ольгой Северской вела телепрограммы и рубрики о русском языке на телеканалах НТВ, «Бибигон», «Карусель», «Культура». Они и сейчас идут в повторе.

В «Российской газете» Марина Королева вела еженедельную рубрику «Говорим по-русски». Сейчас эта рубрика под названием «Бюро Марины Королёвой» перекочевала в интернет. Многие наблюдения и вопросы читателей, зрителей, слушателей М. Королёва использовала в своей книге «Говорим по-русски правильно».

Ещё одно имя – Павел Клубков. Филолог, доцент СПбГУ. В конце 90-ых годов вёл еженедельную передачу «Говорите по-русски» на Петербургском радио. С мая 2009 года до своего ухода из жизни – ведущий программы «Работа над ошибками» на «FM TV». По материалам передачи написал книгу «Говорите, пожалуйста, правильно», которая имела большой успех.

Программы и рубрики о русском языке выходят на радио «Маяк», «Радио России-Санкт-Петербург», «Балтика», телеканалах «Россия», «Культура», ОТР, «5 канал», ТК «Мир», «Карусель» и многих региональных. Отрадно, что тема русского языка является не спонтанной, а регулярной. Потребовалось время, чтобы медиаменеджеры поняли, что тема русского языка востребована, что передачи этой тематики можно делать современно, с элементами соревнования, интриги. Разнообразны и жанры: комментарий, викторина, интервью, урок, шоу, игра, ролик, джингл, гость в студии и т.п.

Особо отметим следующие программы:

телевизионный экзамен по мировой культуре, русскому языку, истории в передаче «Умники и умницы» на Первом канале (ведущий Юрий Вяземский);

интеллектуально-развлекательную телеигру с участием школьных команд «Мы – грамотеи!» на ТК «Культура» (ведущий Александр Пряников);

телеигру «Знаем русский» на ТК «Мир» (ведущий Сергей Фёдоров). Нельзя не согласиться с авторами передачи «Знаем русский»: «Решение задач по русскому языку может быть захватывающим и очень увлекательным. Не верите? Тогда смотрите нашу интеллектуальную телевикторину».

Что касается молодёжных передач, то зачастую тема русского языка подается здесь в ёрническом тоне, даже издевательском. А язык некоторых популярных программ приходится «запикивать» из уважения к российскому законодательству.

Среди региональных электронных СМИ, серьезно освещающих проблемы русского языка, выделим Воронеж, Нижний Новгород, Самару, Иваново, Ярославль, где выходят радиопередачи. На местных телевизионных и радиостудиях передачи и рубрики о русском языке иногда появляются, но редко становятся постоянными. Исчезают они из эфира быстро и, как правило, по финансовой причине.

Впрочем, мы не стали бы винить только медиаменеджеров и рекламодателей. Их интерес понятен. Но всегда ли производители теле- и радиопередач о русском языке помнят, что слушателя и зрителя сегодня не «зацепить» только темой? От радио и ТВ сегодня ждут живого, непринужденного общения, игры, музыки, соучастия, оригинальной подачи. Многие передачи при всей своей добротности не могут отвечать потребностям современной аудитории, а значит, не могут и похвалиться рейтингом: сверстанные по принципу «вопрос – ответ», они часто напоминают озвученный словарь русского языка или лекцию. Им не хватает динамики, «скорости».

Мы наблюдали попытки воронежского областного ТК «Губерния» делать рубрику о русском языке. Благородная идея воплощалась в жизнь стандартно, скупыми средствами: разговор в студии журналиста и учёного-филолога. Стол, микрофон и – «говорящие головы».

Каким бы интересным ни был разговор, массовый зритель не усидит у экрана. Ведь он вырос на клипах...

В деле популяризации русского языка мы видим большие возможности именно у радио.

Оно способно подать звучащее слово так, что у слушателя возникает яркий образ. Оно звучит фоном в различных организациях, транспорте, наушниках молодых людей, на улице, поэтому с помощью радио можно ненавязчиво просвещать людей. Приёмы могли бы быть разные: правила в рифму, короткие высказывания, советы, цитаты, специально написанные джинглы, шутки, даже анекдоты.

У радио богатый ресурс шумов, музыки, фрагментов фильмов, песен, архивных записей. Их можно использовать вкупе с телефонными включениями, фрагментами рекламы и т.д.

Учиться нужно весело. Поэтому в передачах не должно быть назидания, менторства. Жизнь показывает: передачи о русском языке могут быть рейтинговыми, живыми, интерактивными.

Сегодня часто можно услышать, как люди возмущаются падением культуры речи. Многие обвиняют в этом журналистов, телевидение. Доля истины в этом есть. В СМИ, действительно, много ошибок, стилистических погрешностей, неверного употребления слов. В телевизионных ток-шоу наблюдаем грубые и просторечные слова, сленг, даже мат.

Люди, которые помнят старое доброе советское ТВ, воспринимают падение культуры очень болезненно. Они росли, воспитывались в эпоху, когда телевизионная речь была образцовой, и им трудно смириться с изменениями.

Молодое же поколение, аудитория МУЗ-ТВ, ТНТ, СТС, где молодёжный сленг сегодня перемежается с уголовным, иностранные слова с просторечными, а «властителями дум» являются рэперы-матерщинники, считает нормой именно такую речь: жаргон, бранные обороты речи «для связи», грубая агрессивность, отсутствие вкуса и красноречия.

Лингвисты считают это проявлением языковой болезни – отрицания норм, примитивизма, присущей подростковому возрасту, когда без «артикля б...» человек не может (или не хочет) разговаривать.

Снисходительно пожать плечами, отвернуться от этой проблемы и сделать вид, что её не существует, по нашему мнению, неправильно.

Позиции русского языка, престиж грамотной и культурной речи необходимо укреплять всеми способами, и средства массовой информации способны принести пользу и ответить на гуманитарные ожидания общества. Не только *тема* русского языка должна регулярно присутствовать в СМИ, но и – *герои:* яркие, пассионарные личности, профессионалы, деятели науки и культуры, носители настоящего русского языка.

В плане подходов хотелось бы отметить Общественное телевидение России, которое в 2020 году изменило сетку вещания ради школьников. С 27 апреля в стране начался большой проект «Моя школа в online», организованный совместно с Министерством просвещения РФ: с 9 утра до 12 часов дня шли видеоуроки для старшеклассников, которым предстояло сдавать ОГЭ и ЕГЭ. В условиях пандемии и самоизоляции многие школьники оказались отрезанными от мира, не у всех была возможность заниматься за персональным компьютером или отсутствовал качественный интернет. Именно телевидение пришло на помощь школьникам из регионов.

Онлайн-уроки по русскому языку, литературе, обществознанию, истории, математике вели лучшие учителя Москвы, победители профессиональных конкурсов. И здесь нельзя не отметить гибкость телеканала, ответившего на вызов времени, верность лучшим традициям отечественного ТВ (вспомним 4-ый образовательный канал Центрального телевидения!) А то, что онлайн-уроки были просты по «картинке» – простительно. Ведь действовали телевизионщики в нестандартных условиях. Зато этот формат охватил всех учеников России и принёс большую пользу. Вместе с детьми смотрели телевизор родители, бабушки и дедушки, вспоминали правила, разбирали трудные случаи, словом, учились всей семьёй. Расписание уроков публиковалось в «Российской газете» [https://rg.ru/2020/04/20/startuet-teleproekt-moia-shkola-v-online-dlia-podgotovki-k-ege-i-oge.html].

При том, что тема русского языка освещается в традиционных СМИ и мы видим новые формы подачи, жанры, форматы, всё-таки остро ощущается

дефицит телевизионных и радиопередач, призванных сформировать интерес ребенка к русскому языку.

В детстве закладывается очень многое. И если для подростков, школьников интеллектуальные игры, шоу выходят, то для малышей и дошкольников ярких передач на тему русского языка нет, или мы о них не слышали.

Была на ТВЦ «АБВГДейка», да и ту недавно закрыли. Как ещё раньше закрыли викторину для маленьких эрудитов «Самый умный», где среди прочих было много вопросов по русскому языку.

Мы считаем, что СМИ должны популяризировать культуру и филологические знания, что государство обязано поддерживать проекты, которые стимулируют интерес людей к изучению русского языка, воспитывают культуру речи, уважительное отношения к нормам грамотности.

И государство же должно строго следить за соблюдением этических норм и законов РФ. Иначе чем объяснить такой шквал мата, который мы наблюдаем повсеместно: в быту, общественных местах, интернете, на радио и телевидении?! А ведь по Закону за это нужно наказывать.

СМИ должны не только осуждать это позорное явление, но и подавать обществу пример высокой речевой культуры.

Журналисты, работающие над теле- и радиопередачами о русском языке, должны быть очень наблюдательны.

Что может стать материалом?

– разговоры в транспорте, магазине, на улице: *«Дайте мне одну простынь и один полотенец!»; «Пойдем пожрем в «Пушкине»;*

– объявления, вывески: *«Продам акардион немецкий трафейный»; «Пирашки горячие»*;

– анекдоты, основанные на игре слов:

«Петька, пошли на митинг. Сегодня объявлен день толерантности. – А что это такое? – Не знаю, но на всякий случай монтировку прихвати!»

«Интеллигентная девушка с высшим образованием и прекрасными манерами ищет работу гувернантки, тел… Ксюха»;

– песни: например, для оформления передачи подойдут песни Г. Гладкова «Говорим на русском языке», Е. Волкова «Культура бескультурья», В. Вихорева «Я бы сказал тебе…» и мн. др.

Также можно использовать *фрагменты песен*, где встречаются неправильные ударения, неверное употребление слов: «я за тобой скучаю», «нас не разлУчат, нет». Очень внимательно нужно слушать молодых современных исполнителей, рэперов. В их текстах много несуразностей, ляпов, даже нецензурной лексики. Примеры можно использовать в передачах. Но, естественно, с комментариями.

– ценники: Иногда они напоминают анекдоты. Ср. в отделе косметики: *«Продаем две туши по цене одной»; на рынке: «Картошка сыпучая. Объедение! Никакой поркости»;*

– названия фирм, магазинов (вот где всегда найдется материал для веселого комментария!): например, рядом с кладбищем павильон «Свежее мясо»; кафе на трассе «Горячее кофе, чай, сосиськи»;

– реклама на улице, в прессе: она изобилует перлами, подобными тому, что приведем в пример:

«Подари себе подарок!» (На витрине парфюмерного магазина). Или приглашение за покупками в безграмотных и бездарных стихах:

«Балов много накопи,
И почти даром всё купи.
…Мы приглашаем вас в магазин
За покупками к нам.
В «Эльдорадо» широкий выбор
И Вам будет всё по зубам».

Учить зрителя и слушателя нужно весело. В передачах не должно быть назидания, ученого менторства. Автор и слушатель (зритель) должны быть на равных. Должно создаваться ощущение, что и тот, и другой учатся вместе, жизнь наблюдают вместе, любят русский язык одинаково.

Жизнь показывает: передачи о русском языке могут быть очень рейтинговыми, очень живыми, если при их создании использовать все формы и ресурсы телерадиовещания.

5.2. Просветительская работа в новых СМИ (сайты, соцсети, блогинг)

С развитием технологий заметным становится проникновение в нашу жизнь так называемых новых медиа, которые все чаще противопоставляются традиционным медиа – прессе, телевидению и радио. Однако в случае популяризации русского языка новые медиа, скорее, работают в тандеме с традиционными СМИ и захватывают те аудиторные ниши, которые не попадают в сферу активности традиционных медиа. Особенностью этих медиа является их отнесенность к сетевой среде и опора на цифровой код, прописанный на определенном языке программирования.

Потенциал новых медиа получил отражение уже в определении, которое дал им профессор Мичиганского университета Р. Нойман: «Это формат существования средств массовой информации, постоянно доступных на цифровых устройствах и подразумевающих активное участие пользователей в создании и распространении контента» (Neuman 1991, с. 51). Безусловно, и постоянная доступность, и режим соучастия аудитории делают эти медиа перспективным каналом распространения знаний. В том числе – и знаний в сфере русского языка.

Традиционно к новым медиа относят очень разнообразные форматы: интернет-представительства офлайновых СМИ, интернет-СМИ, блогосферу, социальные сети, виртуальную реальность, иммерсивные медиа и др. Их активное участие в жизни современного общества очевидно. Термин «медиаполис», предложенный профессором С.Г. Корконосенко (Корконосенко 2013) для описания характера бытования крупных городов, со всей очевидностью подчеркивает интенсивность этого процесса.

Так, по разным данным уровень проникновения интернета в России составляет около 70% среди населения старше 16 лет (Татарко URL: https://cyberpsy.ru/articles/individualnye-cennosti-internet-aktivnost). Месячный охват аудитории Интернета составляет 83% (Mediascope 2019). Безусловно, возрастные группы продолжают демонстрировать разницу медиапотребления, выражающуюся, прежде всего, в том, что молодежь отдает предпочтение Интернету, а аудитория старшего возраста – традиционным электронным медиа.

Но, если рассматривать эти процессы через призму просвещения, то именно молодая аудитория в большей степени нуждается в подключении к участию в процессе популяризации русского языка.

С этой точки зрения новые медиа – чрезвычайно перспективная среда, которая отличается свойствами, делающими процесс распространения знаний максимально эффективным. Это такие качества, как интерактивность, мультимедийность, интертекстуальность, возможность накопления и сохранения архивов, удобная система поиска, вариабельность форматов.

Интерактивность – возможность постоянного контакта с аудиторией – опирается на доминирующий сегодня в медийном пространстве архетип творца, когда каждый пользователь становится автором и публикатором и хочет участвовать в процессе создания медиапроизведения. Возможность интерактивного взаимодействия в самых разных вариантах (в том числе с использованием элементов геймификации) позволяет вовлекать аудиторию в процесс сотворчества и формирует эффект интериоризации знания.

Мультимедийность – качество новых медиа, построенное на совмещении различных форматов распространения сведений (текста, аудио, видео, инфографики, рисунка и фотографии). Она позволяет «переупаковывать» контент в наиболее удобные для восприятия формы, закреплять информацию через ее повтор в разных контекстах.

Интертекстуальность как способность выстраивать взаимосвязи между разными текстами позволяет настолько углубляться в тему, насколько это желательно для аудитории. Процесс навигации по ресурсам, путешествия от текста к тексту сам по себе иногда вызывает удовольствие, стимулируя познавательный интерес. Это качество, находя подкрепление в богатых архивах, ограниченных в сети только поисковой активностью пользователя, усиливается за счет возможности обращения к самым разным источникам.

Таким образом, новейшие медиа становятся благоприятной площадкой для популяризации любых знаний – в том числе и знаний в сфере русского языка.

В числе платформ, представляющих подобные возможности, в качестве наиболее эффективных можно назвать следующие.

1. Специализированные порталы и сайты. Это ресурсы, полностью посвященные русскому языку, распространяющие знания в различных форматах.

Один из наиболее интересных примеров такой формы работы с аудиторией – портал «Грамота.ру». Он предлагает пользователю объемный теоретический материал в интересном, доступном, хорошо структурированном изложении и в сопровождении практических заданий (например, упражнений и диктантов). Также здесь мы можем найти одну из самых широких подборок разного типа словарей, причем и в мультимедийном формате. Пример – аудиословарь «Говори правильно», где главный редактор портала вместе с радиоведущим рассказывает о происхождении слов и учит их верно произносить. На этом же портале работают и интерактивные элементы: любой пользователь может задать вопрос, связанный с употреблением какого-либо слова, и получить квалифицированный ответ специалиста. Здесь же можно написать любой из многочисленных диктантов и проверить себя. А в разделе «Азбучные истины» развенчиваются самые распространенные мифы о языке.

Еще один интересный портал – «Культура письменной речи». Его создатели – учителя русского языка и литературы из Санкт-Петербурга. Они консультируют пользователей, помогают редактировать тексты. Но, пожалуй, наиболее интересный контент на портале – подборка учебно-справочных материалов по русскому языку (словари, научные и публицистические статьи, методический материал). Также ресурс содержит подборку типичных ошибок. Например, в «Зоне отдыха» можно почитать фрагменты сочинений школьников и абитуриентов.

Интерес представляет и образовательный ресурс «Текстология», рассчитанный на самую широкую аудиторию (от ученых-лингвистов до школьников). По содержанию контента он мало отличается от портала «Грамота.ру», но включает еще и большой литературный раздел.

Стоит упомянуть и еще два ресурса, схожих по структуре и представляющих одинаково интересные возможности, – это сайт «Правила русского языка» и «Best language». Первый содержит очень хорошо структурированные правила русского языка с удобной системой поиска и удачными примерами. Второй содержит сборник кратко изложенных правил по русскому языку.

Эти и многие другие ресурсы, безусловно, способствуют повышению грамотности пользователей. Их единственный, но существенный минус заключается в том, что для того, чтобы они начали «работать», у пользователя уже должен сформироваться интерес к предмету и потребность расширить знания в сфере русского языка.

Справиться с этой проблемой помогает объединение онлайн- и оффлайнформатов. Пример – «Онлайн-курсы тотального диктанта». Этот ресурс создан под конкретную оффлайн-акцию – «Тотальный диктант», однако уже с момента его запуска функционал портала вышел за границы самой акции. На портале работает школа, которая развивается в мультимедийном формате. Например, уроки школы архивируются в видеофайлах. Также здесь можно пройти курсы с забавными названиями «Мыш кродеться» и «Никогда не пиши «ни когда». Включение в процесс взаимодействия с аудиторией элементов геймификации значительно повышает эффективность работы ресурса.

Еще один способ преодоления проблемы невовлеченности аудитории в обсуждение вопросов русского языка – это включение темы в круг более широких по тематике проектов. Пример – курс о русском языке «Русский язык от "гой еси" до "лол кек"» на сайте издания «Арзамас». Этот курс имеет интересное графическое и видеосопровождение, что делает его привлекательным для аудитории. Попадая на сайт «Арзамаса», пользователь случайно сталкивается с новой и интересно поданной информацией и может заинтересоваться ею.

Такой же пример мы обнаруживаем на портале «Мел», где есть раздел «Грамотность на «Меле»». Каждое воскресенье в этой рубрике разбирается какая-то тема, связанная с русским языком, и проводится тестирование.

Также одним из подходов является визуализация контента. По мнению многих исследователей, процессы визуализации все активнее развиваются на современных медиаплатформах. Аудитория отдает предпочтение аудиовизуальным форматам. Вот почему видео, направленное на просвещение в сфере русского языка, достаточно эффективно. Один из удачных примеров –

видеолекции факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики, которые читают выдающиеся ученые.

И, наконец, еще один интересный способ привлечения внимания аудитории к теме – создание приложений для мобильных устройств. Все большее число пользователей (особенно молодых) предпочитает именно мобильные устройства в качестве основного канала информирования и коммуникации. Многие используют мобильный интернет, а многие привыкли обращаться к приложениям. Одно из таких приложений – «Глазарий языка». Это приложение-словарь, которое включает небольшие статьи об истории русского языка, о его структуре и нормах. Все статьи удобно размещены по блокам, которые почти полностью совпадают с разделами курса русского языка в школе.

2. Группы и аккаунты в социальных сетях

Важно отметить, что почти все ресурсы упомянутого нами ранее типа имеют свои представительства в социальных сетях. Так, проект «Грамотность на «Меле» можно найти в Facebook, ВКонтакте, Instagram и Telegram. И это не удивительно. Именно такой подход позволяет обратиться к максимально широкой аудитории. Информация, распространяемая через социальные сети, воспринимается большей частью пользователей как свободная, необязательная, альтернативная по отношению к классическим, традиционным форматам. Так, ресурс «Мела» в Instsgram – «kak_gramotno», профиль имеет более 300 тысяч подписчиков и содержит как иллюстративно-текстовый, так и видеоматериал по самым разным темам, связанным с грамотностью. В сторис рекомендуются книги соответствующей тематики, публикуются и разбираются распространенные ошибки, проводится тестирование. Аудитория канала реагирует активно – каждый пост имеет много лайков, комментариев и просмотров.

Еще один пример удачного использования элементов мультимедийности и геймификации – профиль в сети Instsgram «Котограмота». Его ведет художница Анна Беловицкая. Она объясняет сложные правила русского языка в веселых и интересных картинках, которые уже были изданы отдельными книгами в серии «Грамотные коты».

Большой популярностью в Instsgram пользуются ресурсы, в которых информация четко систематизирована. Это, например, «great_russian», ведущая которого, Полина Масалыгина, утверждает в шапке профиля: «Многие считают это блог лучшим. Так и есть! Иначе как бы он перерос в 3 книги?» (great_russian – URL: https://www.instagram.com/great_russian/ (дата обращения – 06.04.2021). Блог имеет более 500 тысяч очень активных подписчиков. Под каждым постом ведется обсуждение темы, даются ответы на вопросы.

Ряд профилей в Instsgram направлены на увеличение словарного запаса и объяснении значения слов. Это, например, блог «words on», каждый пост которого посвящен толкованию одного или нескольких слов.

Важно отметить, что в социальных сетях популяризация знаний в сфере русского языка может вестись как в формате отдельных профилей и групп, так и в формате проектов. Последний вариант часто можно обнаружить в группах и профилях учебных заведений. Так, Воронежский государственный университет запускает в социальной сети ВКонтакте проект «Алфавит», который состоит из коротких минутных выпусков. В каждом выпуске ученые университета объясняют значение слова, которое получило сегодня широкое распространение,

но точное значение которого известно далеко не всем (это такие слова, как *фейк, геймификация, биткоин* и т.п.). Видеоповествование сопровождается показом объектов, обозначаемых данным словом, что делает его определение запоминающимся.

Одна из самых популярных групп ВКонтакте, посвященная русскому языку – это «Я люблю русский язык!». Группа содержит много разноплановых материалов – от справочников и словарей до лингвистических шуток.

Также одним из популярных направлений ВКонтакте можно считать подготовку к ЕГЭ по русскому языку. Нам удалось насчитать более пятидесяти групп и сообществ подобной направленности.

То же можно сказать и о социальной сети Facebook. Ресурсов, посвященных русскому языку, на этой платформе немного, и большая часть из них имеет прикладной характер. В сопоставлении с ВК они имеют гораздо меньшее число подписчиков. Приятным исключением из этого правила является группа «Русский язык», в статусе которой указано: «Мы не учим, мы учимся». Эта группа публикует посты, связанные в большей степени с философией и психологией языка. Участники группы сами создают ее контент и формируют круг тем, по крупицам собирая на просторах Facebook интересные факты бытования языков, любопытные истории пользователей, как, например, вот эта: «Я медленно изучаю армянский язык, потому что некоторые его аспекты дают такой мощный эффект, что я могу зависнуть на несколько дней в озарении. Одно из таких озарений случилось, когда я ближе познакомился со словом Աշխատել (Ашхатель) – работать. Пытаясь к 7 апреля выучить стихотворение Шираза про маму, я обратил внимание на слово աշխարհն (ашхарх) – мир. Я спросил у друзей, а это слово как-то связано со словом ашхатель (работать). И как выяснилось – они однокоренные. Это было интересно. Но позже выяснилось то, что разорвало все мои шаблоны. Слово «ашхарх» (мир) по сути своей означает Создание, Творение. То есть мир – это то, что создано. А «ашхатель» (работать) – напрямую означает не что иное как «созидать». В русском языке слово «работать» однокоренное со словом «рабство»; слово труд ассоциируется со словом «трудно». А Созидать для нас – это какие-то высокие материи, дело избранных. А в армянском же любая работа – это Созидание» (Русский язык. – URL: https://www.facebook.com/groups/I.am.Rus). И тут же в комментариях группы автору возражают: «Ну вы совсем забыли русские "источники", когда "труд" был радение, и люди радивые!» К сожалению, группы с таким уровнем дискуссий на платформе Facebook немногочисленны.

В целом можно говорить о том, что социальные сети сегодня открывают большие возможности для ведения просветительской деятельности. Однако сложно не обратить внимание на бессистемный характер работы по повышению грамотности в социальных сетях в целом. Усилия, которые прикладывают авторы отдельных аккаунтов, тонут в море информации. Сведения, распространяемые на непрофильных аккаунтах, подчас получают больший аудиторный охват, чем контент профильных площадок. В связи с этим мы можем говорить о важности использования социальных сетей как источника информации в работе специалистов образовательной сферы (учителей, преподавателей, лекторов).

3. YouTube-каналы

Если же говорить об образовательном видеоконтенте в сфере пропаганды идей грамотности, то среди наиболее распространенных форм на самом популярном сегодня видеохостинге YouTube мы отмечаем:

– видеолекции в записи;

– прямые трансляции;

– обучающие профессиональные видео.

Все эти формы могут иметь самостоятельный характер и быть размещены только на образовательном YouTube-канале, а могут быть интегрированы с этой платформы в образовательный контекст (например, площадка ЮРАЙТ).

Чаще всего контент таких YouTube-каналов имеет обучающий характер и в большей степени направлен на формирование конкретных знаний, умений и навыков в сфере владения русским языком. Пример – плейлист «Русский язык» на канале «TutorOnline – уроки для школьников». Здесь рассматриваются конкретные темы уроков, а также даются рекомендации по подготовке к ЕГЭ. Оценки пользователей очень эмоциональны: «То самое чувство, когда за год в 7 классе ничего не понимал, но, посмотрев видео, всё сразу понял» (TutorOnline).

Такова же структура плейлиста «Русский язык» на канале «Profi education». Екатерина Зеленская, автор выпусков этого плейлиста, в очень доступной форме объясняет правила русского языка. Иногда упрощение достигает такого уровня, что это может вызвать некоторое недовольство аудитории и специалистов, отражаемое в комментариях. Впрочем, по нашему наблюдению, научно-популярный формат всегда вызывает недовольство ряда экспертов в силу того, что автор вынужден примитивизировать сложные явления и делать их доступными для широкого круга аудитории.

Абсолютно другой посыл содержит канал Павла Астапова, который содержит плейлист «Русский язык с Астаповым». Ведущий этого канала эпатирует публику, использует принцип экзотики – причем как на уровне формы, так и на уровне содержания. «Ошибки в популярных песнях», «Идеальная грамотность за пять минут», «Домашняя работа не нужна?» – такие названия видеороликов призваны привлечь внимание аудитории. Основным же результатом их просмотра может стать скорее интерес к сфере русского языка в целом, а не повышение грамотности или усвоение норм.

Схожий эффект мы наблюдаем и после просмотра видео «Русский язык» на канале «Энциклоп». Этот канал рассказывает об особенностях самых разных языков мира, в том числе и русского. Он рассматривает русский язык как в ретроспективе, так и с позиций современности.

На формирование интереса к русскому языку направлено и видео, записанное в востребованном в мире научно-популярном формате TED. «Русский язык глазами иностранца» заставляет нас по-новому посмотреть на то, к чему мы давно привыкли, вызывая так называемый эффект ага-переживания, «мира впервые» и «обновляя» интерес к, казалось бы, обыденному.

Еще одно популярное на YouTube-платформе направление – это различные упражнения и тесты. Так, на канале «Сломай мозг» зрителю предлагают пройти «Тест по грамматике», «Школьный тест по русскому языку» и «Тест на словарный запас». А на канале «Свобода речи. Ораторское мастерство» постоянно обновляется видео с уроками по развитию навыков устной речи.

Достаточно часто видеоблоги содержат конкретные рекомендации по усвоению норм русского языка в жанре лайфхака. Например, на канале

«Издательство Успех» мы обнаруживаем видео «Русский онлайн: Как развить интуитивную грамотность? 6 практических советов для развития грамотности» и много аналогичных видео, где ведущий в течение 15 минут раскрывает достаточно сложную тему. Этот же канал содержит много видео в жанре таг, основанном на ответах на вопросы зрителей.

В числе менее популярных каналов, имеющих незначительное число подписчиков – аккаунты, на которых размещены выпуски телевизионных передач, посвященных русскому языку. Так, на канале «Николай Васильевич» размещены выпуски передачи «Живое слово» телеканала «Культура».

И, наконец, значительный сектор видеоблогинга на платформе YouTube адресован тем, для кого русский язык – иностранный. Такие блоги характеризуются дублированием информации в титрах, замедленным темпоритмом подачи информации и визуализацией. Пример – канал «О русском – по-русски».

4. Аудиоподкасты

Этот формат удобен тем, что позволяет воспринимать информацию на слух, параллельно совершая какие-либо действия, что вполне отвечает такому качеству современной сетевой аудитории, как мультизадачность. Пример – подкаст «Розенталь и Гильденстерн». Его ведущие – журналист Александр Садиков и главный редактор портала «Грамота.ру» Владимир Пахомов. Тематика бесед очень широкая – от истории русской орфографии до проблем, связанный с использованием феминитивов.

Еще один пример – подкаст на сайте «Арзамас», где ведущие обсуждают вопросы правописания, диалекты, запрещенные русские корни и предлагают пройти тест «Поймете ли вы древнерусских?».

Обобщая контент новых медиа, направленный на популяризацию русского языка, признаем, что он достаточно разнообразен как по форме, так и по содержанию. Ресурсы такого рода могут заметно отличаться по целому ряду признаков. Остановимся на основных.

По первичности контента:

1. Оригинальные. Создаются на платформах социальных сетей с учетом их особенностей («Русский язык» на Facebook);
2. Вторичные. Материалы иных медиа ретранслируются в социальных сетях («Николай Васильевич» на YouTube). Текстовые файлы нередко копируются в сеть с сайтов изданий или организаций (группа «Русский язык» Вконтакте);
3. Гибридные. Создаются материнскими медиа, но публикации адаптируются под специфику каждой из платформ («Мел»).

По типу контента:

1. Профессиональные. В их числе можно выделить медийные, научные и образовательные аккаунты. Авторство первых принадлежит журналистам. Вторые – результат работы исследовательских коллективов. Они, как правило, связаны с какими-либо научными и научно-просветительскими медиа. Контент образовательных аккаунтов создается преподавателями или пресс-службам образовательных учреждений. Степень новизны текстов не столь высока, как у аккаунтов предыдущего типа. Однако сильной стороной работы таких групп можно считать активную интеграцию материала в образовательный процесс.

2. Любительские. В этом случае авторство принадлежит лицам, не имеющим профильного образования и не связанным с медиасферой. Такие аккаунты, как

правило, недолговечны. Их контент зачастую формируется на основе репостов из других социальных сетей или аккаунтов и может транслировать псевдонаучные факты.

По каналу трансляции информации:

1. Аудиовизуальные. Содержат преимущественно видео. Размещаются на видеохостингах (YouTube, Яндекс видео) или профильных аккаунтах в сети Instagram. Преимущество таких аккаунтов заключается не только в том, что современная аудитория все больше относится к так называемому «поколению смотрящих» (Мультимедийная журналистика 2017), но и в том, что видеоконтент можно воспринимать в фоновом режиме, только на уровне звука, или напротив – с отключением звука и подключением субтитров.

2. Текстовые. Этот тип аккаунтов может иметь разную структуру. Первый вариант построен на преобладании текста над картинкой (посты на Facebook), второй – на приоритетности картинки по отношению к тексту (посты в Instagram).

3. Мультимедийные. Объединяют весь потенциал современных медиа.

По задачам:

1. Самостоятельные. Направлены только на просвещение в области русского языка.

2. Интегрированные. Включают компонент просвещения в свой контент, но предлагают пользователю более широкий набор опций: обучение на конкретных курсах, приобретение образовательных товаров и услуг, консультативные возможности.

По жанровому наполнению:

1. Моножанровые. К примеру, контент плейлиста «Русский язык» на канале «Profi education» полностью основан на жанре видеолекции. Преимущество таких блогов заключается в том, что аудитория привыкает получать информацию в определенной, узнаваемой форме.

2. Полижанровые. Это практически все группы ВКонтакте и на Facebook. Доминирующий жанр на этих платформах определить невозможно. А если и можно сделать срез на текущий момент времени, то в тот же момент может появиться публикация в новом жанре. Такая подвижность и разноплановость публикации создает ощущение современности канала и «живого» процесса, что также гарантирует интерес аудитории.

По характеру взаимодействия с аудиторией:

1. Интерактивные. Предполагают возможности комментирования, размещение материалов аудиторией, участие в опросах и обсуждениях тем, акции, конкурсы, тесты, уроки, диктанты, консультации и т.п. Большая часть просветительских аккаунтов в сфере русского языка представлена именно в этом варианте.

2. Закрытые. Направлены на одностороннее информирование. К такому типу чаще относятся интегрированные паблики, авторство которых принадлежит организациям (например, вузам, факультетам, кафедрам, преподавателям). Выбор этой формы связан преимущественно с репутационными рисками.

По целевой направленности:

1. Образовательные. Ориентированы на использование в образовательном процессе и согласованные с учебным планом.

2. Просветительские. Направленны на широкую аудиторию.

3. Имиджевые. Направлены на формирование имиджа организации, ее структурного подразделения или человека;

4. Комбинированные.

Важно отметить, что в сферу популяризации русского языка проникают и новые технологии. Так, например, мы можем обнаружить в сети уроки русского языка для иностранцев, созданные в формате видео 360 градусов (https://www.youtube.com/watch?v=isNbGxuUaHI&ab_channel=VRKINGS). Это позволяет воспроизвести эффект полного присутствия на уроке и стимулирует процесс вовлечения. Такое видео, как правило, имеет постановочный характер. Качество сценария, режиссуры, игры актеров иногда не выдерживает критики, однако непривычная технология съемки пока еще вызывает интерес.

Подводя итоги, подчеркнем: новые медиа сегодня имеют большой доступ к аудитории, и их участие в жизни социума, по общим прогнозам исследователей, будет только усиливаться. Важно, таким образом, использовать сетевые платформы для пропаганды русского языка и постоянно сканировать сетевое пространство в поиске новых форм взаимодействия с аудиторией.

5.3. Просветительская работа в области русского языка в проекте «Территория слова» в Воронеже

Просветительская работа в области русского языка в регионах исключительно важна. Именно здесь возможен наиболее тесный контакт с заинтересованной аудиторией.

В Воронеже уже 20 лет реализуется просветительский культурно-образовательный проект «Территория слова». Проект, направленный на повышение культуры речи, грамотности, уровня владения русским языком населения региона, осуществляется Воронежским университетом и ГТРК «Воронеж».

Инициаторы проекта – профессор ВГУ И.А. Стернин и кандидат филологических наук, журналист Л.Н. Дьякова. Руководитель проекта – профессор ВГУ И.А. Стернин.

20 октября 2001 г. на воронежском ТВ вышла первая телевизионная программа «Территория слова», которая имела 20-минутный формат до 16 февраля 2003 г., когда в связи с реорганизацией сетки вещания программа перешла на радио.

20 сентября 2002 г. вышла первая радиопрограмма «Территория слова», которая продолжает свою работу по настоящее время. Формат – еженедельно, 40 минут в прямом эфире. Ведущие программы – профессора И.А. Стернин, Н.М. Вахтель, доц. М.Я. Розенфельд, журналист Л.Н. Дьякова – работают на общественных началах.

На примере «Территории слова» мы можем наблюдать, как менялось время и технические возможности общения с аудиторией. Программа идёт в прямом эфире, на 80% состоит из вопросов и ответов. Раньше их задавали только по телефону или присылали по почте (традиционные бумажные письма). Сегодня же запись передачи и подкасты размещаются интернете, сообщество «Территория слова» появилось в социальных сетях.

Если телефон и письма – удел возрастной аудитории, то в интернете передачу слушают студенты, школьники, и здесь же они задают вопросы,

присылают фото, делятся наблюдениями. География слушателей заметно расширилась: Москва, Йошкар-Ола, Севастополь, Нижний Новгород, Волгоград, Ростов-на-Дону. Слушают передачу в США, Германии, Черногории. Самый большой архив передач собрал житель Калифорнии Максим Гончаров – большой поклонник воронежского радио, он продвигает «Территорию слова» в эмигрантской среде.

Улучшение радиосигнала тоже сделало передачу доступней. «Территория слова» выходит на волнах 95,9 FM (это «Радио России», куда «врезается» Воронеж), передачу стали слушать водители, и это сразу заметили авторы программы. Водители стали задавать вопросы.

При том, что передачу больше 20 лет ведут одни и те же люди, она все время меняется. Изменились запросы слушателей. Им уже мало простой консультации – как писать, как ставить ударение. Им хочется разговора, шутки, воспоминаний, рассуждений и мнений. Воронежцев всё больше интересует история слов и выражений, подробная этимологическая справка, значение новомодных иностранных слов.

Во время прямого эфира несколько человек всегда получают возможность высказаться, поблагодарить создателей передачи или сделать замечание, рассказать анекдот, уточнить, спросить и т.д. В социальных сетях они комментируют передачи, помогают в их распространении, делают перепосты.

Иногда случаются обиды («я первый позвонил и правильно ответил, а вы отдали балл другому», «вы не дали мне слова, я так хотел почитать свои стихи!») и, напротив, радостные моменты («Мы тут поспорили, как слово пишется, я выиграл», «вы рассказали о выражении, которое очень любила моя мама, спасибо»).

Слушатели гордятся, если замечают ошибки в ответах учёных («вы сказали, что в слове «головотяпство» три буквы О, а там их четыре»), если могут внести добавление к ответу на вопрос, да и стараются найти для ведущих вопросы «позаковырестей», покаверзнее, чтобы подобно шукшинскому герою «срезать» ведущих. Иногда вопрос слушателей превращается в настоящий детектив или поисковую операцию. Чем сложнее вопросы – тем интереснее эфир.

Можно ли считать «Территорию слова» интерактивной передачей? Безусловно.

Прямой эфир показывает многосторонность интерактивного общения, неотрепетированность аргументов и выводов, движение мысли, импровизацию.

Прямой эфир – не только особенность *формы* передачи, а скорее, особенность *метода* общения с аудиторией. В нем заключены самые разнообразные формы вовлечения людей в круг общения, массовой ответной реакции. Отдельные рубрики, задания слушателям, конкурсы с подведением итогов – все это делает передачу интерактивной.

В «Территории слова» используются такие рубрики, как *Покопаемся, Есть ли ошибка, Объясните разницу*, в рамках которых слушатели должны позвонить в студию. Нередко авторы обращаются к слушателям с просьбой позвонить и объяснить то или иное выражение, вспомнить необычные слова своих дедушек и бабушек, слова, используемые только в определенной местности, предложить новую рубрику. Именно слушатели предложили такие рубрики, как *Диктантик, Хорошо сказано, Как с кем разговаривать.*

Авторы передачи организуют ежегодные встречи со слушателями в областной библиотеке, а также ежегодно подводят итоги конкурса на самый интересный вопрос или рассказ о словах в прямом эфире, самое интересное письмо на программу.

Проводятся конкурсы для радиослушателей – «Письмо года», «Самый активный радиослушатель», «Самая интересная история».

В конце каждого года победители приглашаются в университет, где проходит обсуждение передачи, а самые активные слушатели получают призы и грамоты.

«Территория слова» использует различные виды обратной связи со слушателями (сайт, социальные сети, телефон, письма бумажные, письма электронные, комментарии в интернете, вывод слушателей в прямой эфир), что вполне соответствует понятию интерактивного радио.

Авторы передачи на протяжении всего времени ее существования наблюдают интеллектуальный и технический рост своей аудитории. Она стала намного требовательнее к качеству дискуссий, мобильнее и даже смелее. Если раньше многие стеснялись назвать свое имя, адрес, профессию, то сегодня практически все слушатели с удовольствием представляются, рассказывают о себе. Вопросы, поднимаемые ими, становятся все более разнообразными и глубокими.

Радиопрограмма «Территория слова», за время эфира отвечает на 20–25 вопросов радиослушателей еженедельно.

В этом заслуга большой команды ученых, журналистов, звукорежиссеров, техников и, конечно же, самих радиослушателей.

Дважды – в 2006 и 2015 гг. радиопрограмма «Территория слова» была победителем областного конкурса журналистов.

В рамках проекта «Территория слова» для работников Воронежской телерадиокомпании выпускается бюллетень «Службы русского языка» - «Фильтруй базар в эфире!» с анализом допускаемых журналистами в эфире ошибок.

Выходят регулярные колонки «Службы русского языка» в воронежских газетах, ежегодно проводится просветительский час «Территории слова» на региональном фестивале бардовской песни «Парус надежды».

Проект «Территория слова» также включает совместную программу поддержки русского языка с областной научной библиотекой им. И.С. Никитина.

На базе библиотеки уже много лет проводится публичный лекторий «Русский язык сегодня». За последние годы жители города прослушали лекции и приняли участие в дискуссиях по следующим темам:

1. Что происходит с русским языком?
2. Можно ли победить сквернословие?
3. Жаргон и сленг в русском языке.
4. Современное русское правописание.
5. Современная русская фразеология.
6. Иностранные слова в русском языке.
7. Культура речи в современном понимании.
8. Язык современных СМИ.
9. Особенности русского общения.
10. Произошла ли реформа русского языка?
11. Толерантность и терпимость.

12. Что меняется в русском языке?
13. Русские имена сегодня.
14. Названия воронежских городов и сел.
15. Основные этапы развития русского языка.
16. Какие слова есть только в русском языке?
17. Чего нет в русском языке?
18. Можно ли запретить иностранные слова?

Лекции читают ведущие ученые Воронежского университета, после лекции – ответы на вопросы и дискуссия.

В рамках данного проекта филологи ездят по районам области совместно с работниками библиотек и выступают на темы русского языка, проводятся встречи с филологами в городских библиотеках.

Совместно с Областной библиотекой ежегодно проводятся и городские праздники-конкурсы:

8 сентября – Всемирный день грамотности, диктант для всех желающих, определение самого грамотного воронежца.

21 февраля – Международный день родного языка (конкурс грамотности студентов ВГУ, конкурсы для зрителей).

Консультативная помощь

Жители региона должны иметь возможность получения консультативной помощи в области русского языка. В связи с этим была создана и уже 20 лет действует телефонная «Служба русского языка» для г. Воронежа.

Задача Службы – предоставить бесплатную консультативную помощь жителям Воронежа в области русского языка и культуры речи. Работа службы осуществляется по рабочим дням с 16.00 до 18.00, тел. 2 208 537.

Консультантами выступают профессиональные лингвисты, преподаватели высших учебных заведений, доктора и кандидаты наук, а также высококвалифицированные вузовские преподаватели-практики.

Служба оказывает консультативную помощь гражданам в сфере норм русской речи:

- Правильное (нормативное) произношение
- Правильное (нормативное) словоупотребление
- Нормативная орфография и пунктуация
- Значения отдельных русских слов и оборотов речи

«Служба» отвечает на 2–3 тысячи вопросов жителей Воронежа ежегодно.

Консультанты телефонной «Службы русского языка»: доценты Г.Я. Селезнева, М.С. Саломатина, М.Я. Розенфельд, А.В. Рудакова, асп. Э.В. Пархоц, ветераны «Службы русского языка», ныне пенсионеры доценты В.Б. Базилевская, К.П. Ленченко, С.А. Гостеева также работали и работают в ней на общественных началах.

Всего за 20 лет программа «Территория слова», телефонная «Служба русского языка», страница «Служба русского языка» в газете «Семерочка» ответили почти на 40 тыс. вопросов воронежцев.

В рамках проекта проводятся и другие мероприятия.

Центр коммуникативных исследований Воронежского университета в плане работы по повышению уровня речевой культуры региона предлагает для всех

желающих курсы коммуникативной подготовки: риторика, культура речи, деловое общение, общение с мужчинами и женщинами, коммуникативный тренинг «Деловое общение» и другие.

Кафедра общего языкознания и стилистики и Центр коммуникативных исследований ВГУ издает также большое количество популярной литературы по русскому языку и культуре речи. Так, кафедрой общего языкознания и центром коммуникативных исследований ВГУ за последние годы выпущены :

Как с кем разговаривать
Общение с мужчинами и женщинами
Общение с агрессивным собеседником
Общение со старшим поколением
Общение с детьми
Приемы речевого воздействия
Культура речи государственного служащего
Русский речевой этикет
Электронный этикет
Мобильный этикет

Кафедрой подготовлены также многочисленные небольшие по объему учебные пособия по культуре речи, орфографии и пунктуации, рабочие тетради, которые позволяют на практике освоить наиболее трудные случаи культуры русской речи (см. полную библиографию в Гл. 6).

20 лет подряд ежегодно проводится областной Фестиваль риторики для учащихся – соревнование в мастерстве публичного выступления. В программе Фестиваля риторики также отводится место конкурсу каллиграфии и соревнованию по дебатам между командами школ.

Студенты-нефилологи ВГУ ежегодно участвуют в конкурсе по русскому языку и культуре речи, результаты которого подводятся 21 февраля в областной библиотеке на городском празднике «День родного языка».

Много лет филологическим факультетом Воронежского госуниверситета проводился городской конкурс выразительного чтения «Конкурс чтецов», ежегодно проводится научная конференция старшеклассников «Русский язык и культура речи глазами школьников», исследования школьников ежегодно публикуются в сборнике «Культура общения и ее формирование».

В активе просветительской работы также областной конкурс «Вежливый Воронеж», конкурс плакатов против сквернословия, конкурс сочинений школьников «Зачем нужна вежливость».

В ежегодном городском конкурсе «Самый грамотный» 8 сентября в «Международный день грамотности» соревнуются учащиеся и взрослое население города (конкурс проводится преподавателями ВГУ совместно с областной библиотекой им. И.С. Никитина); определяются самый грамотный школьник, студент, пенсионер, курсант, рабочий человек, инженер, милиционер, врач и т.д.

В заключение приведем трогательное письмо радиослушательницы, поступившее на передачу «Территория слова»:

О любви к русскому языку

На склоне лет, снова и снова, я признаюсь в любви родному языку. Какое

наслаждение для души читать или слушать прекрасную русскую речь... Наш родной язык, как живой родник хрустальной чистоты, дающий и силы, и мудрость, и радость, и гордость. Как неиссякаемый колодец той безмерной глубины, что черпай – не вычерпаешь. Он основа, фундамент всей культуры, истории русской, красоты и юмора и мудрости народной. Это чудный, волшебный ларец – полон он несметных богатств... Там сверкают алмазы, сапфиры, рубины, изумруды и перлы, и золота блеск... Только все под большими замками, и найти и отыскать к ним ключи и добыть-подобрать по крупинке то, единственное нужное слово, чтобы оно ожилО, «засверкало», «запело» – вот отрада душе, вот живительный свет – это чудо великое – русская речь!

Но не всем подвластны те замки, и не каждому ключи к ним достаются. Только Божий Дар и большая любовь, да еще терпение и огромный труд могут приоткрыть те «кладовые»...

Ах, как чуден наш русский язык и как радостно «строить» удачную фразу, «поиграть» со словами – поменять, переставить – послушать и услышать мелодию слов... Словно нижешь на нитку мысли чудные слова, как бусины цветные, или шелковой гладью, стежок за стежком, ты красивый узор вышиваешь...

Жаль, что поздно открылся мне этот волшебный, таинственный мир нашей речи. Повседневная жизнь, все заботы, проблемы, времени не оставляли для «общения со словом». В старости бессонница открыла доступ к чуду слова. К сожалению, поздно, уже память «не та» и слова подбирать не так просто, и души настроение иное... Этот волшебный ларец для иного ума. Ну хотя бы, лет двадцать назад, но не в семьдесят пять... В жизни было о чем рассказать – только время ушло, «вкуса» тех впечатлений уже не вернуть – все покрыто туманом...

Не судьба, не дано! Очень жаль...

Жанна Владимировна Смольянова
Апрель 2018

Использованная литература

Neuman R. The Future of the mass Audience. – Cambridge, 1991. – P. 50.

Корконосенко С.Г. Медиаполис: другое измерение современного мегаполиса // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 1. – С. 15–28.

Татарко А.Н., Миронова А.А., Макласова Е.В. Индивидуальные ценности и активности использования интернета: сопоставление России и Европейских стран. – URL: https://cyberpsy.ru/articles/individualnye-cennosti-internet-aktivnost/.

Mediascope, Установочное исследование Web-Index, Россия 100+, население 12+, июнь-ноябрь 2019.

great_russian – URL: https://www.instagram.com/great_russian/.

Русский язык. – URL: https://www.facebook.com/groups/I.am.Rus.

TutorOnline – уроки для школьников – URL: https://www.youtube.com/watch?v=LSz7yOeouoU&list=PLSsIYv8E1ENyVyZ2ctVkhmxSqbup7GV0W&ab_channel=TutorOnline-%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D0%B4%D0%BB%D1%8F%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2.

Мультимедийная журналистика / под общ. ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 413 с.

Глава 6.
Публикации участников проекта «Современная речевая практика» (2001–2021)

Проект «Современная речевая практика» осуществляется ведущей научной школой ВГУ в области общего и русского языкознания З.Д. Поповой с 2011 г.

В проекте исследуются теоретические вопросы развития современного русского языка, активные процессы в современном русском языке, коммуникативные процессы в русском общении, анализируется сфера незнания людей в области русского языка, разрабатываются основные направления и формы просветительской деятельности в области русского языка и культуры русской речи, актуальные для современной России.

В рамках проекта осуществлены многочисленные публикации и выпускаются продолжающиеся научные сборники.

В данной главе приводится библиография трудов участников проекта – преподавателей, студентов и магистрантов кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ, сотрудников Центра коммуникативных исследований ВГУ в области современной речевой практики носителей русского языка, а также студентов и магистрантов кафедры общего языкознания и стилистики, участвующих в реализации проекта.

Библиография включает публикации разного жанра по проблемам русского языка, культуры русской речи, культуры общения, риторики и делового общения, сопоставления русского языка с другими языками, а также словари русского языка различного типа, подготовленные в рамках проекта.

Участники проекта:
Проф.Попова З.Д.
Проф.Стернин И.А.
Проф.Чарыкова О.Н.
Доц.Селезнева Г.Я.
Доц.Козельская Н.А.
Доц.Рудакова А.В.
Доц.Саломатина М.С.
Доц.Розенфельд М.Я.
Доц.Дьякова Л.Н.
Ст преп.Акованцева Н.В.

Публикации участников проекта приводятся по годам в следующей последовательности:

1. монографии по русскому языку и словари русского языка;
2. учебные пособия по русскому языку;
3. продолжающиеся научные издания;
4. статьи преподавателей – участников проекта;
5. просветительские публикации по русскому языку.

6.1. Монографии по русскому языку и словари русского языка

2001

Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. – Воронеж, 2001. –136 с.

2002

Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2002 (коллективная монография).

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002. – 60 с.

2003

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Изд. 2., испр. – Воронеж, 2003. – 60 с.

Попова З.Д., Волохина Г.А. Многокомпонентные сложные предложения как микротекст. – Воронеж, 2003. – 199 с.

Стернин И.А. Значение слова и его компоненты. – Воронеж: Истоки, 2003. – 19 с.

2004

Стернин И.А., Уфимцева Н.В., Милехина В.И., Эккерт Х., Топорова В.М. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков. – Москва-Воронеж: Истоки, 2004. – 130 с.

Die russische Sprache im Umbruch. Lexikalische und funktionale Veränderungen im Russischen an der Schwelle des 21. Jahrhunderts. – Verlag Dr.Kovać. Hamburg, 2004. – 130 s. (в соавторстве с H. Eckert).

2005

Стернин И.А., Шилова Г.Е. Частотный словарь иноязычных слов. – Воронеж: Истоки, 2005. – 126 с.

Юмашева Г.Ю. Стилистические изменения в русской лексике конца XX – начала XXI века (на материале существительного) Борисоглебск, 2005. -135 с.

2006

Стернин И.А., Чубур Т.А., Зленко И.П., Черепкова Н.М., Поталуй В.В., Маклакова Е.А., Зимина Л.И. Контрастивная лексикология и лексикография. – Воронеж: Истоки, 2006. – 340 с.

2007

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Изд. 3, доп. и испр. – Воронеж, 2007. – 61 с.

Попова З.Д., Волохина Г.А. Русские глагольные суффиксы: семантика, функции. – Воронеж, 2007. – 87 с.

2009

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. – Изд. 2. испр. и доп. – М.: URSS, 2009. – 171 с.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. – Воронеж, 2009. – 210 с.

2010

Языковое сознание жителей Воронежа. Монография. Воронеж: Истоки, 2010. – 250 с. (коллектив авторов)

Коммуникативное поведение. – Вып. 32. – Академическое общение. Колл. монография. – Воронеж: Истоки, 2010. – 194 с.

Попова З.Д., Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии. Фразеосочетания в системе языка. Издание второе. – М., 2010. − 192 с.

2011

Ассоциативный словарь употребительной русской лексики / [Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой]. – Воронеж: Истоки, 2011. – 183 с. (коллектив авторов)

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. – Изд. 3. – М.: URSS, 2011. – 171 с.

Чарыкова О.Н., Дионк Камель Образ Кавказа в художественной картине мира М.Ю. Лермонтова. Лингвистический аспект (монография). – LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrueken, Deutschland, 2011. – 151 с.

Территория слова. / Ред. Л.Н.Дьякова. - Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2011. 184 с.

2012

Стернин И.А., Быкова Г.В., Глазычева Н.Л., Лу Чуньюэ Лакуны и их описание. Межкультурная коммуникация: Россия-Китай. Словарь лакун. – Благовещенск: БГПИ, 2012. – С. 4–24.

2014

Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии: монография / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2014. – 184 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. – Изд. 4. – М.: URSS, 2014. – 171 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. − М.-Берлин, 2015. – 101 с.

Попова З.Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). – Воронеж, 2014. – 232 с.

2015

Стернин И.А., Шаламова Э.В. Русская разговорная автомобильная лексика. Словарь. – Воронеж: Истоки, 2016. – 64 с.

2018

Научная школа профессора З.Д. Поповой. Коллективная монография. – Воронеж : Истоки, 2018. – 248 с. (коллектив авторов)

Рудакова А.В., Коваленко С.В., Стернин И.А. Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Вып. 1. Антропонимы. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – 136 с. // https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/dict/psy-ling/psy-ling1.pdf

Рудакова А.В., Коваленко С.В., Стернин И.А. Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Вып. 2. Антропонимы. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – 127 с. // https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/dict/psy-ling/psy-ling2.pdf

Рудакова А.В., Коваленко С.В., Стернин И.А. Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Вып. 3. Антропонимы. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – 108 с. // https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/dict/psy-ling/psy-ling3.pdf

Чарыкова О.Н., Мэй Цзылинь Перцептивная лексика в рекламном тексте. Монография. – Воронеж: ООО «Издательство Ритм», 2018. – 116 с.

2019

Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Вып. 6/1. Частотная лексика / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. – 130 с. // https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/psy-ling/psy-ling6-1.pdf (Группа соавторов)

Стернин И.А., Рудакова А.В., Соколова-Сторчай Э.Ю. Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Вып. 8. Синонимы (с комментариями). – Ч. 1 / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. – 140 с. // https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/psy-ling/psy-ling8-1.pdf

Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Вып. 10/1. Гендерные значения (с комментариями) / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: Издательство ООО «РИТМ», 2019. – 175 с.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Вып. 9/1. Возрастные значения (с комментариями) / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. – 178 с.

Стернин И.А., Шаламова Э.В. Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Вып. 5. Наименования автомобилей. – Воронеж: издательство «ООО РИТМ», 2019. – 34 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка (на арабском языке). Пер. на арабский Тахсина Разака Азиза. – Алжир: г. Оран, издательство Ибн Аль-Надим. – 271 с.

2020

Рудакова А.В., Коваленко С.В., Стернин И.А. Психолингвистический толковый словарь русского языка: Антропонимы. Вып. 4. – Воронеж: Издательство ООО «РИТМ», 2020. – 126 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В., Колесникова Е.И. Гендерный дифференциальный психолингвистический словарь русского языка. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – 198 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В., Растегаева Т.В. Возрастной дифференциальный психолингвистический словарь русского языка. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – 158 с.

6.2. Учебные пособия по русскому языку, культуре речи, риторике, деловому общению

2001

Селезнева Г.Я. Русская фразеология. Учебно-методическое пособие. – Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 2001. – 58 с.

Стернин И.А., Новичихина М.Е. Культура делового общения. – Воронеж, 2001. – 232 с.

Стернин И.А., Мудрова Л.Д., Лазуренко Е.Ю. Культура общения. Дидактический материал. 6 класс. Выпуск 4. – Воронеж, 2001. – Изд. 2, испр. – 23 с.

Стернин И.А., Мудрова Л.Д., Лазуренко Е.Ю. Культура общения. Дидактический материал. 5 класс. Выпуск 4. – Изд. 2, стереотипное. – Воронеж, 2001. – 43 с.

Стернин И.А., Мудрова Л.Д., Лазуренко Е.Ю. Культура общения. Дидактический материал. 7 класс. Выпуск 4. – Изд. 2, испр. – Воронеж, 2001. 14 с.

Стернин И.А., Мудрова Л.Д., Лазуренко Е.Ю., Журавлева Н.В. Культура общения. Дидактический материал. 8 класс. Выпуск 4. – Изд. 2, исп. – Воронеж, 2001. – 22 с.

Стернин И.А., Тавдгиридзе Л.А., Котова С.В., Новичихина М.Е. Культура общения. Дидактический материал. 9 класс. Выпуск 4. – Воронеж, 2001. – Изд. 2, испр. 50 с.

Стернин И.А., Лемяскина Н.А. Культура общения. 1–2 классы. Книга для учителя. – Воронеж, 2001. – 126 с.

Стернин И.А., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д. Культура общения. Книга для учащихся. 7 класс. – Воронеж, 2001. – 133 с.

Стернин И.А., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д., Журавлева Н.В. Культура общения. Книга для учащихся. 8 класс. – Воронеж, 2001. –136 с.

Стернин И.А. Общение с мужчинами и женщинами. – Воронеж, 2001. – 35 с.

Стернин И.А., Лемяскина Н.А. Культура общения. 3–4 классы. Книга для учителя. – Воронеж, 2001. – 136 с.

Стернин И.А., Грищук Е.И., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д. Культура общения. 5 кл. – Вып. 1. – Изд. 2., перераб. – Воронеж, 2001. – 40 с.

Стернин И.А., Грищук Е.И., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д. Культура общения. 6 кл. – Вып. 1. – Изд. 3., перераб. – Воронеж, 2001. – 26 с.

Стернин И.А., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д. Культура общения. 7 кл. – Вып. 1. – Изд. 2., перераб. – Воронеж, 2001. – 41 с.

Стернин И.А., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д. Культура общения. 8 кл. – Вып. 1. – Изд. 2., перераб. – Воронеж, 2001. – 38 с.

Стернин И.А., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д. Культура общения. 5 кл. – Вып. 1. – Изд. 2., перераб. – Воронеж, 2001. – 32 с.

Стернин И.А., Грищук Е.И., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д. Культура общения. 5 класс. Книга для учителя. – Вып. 2. – Изд. 3., перераб. – Воронеж, 2001. – 22 с.

Стернин И.А., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д. Культура общения. 6 класс. Книга для учителя. – Вып. 2. – Изд. 3., перераб. – Воронеж, 2001. – 23 с.

Стернин И.А., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д. Культура общения. 7 класс. Книга для учителя. – Вып. 2. – Изд. 3., перераб. – Воронеж, 2001. – 26 с.

Стернин И.А., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д., Журавлева Н.В. Культура общения. 8 класс. Книга для учителя. – Вып. 2. – Изд. 3., перераб. – Воронеж, 2001. – 26 с.

Стернин И.А., Новиихина М.Е. Культура общения. 9 класс. Книга для учителя. – Вып. 2. – Изд. 3., перераб. – Воронеж, 2001. – 17 с.

Стернин И.А., Журавлева Н.В. Иностранные слова. – Воронеж, 2001. –18 с.

2002

Стернин И.А., Новичихина М.Е. Культура делового общения. – Изд. 2., стереотип. – Воронеж, 2002. – 232 с.

Стернин И.А. Риторика. – Воронеж: Кварта, 2002. – 223 с.

Стернин И.А. Культура речи учителя. – Воронеж, 2002. – Изд. 5, испр. и доп.

Стернин И.А. Как общаться с экзаменатором. – Воронеж, 2002. – 12 с.

Стернин И.А., Купина Н.А., Чернышова Е.Б. Культура общения для дошкольников. – Воронеж, 2002. – 156 с.

Стернин И.А., Лазуренко Е.Ю., Мудрова Л.Д. Культура общения. Книга для учащихся. 7 класс. – Воронеж, 2002.

Стернин И.А. Культура общения. Образовательный стандарт. – Воронеж, 2002. – 20 с.

Стернин И.А. Скороговорки и чистоговорки на уроках культуры общения. – Воронеж, 2002. – 17 с.

Стернин И.А. Культура общения. 1–11 классы. Программа. – Воронеж, 2002. – 74 с.

Стернин И.А., Грищук Е.И., Журавлева Н.В., Лазуренко Е.Ю., Новичихина М.Е. Культура речи учителя. – Изд.V, испр. и перераб. – Воронеж, 2002. –16 с.

2003

Саломатина М.С., Стернин И.А. Русский язык и культура речи: Учебно-методическое пособие. – Воронеж : Истоки, 2003. – 59 с.

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Изд. 3, стереот. – Воронеж, 2003. – 74 с.

Стернин И.А. Риторика в объяснениях и упражнениях. – Борисоглебск: БГПИ, 2003. – 212 с.

Стернин И.А. Практическая риторика. – М.: Академия, 2003. – 269 с.

2004

Селезнева Г.Я. Политическая фразеология. Учебно-методическое пособие по специальности ГСЭ.В.04.1. – Воронеж : Изд-во Воронежского госуниверситета, 2004.– 71 с.

Саломатина М.С., Стернин И.А. Русский язык и культура речи: Учебно-методическое пособие для нефилологических специальностей. Изд. 2, испр. и доп. – Воронеж : ВГУ, 2004. – 63 с.

Стернин И.А., Тавдгиридзе Л.А. Культура устной и публичной речи. – Воронеж: АОНО «ИММиФ», 2004. – 214 с.

Стернин И.А., Журавлева Н.В. Иностранные слова. Словарь-минимум. – Воронеж, 2005. – 19 с.

Попова З.Д. Введение в лингвистическую специальность. Учеб.-метод. пособие. – Воронеж, 2004. – 15 с.

2005

Рудакова А.В., Стернин И.А. Культура речи учителя: учебно-метод. пособие. – Изд. 5, испр. и перераб. – Воронеж, 2005. – 29 с. (в соавторстве с Е.И. Грищук, Н.В. Журавлевой, Е.Ю. Лазуренко, М.Е. Новичихиной).

Стернин И.А., Рудакова А.В. Культура общения: 7 класс: Риторика: учеб. пособ. для учащихся. – Воронеж: ВОИПКРО, 2005. – 153 с. (в соавторстве с Л.Д. Мудровой).

Рудакова А.В., Зиброва Р.В. Контрольные и тестовые задания по русскому языку и культуре речи: учеб.-метод. пособие. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 75 с.

Чарыкова О.Н., Вахтель Н.М., Попова З.Д. Практикум по выразительному чтению. Учебно-методическое пособие по специальности 031001 – ФИЛОЛОГИЯ. ОПД.Р.00. – Воронеж: ВГУ, 2005. – Ч.I. – 47 С.

Чарыкова О.Н., Вахтель Н.М., Попова З.Д. Практикум по выразительному чтению. Учебно-методическое пособие по специальности 031001 – ФИЛОЛОГИЯ. ОПД.Р.00. – Воронеж: ВГУ, 2005. – Ч.II. – 55 с.

Чарыкова О.Н. Научный стиль речи. Учебно-методическое пособие по специальности 031000 – Филология. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 55 с.

Стернин И.А. Практическая риторика в объяснениях и упражнениях. – Воронеж: Истоки, 2005. – 154 с.

Стернин И.А. Культура речи учителя. – Изд. 5, испр. и перераб. – Воронеж. – 2005. – 30 с. (гр. соавторов).

Стернин И.А. Электив-9. Примерные программы элективных курсов по коммуникативным дисциплинам для предпрофильного обучения. – Воронеж, 2005. – 59 с. (гр. соавторов).

Стернин И.А. Коммуникативное поведение. Программа спецкурса. – Воронеж, 2005. – 11 с.

Стернин И.А. Проблема сквернословия. – Изд. 5., испр. и доп. –Воронеж, 2005. – 24 с.

Стернин И.А., Саломатина М.С. Русский язык и культура речи. Воронеж, 2005. – 66 с.

Стернин И.А., Лемяскина Н.А. Культура общения. Книга для учащихся. 1 класс. – Изд. 2, испр. и перераб. – Воронеж, 2005. – 112 с.

Стернин И.А., Лемяскина Н.А. Культура общения. Книга для учащихся. 2 класс. – Изд.2, перераб. – Воронеж: Родная речь, 2005. – 117 с.

Стернин И.А., Новичихина М.Е. Культура делового общения. Изд. 2., испр. и перераб. – Воронеж, 2005. – 198 с.

Стернин И.А. Практическая риторика. – Изд. 2, испр. и доп. – Москва: Академия, 2005. – 269 с.

Стернин И.А., Мудрова Л.Д., Грищук Е.И. Культура общения. 5 класс. – Изд. 2, перераб. – Воронеж, 2005. – 149 с.

Стернин И.А., Мудрова Л.Д., Лазуренко Е.И. Культура общения. 6 класс. – Изд. 2,

перераб. – Воронеж, 2005. – 135 с.

Стернин И.А., Мудрова Л.Д., Рудакова А.В. Культура общения. 7 класс. – Изд. 2., перераб. – Воронеж, 2005. – 152 с.

Стернин И.А., Журавлева Н.В., Мудрова Л.Д. Культура общения. 8 класс. – Изд. 2, перераб. – Воронеж, 2005. – 172 с.

2006

Селезнева Г.Я. Поговорим о России. Учебно-методическое пособие для вузов. Воронеж, 2006. – 51с.

Рудакова А.В. Деловое общение: учебно-методическое пособие / [сост. А.В. Рудакова]. – Воронеж: ЛОП ВГУ, 2006. – 51 с.

Текст как объект редакторского анализа: учебно-метод. пособие: В 2 ч. / [сост. А.Г. Лапотько, А.В. Рудакова, Г.П. Стуколова, И.В. Хорошунова]. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2006.

Стернин И.А., Грищук Е.И., Рудакова А.В. Культура речи. Практикум. Воронеж: Истоки, 2006. – 20 с.

Стернин И.А., Лемяскина Н.А. Культура общения. 3 класс. – Воронеж: Родная речь, 2006. – Изд. 2, испр. и перераб. – 118 с.

Стернин И.А. Практическая риторика. – Изд. 3., испр. – М: Академия, 2006. – 267 с.

Стернин И.А. Русский язык и культура речи. – Изд. 4, исп. и доп. – Воронеж, 2006. – 66 с.

2007

Редакторский анализ текста: учебно-метод. пособие для вузов / А.Г. Лапотько, А.В. Рудакова, Г.П. Стуколова, И.В. Хорошунова. – Воронеж: Истоки, 2007. – 124 с.

Козельская Н.А., Рудакова А.В. Русский язык и культура речи: рабочая тетрадь. – Воронеж: Гарант, 2007. – 64 с.

Козельская Н.А., Рудакова А.В. Культура русской речи: учебно-метод. пособие для вузов. – Воронеж: ВГУ, 2007. – 48 с.

Саломатина М.С. Русский язык и культура речи: материалы к практическим занятиям. – Изд. 2, испр. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 46 с.

Саломатина М.С., Стернин И.А., Журавлева Н.В. Иностранные слова. Словарь-минимум. Упражнения. – Воронеж : Истоки, 2007. – 22 с.

Стернин И.А., Грищук Е.И. Культура речи в рифму. – Воронеж: ВОИПКРО, 2007. – Изд. 4, испр. и доп. – 15 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В., Саломатина М.С., Розенфельд М.Я. Коммуникативный тренинг для технических секретарей приемной комиссии ВГУ. – Воронеж, 2007. – 61 с.

Стернин И.А. Практическая риторика. – Изд. 4, стереот. – М.: Академия, 2007. – 264 с.

2008

Селезнева Г.Я. Риторика для иностранцев. Учебно-методическое пособие для вузов. – Воронеж, 2008. – 51 с.

Селезнева Г.Я. Риторика. Учебно-методическое пособие для иностранных студентов-филологов. – Воронеж: Истоки, 2008. – 71 с.

Контрольно-измерительные материалы по русскому языку и культуре речи: учебно-метод. пособие для вузов / [сост. А.В. Рудакова, Н.А. Козельская]. – Воронеж: ЛОП ВГУ, 2008. – 26 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Пишите правильно. Минимум. – Воронеж: Гарант, 2008. – 12 с.

Саломатина М.С. Русский язык и культура речи: материалы к практическим занятиям. – 2-е изд., испр. и перераб. – Воронеж: Истоки, 2008. – 47 с.

Чарыкова О.Н. Научный стиль речи. Учебно-методическое пособие. Изд-е 2-е, исправленное. – Воронеж : Истоки, 2008. – 54 с.

Стернин И.А. Грищук Е.И. Культура речи в рифму. – Изд 2, испр. и доп. – Воронеж: Истоки, 2008. – 12 с.

Стернин И.А. Магистерские программы. Направление «Филология». Серия «Магистратура Воронежского университета». – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. – 27 с.

Стернин И.А. Практическая риторика. – Изд. 5, стереот. – М.: Академия, 2008. – 269 с.

2009

Тесты по русскому языку и культуре речи: учебно-методическое пособие / [сост. Н.А. Козельская, А.В. Рудакова]. – Воронеж : Истоки, 2009. – 25 с.

Чарыкова О.Н., Вахтель, Н.М., Попова З.Д. Выразительное чтение. Практикум (учебно-методическое пособие). – Воронеж: Истоки, 2009. – 106 с.

Стернин И.А. Практическая риторика в объяснениях и упражнениях для тех, кто хочет научиться говорить. – Изд. 4, испр. и доп. – Воронеж: Истоки, 2009. – 154 с.

Стернин И.А. Эффективное деловое общение. Коммуникативный тренинг для технических секретарей приемной комиссии ВГУ. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. – 61 с.

Стернин И.А. Деловое общение. Учебное пособие для старшеклассников и студентов. – Воронеж: Родная речь, 2009. – 189 с.

2010

Стернин И.А., Селезнева Г.Я., Рудакова А.В. Деловое общение. Коммуникативный тренинг. Пособие для практических занятий. – Воронеж: Истоки, 2010. – 69 с.

Стернин И.А., Селезнева Г.Я., Рудакова А.В. Деловое общение: коммуникативный тренинг: пособие для практ. занятий. – Воронеж: Истоки, 2010. – 69 с.

Стернин И.А. Практикум по риторике. – Воронеж: Истоки, 2010. – 47 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В., Саломатина М.С., Розенфельд М.Я Коммуникативный тренинг для технических секретарей приемной комиссии ВГУ. –Изд. 2 . импр. - Воронеж, ИПЦ ВГУ, 2010. – 62 с.

Стернин И.А. Практическая риторика. – Изд. 6. – Москва: Издательский центр «Академия», 2010. – 269 с.

2011

Культура речи и деловое общение: учебно-метод. пособие для вузов / [сост. А.В. Рудакова, Н.А. Козельская]. – Воронеж: Истоки, 2011. – 78 с.

Лапотько А.Г., Стуколова Г.П., Розенфельд М.Я., Акованцева Н.В. Редактирование. Общий курс. Учебник для вузов – Воронеж : Издательско-полиграфич. центр ВГУ, 2011. – 179 с.

Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.

Стернин И.А. Практическая риторика в объяснениях и упражнениях. – Уч. пособие по курсу «Риторика» для учащихся, студентов, магистрантов. - Воронеж: Истоки, 2011. – 165 с.

Стернин И.А. Общение с дошкольниками. Учебное пособие. – Воронеж: Истоки, 2011. – 83 с.

Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. Учебное пособие. – Воронеж: Истоки, 2011. – 63 с.

2012

Речевая культура государственного служащего. Справочное пособие / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – 136 с. (коллектив авторов)

Практикум-справочник по русскому языку и культуре речи: учебно-метод. пособие для вузов / [сост. А.В. Рудакова, Н.А. Козельская]. – Воронеж: Истоки, 2012. – 95 с.

Саломатина М.С. Русский язык и культура речи: материалы к практическим занятиям. – Изд.7, испр. и доп. / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2012. – 49 с.

Стернин И.А. Практическая риторика. – Изд. 7, стер. – М.: Академия, 2012. – 269 с.

Стернин И.А., Грищук Е.И., Мудрова Л.Д. Культура общения. 5 класс. – Изд. 4, исправ. и перераб. – Воронеж: ВОИПКиПРО, 2012. –164 с.

Попова З.Д., Чарыкова О.Н., Стернин И.А. Основы теории языка и коммуникации. Учебное пособие для бакалавров. – М. 2012. − 311 с.

2013

Селезнева Г.Я., Стернин И.А., Головинова В.В. Общение с агрессивным собеседником. – Воронеж: Истоки, 2013. – 127 с.

Стернин И.А. Общение с разными типами собеседников. – Воронеж: Истоки, 2013. – 43 с.

Стернин И.А. Анализ коммуникативных ситуаций. Уч. пособие. – Изд. 2. – Воронеж: Истоки, 2013. – 50 с.

Стернин И.А. Типы речевых культур. Уч. пособие. – Воронеж: Истоки, 2013. – 23 с.

Стернин И.А., Грищук Е.И., Мудрова Л.Д. Культура общения. 6 класс. – Изд. 4, испр. и перераб. – Воронеж: ВОИПКиПРО, 2013. –134 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В., Мудрова Л.Д. Культура общения. 7 класс. Риторика. – Изд. 4, испр. и перераб. – Воронеж: ВОИПКиПРО, 2013. – 195 с.

Стернин И.А. Правила и приемы речевого воздействия. Уч. пособие. –Воронеж: Истоки, 2013. – 127 с.

Стернин И.А. Практикум по риторике. – Изд. 3, испр. – Воронеж: Истоки, 2013. – 51 с.

Стернин И.А. Выявление и описание скрытых смыслов в тексте. – Ярославль: Истоки, 2013. – 46 с.

Стернин И.А., Журавлева Н.В., Мудрова Л.Д. Культура общения. 8 класс. Деловой этикет и имидж. – Изд. 4, испр. и перераб. – Воронеж: ВОИПКиПРО, 2013. – 224 с.

Стернин И.А., Новичихина М.Е., Мудрова Л.Д. Культура делового общения. 9 класс. – Изд. 4, испр. и пераб. – Воронеж: ВОИПКиПРО, 2013. – Ч. 1. – 182 с. – Ч. 2. – 132 с.

2014

Стернин И.А. Практическая риторика. – Изд. 8. – Москва: Academia, 2014. – 272 с.

2015

Чарыкова О.Н., Вахтель Н.М., Попова З.Д. Практикум по выразительному чтению. Учебно-методическое пособие по специальности 031001 – ФИЛОЛОГИЯ. – Изд. 3., доп. и испр. – Воронеж: Истоки, 2015. – 105 с.

Стернин И.А. Практическая риторика в объяснениях и упражненирях для тех, кто хочет научиться говорить. – Изд. 7, испр. – Воронеж: Истоки. – 2015. – 171 с.

Стернин И.А. Культура общения. 1 класс. – Изд. 3, испр. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 80 с.

Стернин И.А. Культура общения. 2 класс. – Изд. 3, испр. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 90 с.

Стернин И.А. Культура общения. 3 класс. – Изд. 3, испр. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 115 с.

Стернин И.А. Культура общения. 4 класс. – Изд. 3, испр. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 120 с.

Стернин И.А., Грищук Е.И., Мудрова Л.Д. Культура общения. 5 класс. – Изд. 5, испр. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 143 с.

Стернин И.А., Грищук Е.И., Мудрова Л.Д. Культура общения. 6 класс. – Изд. 5, испр. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 111 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В., Мудрова Л.Д. Культура общения. 7 класс. – Изд. 5, испр. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 167 с.

Стернин И.А., Грищук Е.И., Мудрова Л.Д. Культура общения. 8 класс. – Изд. 5, испр. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 191 с.

Стернин И.А., Новичихина М.Е., Мудрова Л.Д. Культура общения. 9 класс. – Изд. 5, испр. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 270 с.

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка: очерк изменений в русском языке конца XX – начала XXI века. – М.-Берлин: издательство Директ-Медиа, 2015. – 77 с. http://www.directmedia.ru/book_375684_obschestvennyie_protsessyi_i_razvitie_sovremennogo_russkogo_yazyika/

Стернин И.А. Проблема сквернословия. – М.-Берлин: издательство Директ-Медиа, 2015. – 29 с. – http://www.directmedia.ru/book_375687_problema_skvernosloviya/

Стернин И.А. Типы речевых культур. – М.-Берлин: издательство Директ-Медиа, 2015. – 27 с. – http://www.directmedia.ru/book_375702_tipyi_rechevyih_kultur/

Стернин И.А. Язык и мышление: учебно-методическое пособие. – М.-Берлин: издательство Директ-Медиа, 2015. – 25 с.

http://www.directmedia.ru/book_375704_yazyik_i_myishlenie/

2016

Чарыкова О.Н., Вахтель Н.М., Попова З.Д. Практикум по выразительному чтению. Учебно-методическое пособие по специальности 45.03.01 – Филология. – Изд. 4., доп. и испр. – Воронеж: Истоки, 2016. – 107 с.

Стернин И.А., Парло Г.А., Правдина И.С., Клименченко Е.С., Лапыгина М.В., Пешкова С.Р. Мобильный этикет. – Воронеж: Истоки, 2016. – 58 с.

Стернин И.А. Практикум по риторике. – Изд. 3, испр. – Воронеж: Истоки, 2016. – 47 с.

2017

Розенфельд М.Я. Электронный этикет / [под ред. И. А. Стернина, Н. А. Козельской]. – Воронеж : ООО «Издательство РИТМ», 2017. – 60 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Словарные дефиниции и семантический анализ. – Воронеж: Истоки, 2017. – 34 с.

Акованцева Н.В. Русский язык для устной и письменной коммуникации: материалы к практическим занятиям // Воронеж : ООО «Издательство РИТМ», 2017. – 56 с.

2018

Селезнева Г.Я. Методика преподавания грамматики РКИ. Методические указания. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – 26 с.

Дьякова Л.Н., Розенфельд М.Я., Рудакова А.В., Саломатина М.С., Стернин И.А. Электронный этикет / Под ред. И.А. Стернина и Н.А. Козельской. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – 60 с.

Чарыкова О.Н. Программа государственного экзамена по направлению подготовки 45.03.01 – ФИЛОЛОГИЯ (учебно-методическое пособие). – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. – 39 с. (в соавторстве с О.А. Бердниковой, Г.Ф. Ковалёвым, Л.М. Кольцовой, Т.А. Никоновой, Т.А. Терновой, А.А. Фаустовым).

Электронный этикет. – Воронеж: Изд-во «Ритм», 2018. – 59 с. (Коллектив авторов)

Стернин И.А. Как с кем разговаривать. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – 153 с.

2019

Рудакова А.В. Русский язык для устной и письменной коммуникации: Рабочая тетрадь: учебно-метод. пособие для студентов вузов. – Изд. 7., перераб. и доп. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. – 48 с.

Стернин И.А. Как с кем разговаривать. – Изд. 2, испр. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. – 154 с. ISBN 978-5-6043657-1-7

2020

Рудакова А.В., Козельская Н.А. Деловое общение и культура речи: учебно-метод. пособие. – Воронеж: Издательство ООО «РИТМ», 2020. – 96 с.

6.3. Продолжающиеся научные издания

Язык и национальное сознание (ред. И.А. Стернин, с 1998 г.) – 27 выпусков;
Культура общения и ее формирование (ред. И.А. Стернин, с 1994 г.) – 36 выпусков;
Сопоставительные исследования (ред. М.А. Стернина, с 2004 г.) – 18 выпусков;
Семантико-когнитивные исследования (ред. И.А. Стернин, с 2010 г.) – 11 выпусков;
Психолингвистика и лексикография (ред. А.В. Рудакова, с 2014 г.) – 7 выпусков;
Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (ред. А.В. Рудакова, с 2015 г.) – 6 выпусков.

Завершились серии:

Коммуникативное поведение (ред. И.А. Стернин, 2000–2008) – 15 выпусков;
Коммуникативные исследования (ред. И.А. Стернин, 2003–2014) – 13 выпусков;
Текст. Дискурс. Картина мира (ред. О.Н. Чарыкова, 2005–2013) – 9 выпусков.

Полные тексты всех сборников представлены на сайте ВГУ: Центр коммуникативных исследований – Публикации –
http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/

6.4. Статьи участников проекта – преподавателей кафедры общего языкознания и стилистики и сотрудников Центра коммуникативных исследований ВГУ

2001

Стернин И.А.

1. Улыбка // К. Алликметс, Л. Ведина. Встречи. – Tallinn: Koolibri, 2001. – P. 146–148.
2. О русском коммуникативном идеале (экспериментальное исследование) // Профессиональная риторика: проблемы и перспективы. – Воронеж, 2001. – С. 11–13.
3. «Культура общения»: опыт преподавания регионального предмета // Народное образование. – 2001. – № 1. – С. 134–138.
4. Русский язык рубежа веков – упадок, развитие или эволюция? // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX–XXI вв. – Воронеж, 2001. – С. 3–5.
5. Русский коммуникативный идеал (экспериментальное исследование) // Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. – Вып. 2. – СПб., 2001. – С. 9–13.
6. Модель русского невербального коммуникативного поведения // Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. – Вып. 2. – СПб., 2001. – С. 14–26.
7. Контрастивное исследование физического контакта и дистанции в русском коммуникативном поведении // Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. – Вып. 2. – СПб., 2001. – С. 39–43.
8. О понятии «академический язык» // Иностранные языки в объединяющемся мире: описание, преподавание, владение. – Ч. 2. – Курск, 2001. – С. 14–16.
9. Коммуникативное поведение как аспект обучения русскому языку // Русский язык в современной социокультурной ситуации. – Часть 1. – Воронеж, 2001. – С. 154–156.

10. Риторические дисциплины в спортивном вузе // Физическая культура молодежи в XXI веке. – Воронеж, 2001. – С. 57–59 (в соавторстве с И.Г. Кожевниковой).

11. Studies in Communicative Behavior. Language and Communication. Issue 1. – Rostov-on-Don, 2001. – P.P. 12–16 (в соавторстве с М.А. Стерниной).

12. Улыбка в русском общении // Перспектива. Основная часть. Выпуск 3. Пособие для иностранных слушателей краткосрочных курсов русского языка. – СПб., Златоуст, 1977. – С. 51.

13. Исследования в области коммуникативного поведения // «Филологические записки». – Вып. 16. – Воронеж, 2001. – С. 188–190.

14. Толерантность: слово и концепт // Лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2001. – С. 124–127.

15. Коммуникативный идеал в гендерном аспекте // Гендер: язык, культура, коммуникация. – Москва, 2001. – С. 101–102.

16. О понятии «коммуникативное сознание» // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. – Москва, 2001. – С. 290–300.

17. Возрастная лингвистика и обучение коммуникативному поведению // Риторика диалога: проблемы исследования и освоения в школе и вузе. – Пермь, 2001. – С. 77–78.

18. Родной язык как категория русского коммуникативного сознания // Вестник Воронежского ГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2001. – № 2. – С. 36–45.

19. О русском коммуникативном сознании // Проблемы национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации. – Т. 1. – Воронеж, 2001. – С. 84–96.

20. Что такое коммуникативное поведение? // «Aspekti». – 2001. – № 2 – Р. 10–16.

Попова З.Д.

1. Иерархия форм времени глаголов в художественном тексте // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX–XXI веков. – Воронеж, 2001. – С. 82–83.

2. Когнитивная семантика русского языка // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Конкурс грантов 1997 г. Сборник рефератов избранных работ. – Екатеринбург, 2001. – С. 95–97 (в соавторстве с Г.А. Волохиной и И.А. Стерниным).

3. Концептуальная картина мира и семантическое пространство языка // Филология и культура. – Часть 2. – Тамбов, 2001. – С. 118.

4. Минимальные и расширенные структурные схемы простого предложения как однопорядковые знаки пропозитивных концептов // Традиционное и новое в русской грамматике. – М., 2001. – С. 219-226.

5. Может ли грамматика быть лексической? Рецензия // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – №2. – С. 118–119.

6. Об этом нужно знать // Филологические записки. – Воронеж, 2001. – Вып. 16. – С. 222.

7. Пословицы русского народа (сборник В. Даля) как источник для изучения русской культуры // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Воронеж, 2001. – С. 11–15.

8. Синтаксические номинации в речи и в языке // Лексикология. Семасиология. – Белгород, 2001. – С. 11–13.

Чарыкова О.Н.

1. Индивидуальные концепты в художественном тексте // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 173–176.

Козельская Н.А.

1. О специфике изучения новых языковых явлений в иностранной аудитории // Русский язык в современной социокультурной ситуации : Тезисы докладов и сообщений III Всероссийской научно-практической конференции РОПРЯЛ. – Воронеж : Воронеж. ун-тет, 2001. – Часть 2. – С. 27–28.

Селезнева Г.Я.

1. Риторика и речевая культура студентов филологов // Профессиональная риторика: проблемы и перспективы. – Воронеж, 2001. – С. 100–101
2. Преподавание фразеологии русского языка в контексте русской культуры // Русский язык в современной социокультурной ситуации. – Воронеж, 2001. – С. 147–148.
3. Способы организации материалов в преподавании фразеологии иностранным студентам-филологам // Культура общения и ее формирование. Вып. 8. – Воронеж, 2001. – С. 212–113.

Рудакова А.В.

1. Концепт «быт» в русских паремиях // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX–XXI вв. – Воронеж: НМЦ ВГПУ, 2001. – 272 с. – С.140–142.
2. Экспериментальное изучение концепта «быт» в русском языковом сознании // Культура общения и ее формирование / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Полиграф, 2001. – Вып. 8. – 224 с. – С. 88–94.
3. Средства объективации концепта «быт» в русском языке // Филология и культура: Материалы III Международной научной конференции 16–18 мая 2001 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова, Т.А. Фесенко, Е.В. Милосердова, В.Б. Гольдберг и др.: В 3 ч. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2001. – 207 с. – С. 191–192.
4. Методика описания содержания концепта «быт» в русском языке // Методические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. издание / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 182 с. – С. 121–126.
5. Концепт «быт» в семантическом пространстве русского языка // Сборник материалов юбилейной научной конференции преподавателей и студентов БГПИ. – Борисоглебск, БГПИ, 2001. – 134 с. – С. 97–98.
6. Экспериментальное изучение гендерных особенностей концепта «быт» в русском языковом сознании // Гендер: язык, культура, коммуникация: Тезисы докладов Второй Международной конференции 22–23 ноября 2001 г. – М.: МГЛУ, 2001. – 118 с. – С. 92–93.
7. Опыт обучения ведению диалога на занятиях по риторике // Риторика диалога: проблемы исследования и освоения в школе и вузе: Тезисы докладов на Всероссийской сессии – научно-методической конференции (Пермь, 3-5 декабря 2001 г.) / Под ред. С.А. Минеевой. – Пермь: ЗУУНЦ, 2001. – 104 с. – С. 70–72.
8. Концепт «быт» как компонент национальной концептосферы // Проблема национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации: Материалы школы-семинара (Воронеж, 25–30 июня 2001 г.): В 2-х т. – Воронеж: Полиграф, 2001. – Т. 2. – 164 с. – С. 52–56.

2002

Стернин И.А.

1. Опыт экспериментального выявления риторического идеала носителя русской коммуникативной культуры // Риторические дисциплины в новых государственных образовательных стандартах. – М., 2002. – С. 104.
2. Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное поведение. – Вып. 3. – Воронеж, 2002. – С. 3–13.
3. Особенности коммуникативного поведения русских туристов в Финляндии // Русское и финское коммуникативное поведение. – Вып. 3. – Воронеж, 2002. – С.78-85 (в соавторстве с К. Куутти).
4. Коммуникативная толерантность и категоричность // Проблемы преподавания литературы, русского и иностранных языков в современной школе (гуманитаризация образовательного процесса). – Воронеж, 2002. – С. 145–147.
5. О понятии коммуникативного сознания // Вестник ВИПКРО. – Вып. 8. – Воронеж, 2002. – С. 133–139.
6. О понятии коммуникативной территории // Культура общения и ее формирование. – Вып. 9. – Воронеж, 2002. – С. 10–12.
7. Коммуникативное поведение как предмет изучения и обучения // Русистика и современность: лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – СПб., 2002. – С. 298–302.
8. Толерантность как коммуникативная категория // XXI век: мир без войны и насилия? – Воронеж, 2002. – С. 13–28.
9. О понятии «коммуникативный шок» // Русское и французское коммуникативное поведение. – Вып. 1. – Воронеж, 2002. – С. 10–12.
10. Заметки о русском и французском общении // Русское и французское коммуникативное поведение. – Вып. 1. – Воронеж, 2002. – С. 119–125 (в соавторстве с Л.Л. Башкатовой, Т.М. Веллой, Р.А. Ермаковой, В. Пюше).
11. Эффективный устный текст: основные требования // Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологии. – Ярославль, 2002. – С. 175–178.
12. Русская невербальная коммуникация (на фоне немецкой) // Русское и немецкое коммуникативное поведение. – Вып. 1. – Воронеж, 2002. – С. 24–33.
13. Динамика развития представления о типичном немце в русском сознании // Русское и немецкое коммуникативное поведение. – Вып. 1. – Воронеж, 2002. – С. 83–90 (в соавторстве с В.М. Топоровой, В.Н. Лесных).
14. Немецкий язык в русском коммуникативном сознании // Русское и немецкое коммуникативное поведение. – Вып. 1. – Воронеж, 2002. – С. 91–95.
15. Ассоциативные связи лексем в условиях естественного русско-немецкого билингвизма // Русское и немецкое коммуникативное поведение. – Вып. 1. – Воронеж, 2002. – С. 95–99.
16. Заметки о русском и немецком общении // Русское и немецкое коммуникативное поведение. – Вып. 1. – Воронеж, 2002. – С. 172–177 (в соавторстве с З.В. Белкиной).
17. Проблемы формирования коммуникативной культуры в России // Материалы российской конференции «Профессиональное образование в высшей школе: проблемы и перспективы». – Воронеж, 2002. – С. 6–9.
18. Лакуны и безэквивалентные единицы в лексической системе языка // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – С. 155–170 (в соавторстве с З.Д. Поповой, М.А. Стерниной).
19. Внутриязыковые лакуны и национальная концептосфера // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. С. 170–176 (в соавторстве с Г.В. Быковой).
20. Коммуникативное поведение и национальное языковое сознание // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – С. 262–302.

21. Коммуникативная категория категоричности // Вестник ВОИПКРО. – Вып. 9. – Воронеж, 2002. – С. 71–76.

22. Русское коммуникативное сознание // Человек в зеркале языка. – Москва: ИЯ РАН, 2002. – С. 296–320.

23. Коммуникативное сознание, коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. – Воронеж, 2002. – С. 21–28.

24. Сознание и функции языка // «Вестник ВГУ». Серия «Гуманитарные науки». – Воронеж, 2002. – № 2. – С. 140–169.

25. Толерантность и национальное сознание // Демократия: конфликтология и толерантность. – Воронеж, 2002. – С. 261–275.

26. Речевое воздействие как новая наука // Методы современной коммуникации: проблемы теории и социальной практики. – М., 2002. – С. 29–31.

Попова З.Д.

1. Импликация предикативной семы в дискурсе // Композиционная семантика. Материалы третьей международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 18–20 сентября 2002. – Часть 1. – Тамбов, 2002. – С. 153–155.

2. Концептосфера и картина мира // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2002. – Вып. 3. – С. 4–8 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

3. Концептосфера и семантическое пространство // Чествуя филолога. К семидесятилетию Ф.А. Литвина. – Орел, 2002. – С. 180–190 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

4. Сложное предложение в когнитивном аспекте // С любовью к языку. Сборник научных трудов, посвященных Елене Самойловне Кубряковой. – Москва-Воронеж, 2002. – С. 97–102.

Чарыкова О.Н.

1. Формирование мотивации к изучению курса «Русский язык и культура речи» у студентов негуманитарных факультетов // Риторические дисциплины в новом государственном стандарте. Тезисы докладов участников VI международной научной конференции по риторике. – Москва, 29–31 января 2002 года. – С. 118–119.

3. Структурно-семантические типы медицинской метафоры // Культура общения и ее формирование. – Вып. 9. – Воронеж, 2002. – С. 138–139 (в соавторстве с Е.Н. Смирновой).

4. Прагматическая функция имени и глагола в рекламном тексте // Культура общения и ее формирование. – Вып. 9. – Воронеж, 2002. – С. 102–103 (в соавторстве с Е.Ю. Дементьевой).

5. Глаголы, выражающие эмоциональное состояние субъекта, в диалоге между автором и читателем художественного текста // Культура общения и ее формирование. – Вып. 9. – Воронеж, 2002. – С. 148–149.

6. Концептосфера художественного текста // Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологии. Межвузовский сборник научных трудов. – Ярославль, 2002. – С. 122–129.

7. Прагматический потенциал имени и глагола в тексте газетной рекламы // Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологии. Межвузовский сборник научных трудов. – Ярославль, 2002. – С. 193–197 (в соавторстве с Е.Ю. Дементьевой).

8. Окказиональная сочетаемость глагола в художественном тексте как средство формирования индивидуально-авторской когнитивной структуры // Композиционная семантика. Материалы Третьей Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 18–20 сентября 2002 года. – Ч. II. – Тамбов, 2002. – С. 88–89.

9. Художественная картина мира: индивидуально-авторское и национальное (раздел коллективной монографии) // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2002. – С. 212–233.

Селезнева Г.Я.

1. Преподавание риторики иностранным студентам-филологам // Актуальные проблемы подготовки китайских учащихся в вузах РФ. Международная н/практическая конф. – Воронеж, 2002. – С. 89–91.
2. Национальная специфика выражения приветствия в русской и финской коммуникативной культурах // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. – Воронеж, 2002. – С 116–120.

Рудакова А.В.

1. Изучение национального сознания через язык на уроках русского языка (на примере лексемы «быт») // Проблемы преподавания литературы, русского и иностранных языков в современной школе (Гуманизация образовательного процесса): Материалы первой областной учительской конференции, 23 марта 2002 г. – Воронеж: ВЭПИ, 2002. – 160 с. – С.148–149.
2. Опыт экспериментального исследования концепта «быт» в русском сознании // Вестник ВОИПКРО. – Воронеж: ВОИПКРО, 2002. – Вып. 8. – 234 с. – С. 139–144.
3. Интерпретационное поле концепта «быт» // Культура общения и ее формирование (Воронеж, 15–16 апреля 2002) / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – Вып. 9. – 221 с. – С. 54–56.
4. Рудакова А.В. Экспериментальное исследование содержания концепта «быт» (на материале словарных дефиниций) // Композиционная семантика: Материалы III Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18–20 сент. 2002 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова, Е.М. Позднякова, В.Б. Гольдберг и др.: В 2 ч. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – Ч. 1. – 211 с. – С. 102–104.
5. Интерпретационное поле концепта «быт» // Труды молодых ученых / Воронежский государственный университет. – 2002. – Вып. 2. – С. 354–361.

2003

Стернин И.А.

1. Об изучении русского коммуникативного сознания // Риторика в системе гуманитарного знания. – Москва, 2003. – С. 314–316.
2. Опыт экспериментального выявления русского коммуникативного идеала // Риторика в современном обществе и образовании. – М.: Наука, 2003. – С. 74–81.
3. Коммуникативное и языковое сознание // Язык и национальное сознание. – Вып. 4. – Воронеж, 2003. – С. 4–14.
4. Юмор и эффективность публичного речевого воздействия // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. – Волгоград, 2003. – С. 210–219.
5. Культура общения и российское сознание // Проблемы преподавания литературы, русского и иностранного языков в современной школе. – Воронеж, 2003. – С. 101–103.
6. Русский язык и коммуникативное сознание в XXI веке // Культура общения и ее формирование. – Вып. 10. – Воронеж, 2003. – С. 6–8.
7. Об особенностях русского коммуникативного сознания // Человек в информационном пространстве. – Ярославль, 2003. – С. 98–107.
8. Уровни описания языкового сознания // Филология и культура. – Тамбов, 2003. – С. 11–14.
9. Реализация программы «Русский язык» в Воронеже // Славянский мир: общность и многообразие. – Воронеж, 2003. – С. 155–159.

10. Русское коммуникативное сознание // Социокультурные аспекты профессионально-делового общения. – Воронеж, 2003. – С. 3–4.

11. Национальное коммуникативное сознание как предмет исследования // Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика. – СПб., 2003. – С. 150–170.

12. Языковое, коммуникативное и когнитивное сознание: проблема разграничения // Языковое сознание. Устоявшееся и спорное. – М., 2003. – С. 64–265.

13. Улыбка в русском общении // «Протокол и этикет». – 2003. – № 3. – С. 9–13.

14. Russian and American Communicative Behavior: Common and Different // The Symphony of ELT. International conference materials. – Kursk, 2003. – PP. 95–96 (в соавторстве с M. Sternina).

15. Возрастное коммуникативное поведение как предмет изучения // Возрастное коммуникативное поведение. – Вып. 1. – Воронеж, 2003. – С. 4–11.

16. От детской речи к детскому языку // Возрастное коммуникативное поведение. – Вып. 1. – Воронеж, 2003. – С. 247–250 (в соавторстве с Н.А. Лемяскиной).

17. Коммуникативное поведение народа как предмет изучения и аспект обучения иностранному языку // X конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: сборник докладов. Том. 2. – СПб., 2003. – С. 243–251.

18. Русский язык в СМИ (продолжение разговора) // «Мир русского слова». – Воронеж, 2003. – № 2. – С. 36–37.

19. Экспериментальное изучение категории *русский коммуникативный идеал* // «Мир русского слова». – 2003. – № 2. – С. 53–55.

20. Супермногочленная номинация в русском и английском языках (на материале супермногочленных синонимических рядов) // Проблемы германистики: Язык. Литература. Преподавание. – Вып. 1. – Воронеж, 2003. – С. 86–100 (в соавторстве с И.В. Фоминой).

21. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003. – С. 331–345.

22. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории // Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория. – Воронеж, 2003. – С. 22–47.

23. Основные тенденции развития общения в первой половине XXI века (попытка прогноза) // Коммуникативные исследования 2003. – Воронеж-Ярославль 2003. – С. 4–19.

24. Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков. Человек и его дискурс. – М.: ИЯ РАН, 2003. – С. 91–109.

25. О специфике контрастивного метода в лингвистике // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Вып. 7. – Ч. 1. – Белгород, 2003. – С. 28–29.

26. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения. – Волгоград, 2003. – С. 5–15.

27. Коммуникативное поведение в структуре обучения иностранному языку // Методология исследования: преподавание языков в межкультурном пространстве. – Тамбов. 2003. – С. 144–147 (в соавторстве с М.А. Стерниной).

28. Развитие коммуникативного сознания и прогнозирование развития русского языка // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Ч. 1. – Воронеж, 2003. – С. 63–67.

29. Почему русский человек не любит светское общение? // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003. – С. 278–283.

30. Проблема описания гендерного коммуникативного поведения // Гендер: язык, культура, коммуникация. – М., 2003. – С. 106.

31. Национальное коммуникативное поведение как предмет описания // Россия и Запад: диалог культур. – М., 2003. – С. 69.

32. О контрастивном изучении коммуникативного поведения близкородственных народов (русская и сербская коммуникативные культуры) // Русский язык и его место в современной мировой культуре. – Воронеж, 2003. – С. 124–126 (в соавторстве с Предраг Пипер).

33. Место коммуникативного поведения в преподавании иностранного языка // Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам в школе и вузе. – Белгород, 2003. – С. 25–28 (в соавторстве с М.А. Стерниной).

34. Концептуальная картина мира и языковое сознание // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 36–139 (в соавторстве с Г.А. Волохиной, З.Д. Поповой).

35. Русское и немецкое коммуникативное поведение и проблема межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация: парадигмы исследования и преподавания. – Красноярск, 2003. – С. 63–102.

36. Русское и американское общение: основные различия // «Протокол и этикет». – 2003. – № 6. – С. 23–29 (в соавторстве с М.А. Стерниной).

37. Коммуникативный стиль эпохи в отражении А. Платонова // «Филологические записки». – Вып. 19. – Воронеж, 2003. – С. 168–179.

38. Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2003. – С. 205–224 (в соавторстве с З.Д. Поповой, М.А. Стерниной).

Попова З.Д.

1. Абстрактные понятия в языковом сознании народа // Филология и культура. Материалы IV международной научной конференции 16–18 апреля 2003. – Тамбов, 2003. – С. 14–16.

2. Блоки текста с косвенной речью как сложное синтаксическое целое // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Межвузовский сборник научных трудов. – Елец, 2003. – Вып. 2. – С. 3–6.

3. Взгляд в будущее науки о языке (Языкознание : взгляд в будущее. Под общей редакцией проф. Г.И. Берестнева. – Калининград, 2002. – 288 с.) // Филологические записки. – 2003. – Вып. 19. – С. 274–277.

4. Интерпретанта как составляющая семиозиса // Семиотика и имиджелогия деловых культур. Материалы международной научной конференции 13–14 сентября 2003. – Тамбов, 2003. – С. 54–56.

5. Компонентный анализ лексико-семантической группы // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2003. – Вып.4. – С. 14–17.

6. Концептуальная природа абстрактных понятий // Вестник ВГУ. Серия гуманитарные науки. – Воронеж, 2003. – Вып. 1. – С. 132–141.

7. Концептуальная картина мира и языковое сознание // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 136–139 (в соавторстве с Г.А. Волохиной и И.А. Стерниным).

8. Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2003. – С. 206–225 (в соавторстве с И.А. Стерниным и М.А. Стерниной).

9. Лингвокультурологические аспекты русской фразеологии // Русский язык и его место в современной мировой культуре. Материалы международной научной конференции. – Воронеж, 2003. – С. 63–64 (в соавторстве с Е.Ю. Суховой).

10. Многозначные фразеосочетания в современном русском языке // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : Материалы 2 Всероссийской научно-практической конференции. – Ч. 1. – Воронеж, 2003. – С. 49–52 (в соавторстве с Е.Ю. Суховой).

11. Основные результаты исследований теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики // Ведущие научно-педагогические коллективы. – Воронеж. 2003. – С. 477–495 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

12. Построение лексико-семантического поля ключевого слова концепта // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Материалы международного симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003. – Часть 2. – Тезисы докладов. – Волгоград, 2003. – С. 34–35 (в соавторстве с И.В. Хорошуновой).

13. Сочинение в облике подчинения // Единицы и категории языков в антропоцентрическом и функционально-коммуникативном освещении. К 75-летию профессора В.В. Щеулина. – Липецк, 2003. – С. 33–39.

14. Уступка как слово и как грамматический термин // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2003. – Вып. 10. – С. 132–133.

Чарыкова О.Н.

1. Окказиональная сочетаемость в художественном тексте как средство репрезентации индивидуально-авторской картины мира // Язык и национальное сознание. – Вып. 4. – Воронеж, 2003. – С. 237–245.

2. Национальное и индивидуальное в концептосфере художественного текста // Филология и культура. Материалы IV Международной научной конференции 16 – 18 апреля 2003 года. – Тамбов, 2003. – С. 117–119.

3. ЛСГ глаголов созидания в русском языке как полевая структура // Культура общения и ее формирование. – Вып.10. – Воронеж, 2003. – С. 145–146 (в соавторстве с И.И. Шохиной).

4. Выражение противоположности в русском языке // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Ч.1. – Воронеж, 2003. – С. 23–25 (в соавторстве с Е.Ю. Ильинской).

Козельская Н.А.

1. Экспериментальное исследование концепта «порядочность» (возрастной аспект) // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2003. – Вып. 4. – С. 192–195 (в соавторстве с Н.Н. Поповой).

Селезнева Г.Я.

1. О методическом обеспечении курса «Риторика для иностранцев» // Риторика в системе гуманитарного знания. – М., 2003. – С. 297–298 (в соавт. с Луотсинен Леа).

Рудакова А.В.

1. Работа над невербальным поведением филологов при обучении публичному выступлению // Риторика в системе гуманитарного знания. Тезисы VII Международной конференции по риторике 29–31 января 2003 г. – М.: Издательство МПГУ, 2003. – 395 с. – С. 279–281.

2. Методика выделения лексико-фразеологического поля «быт» // Культура общения и ее формирование / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – Вып. 10. – С. 57–61.

3. Концепт «быт» в русском языковом сознании (на примере исследования психологически реального значения лексемы «быт») // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х ч. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2003. – Ч. II. – С. 17–20.

4. Исследование гендерных особенностей концепта «быт» // Гендер: язык, культура, коммуникация: Материалы III международной конференции 27–28 ноября 2003. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2003. – С. 91–92.

Розенфельд М.Я.

1.Образные ассоциации слова // Сборник студенческих работ филологического факультета ВГУ. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2003. – С. 76–89.

2.Абстрактная лексика и образность слова // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2003. – Вып. 4. – С. 73–76.

Дьякова Л.Н.

1. Тема общения в русской авторской песне // Культура общения и её формирование. – Воронеж, 2003. – Вып.10. – С. 20–22.

2. Из наблюдений над авторской песней как коммуникативным жанром русского общения // Коммуникативные исследования. – Воронеж, 2003. – С. 52–59.

3. Авторская песня как форма общения в русской культуре //Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2003. – Вып. 4. – С. 119–126.

4. Авторская песня как коммуникативный жанр // Проблемы преподавания литературы, русского и иностранных языков в современной школе (Гуманизация современного процесса). Материалы 2-ой областной учительской конференции. Воронеж, 2003. – С. 109–112.

2004

Стернин И.А.

1. О понятии «языковое сознание» // Язык и национальное сознание. – Вып. 5. – Воронеж, 2004. – С. 3–7.
2. Категория «публичная речь» в национальном коммуникативном сознании // Риторика в модернизации образования. – М., 2004. – С. 221–222.
3. Песня и русское общение // Коммуникативное поведение. Вып.18. Песня как коммуникативный жанр. – Воронеж, 2004. – С. 3–6.
4. Об исследовании детского коммуникативного поведения // Детская речь как предмет лингвистического исследования. Материалы Международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 262–265.
5. О понятии коммуникативного сознания и некоторых особенностях русского коммуникативного сознания // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. – Москва, 2004. – С. 36–63.
6. Лакуны и концепты в аспекте национальной специфики // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. – Вып. 7. – СПб., 2004. – С. 8–23 (в соавторстве с З.Д. Поповой, М.А. Стерниной).
7. Коммуникативное поведение и формирование культуры нации // Коммуникативное поведение. Вып. 20. Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж, 2004. – С. 160–168.
8. Культура общения // Учебно-воспитательная работа в школах Воронежской области: опыт, проблемы, тенденции, перспективы. От 2003/2004 к 2004/05 учебному году. – Воронеж, 2004. – С. 183–194 (в соавторстве с Е.И. Грищук).
9. О понятии коммуникативного тренинга // Коммуникативные исследования 2004. – Воронеж, 2004. – С. 199–207.
10. Именные перифразы как языковое явление // Филологические записки. – Вып. 21. – Воронеж, 2004. – С. 278–281 (в соавторстве с З.Д. Поповой).
11. Коммуникативная лексика в языке М.Ю. Лермонтова // Лермонтов и его художественный мир. – Борисоглебск, 2004. – С. –37.

12. Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. – Екатеринбург, 2004. – С. 130–149.

13. Национальное коммуникативное сознание и его исследование // Зборник матице српске за славистику. 65–66. – Нови Сад, 2004. – С. 7–30.

14. Языковое сознание и уровни его изучения // Вестник МГЛУ. Выпуск 483. Серия Лингвистика. Языковое сознание и межкультурная коммуникация. – М., 2004. – С. 10–14.

15. Невербальные средства и успешность межкультурного диалога // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. – Часть 2. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 118–147.

16. Отношение носителей языка к речевой культуре // «Мир русского слова». – 2004. – № 3. – С. 88–90.

17. Основные особенности русской коммуникативной культуры // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. – Варшава, 2004. – С. 32–55.

18. Лакуны и концепты в аспекте национальной специфики языка и мышления // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. – СПб., 2004. – С. 8–23 (в соавторстве с З.Д. Поповой, М.А. Стерниной).

19. Основные особенности русской коммуникативной культуры // Коммуникативное поведение. – Вып. 19. Коммуникативное поведение славянских народов. – Воронеж, 2004. – С. 10–24.

20. Об исследовании проблем коммуникативного поведения в Воронежском университете // Коммуникативное поведение. Вып. 19. Коммуникативное поведение славянских народов. – Воронеж, 2004. – С. 220–225.

Попова З.Д.

1. Динамика нормативного употребления глаголов в научно-техническом тексте // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников. – Воронеж, 2004. – С. 39–40 (в соавторстве с Н.И. Кузнецовой).

2. Именные перифразы как языковое явление // Филологические записки. – Воронеж, 2004. – Вып. 21. – С. 278–281 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

3. Многозначные фразеологизмы и национальное сознание // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2004. – Вып. 5. – С. 8–12 (в соавторстве с Е.Ю. Федосовой).

4. Речь и имидж // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып. 12. – С. 22–24.

5. Семиотический мотивировочный признак во фразеологической номинации // Структурно-семантическая специфика и функционально-коммуникативный статус языковых единиц. – Липецк, 2004. – С. 55–69 (в соавторстве с Е.Г. Селезнёвой).

6. Синтаксический концепт и межкультурная коммуникация // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №2. – С. 27–31.

7. Текст: новые аспекты рассмотрения (является ли текст знаком) // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. – Елец, 2004. – С. 141–144.

8. Уровни членения текста // Категории в исследовании, описании и преподавании языка. – Самара, 2004. – С. 74–78.

Чарыкова О.Н.

1. К вопросу о концепции учебника по культуре речи для негуманитарных факультетов // Риторика в модернизации образования. Материалы докладов участников Восьмой международной научной конференции по риторике (Москва, 2–4 февраля 2004 г.). – Москва, 2004. – С. 247–248.

2. Глагольная метафора как фактор репрезентации динамики авторского мировосприятия в художественном тексте // Культура общения и её формирование. – Вып. 13. – Воронеж, 2004. – С. 170–171.

3. Прагматический потенциал русского глагола // Прагматика языка и язык прагматики. Материалы региональной научной конференции. – Орёл, 2004. – С. 69–70.

4. Фразеологизмы, обозначающие эмоциональное состояние, в русском и немецком языках // Сопоставительные исследования 2004. – Воронеж, 2004. – С. 66–70.

5. Отражение коммуникативной ситуации «конфликт» в русской фразеологии // Коммуникативное поведение. Вып. 19. Коммуникативное поведение славянских народов. – Воронеж, 2004. – С. 216–220.

6. Курс «Культура речи» в системе обучения будущего филолога // Русская словесность на рубеже веков: методология и методика преподавания русского языка: Материалы международной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения проф. И.П. Распопова (Воронеж, 27–28 января 2005 г.). – Воронеж, 2004. – С. 215.

Селезнева Г.Я.

1. Жанры политической фразеологии // Культура общения и ее формирование. – Вып.13. – Воронеж, 2004. – С.142–148.
2. Фразеология в речи политиков // Культура общения и ее формирование. Вып. 12. – Воронеж, 2004. – С.73–75.

Рудакова А.В.

1. Лексема «быт» и родственные ей слова в современном русском языке // Язык и национальное сознание / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып. 5. – С. 111–115.
2. Самопрезентация как один из способов обучения публичному выступлению студентов экономических специальностей // Риторика в модернизации образования: Материалы докладов участников Восьмой международной научной конференции по риторике (Москва, 2–4 февраля 2004 г.). – М.: МПГУ, 2004. – 207–208.
3. Понятие «деловое общение» и практика коммуникации // Человек в информационном пространстве: Материалы международной научно-практической конференции (Ярославль, 20–22 ноября 2003 г.). – Воронеж-Ярославль: Истоки, 2004. – С. 60–61.
4. «Русский язык и культура речи» для студентов-нефилологов (результаты анкетирования студентов ФиПси ВГУ) // Культура общения и ее формирование: Материалы региональной научно-методической конференции (Воронеж, 19–20 апреля 2004 г.) / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып. 12. – С. 5–12.
5. Коммуникативный тренинг «Комплимент» // Коммуникативные исследования / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 208–212.
6. Возрастные особенности концепта «быт» (на материале результатов психолингвистических экспериментов) // Вестник ВОИПКРО. – Воронеж: ВОИПКРО, 2004. – Вып. 11. – С. 236–242.

Розенфельд М.Я.

1. Образ в структуре значения слова // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып. 5. – С. 66–72.
2. Образ в смысловой структуре слов конкретной и неконкретной лексики // Сборник студенческих работ филологического факультета ВГУ. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2004. – Вып. 5. – С. 118–124.

Дьякова Л.Н.

1. Авторская песня как коммуникативный жанр // Человек в информационном пространстве: Науч.изд. – Воронеж–Ярославль, 2004. –С. 42–44.

2. Коммуникативные особенности авторской песни // Культура общения и её формирование. – Вып. 15. – Воронеж, 2004. – С. 183–184.

3. Авторская песня как форма общения // Коммуникативное поведение. – Вып. 18. Песня как коммуникативный жанр. – Воронеж, 2004. – С. 25–33.

2005

Стернин И.А.

1. Стилистическая характеристика слова и языковое сознание // Культура общения и ее формирование. – Вып. 14. – Воронеж, 2005. – С. 46–50.
2. Частотность слова и ее лингвистическая интерпретация // Человек в информационном пространстве. – Вып. 4. – Ярославль, 2005. – С. 87–92.
3. Язык и национальное сознание // «Логос». – М., 2005. – С. 140–155.
4. Табу и коммуникация // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. – Воронеж, 2005. – С. 39–47.
5. Стилистическая характеристика и ситуация употребления слова // Коммуникативные исследования 2005. – Воронеж, 2005. – С. 55–63.
6. Языковое сознание и стилистическая характеристика слова // Филологические записки. – Вып. 23. – Воронеж, 2005. – С. 208–215.
7. Геронтное общение как предмет лингвистического изучения // Возраст и общество: старость как социокультурный феномен. – Воронеж, 2005. – С. 66–74.
8. Языковое сознание и культура речи // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Ч. 1. – Воронеж, 2005. – С. 310–316.
9. Стилистическая парадигма и языковое сознание носителей языка // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке. Материалы международной научно-практической конференции. – СПб., 2005. – С. 36–40.
10. Стилистический эксперимент и языковое сознание // Квалификационная филологическая подготовка специалистов на факультете педагогики и методики начального образования в свете модернизации системы образования. Материалы международной научно-практической конференции. – Борисоглебск, 2005. – С. 160–163.
11. Об упрощении стилистической парадигмы // Русский язык в синхронном и диахроническом аспекте. – Борисоглебск, 2005. – С. 4–8.
12. Функциональный компонент значения в языковом сознании // Язык. Сознание. Культура. – М.-Калуга, 2005. – С. 70–83.
13. Табу и коммуникация // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. – Воронеж, 2005. – С. 39–47.
14. Жанр разговора по душам и русская авторская песня // Жанры речи. – Вып. 4. – Саратов, 2005. – С. 273–279 (в соавторстве с Л.Н. Дьяковой).

Попова З.Д.

1. Внимание: паронимы // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2005. – Вып. 14. – С. 10–11.
2. Знаковая ситуация в лингвосемиотике // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2005. – № 2. – С. 208–216.
3. Иронические наименования обуви в русском языке в свете проблемы «слова и вещи» // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2005. – Вып. 7. – С. 115–118 (в соавторстве с Э.Д. Хаустовой).

4. Литературный язык как подсистема национального языка // Язык и общество в синхронии и диахронии. Труды и материалы Международной конференции. – Саратов, 2005. – С. 111–115.

5. «Перенос по функции» как разновидность метафоры // Филология и культура. – Тамбов, 2005. – С. 485–489 (в соавторстве с А.В. Медведевой).

6. Русские парные глаголы перемещения в контрастивном аспекте // Вопросы современной лингвистики. – Воронеж, 2005. – С. 49–51.

7. Суффиксы, склеивающиеся на стыках морфем // Проблемы русского и общего языкознания. Межвузовский сборник научных трудов. – Елец, 2005. – С. 41-44.

8. Текст, дискурс и проблема эффективной коммуникации // Текст – дискурс – картина мира. – Воронеж, 2005. – Вып. 1. – С. 4–8 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

9. Этапы фразеологизации номинаций жестов и телодвижений // Актуальные вопросы лексикологии и фразеологии. – Тула, 2005. – С. 96–104 (в соавторстве с Е.Г. Селезнёвой).

Чарыкова О.Н.

1. Предмет сравнения в художественном тексте и способы его номинации // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1 / Научный ред. О.Н. Чарыкова. – Воронеж: Истоки, 2005. – С. 83–86 (в соавторстве с Л.В. Разуваевой).

2. Морфологические категории глагола в рекламном тексте с точки зрения их прагматического потенциала // Человек в информационном пространстве языка: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 3. – Ярославль: Истоки, 2005. – С. 90–93.

3. Скрытые категории как факт языкового сознания // Культура общения и её формирование. – Вып. 14. – Воронеж, 2005. – С. 43–45.

4. Отражение социальных факторов в развитии глагольной ЛСГ // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции 29–30 октября 2005 г. – Ч. I. – Воронеж, 2005. – С. 331–336 (в соавторстве с И.И. Шохиной).

Селезнева Г.Я.

1. Компоненты фразеологизма как носители культурно значимой информации // Культура общения и ее формирование. – Вып. 14. – Воронеж, 2005. – С. 141–143.

Рудакова А.В.

1. Психологически реальное значение лексемы «быт» (на материале ассоциативного эксперимента) // Язык и национальное сознание / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2005. – Вып. 7. – С. 67–74.
2. «Деловая риторика» в вузе // Культура общения и ее формирование: Материалы региональной научно-методической конференции (Воронеж, 18–19 апреля 2005 г.) / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2005. – Вып. 15. – С. 116–118.
3. Концепт «быт» и слово «быт» // Культура общения и ее формирование: Материалы региональной научно-методической конференции (Воронеж, 18–19 апреля 2005 г.) / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2005. – Вып. 14. – С. 167–172.
4. Быт // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – В 2-х т. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 20–42.
5. Коммуникативный тренинг «Извинение» // Коммуникативный исследования / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2005. – С. 193–200.
6. Концепт «быт» в русской концептосфере // Концептуальные сферы «МИР» и «ЧЕЛОВЕК»: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – Вып. 6. – С. 14–29 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

Дьякова Л.Н.

1. Коммуникативный аспект в русской бардовской песне // Текст-дискурс-картина мира. – Воронеж, 2005. – Вып. 1. – С. 52–61.

2. Жанр разговора по душам // Жанры речи: Жанр и концепт. – Саратов, 2005. – Вып. 4. – С. 273–279 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

3. Тема застолья в авторской песне // Коммуникативные исследования 2005. – Воронеж, 2005. – С. 161–166.

2006

Стернин И.А.

1. Концепт *финский язык* в русском сознании // Коммуникативное поведение. Вып. 23. Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж, 2006. – С. 147–154.
2. Концепт *русский язык* в русском когнитивном сознании // Коммуникативное поведение. Вып. 23. Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж, 2006. – С. 154–167 (в соавторстве с Л.А. Тавдгиридзе).
3. Challenge и *вызов* – новый концепт в русской концептосфере? // Сопоставительные исследования 2006. – Воронеж, 2006. – С. 87–94.
4. Значение в языковом сознании: специфика описания // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. – М.-Калуга: ИЯ АН РАН., 2006. – С. 90–92.
5. Современный публицистический дискурс и общественные факторы // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. – Волгоград, 2006. – С. 134–145.
6. Стилистическая парадигма в языковом сознании // Probleme de filologie slavă. Timişoara, 2005. – С.167-171.
7. *Русский язык, немецкий язык* в языковом сознании русских переселенцев в Германии // Коммуникативное поведение. Вып. 25. Russisches und deutsches kommunikatives Verhalten. Русское и немецкое коммуникативное поведение. – Halle/Saale, 2006. – S. 108–111 (в соавторстве с Т. Донат).
8. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Социальная психолингвистика. Хрестоматия. – М.: Лабиринт, 2006. С. 37–73 (в соавторстве с З.Д. Поповой).
9. Можно ли упростить стилистическую парадигму для рядового носителя языка? // Язык художественной литературы. Литературный язык. – Саратов: Научная книга, 2006. – С. 139–143.
10. Стилистическая характеристика слова в обыденном языковом сознании // Русский язык сегодня. 4. Проблемы языковой нормы / Отв. ред. Л.П. Крысин. – Москва: ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2006. – С. 518–529.
11. Русский язык // Антология концептов. – Том 3. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 6–39 (в соавторстве с Л.А. Тавдгиридзе).
12. Контрастивные словари: проблемы практического создания // «Јужнословенски филолог». – 2006. – LXII. – Београд, 2006. – С. 225–232.
13. Толерантность, интолерантность и агрессия // Язык вражды и согласия в социокультурном контексте современности. – Екатеринбург, 2006. С. 20–20 (в соавторстве с К.М. Шилихина).
14. Значение в языковом сознании: специфика описания // «Вопросы психолингвистики». – 2006. – № 4. – С. 171–179.

Попова З.Д.

1. Категория славянского глагольного вида : дискуссии, возможные решения // Јужнословенски филолог. – LXII. – Београд, 2006. – С. 233–251.

2. Концепт «дерево» в русской поэтической картине мира XX века // Текст – дискурс – картина мира. – Воронеж, 2006. – Вып. 2. – С. 140–144 (в соавторстве с Н.К. Фирсовой).

3. Многослойная, многоликая категория русского глагольного вида // Русский синтаксис в лингвистике третьего тысячелетия. Материалы международной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения профессора А.М. Ломова. – Воронеж, 2006. – С. 21–27.

4. От теории психолингвистики к методологии когнитивной лингвистики // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. 26–28 сентября 2006 года. Сборник материалов. – Тамбов, 2006. – С. 73–74.

5. Романтический компонент в синтагматическом поле «путешествие» (на материале текстов русской художественной литературы XIX века) // Язык художественной литературы. Литературный язык. – Саратов, 2006. – С. 267–270 (в соавторстве с О.В. Студеновой).

6. Семантические функции русского глагольного суффикса -НУ // Ученые записки Таврического национального университета. – Т. 19. – №4. – Филология. – Симферополь, 2006. – С. 159–163.

7. Структурные схемы простого предложения в южновеликорусских деловых текстах XVII века // Наследие академика В.И. Борковского и проблемы современной лингвистики. – Волгоград, 2006. – С. 38-44.

8. Схема описания русского синтаксиса в свете теории синтаксических концептов // Проблемы русского и общего языкознания. Межвуз. сборник научных трудов. – Елец, 2006. – Вып. 4. – С. 30-38.

9. Текст и дискурс в знаковой ситуации // Слово – сознание – культура. – М., 2006. – С. 291–296.

Чарыкова О.Н.

1. Метафора в национальной картине мира // Язык и национальное сознание. – Вып. 8. / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 8–11.

2. Синтагматика художественного текста // Русский синтаксис в лингвистике третьего тысячелетия: Материалы международной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения профессора А.М. Ломова. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – С. 364–367.

3. Обращение в русском коммуникативном поведении конца XIX–начала XX века (на материале прозы А.П. Чехова) // Коммуникативное поведение. Вып. 23. Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 103–108 (в соавторстве с Н. Дж. Хади).

4. Структурные типы собственного имени персонажа в прозе А.П. Чехова // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. / Научный редактор О.Н. Чарыкова. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 84–88 (в соавторстве с Н.Дж. Хади).

5. Синонимия в научном дискурсе и проблема выбора термина (на примере русской лингвистической терминологии) // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. / Научный редактор О.Н. Чарыкова. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2006. – С. 189–193 (в соавторстве с М.А. Джасим).

6. Флористическая метафора в русском и испанском языках // Сопоставительные исследования 2006. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 14–21 (в соавторстве с О.И. Мусаевой).

7. Синтаксические аспекты функционирования глагола в рекламном тексте // Человек в информационном пространстве: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5. – Ярославль: Истоки, 2006. – С. 176–180.

8. К вопросу об изучении глагола в когнитивно-дискурсивном аспекте // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 11–13 апр. 2006 г.) : В 2 ч. / под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Вып. 9. – Ч.I. – С. 200–204.

9. К вопросу о соотношении терминов «текст» и «дискурс» // Культура общения и её формирование. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 16. / Под ред. И.А.Стернина, А.В. Рудаковой. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 7–9.

10. Монокомпонентные антропонимы как форма наименования персонажа в прозе А.П. Чехова // Культура общения и её формирование. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 17. / Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 20–22 (в соавторстве с Н. Дж. Хади).

11. Метафорический концепт как феномен национальной концептосферы // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : Сб. мат-лов 26–28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев ; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 380–383.

12. Метафора в национальной концептосфере // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) /Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8). – С. 163–168.

13. Метафорический концепт в сопоставительном аспекте (на примере флористической метафоры) // Концептосфера – дискурс – картина мира: международ. сб. науч. тр. по лингвокультурологии / отв. ред. Е.Е. Стефанский. – Самара : Самар. гуманит. акад., 2006. – С. 36–40.

14. Обращения в асимметричных речевых актах русской коммуникации конца XIX – начала XX века (на материале прозы А.П. Чехова) // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 4. Международный сборник научных трудов. Москва – Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. – С. 40–46.

15. О когнитивно-дискурсивном подходе к изучению глагола // ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ LXII. – БЕОГРАД, 2006. – С. 253–258.

Козельская Н.А.

1. Метафора в рекламе // Текст–дискурс–картина мира. – Воронеж : Истоки, 2006. – Вып. 2. – С. 180–184.

Селезнева Г.Я.

1. Проблема «язык и культура» в аспекте преподавания русского как иностранного // Культура общения и ее формирование. – Вып. 17. – Воронеж, 2006. – С. 164–166.

Рудакова А.В.

1. Коммуникативный тренинг «Утешение» // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сб. материалов X Международной конференции по риторике 1-3 февраля 2006 г. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 337–341.
2. Коммуникативный тренинг «Реакция на извинение» // Человек в информационном пространстве: Межвузовский сборник научных трудов. – Ярославль: «Истоки», 2006. – Вып. 6. – С. 12–16.
3. Рудакова А.В. О разработке словаря русских концептов для иностранцев // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет: тезисы докладов III Международной научной конференции 10–14 мая 2006 г. – Варшава: Варшавский университет, 2006. – С. 65–66.

4. Метафорические способы объективации признаков концепта «мысль» // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26–28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 176–178.

5. Работа редактора над рекламными текстами // Текст как объект редакторского анализа: учебно-метод. пособие: В 2 ч. / [сост. А.Г. Лапотько, А.В. Рудакова, Г.П. Стуколова, И.В. Хорошунова]. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2006. – Ч. 2. – С. 56–68.

Розенфельд М.Я.

1. Национальные образы в структуре значения русского слова // Коммуникативное поведение. Коммуникативное поведение славянских народов. – Воронеж, 2006. – Вып. 22. – С. 197–203.

2. Образ в структуре значения существительных и глаголов // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. – Москва – Калуга, 2006. – С. 243–245.

3. Русская культура и русские в учебниках серии «Клуб интересных встреч» // Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж, 2006. – Вып. 23. – С. 131–136.

Акованцева (Федотова) Н.В.

1. Цветообозначения в рекламном тексте // Культура общения и ее формирование. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой. – Воронеж : Истоки, 2006. – С. 113–117.

2007

Стернин И.А.

1. Топонимические концепты в провинциальной концептосфере // Язык и национальное сознание. – Вып. 9. – Воронеж, 2007. – С. 154–160.

2. Словесная благодарность в русском и финском общении // Коммуникативные исследования. Вып. 26. Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Истоки, 2007. – С. 14–20.

3. Российский лекционный стиль в восприятии финских студентов (на материале комментариев финских студентов к лекции российского профессора) // Коммуникативные исследования. Вып. 26. Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж, 2007. – С. 95–118.

4. Речевая культура и грамотность города // Коммуникативные исследования 2007. – Воронеж, 2007. – С. 214–217 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

Попова З.Д.

1. Инфинитивная номинация в синтаксической структуре // Проблемы ономасиологии и теории номинации. – Часть II. – Орёл, 2007. – С. 220–224.

2. Историческая лексикология и культура // Знание. Язык. Культура. – Тула, 2007. – С. 12–13.

3. Метод как путь от теории к теории // Семантические, грамматические и когнитивные категории языка. – Уфа, 2007. – С. 37–40.

4. О статусе современной психолингвистики // Вопросы психолингвистики. – 2007. – №5. – С. 115.

5. Русская структурная схема простого предложения в синхронии и диахронии // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. – Т.1. – Волгоград, 2007. – С. 102–109.

6. Семантика слова в синтаксическом аспекте (к вопросу о факторах эволюции системы языка) // Семантика, слово, предложение, текст. – Калининград, 2007. – С. 7–14.

7. Синхрония и диахрония в современной лингвистике // Идеи Фердинанда де Соссюра в современной лингвистике. – Воронеж, 2007. – С. 32–38.

8. Субъект-пациенс в русской языковой картине мира // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2007. – Вып. 9. – С. 4–7.

9. Факторы эволюционных изменений в употреблении зависимых словоформ существительных // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Воронеж, 2007. – Часть I. – С. 86–89.

10. Функционально-семантические поля словоформ как основа лексико-грамматической системы языка // Родной язык : проблемы теории и практики преподавания. – Борисоглебск, 2007. – С. 82–86.

11. Эволюционная природа синтаксической концептуализации // Филология и культура. – Тамбов, 2007. – С. 375–380.

12. Язык и сознание : теоретические разграничения и понятийный аппарат // Социальная психолингвистика. Хрестоматия. – М., 2007. – С. 37–73 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

Чарыкова О.Н.

1. Особенности использования обращений в форме личного имени в русском бытовом общении конца XIX – начала XX века // Язык и национальное сознание / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – Вып. 9. – С. 199–204 (в соавторстве с Н.Дж. Хади).

2. Грамматическая категоризация концепта в национальном языковом сознании // Язык и национальное сознание / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – Вып. 9. – С. 27–30.

3. К вопросу о жанровой специфике текстов газетной рекламы // Культура общения и её формирование. Межвузовский сборник научных трудов. Вып 18. / [Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой]. – Воронеж: Истоки, 2007. – С. 195–200.

4. Обращение к лицам иного социального статуса в русском коммуникативном поведении конца XIX–начала XX века (на материале прозы А.П. Чехова) // Русский как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Выпуск IX. – СПб.: Сударыня, 2007. – С. 179–184.

5. Языковая личность в художественном тексте // Языковая личность: проблемы статуса и формирования: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж: АНО МОК ВЭПИ, 2007. – С. 180–183.

6. Лексико-грамматический аспект языковой объективации концепта // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: Материалы международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2007. – Т. 1. – С. 138–144.

7. Функции обращений в форме личного имени в русском бытовом общении конца XIX – начала XX века (на материале прозы А.П. Чехова) // Иностранные языки и литература в современном международном образовательном пространстве: сборник научных трудов, подготовленный к II Международной научно-практической конференции. В 2 т. – Екатеринбург ГОУ ВПО УГТУ – УПИ, 2007. – Т 2. – С. 272–278.

8. Языковая метафора в художественном тексте (на примере лексем, называющих рельеф местности) // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов / Научный редактор О.Н. Чарыкова. – Воронеж: Истоки, 2007. – Вып. 3. – С. 109–115 (в соавторстве с Д.В. Овчинниковым).

9. Обращение с использованием отчества в прозе А.П. Чехова как художественный приём // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов /

Научный редактор О.Н. Чарыкова. Воронеж: Истоки, 2007. – Вып. 3. – С. 133–138 (в соавторстве с Н. Дж. Хади).

10. Роль фитонимов в интерпретации художественного текста // Славянские языки и культура. Т. III. Язык. Культура. Коммуникация. Материалы Международной научной конференции (Тула, 17–19 мая 2007 г.) / Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. – Тула : Петровская Гора, 2007. – С. 176–179.

11. Жанровые разновидности текстов газетной рекламы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз.сб.науч.тр. / Отв.ред. А.Г. Пастухов. – Орёл: ОГИИК, ПФ «Картуш», 2007. – Вып. 5. – С. 258–267.

12. Функции обращения в художественном тексте (на материале прозы А.П. Чехова) // Человек. Русский язык. Информационное пространство: межвузовский сборник научных трудов / Под науч. ред. Н.В. Аниськиной. – Ярославль, 2007. – Вып. 7. – С. 285–290.

13. К вопросу о грамматическом аспекте репрезентации концепта в языке // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: Сборник научных трудов. / Под ред. д.ф.н., проф. Л.Г. Васильева. – Калуга : Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского, 2007. – Вып. 4. – С. 27–30.

Селезнева Г.Я.

1. Способы выражения волнения в эмотивном тексте (на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина») // Коммуникативные исследования 2007 / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 88–91.

Рудакова А.В.

1. Лексикографическое значение как первый этап исследования психологически реального значения слова // Язык и национальное сознание / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – Вып. 9. – С. 65–68 (в соавторстве с Зади Синан).
2. Риторические особенности выступления В.В. Путина в прямом эфире 2006 г. // Риторика и культура речи в современном информационном обществе: Материалы докладов участников XI Международной научно-методической конференции (Ярославль, 29-31 января 2007 г.) / Под ред. Н.В. Аниськиной, Е.Н. Туркиной: В 2-х т. – Ярославль: ЯГПУ, 2007. – Т. 2. – С. 66–70.
3. Этимологический анализ как способ исследования современного значения слова // Культура общения и ее формирование: Материалы региональной научно-методической конференции (Воронеж, 19–20 апреля 2007 г.) / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 118–121 (в соавторстве с А.А. Шабаевой).
4. Речевая культура и грамотность современного города // Коммуникативные исследования / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – С. 214–217 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

Розенфельд М.Я.

1. Образный компонент смысловой структуры существительного «страна» // Культура общения и её формирование. – Воронеж : Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 111–115.
2. Образ как компонент значения слова // Вестник ВГУ, Серия: Филология. Журналистика. – 2007. – №1. – С. 87–92.

Акованцева (Федотова) Н.В.

1. Экспериментальное изучение коммуникативной эффективности цветонаименований в рекламе // Коммуникативные исследования 2007 / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 106–109 (в соавторстве с Н.А. Козельской).

2. Опыт контрастивного описания цветообозначений в российских каталогах декоративной косметики // Studia methodologica: альманах. Вип 22.: Наукове видання [Текст]: [За заг. ред. Олега Володимировича Лещака]. - Тернопіль: " Підручники та посібники" – Севастополь: "Рибэст", 2007. – С. 190–198.

Дьякова Л.Н.

1. Авторская песня как коммуникативный жанр // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. – Воронеж, 2007. – № 1. – С. 32–36.

2008

Стернин И.А.

1. О понятиях «неприличная форма высказывания» и «нецензурная лексика» // Язык и национальное сознание. – Вып. 10. – Воронеж, 2008. – С. 103–108.
2. Проект «Речевая культура и грамотность современного города» в Воронеже // Язык и национальное сознание. – Вып. 10. – Воронеж, 2008. – С. 197–200 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).
3. Обыденное языковое сознание и обучение культуре речи // Роль риторики и культуры речи в реализации приоритетных национальных проектов. – Москва, 2008. – С. 320.
4. О повышении культуры речи в Воронеже // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2008. – Вып. 20. – С. 8–10 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).
5. Русский язык и русская культура // Язык и общество: коммуникация и интеграция. Материалы международной научно-практической конференции (24–25 апреля 2008). – М.: Московский гуманитарный институт, Подольск, 2008. – С. 10–14 (в соавторстве с З.Д. Поповой).
6. Язык и сознание // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики. – Элиста: Калмыцкий ГУ, 2008. – Вып. 2. – С. 48–51.
7. Прецедентные тексты советской культуры в современном агитационном дискурсе // Научная интернет-конференция «Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы». Уральский МИОН, 28.05.2008 – 29.05.2008. http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1587/1/Part2+2008-11.pdf (в соавторстве с М.С. Саломатиной)
8. Речевой жанр «Встреча старых знакомых» // Коммуникативные исследования 2008. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 137–145.
9. Университет и речевая культура региона // Современное образование: опыт и проблемы. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. – С. 134–145.
10. Общение в поезде // Язык. Культура. Общение. Сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой. – М.: Гнозис, 2008. – С .530–540.
11. Элективные курсы по коммуникативным дисциплинам. Справочник. Воронеж: ВОИПКиПРО, 2008. – 80 с. (в соавторстве с Е.И. Грищук, М.Е. Новичихиной, Н.В. Журавлевой, Е.Ю. Лазуренко, А.В. Рудаковой. Л.Д. Мудровой).

Попова З.Д.

1. Категория «осложнённое предложение» в когнитивном аспекте // Проблемы русского и общего языкознания. Межвузовский сборник научных трудов, посвящённый году русского языка. – Вып. 6. – Елец, 2008. – С. 49–57.
2. Личностные локализаторы в динамике функционирования // Исследования по семантике. – Уфа, 2008. – С. 452–456.
3. От необычного актуального членения к обычному (функция актуального членения в связном тексте) // Русский язык в действии. – Глазов, 2008. – С. 22–28.

4. Предложно-падежные обороты в позиционных схемах высказывания // Русский язык : история и современность. Сб. научных трудов. – Липецк-Елец, 2008. – С. 58–66.

5. Русский язык и русская культура // Язык и общество : коммуникация и интеграция. Мат. междунар. научно-практич. конференции. – Подольск, 2008. – С. 10–14 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

6. Синтагматические связи словоформ в высказывании и термины их традиционного описания // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц. – Новосибирск, 2008. – С. 58–64.

7. Синтаксические концепты, их лингвокультурологическая информация и национальное своеобразие // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников. Материалы VII Всероссийской научно-методической конференции. – Воронеж, 2008. – С. 9–13.

8. Системные отношения структурных схем русского простого предложения // Јужнословенски филолог LXIV. – Белград, 2008. – С. 323–336.

9. Сложное предложение и синтаксическая концептуализация // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Сборник материалов. – Тамбов, 2008. – С. 499–502.

10. Фразеосочетания, описывающие зрительные иллюзии человека // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. – Москва-Кострома, 2008. – С. 34–37.

11. Фразеосхемы как знаки синтаксических концептов // Материалы I междунар. науч. конференции «Фразеология и когнитивистика». Том 2. «Идиоматика и когнитивная лингвокультурология». – Белгород, 2008. – С. 166–170.

Чарыкова О.Н.

1. Метафорические значения лексем, называющих температуру со знаком +, в русском языковом сознании // Язык и национальное сознание / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 108–112 (в соавторстве с Чан Тхи Тху Хыонг).

2. Работа над культурой речи в системе профессиональной подготовки филолога-русиста // Роль риторики и культуры речи в реализации приоритетных национальных проектов: Материалы докладов участников X11 Международной научной конференции по риторике (Москва, 29–31 января 2008 г.) / Под ред. М.Р. Савовой, Ю.В. Щербининой. – М.: МГПУ, 2008. – С. 360.

3. Метафорические значения русских лексем, называющих температуру со знаком «–» // Язык и национальное сознание / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 11. – С. 118–123

4. Синтаксические средства представления товара в рекламном тексте // Культура общения и её формирование. Межвузовский сборник научных трудов / [Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой]. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып 20. – С. 130–134 (в соавторстве с Айад Ш. Ахмед).

5. Глаголы «мочить» и «взорвать» в газетном тексте // Культура общения и её формирование. Межвузовский сборник научных трудов / [Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой]. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып 20. – С. 141–143 (в соавторстве с Ф. Бураихи Карим).

6. Лексические единицы, называющие температуру со знаком «+» в русском и вьетнамском языках // Сопоставительные исследования 2008. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 44–48 (в соавторстве с Чан Тхи Тху Хыонг).

7. Метафорический концепт в национальной картине мира // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Т.В. Дубровской, Е.В. Китаевой. – М.: МНЭПУ (Пензенский филиал), 2008. – Т. I. – С. 131–135.

8. Функции фитонимов в читательской интерпретации лирики С. Есенина // Коммуникативные исследования 2008 / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 123–127 (в соавторстве с Зейнаб А. Камаль).

9. Грамматический аспект объективации концепта в национальном языке // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : Сб. мат-лов / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Ин-т языкознания Рос. Академии наук, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 523–525.

10. Лексические единицы, называющие температуру со знаком «-» в русском и вьетнамском языках // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 79–85 (в соавторстве с Чан Тхи Тху Хыонг).

11. Национальный культурный концепт в художественной концептосфере // Культура в зеркале языка и литературы : Мат-лы Междунар. науч. конф. 15–16 апреля 2008 г. / Отв. ред. Н.В. Ушакова; Федеральное агентство по образованию, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 90–92.

12. Отражение коммуникативной ситуации «конфликт» в русской фразеологии // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. – Международный сборник научных трудов. – Москва – Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2008. – Вып. 8.– С. 199–204.

Селезнева Г.Я.

1. Принципы межкультурной коммуникации в преподавании риторики иностранцам // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2008. – Вып. 20. – С. 39–42.

2. Национальные когнитивные стратегии и преподавание риторики иностранцам // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2008. – Вып. 20. – С. 228–230.

Рудакова А.В.

1. Проект «Речевая культура и грамотность современного города» в Воронеже // Язык и национальное сознание / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 197–200 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

2. О повышении культуры речи в Воронеже // Культура общения и ее формирование: Материалы региональной научно-методической конференции (Воронеж, 7–8 апреля 2008 г.) / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 8–11 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

3. Национально-культурный компонент в лексико-фразеологической группе «Насекомое» // Взаимодействие, взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы: Тезисы Международной научной конференции, Минск, 20–21 марта 2008 г. – Минск, 2008. – 3 с.

Саломатина М.С.

1. О концепции преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» // Роль риторики и культуры речи в реализации приоритетных национальных проектов: материалы докладов участников XII Международной научной конференции по риторике. – М., 2008. – С. 287–288.

Розенфельд М.Я.

1. Перцептивная составляющая лексического значения: теоретические основания проблемы // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 11. – С. 11–28;

2. Методы выявления перцептивного образа в структуре лексического значения (на материале существительного глаз) // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 77–81.

3. Национальная специфика образного компонента значения слова // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. – Варшава, 2008. – С. 174–175.

Акованцева (Федотова) Н.В.

1. Особенности перевода колористической лексики в рекламном тексте // Сопоставительные исследования 2008. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 132–135 (в соавторстве с Н.А. Козельской).

2. Приемы эффективного воздействия рекламного текста // Роль риторики и культуры речи в реализации приоритетных национальных проектов: Материалы докладов участников XII Международной научной конференции по риторике (Москва, 29–31 января 2008 г.) / Под ред. М.Р. Саввовой, Ю.В. Щербининой. – М.: МПГУ, 2008. – С. 353–354.

3. Выделение номинативного поля по данным частотного словаря // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 11. – С. 105–109.

4. Лексема «отдых» по лексикографическим источникам // Культура общения и ее формирование : Межвузовский сборник науч. трудов / Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20. – С. 127–130.

5. Концепт «отдых» в языковом сознании школьников и студентов // Лингвоконцептология. – Воронеж, 2008. – Вып. 1. – С. 182–190.

6. Опыт экспериментального изучения концепта *отдых* // Материалы докладов Международной научно-практической конференции «Вторые Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения» (г. Севастополь, 22–25 мая 2008 г.). – Севастополь : Рибэст, 2008. – С. 243–251.

Дьякова Л.Н.

1. О некоторых особенностях построения диалога в радиопередаче «Территория слова» (ГТРК «Воронеж») // Актуальные проблемы телевидения и радиовещания. – Воронеж, 2008. – С. 151–158.

2009

Стернин И.А.

1. К уточнению типологии речевых культур носителей языка // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика / Ред. И.П. Лысакова. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – Вып. X. – С. 23–28.

2. Структурная семасиология, оценка и эмоция // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. – С. 43–50.

3. Языковое сознание молодежи и обучение русскому языку и культуре речи // Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Риторика и культура общение в общественном и образовательном пространстве». 21–23 января 2009 г. – Москва: информационно-учебный центр ИРЯ им. Пушкина, 2009. – С. 423–425.

4. Речевое воздействие и деловое общение // «Коммуникативные процессы в бизнесе и менеджменте. Организационная коммуникация–2009. Материалы 2-й международной конференции (2–3 февраля 2009). – Воронеж: АОНО ВПО «Институт менеджмента, маркетинга и финансов», 2009. – С. 135–138.

5. Тип интеллекта и коммуникация // Человек. Русский язык. Информационное пространство. – Ярославль: Ярославский ГПУ, 2009. – Вып. 8. – С. 280–285.

6. Речевой жанр «Общение на отдыхе» // Жанры речи. – Вып. 6. – Саратов: издательский центр «Наука», 2009. – С. 265–270.

7. Речевая культура и грамотность жителей Воронежа // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 3–14 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

8. О типах речевой культуры носителя современного русского языка // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 19–27.

9. Основные типы речевых культур в современном обществе // Respectus philologicus. –15 (20). – 2009. – С. 44–52.

10. Интертекстуальность в современном политическом тексте // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы. Волгоград: Перемена, 2009. – С. 223–230.

11. Как мы общаемся… или особенности русского коммуникативного поведения / Russian London Courier. – N 316. – 20 March – 2 April 2009. – Published by Ann Taylor. – P. 14.

12. Общение и формирование культуры нации // Европейские языки: историография, теория, история / Ред. Т.М. Свиридова. – Елец, 2009. – Вып. 7. – С. 309–314.

13. К теории речевых культур носителей языка // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 7. – С. 22–29.

14. «Академический язык» в системе понятий объединяющейся Европы // Науковий часопис національного педагогічного университету імені М.М. Драгоманова. – Серія 9. – Сучасні тенденції розвитку мов. – Кіев, 2009. – Випуск 4. – С. 85–87.

15. Типология речевых культур и формирование языкового сознания школьника // Актуальные проблемы развития языковой личности и лингвистического образования детей. Сборник научных статей по итогам II межрегиональной научно-практической конференции (Воронеж, 7 сентября 2009). – Воронеж: ВОИПКиПРО, 2009. – С. 147–151.

16. Проблемы моделирования и описания коммуникативного поведения лингвокультурной общности / Проблемы номинации и речевой коммуникации в профессиональной среде. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – С. 149–160.

17. Русский язык и русская культура // Родной язык: проблемы теории и практики преподавания. Материалы II международной научно-методической конференции 19–20 октября 2009 г. – Борисоглебск, 2009. – С. 5–8 (в соавторстве с З.Д. Поповой).

18. Концепт *иностранный язык* в языковом сознании студентов-нефилологов // Иностранный язык для специальных целей: описание. Преподавание. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 3–7 (в соавторстве с Л.В. Павлюк).

19. Прецедентные тексты и прецедентный стиль в современном агитационном дискурсе / Советское прошлое и культура настоящего. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2009. – Т. 2. – С. 67–75 (в соавторстве с М.С. Саломатиной).

20. Наблюдается ли кризис в русском языке рубежа веков? / Probleme de filologie slavă. – XVI–XVII. – Timişoara, 2008–2009. – С. 89–94.

Попова З.Д.

1. Когнитивные признаки ситуации в семантеме глагола // Язык и общество: коммуникация и интеграция. Вторая научно-практическая конференция. − Калуга, 2009. − С. 186–193.

2. Концепты культурные и «некультурные» // Теоретические и прикладные проблемы лингвокультурологии. – Тула, 2009. – С. 6–8.

3. Литературный язык и диалекты // Европейские языки: историография, теория, история. Межвузовский сборник научных трудов. − Вып. 7. – Елец, 2009. – С.171–176.

4. Понимание или запоминание (выбор зависимой словоформы существительного) // Культура общения и ее формирование. – Вып. 22. – Воронеж, 2009. – С. 23–26.

5. Предложения с однородными членами в свете теории синтаксических концептов // Слово. Предложение. Текст. – Орёл, 2009. – С. 352–356.

6. Русский язык и русская культура // Родной язык: проблемы теории и практики преподавания. Материалы II Международной научно-методической конференции. − Борисоглебск, 2009. – С. 5–8 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

7. Системный и семный анализ как методы семасиологии // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2009. – Вып. 12. – С. 4–9 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

8. Системология и система языка // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности. – Иркутск, 2009. – С. 109–116.

9. Словосочетание как элемент синтаксической системы русского языка // Проблемы русского и общего языкознания. Межвузовский сборник научных трудов. – Елец, 2009. − Вып. 7. − С. 67–71.

10. Текст и его смысл // Филология и культура. Материалы VII Международной научной конференции. – Тамбов : ТГУ, 2009. – С. 516–519.

11. Фразеология в отношении к синтаксису: порождение и развитие // О русском языке в историческом, теоретическом и лингвокультурологическом аспектах. – Липецк, 2009. – С. 11–24.

12. Экстралингвистические и лингвистические факторы, влияющие на употребительность синтаксических структур // Вопросы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2009. − №4. – С. 60–65.

13. Этнолингвистика и фольклор // Дело всей жизни. Сборник научных трудов. – Воронеж, 2009. − С. 126–131.

Чарыкова О.Н.

1. Атрибутивная лексика в политическом дискурсе // Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Риторика и культура общения в общественном и культурно-образовательном пространстве», 21–23 января 2009 года / Под ред. В.И. Аннушкина. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2009. – С. 466–468.

2. Прагматическая функция деструктивных глаголов в рекламном тексте // Коммуникативные процессы в бизнесе и менеджменте. Организационная коммуникация – 2009 : матер. 2-й междунар. конф. 2–3 февраля 2008 / науч. ред. М.В. Черников. – Воронеж : АОНО ВПО «ИММиФ», 2009. – С. 156–158 (в соавторстве с Бураихи Фирдевс Карим).

3. Лингвокогнитивные процессы ментальной операции «сравнение» // Значение. Смысл. Концептосфера. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина, А.С. Кравеца. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 131–134.

4. Образ берёзы в лирике С. Есенина с позиции носителя арабского языка // Язык и национальное сознание / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2009. – Вып. 13. – С. 49–51 (в соавторстве с Зейнаб А. Камаль).

5. Глагол в печатной рекламе лекарственных препаратов как средство речевого воздействия // Культура общения и её формирование. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 28–31 (в соавторстве с Айад Ш. Ахмед).

6. Функции сравнений в художественном тексте // Человек. Русский язык. Информационное пространство. Межвузовский сборник научных трудов. – Ярославль, 2009. – Вып. 8. – С. 335–340 (в соавторстве с Л.В. Разуваевой).

7. Сравнение как феномен художественного сознания // Психолингвистика в XXI веке : результаты, проблемы, перспективы : XVI международный симпозиум по

психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 15–17 июня 2009 г. / Ред. коллегия : Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Н.В. Уфимцева. – М.: Эйдос, 2009. – С. 419–420.

8. Когнитивно-дискурсивные характеристики глагола как лексико-грамматической единицы языка // Теоретические проблемы современного языкознания / Под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 195–201.

9. Функции существительных, называющих насекомых, в выражении авторской интенции в современном художественном дискурсе // Коммуникативные исследования 2009. Теория коммуникации, коммуникативное поведение / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 154–157 (в соавторстве с Синан Заки).

10. Сравнение как лингвокогнитивный феномен (на материале современной художественной прозы) // Филология и культура: мат-лы VII Междунар. науч. конф. 14 – 16 окт. 2009 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Ин-т языкознания рос. академии наук, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Общерос. обществ. орг-ция «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 397–400.

11. О национальной специфике метафорического осмысления мира // RESPECTUS PHILOLOGICUS, 2009. – Nr.16 (21). – Vilniaus universiteto Kauno humanitarias fakultetas. – С. 82–89.

12. Метафора как феномен национального языкового сознания // Язык и мысль: традиции и новые парадигмы. Вторые Ярославские лингвистические чтения : сборник научных трудов международной конференции 16–18 июня 2009 года : в 2 т. / Отв. ред. О.С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2009. – Т.1. – С. 78–82.

13. Прагматика сравнений в художественном дискурсе // Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации: материалы Второй международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации» (Барнаул, 14-18 апреля 2009 г.) / Под ред. Т.В. Чернышовой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – Ч.1. – С. 236–239 (в соавторстве с Л.В. Разуваевой).

Козельская Н.А.

1. Особенности самоподачи личности в русском коммуникативном поведении // Материалы XIII международной конференции «Риторика и культура общения в общественном и образовательном пространстве», Москва, 21–23 января 2009. – М.: Изд-во Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина, 2009. – С. 199–200.
2. Экспериментальное исследование языкового сознания студентов-нефилологов в центре коммуникативных исследований ВГУ // Коммуникативные исследования 2009. Виды коммуникации. Обучение общению. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 59–68.

Селезнева Г.Я.

1. Русское невербальное поведение в курсе риторики для иностранцев // Материалы XIII международной конференции «Риторика и Культура общения в общественном и образовательном пространстве». – Москва, 21–23 января 2009 / Электронный аналог печатного издания под ред. В.И. Аннушкина. – М.: Изд-во Гос. ИРЯ им.А.С. Пушкина, 2009. – 512 с.

Рудакова А.В.

1. Речевая культура и грамотность жителей Воронежа // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2009. – Вып. 21. – С. 3–14 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

Розенфельд М.Я.

1. О статусе чувственного образа в структуре лексического значения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – № 1. – С. 95–99.

Акованцева (Федотова) Н.В.

1. Конкурсная мотивация и обучение культуре речи // Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Риторика и культура общения в общественном и образовательном пространстве», 21–23 января 2009 года / Под ред. В.И. Аннушкина. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2009. – С. 462–463.
2. Гендерный аспект концепта «отдых» // Значение. Смысл. Концептосфера. Межвузовский сборник научн. трудов. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 120–131.
3. Оценочная акцентуация концепта «отдых» // Культура общения и ее формирование: Межвузовский сборник научн. трудов. – Воронеж : Истоки, 2009. – Вып. 21. – С. 153–156.
4. Экспериментальные методы исследования концепта отдых // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 15–17 июня 2009 г. – М. : Эйдос, 2009. – С. 416–417.
5. Экспериментальное исследование концепта «отдых» // III Международные севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : сборник научных работ. – Севастополь : Гит пак, 2009. – Том II. – С. 289–297.
6. Экспериментальные методы исследования концепта «отдых» в обыденном языковом сознании // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.–Калуга : Эйдос, 2009. – С. 146– 148.

2010

Стернин И.А.

1. О границах вмешательства государства в языковые проблемы // Политика в зеркале языка и культуры. – Москва: ИЯ РАН, 2010. – С. 100–109.
2. О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе // Воронежский адвокат. – № 1(79). – 2010. – С. 16–21.
3. О соотношении субъективного и социального в семантике слова и содержании концепта // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 137–148 (в соавторстве с Е.О. Атлановой).
4. Социальное и субъективное в концептосфере и семантике // Жизнь языка в культуре и социуме. – Москва, 2010. – С. 25–27.
5. Идеальный собеседник в русском обыденном сознании // Риторика и культура речи: наука, образование. Практика. Материалы XIV международной научной конференции. – Астрахань, 2010. – С. 33 (в соавторстве с Е. Вовк).
6. Концепты *русский язык, немецкий язык, польский язык* в языковом сознании русскоязычных переселенцев в Германии // Коммуникативное поведение славянских народов. – Воронеж: Истоки, 2010. – С. 54–56 (в соавторстве с Т. Донат).
7. Концепты *русский язык, немецкий язык, польский язык* в языковом сознании русских переселенцев в Германии // Коммуникативное поведение славянских народов. – Воронеж: Истоки, 2010. – С. 56–58 (в соавторстве с Т. Донат).
8. Концепт *русский язык* в русском и польском языковом сознании / Коммуникативное поведение славянских народов. – Воронеж: Истоки, 2010. –С. 93–98.
9. О понятии эффективного делового общения / Текст – дискурс – картина мира. – Воронеж: Истоки, 2010. – Вып. 6. – С. 13–20.
10. Государство и язык // Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 2 (32). – С. 61–66.

11. Риторические правила вузовской лекции // Вузовская лекция – от первого лица. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2010. – С. 46–62.

12. Филологическое и обыденное языковое сознание // Человек в информационном пространстве. Межвузовский сборник научных трудов. – Ярославль, 2010. – Т. 1. – С. 120–125.

13. Лексикографическое значение и его описание (на материале единиц лексико-словообразовательного поля *гость* в русском языке) // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников. Материалы VIII международной научно-методической конференции. – Воронеж: Научная книга, 2010. – С. 98–103 (в соавторстве с Талл Уссейну).

14. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. – 2010. – (2)12. – С. 57–63.

15. Типы значений и обыденное языковое сознание // Язык и общество в зеркале культуры. Материалы международной научной конференции. Астрахань, 12–13 октября 2010 г. – Издательский дом «Астраханский университет»: 2010. – С. 101–109.

16. Психолингвистическое значение слова и его описание // Проблемы динамической лингвистики. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию профессора Л.Н. Мурзина. – Пермь, 2010. – С. 322–326.

17. Стернин И.А. Стилистическая характеристика слова в обыденном языковом сознании // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / Под ред. Н.Д. Голева. – Часть 3. – Коллективная монография. – Кемерово: Кемеровский ГУ, 2010. – С. 153–161.

18. Стернин И.А. Отношение воронежцев к русскому языку и культуре речи // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / Под ред. Н.Д. Голева. – Часть 3. – Коллективная монография. – Кемерово: Кемеровский ГУ, 2010. – С. 347–364 (с группой соавторов).

Попова З.Д.

1. Актуальное членение предложения и его функции // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания. XXVIII Распоповские чтения. − Ч. I. – Воронеж, 2010. − С. 32–37.

2. Вербализация смыслов как ономасиологический процесс // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2010. − Вып. 14. − С. 36–39.

3. На пути в члены предложения (*за счёт+родительный падеж существительного)* // Культура общения и её формирование. – Воронеж, 2010. − Вып. 23. − С. 80–84.

4. Семантическое согласование/рассогласование в составных номинациях эмоциональных состояний (на материале русской лирики XIX века) // Живодействующая связь языка и культуры. Том 2. Дискурс, текст, культура. Материалы Международной научной конференции. − Москва-Тула, 2010. − С. 138–142 (в соавторстве с А.К. Свистовой).

5. Специфика семантического развития граммемы в процессе концептуализации смыслов // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности. Материалы IV Всероссийской научной конференции. – Иркутск, 2010. − С. 109–114.

6. Устойчивость фразем в когнитивно-синергетическом аспекте // Фразеология и познание. Сборник докладов 2-й Международной научной конференции «Фразеология, познание и культура». − Том I. – Белгород, 2010. − С. 113–117.

7. Фразеологический потенциал деепричастных оборотов и их синтаксический статус // Проблемы русского и общего языкознания. Межвузовский сборник научных трудов. − Елец, 2010. − Вып. 8. − С. 86–93.

Чарыкова О.Н.

1. Национальная специфика метафорического осмысления денотативной сферы «растение» в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2010. – Воронеж : Истоки, 2010. – С. 71–75 (в соавторстве с Т.Н. Панковой).

2. Функции фитонимов в современном поэтическом дискурсе // Реальность, язык и сознание : междунар. межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.В. Ушкова, Н.А. Кузьмина; Федеральное агентство по образованию, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», ун-т г. Билефельда (Германия). – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 325–329.

3. Флористическая лексика в современном поэтическом дискурсе // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 6. / Научный редактор О.Н. Чарыкова. – Воронеж: Истоки, 2010. – С. 123–127.

4. Морфологические средства печатной рекламы // Человек в информационном пространстве [Текст]: межвузовский сборник научных трудов / под науч. ред. Н.В. Аниськиной. В 2 тт. – Вып. 9. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – Т.1. – С. 316–318.

5. Сравнение как когнитивная универсалия художественного сознания // Универсалии русской литературы. 2 / Воронежский государственный университет. – Воронеж : НАУКА – ЮНИПРЕСС, 2010. – С. 210–214.

6. Метафорическое осмысление денотативной сферы «растение» в русской и английской языковых картинах мира // Культура в зеркале языка и литературы : мат-лы Второй Междунар. науч. конф. 14–15 апреля 2010 г. / Отв. ред. Н.В. Ушкова ; М-во обр. науки РФ, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 249–254 (в соавторстве с Т.Н. Панковой).

7. Морфологические средства представления товара в печатной рекламе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2010. – №2. – С. 9–12 (в соавторстве с Айад Ш. Ахмед).

Козельская Н.А.

1. Специфика лингвистических и коммуникативных концептов в метаязыковом сознании молодежи // Коммуникативные исследования 2010. – Воронеж : Истоки, 2010. – С. 31–39.

2. Русский язык и культура речи: уровень владения и отношение воронежцев // Языковое сознание воронежцев. – Воронеж : Истоки, 2010. – С. 127–157 (в соавторстве).

3. Лингвистические термины в языковом сознании молодых // Человек в информационном пространстве : межвузовский сборник научных трудов. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – Т.1. – С. 88–94.

4. Экспериментальное исследование языкового сознания студентов-нефилологов // Материалы конференции, посвященной 75-летию доктора фил.наук, проф. Е.Ф.Тарасова «Жизнь языка в культуре и социуме», Москва, Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов, 14–15 апреля 2010 г. – М. : Изд-во «Эйдос», 2010. – С. 133–135.

Селезнева Г.Я.

1. Гендерные особенности письменных текстов // Культура общения и ее формирование. – Вып. 23. – Воронеж, 2010. – С. 50–51.

2. Числительные в языковой картине мира // Жизнь языка в культуре и социуме. – М., 2010. – С. 98–100.

3. Отношение воронежцев к русскому языку и культуре речи // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Часть 3. Кемерово, 2010. – 460 с. – С. 347–364 (в составе коллектива авторов).

Рудакова А.В.

1. Психологически реальное значение слова *чайник* в русском языковом сознании // Лингвоконцептология и психолингвистика / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 175–181.
2. Психологически реальное значение слова *извинение* в русском языковом сознании // Лингвоконцептология и психолингвистика / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 181–184 (в соавторстве с И.А. Щербаковой).
3. Отношение воронежцев к русскому языку и культуре речи // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово, 2010. – 460 с. – С. 347–364 (в соавторстве с Г.Я. Селезневой, Н.М. Вахтель, Н.А. Козельской, М.С. Саломатиной, Н.В. Федотовой, М.Я. Розенфельд, И.А. Стерниным, М.М. Ивановой, Т.В. Тимошиной, В.В. Корневым, И.К. Ворониной).

Розенфельд М.Я.

1. Лексикографическая объективация образного компонента значения слова // Культура общения и её формирование : Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 23. – Воронеж : Истоки, 2010. – С. 110–113.
2. Перцептивная составляющая значения слова : проблема универсальности // Универсалии русской литературы. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – С. 200–210.
3. Значение слова и образ // Человек в информационном пространстве : Межвузовский сборник научных трудов.– Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – Т. 1. – С. 106–111.

Акованцева (Федотова) Н.В.

1. Гендерная специфика концепта «отдых» (по данным свободного ассоциативного эксперимента) // Текст – Дискурс – Картина мира. – Воронеж : Истоки. – 2010. – С. 58–63.
2. Концепт «отдых» в русской фразеологии // Культура общения и ее формирование : Межвузовский сборник научн. трудов. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 23. – С. 159–161.
3. Перцептивный эксперимент в описании семантики слова (на примере слова «отдых») // Лингвоконцептология и психолингвистика / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 184–187.
4. Концепт «отдых» в языковом сознании русских детей // Славянское коммуникативное поведение. – Воронеж : Истоки, 2010. – С. 101–112.
5. Семантическое варьирование лексемы «отдых» в художественном тексте // IV Международные севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : сборник научных статей. – Том I. – Севастополь : Гит пак, 2010. – 572 с. – С. 343–351.
6. Концепт «отдых» в рекламном тексте // Человек в информационном пространстве : межвуз. сб. науч. тр. / Под науч. ред. Н.В. Аниськиной. В 2 тт. – Вып. 9. – Ярославль, 2010. – Т.1. – С. 313–316.

Дьякова Л.Н.

1. Авторская песня в русском коммуникативном пространстве // Человек в информационном пространстве: межвуз.сб.науч.трудов.: в 2 т. – Ярославль, 2010. – Т.1. – Вып. 9. – С. 7–10.

2011

Стернин И.А.

1. Контекстуальный анализ значения слова // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки. 2011. – Вып. 16. – С. 94–100 (в соавторстве с А.С. Трущинской).
2. Психолингвистическое значение слова *гость* в русском языке // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 16. – С. 144–155 (в соавторстве с У.Талл).
3. Фирма «Камелот» в зеркале глаголов деятельности // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 17. – С. 41–51.
4. Проблема эффективности делового общения // Риторика как предмет и средство обучения. Материалы XV международной научной конференции 1–3 февраля 2011 г. – Москва: МПГУ, 2011. – С. 314.
5. О типах семантического описания слова // Теоретические и методологические аспекты исследования функционирования языка. – Сборник статей. – Оренбург: Изд-во ОРГУ, 2011. – С. 111–114.
6. Коммуникативный анализ семантики слова // Текст – Дискурс – Картина мира. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 7. – С. 10–34.
7. Речевое оскорбление в лингвокриминалистическом анализа текста // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 24. – С. 93–97.
8. Психолингвистическое значение слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – № 1. – 2011. – С. 5–13.
9. Риторическая культура и культура личности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – Сочи: РИЦ СГУТиКД, 2011. – Вып. 15. – С. 201–207.
10. Коммуникативное значение слова как тип значения // Коммуникативные исследования 2011. – Воронеж: Истоки, 2011. – С. 21–28.
11. Психолингвистические значения коммуникативной лексики русского языка // Коммуникативные исследования 2011. – Воронеж: Истоки, 2011. – С. 152–170 (с гр. соавторов).
12. Когда «велик» – прилагательное // Мегаполис. – № 5. – 2011. – С. 26–29 (в соавторстве с С.Н. Селивановой, М.Я. Розенфельд).
13. Стилистическая характеристика слова в языковом сознании носителей языка // Русский язык как явление национальной культуры: проблемы современного состояния и динамического развития. – Воронеж: Научная книга, 2011. – С. 104–117.
14. Обидное ли слово *мент*? // Русская речь. – 2011. – № 5. – С. 34–38.
15. Рецептивные схемы в анализе скрытых смыслов в лингвокриминалистике // Бытие в языке // Под ред. Т.Г. Кучиной. – Ярославль: ЯрГПУ, 2011. – С. 290–298.
16. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева и К.И. Бринева; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2011. – С. 387–398.
17. Речевое (бытовое) и «юридическое» оскорбление // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева и К.И. Бринева; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2011. – С. 398–403.

Попова З.Д.

1. Грамматическая концептуализация в речи // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности. Материалы 5 Всероссийской научной конференции. − Иркутск, 2011. − С. 245–250.

2. Динамика предложно-падежной формы в системе языка (на примере формы ИЗ и родительного падежа) // Культура общения и её формирование. – Воронеж, 2011. − Вып. 24. − С. 148–149.

3. Идиоматичность фразем как одна из проблем межкультурной коммуникации // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания. Юбилейный сборник научных трудов к 65-летию д.ф.н., проф., Н.Ф. Алефиренко. − М., 2011. − С. 410–415.

4. Идиомы в грамматической полисемии // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. – Воронеж, 2011. − Вып. 16. − С. 3–7.

5. Несколько фразеологических экспрессивов 18 века // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах. – Орел, 2010. − С. 105–108.

6. Полисемия грамматических категорий // Когнитивные исследования языка. Вып. VIII. Проблемы языкового сознания. Материалы Международной научной конференции. − Москва-Тамбов, 2011. − С. 548–550.

7. Предложно-падежная форма как средство выражения языковых смыслов // Учёные записки Таврического национального университета. − Т. 24, №2, ч. 3 Филология. Социальные коммуникации. − Симферополь, 2011. − С. 406–411.

8. Развитие новых позиций в позиционных схемах высказываний (на примере предложно-падежной формы НАРЯДУ С КЕМ-ЧЕМ) // Славянская культура в истории и современном мире. – Елец, 2011. − С. 105–108.

9. Самоорганизация и организация в системе языка// Язык как система и деятельность. − Часть 1. – Елец, 2011. − С. 158–166.

10. Семантическое взаимодействие слов в синтагматике // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы девятой международной конференции. − Владимир, 2011. − С. 386–390 (в соавторстве с А.К. Свистовой).

11. Синестезийный потенциал прилагательных «жгучий» и «едкий» (на материале русской лирики) // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2011. − Вып. 16. − С. 71–77 (в соавторстве с А.К. Свистовой).

12. Синонимия и вариантность развивающихся предложно-падежных форм // Грамматика разноструктурных языков. – Воронеж, 2011. − С. 312–320.

13. Синтагматический микрокомпонент как основа трансформации значения языкового знака // Русский язык как явление национальной культуры: проблемы современного состояния и динамического развития. Сборник научных статей к Юбилею профессора Ольги Владимировны Загоровской. – Воронеж, 2011. − С. 99–103.

14. Этапы фразеологизации служебных слов // Фразеология вчера, сегодня, завтра. – Тула, 2011. − С. 27–31.

Чарыкова О.Н.

1. Система работы над культурой речи как обязательный компонент профессиональной подготовки филолога-русиста // Риторика как предмет и средство обучения: Материалы Международной научной конференции (1–3 февраля 2011 г.) / Под ред. Ю.В. Щербининой, Ю.М. Савовой. – М.: МГПУ, 2011. – С. 353–354.

2. Деловое письмо как продукт национального сознания (на материале русского, английского и китайского делового письма) // Язык и национальное сознание / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 17. – С. 51–55 (в соавторстве с С.В. Богачёвым).

3. Глагол как средство речевого воздействия в рекламном тексте // Культура общения и её формирование: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып 24. – С. 133–137 (в соавторстве с И.Н. Бузовой).

4. Сравнение как феномен художественной концептосферы // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов / Научный редактор О.Н. Чарыкова. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 7. – С. 34–39.

5. Метафорические значения лексем, называющих температуру, в русском языковом сознании // Лингвистика в современном мире: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (1 марта 2011 г.) /под ред. Е.В. Шутовой. – М.: Перо, 2011. – С. 108–110 (в соавторстве с Чан Тхи Тху Хыонг).

6. Метафорические значения русских лексем, называющих космос, космические объекты и их элементы // Экология русского языка : Материалы II Междунар. науч. конф. (29 апреля 2011 г.) / Отв. ред. Е.Н. Сердобинцева. – Пенза: ПГПУ, 2011. – С. 73–79 (в соавторстве с Чан Тхи Тху Хыонг).

7. Роль лексики, называющей растения, в репрезентации художественной картины мира С. Есенина // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж : ВГУ, 2011. – №1. – С. 78–80 (в соавторстве с З.А. Камаль).

8. Метеорологическая метафора как фрагмент русской языковой картины мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2011. – № 1. – С. 101–103 (в соавторстве с Чан Тхи Тху Хыонг).

9. К вопросу о системном характере речевой метафоры (на материале метафорических значений лексемы *ветер* // Речевая коммуникация в современной России : Материалы II Междунар. науч. конф. (27–29 июня 2011 г.). – Омск : ОмГУ, 2011. – С. 168–172 (в соавторстве с Чан Тхи Тху Хыонг).

10. Типы объектной лексической сочетаемости русских деструктивных глаголов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб., 2011. – № 3. – Т. 7. Филология. – С. 7–15 (в соавторстве с Фирдевс Карим Бураихи).

Козельская Н.А.

1. Психолингвистические значения коммуникативной лексики русского языка // Коммуникативныеисследования 2011. – Воронеж : Истоки, 2011. – С. 152–169 (в соавторстве).

2. Значение лингвистических понятий в языковом сознании молодых людей // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2011. – Вып. 16. – С. 106–112.

3. Динамика отношения воронежцев к русскому языку и культуре речи // Культура общения и ее формирование. – Воронеж : Истоки, 2011. – Вып. 24. – С. 8–13.

4. Семантика слов в языковом сознании и словаре // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2011. – Вып 4. – С. 105–114.

Селезнева Г.Я.

1. Способы активизации учащихся при изучении речеведческих дисциплин // Материалы 15 Международной научной конференции. – Москва, 2011. – С. 152.

2. Психолингвистическое значение коммуникативной лексики русского языка // Коммуникативные исследования. – Воронеж: Истоки, 2011. – С. 152–170 (в соавторстве).

3. Современное значение актуальной лексики в обыденном языковом сознании молодежи (итоги психолингвистического эксперимента) // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 4. – С. 156–159.

Рудакова А.В.

1. Психолингвистическое значение коммуникативной лексики русского языка // Коммуникативные исследования 2011 / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – С. 152–169. (в соавторстве с Н.В. Акованцевой, Е.О. Атлановой, С.Г.

Дюжаковой, Н.А. Козельской, И.П. Конопелько, Е.А. Маклаковой, М.А. Саломатиной, Г.Я. Селезневой, И.А. Стерниным, Т.В. Тимошиной).

2. Лексикографическое и психологически реальное значение слова // Лингвоконцептология и психолингвистика / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 4. – С. 133–142.

3. О методике построения словарной статьи психолингвистического толкового словаря // Родной язык: проблемы теории и практики преподавания: материалы Международной научно-метод. конференции (Борисоглебск, 17–18 октября 2011 г.) / Под ред. Н.В. Фоминых, В.Ф. Филатовой. – Борисоглебск, 2011. – С. 135–138 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

4. Опыт описания психологически реального значения слов «будить», «бандит» в русском языке // Язык и национальное сознание / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 16. – С. 137–146.

5. Психологически реальное значение слова по данным ассоциативного словаря (на примере слов «авторитет», «базар») // Язык и национальное сознание / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 16. – С. 129–137.

6. Практические проблемы семной интерпретации ассоциаций // Лингвоконцептология и психолингвистика / [под ред. И.А. Стернина]. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 4. – С. 72–82 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

7. Рабочие тетради в преподавании русского языка и культуры речи // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2011. – Вып. 24. – С. 207–209 (в соавторстве с Н.А. Козельской).

8. Роль орализации текста при подготовке к публичному выступлению // Риторика как предмет и средство обучения: (материалы XV Междунар. науч. конф. 1–3 февр. 2011 г.). – М., 2011. – С. 288.

Розенфельд М.Я.

1. Бабки и бабочки. На пути к описанию психологически реального значения слова // Лигвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2011. – Вып. 4. – С. 143–149.

Акованцева Н.В.

1. Особенности маркетингового сознания рекламодателей (на примере концепта «отдых» в рекламном тексте) // Риторика как предмет и средство обучения: Материалы XV Международной научной конференции (1–3 февраля 2011 г.) / [под ред. Ю.В. Щербининой, М.Р. Савовой]. – М. : МПГУ, 2011. – 396 с. – С. 16–17.

2. Образные компоненты значения лексемы *отдых* // Культура общения и ее формирование : Межвузовский сборник научн. трудов. – Воронеж : Истоки, 2011. – Вып. 24. – С. 75–77.

3. Психологически реальное значение слов *авторитет* и *бригада* // Лингвоконцептология и психолингвистика / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2011. – Вып. 4. – С. 83–89.

4. Экспериментальное исследование глубинной семантики (на материале концепта «отдых») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология, журналистика. – Воронеж, 2011. – № 1. – С. 5–8.

5. Семантическое варьирование лексемы *отдых* в публицистических текстах // V Международная научно-практическая конференция «Севастопольские кирилло-мефодиевские чтения». – Севастополь, СГГУ, 15–17 сентября 2011.

6. Психолингвистические значения коммуникативной лексики русского языка // Коммуникативные исследования 2011 / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 9. – С. 156–175 (в соавторстве).

Дьякова Л.Н.

1. Интернет и русский язык // Культура общения и её формирование. –Воронеж, 2011. – Вып. 24. – С. 137–138 (в соавторстве с Е.И. Полозовой).

2012

Стернин И.А.

1. Образ идеального собеседника в русском языковом сознании // Риторика в новом образовательном пространстве. XVI Международная научная конференция. СПб., 1–3 февраля 2012 г. Сборник научных трудов. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный горный университет, 2012. – С. 174–177 (в соавторстве с Е.В. Вовк).
2. *Откат* и *взятка*: семантический и юридический подходы // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 18. – С. 133–139 (в соавторстве с С.И. Шепелевичем).
3. Концепт *журналист* в современном русском языковом сознании // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 18. – С. 158–161 (в соавторстве с В.В. Инютиным).
4. Слово *версия* и рубрика «Версия» в текстах СМИ и языковом сознании носителя языка // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 25. – С. 115–119.
5. Психолингвистическое значение слова как тип значения // Жизнь языка в социуме–3. Материалы международной конференции 20-21 апреля 2012 г. / Под ред. Е.Ф. Тарасова. – М.: Эйдос, 2012. – С. 14–17.
6. Психолингвистическое значение слова и психолингвистический толковый словарь русского языка // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства. – Том. 2. – Сб. статей. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – С. 71–81.
7. Коммуникативное поведение как аспект обучения русскому языку как иностранному // Интернационализация современного университета и его вклад в повышение эффективности экспорта российских образовательных услуг. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию подготовке специалистов для зарубежных стран в Воронежском государственном университете (Воронеж, 19–20 апреля 2012 г.). – С. 181–183.
8. Механизмы кумуляции оценочной информации в тексте // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 3. – С. 51–64.
9. Проблема неединственности метаязыкового описания ментальных единиц в лингвистике // Лингвоконцептологии и психолингвистика. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 8–17.
10. Семантика слов *врач* и *доктор* в языковом сознании // Лингвоконцептологии и психолингвистика. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 58–63 (в соавторстве с Т.В. Тимошиной).
11. Психолингвистическое описание наименований лиц по национальности // Лингвоконцептологии и психолингвистика. –Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 120–125 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).
12. Психолингвистическое описание существительных абстрактной семантики // Лингвоконцептологии и психолингвистика. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 136–142.
13. Экспрессивно-оценочная лексика в психолингвистическом словаре // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 142–147 (в соавторстве с С.Г. Дюжаковой).
14. Психолингвистическое описание наименований лиц по профессии // Лингвоконцептологии и психолингвистика. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 147–153 (в соавторстве с Т.В. Тимошиной).

15. Когнитивный анализ некоторых форм проявления кретинизма соискателей ученых степеней // Лингвоконцептологии и психолингвистика. – Воронеж: Истоки, 2012. –Вып. 5. – С. 162–173.
16. Слово «стабильность» в предвыборном политическом дискурсе // Текст – дискурс – картина мира. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 8. – С. 161–164.
17. Экспериментальное описание семантики слова / Urbi et akademiae. Граду и научному сообществу. – СПб.: Алэф-Пресс, 2012. – Вып. 1(3), 2012. – С. 196–204.
18. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 2. – С. 174–183 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).
19. Лингвокультурологические аспекты психолингвистического значения слова *гость* в русском языке // Юбилейная полифония: текстовый аспект. – Самара, 2012. – С. 37–43.
20. Жанр *слухи* в современных СМИ // Жанры речи. – Саратов-Москва: Лабиринт, 2012. – Вып. 8. – С. 169–179.
21. Обыденное языковое сознание и стилистическая дифференциация лексики // Речевое общение. – Красноярск: СФУ, 2012. – Вып. 14(22). – С. 90–101.

Попова З.Д.

1. Авторский фразеологический словарь как источник постановки проблем фразеологии // Современное русское языкознания и лингводидактика. Сборник научных трудов, посвященный 90-летию со дня рождения академика РНО Н.М. Шанского. − М., 2012. − Вып. 3. − С. 392–398.
2. Всё познаётся в сравнении // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства. Сборник статей Всероссийской научной конференции. − Т. 1. – Уфа, 2012. − С. 102–105.
3. Из наблюдений над формированием языковых средств русского метатекста (в развитие идей И.П. Распопова о наличии смысловых связей в речевом целом) // Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной конференции. – Воронеж, 2012. – С. 222–225.
4. Категориальная многозначность слова в речи // Urbi et academiae. Граду и научному сообществу. − СПб., 2012. − С. 157–160.
5. Концептуализация члена предложения как многоэтажный процесс // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности. Материалы 6-й Всероссийской научной конференции. − Иркутск, 2012. − С. 99–103.
6. Лексика на службе у грамматики // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. −№1. − 2012. − С. 90–91.
7. «Нестрогое» употребление термина: функции, семантика // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – № 2. – 2012. – С. 35–38 (в соавторстве с В.В. Головиновой).
8. Слово в составе фразеосочетания (динамика семантической структуры) // Национально-культурный языковой номинации и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации. Материалы международной научно-практической конференции. – Кострома, 2012. − С. 145–147.
9. Термины точных наук в составе фразеосочетаний публичной речи // Категории, связи, свойства и функции номинативных единиц в языке и речи. Сборник научных трудов, посвященный 85-летию проф. А.М. Чепасовой). – Челябинск, 2012. − С. 112–117 (в соавторстве с В.В. Головиновой).

Чарыкова О.Н.

1. Способы выражения сравнительных отношений в поэзии С. Есенина // Культура общения и её формирование: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А.

Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып 25. – С. 28–29 (в соавторстве с Драйсави Хуссейн Кадим Маджди).

2. Способы отражения аксиологической картины мира в языковом сознании этноса // Жизнь языка в культуре и социуме–3. Материалы конференции. Москва, 20–21 апреля 2012 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин. – М.: Эйдос, 2012. – С. 117–119.

3. Каламбурное сравнение в идиостиле Маяковского // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов / Науч. ред. О.Н. Чарыкова. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 8. – С. 58–62 (в соавторстве с Драйсави Хуссейн Кадим Маджди).

4. Растительный мир поэзии С. Есенина в восприятии иракского носителя арабского языка // Понимание в коммуникации : Человек в информационном пространстве: сборник научных трудов / Под общ. ред. Е.Г. Борисовой, Н.В. Аниськиной. В 3-х тт. – Ярославль – Москва : Изд-во ЯГПУ, 2012. – Т. 2. – С. 355–360 (в соавторстве с З.А. Камаль).

5. Каламбурное сравнение как репрезентант специфики художественного мышления В.В. Маяковского // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2012. – № 2. – С. 45–47 (в соавторстве с Драйсави Хуссейн Кадим Маджди).

Козельская Н.А.

1. Оценочная номинация лиц (по данным устной речи и анкетирования молодежи) // VI Международные Кирилло-Мефодиевские чтения: Сб. научных статей. – Севастополь : «Гит пак», 2012. – С. 390–395.

2. Университет и речевая среда города // Вестник ВГУ. Серия : «Проблемы высшего образования». – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2012. – Вып. 1. – С. 84–89.

3. Русский язык и культура речи в языковом сознании студентов // Риторика в новом образовательном пространстве: Сборник научных трудов. (XVI Международная научная конференция. Санкт-Петербург, 1–3 февраля, 2012) – СПб., 2012. – С. 138–141.

4. Экспериментальное изучение значений лексем «честь» и «достоинство» в современном русском языковом сознании // Материалы междунар. научной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме – 3», Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов, 20–21 апреля 2012г. – М. : Изд-во «Эйдос», 2012. – С. 84–87.

5. Новые значения оценочных существительных (в словарях, устной речи и языковом сознании молодежи) // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2012. – Вып. 18. – С. 38–42 (соавтор О.В. Егорова).

6. Изучение языкового сознания молодежи в Воронеже // Культура общения и ее формирование. – Вып. 25. – Воронеж : Истоки, 2012. – С. 3–6.

7. Грамматические нормы русского языка // Речевая культура государственного служащего. Раздел 4. – Воронеж : Истоки, 2012. – С. 62–83 (в соавторстве).

Селезнева Г.Я.

1. Изменения в семантике и коннотациях лексем как отражение социокультурных тенденций современности // Сборник научных трудов 16 Международной научной конференции «Риторика в новом образовательном пространстве». – Санкт-Петербург, 1–3 февраля 2012 г. – С. 168–171.

2. Изменения в языковом сознании носителей языка (на материале анализа языковой структуры слова) // «Жизнь языка в культуре и социуме». Международная научная конференция Москва, 20–21 апреля 2012. – С. 160–162.

3. Психолингвистическое описание наименований лиц по возрасту и полу // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 129–136 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

Рудакова А.В.

1. Отношение сотрудников администрации Воронежской области к повышению квалификации в области русского языка и культуры речи // Риторика в новом образовательном пространстве: материалы XVI Международной научной конференции, СПб., 1–3 февраля 2012 г. – СПб., 2012. – С. 280–284.
2. Проблемы разработки психолингвистического толкового словаря // Жизнь языка в культуре и социуме–3: материалы Международной научной конференции (М., 20–21 апреля 2012 г.) – М.: Эйдос, 2012. – С. 204–206.
3. Психолингвистическое значение слов – наименований животных // Лингвоконцептология и психолингвистика / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 84–92 (в соавторстве с Е.О. Атлановой).
4. Психолингвистическое описание семантики глаголов // Лингвоконцептология и психолингвистика / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 95–103 (в соавторстве с Н.А. Козельской).
5. Психолингвистическое описание глаголов физических действий // Лингвоконцептология и психолингвистика / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 103–113 (в соавторстве с Е.А. Маклаковой).
6. Психолингвистическое описание отрицательно-оценочных прилагательных // Лингвоконцептология и психолингвистика / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 113–118 (в соавторстве с М.Я. Розенфельд).
7. Психолингвистическое описание наименований лиц по национальности // Лингвоконцептология и психолингвистика / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 118–124 (в соавторстве с И.А. Стерниным).
8. Психолингвистическое описание прилагательных // Лингвоконцептология и психолингвистика / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 124–127 (в соавторстве с М.С. Саломатиной).
9. Психолингвистическое описание наименований лиц по возрасту и полу // Лингвоконцептология и психолингвистика / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 127–134 (в соавторстве с Г.Я. Селезневой).
10. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // Вопросы психолингвистики. – 2012. – №2(16). – С. 174–183 (в соавторстве с И.А. Стерниным).
11. Психолингвистическое значение слова в словаре и в сознании носителей языка (на материале русского языка) // Язык – Когниция – Социум: тезисы докладов Международной научной конференции (Минский государственный лингвистический университет, 12–13 ноября 2012 г.). – Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2012. – С. 117–118.

Саломатина М.С.

1. Речевые трудности воронежских чиновников // Риторика в новом образовательном пространстве: Сборник научных трудов / Санкт-Петербургский государственный горный университе (XVI Международная научная конференция. Санкт-Петербург, 1–3 февраля, 2012). – СПб., 2012. – С. 165–168.

Розенфельд М.Я.

1. «Служба русского языка в Воронеже» // Риторика в новом образовательном пространстве : Сборник научных трудов. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный горный университет, 2012. – С. 117–120.

2. Свободный ассоциативный эксперимент как способ выявления стилистически маркированной лексики // Жизнь языка в культуре и социуме. Материалы конференции. Москва, 20–21 апреля 2012 г. – М. : Издательство «Эйдос», 2012. – С. 201–204.

Акованцева Н.В.

1. Обучение подготовке публичного выступления с опорой на тематический языковой материал (тема «отдых») // Риторика в новом образовательном пространстве: сборник научных трудов / Санкт-Петербургский государственный горный университет. – СПб., 2012. – (XVI Международная научная конференция. Санкт-Петербург, 1–3 февраля 2012). – С. 13–16.
2. Семантика слов *джип* и *внедорожник* в языковом сознании // Лингвоконцептологияи психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 45–48 (в соавторстве с И.А. Стерниным).
3. Психолингвистическое описание предметных существительных // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2012. – Вып. 5. – С. 75–84 (в соавторстве с С.Г. Дюжаковой).
4. Экспериментальное исследование семантики лексемы «отдых» // Международная научно-практическая конференция «VI Севастопольские кирилло-мефодиевские чтения». – Севастополь, СГГУ, 18–20 сентября 2012.
5. Разграничение близких значений экспериментальными методами // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология, журналистика. – Воронеж, 2012. – № 2. – С. 5–9 (в соавторстве с И.А. Стерниным, Т.В. Тимошиной).

Дьякова Л.Н.

1. Три веселых буквы – КВН // Коммуникация в современном мире. Материалы научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации», Воронеж, факультет журналистики, 2012. – С. 120–122 (в соавторстве с И.И. Чесноковой).

2013

Стернин И.А.

1. Обыденное языковое сознание и культура речи // Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике. Материалы 17-ой международной научно-практической конференции. – М.: Гос. институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 433–436.
2. Психолингвистические значения наименований лиц в русском языке (опыт словаря) // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 19. – С. 126–156 (группа соавторов).
3. Кумуляция оценочной и эмоциональной информации в тексте //Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 19. – С. 187–200.
4. Языковое сознание школьников: новый этап исследований // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 19. – С. 209–219.
5. Неполиткорректные наименования лиц в языковом сознании носителей языка // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1 (43). – С. 191–197.
6. Особенности семантики лозунговых слов // Филологические чтение ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Материалы открытой межвузовской конференции (апрель 2013 г.) / Под ред. И.А. Стернина. – Ярославль, 2013. – С. 28–30.
7. Медиаграмотность в сознании современного человека (проект экспериментального исследования) // Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Материалы открытой межвузовской конференции (апрель 2013 г.) / Под ред.

И.А. Стернина. – Ярославль, 2013. – С. 76–83 (в соавторстве с Л.Г. Антоновой, И.А. Морозовой).

8. Pet – слово, концепт, лакуна // Сопоставительные исследования 2013 / Под ред. М.А. Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 117–122.

9. Тестирование типа речевой культуры носителя языка // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 27. – С. 21–31.

10. Исследование уровня языковой грамотности молодежи региона // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 27. – С. 3–12 (в соавторстве с Н.А. Козельской, А.В. Рудаковой, Т.В. Тимошиной).

11. Неформализация дискурса как активный коммуникативный процесс в современном общении // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 27. – С. 43–47.

12. О проекте экспериментального исследования «Медиаграмотность в сознании современного человека» // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 4. – С. 107–115 (в соавторстве с Л.Г. Антоновой, И.А. Морозовой).

13. О специфике лексикографической объективации психологически реального значения // Книга в современном мире. – Воронеж, 2013. – С. 212–218 (в соавторстве с М.Я. Розенфельд).

14. Проблемы разработки психолингвистического толкового словаря // Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика. Материалы X международного конгресса международного общества по прикладной психолингвистике. – М., 2013. – С. 213–215.

15. Медиаграмотность в сознании носителей языка // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 6. – С. 4–13 (в соавторстве с Л.Г. Антоновой, И.А. Морозовой).

16. Медиаграмотность студентов-филологов Воронежа / Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 6. – С. 118–125.

17. Сопоставительный анализ медиаграмотности студентов-гуманитариев и негуманитариев // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 6. – С. 125–127.

18. Премия или взятка // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. – № 2 (24). – С. 115–117 (в соавторстве с Д.Л. Каровым).

19. Определение типа речевой культуры // Коммуникативные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 4–16.

20. Нормы Интернет-общения в молодежном сознании // Коммуникативные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 139–145 (в соавторстве с М.С. Саломатиной).

21. Опыт исследования метаязыкового сознания современной молодежи // Вестник Воронежского университета. – Серия Филология. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 60–63 (в соавторстве с Н.А. Козельской).

22. Медиаграмотность в структуре грамотности современного человека // Вестник Воронежского университета. – Серия Филология. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 209–211.

23. Сфера незнания воронежцев и сфера их интересов в области русского языка и культуры речи // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Воронеж, 2013. – С. 83–93 (в соавторстве с Т.В. Тимошиной, Л.Н. Дьяковой).

24. Об уточнении стилистической классификации лексики // Научные труды Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. – Серия Гуманитарные науки. – Калуга: Калужск. гос. ун-т, 2013. – С. 315–319.

25. Опыт Воронежского государственного университета в повышении квалификации государственных и муниципальных служащих по русскому языку и

культуре речи // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. – 2013. – № 2. – С. 160–165.

26. Социально-нормативный компонент в структуре значения слова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3(45). – С. 127–132 (в соавторстве с Е.А. Маклаковой).

27. Лингвокультурный аспект семасиологии // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серия «Педагогические науки», «Гуманитарные науки», «Естественные науки». – № 2 (261). – Воронеж, 2013. – С. 175–180 (в соавторстве с Е.А. Маклаковой).

28. Просветительские проекты в области русского языка и выявление языковых потребностей населения региона в области русского языка и культуры речи // Материалы IV международной научно-методической конференции 17–18 октября 2013 г. – Борисоглебск, 2013. – С. 119–126 (в соавторстве с Л.Н. Дьяковой, Т.В. Тимошиной).

29. Психолингвистическое описание семантики слова // Исследования по семантике. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – Вып. 25. – С. 33–40.

30. 10 varieties of Russian smiles. Russia beyond headlines. RBTH. November 29, 2013. – Текст опубликован на английской версии сайта, а также переведен на японский, испанский, французский, португальский, арабский, сербский, итальянский, греческий и немецкий языки.

http://rbth.ru/society/2013/11/29/10_varieties_of_russian_smiles_32123.html

31. Медиаграмотность воронежских студентов // Вознесенские казармы. Альманах филологии и коммуникации. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – Вып. 2. – С. 173–179.

32. Механизмы кумуляции оценочной и эмоциональной информации в публицистическом тексте // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. – Межвузовский сборник научных трудов. – Краснодар, 2013. – Вып. 10. – С. 194–208.

33. Медиаграмотность студентов филологического факультета Воронежского университета // Актуальные проблемы филологического образования в вузе. – Ярославль: Канцлер, 2013. – С. 49–55.

34. Эмоциональность и оценочность в аспекте семной семасиологии // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – С. 87–97.

Попова З.Д.

1. В лабиринтах семантики производных предлогов // В лабиринтах познания, времени и языка. Сборник статей в честь 80-летия профессора В.Г. Руделёва. – Тамбов, 2013. – С. 259–264.

2. Грамматические ограничения лексического значения в предложно-падежной форме // Когнитивные исследования языка. Ментальные основы языка как функциональной системы. Сборник научных трудов. Посвящается памяти профессора Новеллы Александровны Кобриной. – Вып. XIII. – Москва-Тамбов, 2013. – С. 375–382.

3. Перманентная концептуализация и динамика системы языка // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности. Материалы 7-й Всероссийской заочной научной конференции. – Иркутск : ИГЛУ, 2013. – С. 70–76.

4. Принципы и категории инвентаризации структурных схем простого предложения // Текст – Дискурс – Картина мира. – Воронеж, 2013. – Вып. 9. – С. 11–19.

5. Производные предлоги в составе коннекторов как этап транспозиции лексем в граммемы // Жизнь языка. Жизнь в языке. Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина. Сборник научных трудов. – Ч. 1. – Липецк, 2013. – С. 29–33.

6. Релятивность в аспекте компонентного анализа // Исследования по семантике. Межвузовский научный сборник. В честь юбилея профессора Р.М. Гайсиной. – Уфа, 2013. – Вып. 25. – С. 212–218.

7. Речь – источник развития системы языка // Проблемы русского и общего языкознания. Сборник научных трудов. – Елец, 2013. – Вып. 10. – С. 47–56.

8. Термины механики в социальной терминологии // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы VII Международной научной конференции. – Воронеж, 2013. – С. 58–63 (в соавторстве с В.В. Головиновой).

9. Фразеология в кругу лингвистических дисциплин // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами. Сборник научных трудов по итогам 3-й Международной научной конференции. – Белгород, 2013. – С. 102–106.

Чарыкова О.Н.

1. Классификация лексики ислама и проблема её толкования в русских словарях // Коммуникативные исследования 2013 / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 68–72 (в соавторстве с Д.В. Анохиной).

2. Сравнение как компонент поэтического идиостиля (лингвокогнитивный аспект) // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов / Научный редактор О.Н. Чарыкова. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 9. – С. 39–45 (в соавторстве с Драйсави Хуссейн Кадим Маджди).

3. Лингвистические средства репрезентации национальной аксиологической картины мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2013. – № 2. – С. 86–89.

Козельская Н.А.

1. Опыт исследования метаязыкового сознания современной молодежи // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2013. – Вып. 1. – С. 60–63.

2. Исследование отношения молодежи г. Воронежа к жаргону и сквернословию // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2013. – Вып. 19. – С. 157–165.

3. Состояние грамотности и культуры речи молодежи г. Воронежа (по данным тестирования и анкетирования) // Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике / Материалы XVII международной науч.-практ. конференции. – М., 2013. – С. 213–218.

4. Кого считают героем молодые? (к изучению возрастной специфики психологически реального значения слова) // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж : Истоки, 2013. – Вып. 6. – С. 38–44.

Селезнева Г.Я.

1. Экспериментальное исследование обыденного языкового сознания молодежи // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 19. – С. 54–63.

2. Тренинг делового общения для чиновников // Материалы 17 Международной научно – практической конференции «Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике». – Москва, 2013. – С. 408–410.

Рудакова А.В.

1. Формирование навыков делового общения в языковом сознании носителя языка // Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике: материалы XVII Международной научно-практической конференции (30 января – 1 февраля 2013 г., М., ГИРЯ) / Ред.-сост. В.И. Аннушкин. – М., Ярославль: Ремдер, 2013. – С. 370–373.

2. Психолингвистические значения наименования лиц в русском языке (опыт словаря) // Язык и национальное сознание: сб. науч. тр. / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 19. – С. 126–157 (в соавторстве).

3. Психолингвистическое значение слов «жеребец» и «конь» в русском языке // Коммуникативные исследования 2013: сб. науч. тр. / Науч ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 122-138 (в соавторстве с Д.Д. Репниковой).

4. Исследование уровня языковой грамотности молодежи региона // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2013. – Вып. 27. – С. 3–12 (в соавторстве с И.А. Стерниным, Н.А. Козельской, Т.В. Тимошиной).

Саломатина М.С.

1. Самое позитивное слово // Семантико-когнитивные исследования : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Истоки, 2013. – Вып. 4. – С. 9–14.

2. Опыт описания семантики прилагательного в психолингвистическом толковом словаре. The experience of the meaning description of adjectives in the psycholinguistic dictionary // Challenges of information society and applied psycholinguistics – proceedings of the X international congress of the international society of applied psycholinguistics. – Moscow: RUDN – Institute of linguistics RAN – MIL, 2013, – P. 210–211.

3. Нормы интернет-общения в молодежном сознании // Коммуникативные исследования 2013 : Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Истоки, 2013. – С. 139–146 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

Розенфельд М.Я.

1. Воронежская телефонная «Служба русского языка»: опыт десяти лет работы // Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике. Материалы 17 Международной научно-практической конференции, 30 января–1 февраля 2013 г. – М. ; Ярославль : Ремдер, 2013. – С. 19–36.

2. Опыт описания семантики прилагательного негативной оценки в психолингвистическом толковом словаре // Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика. Материалы 10 Международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике. – М.: РУДН – ИЯ РАН – МИЛ, 2013. – С. 207–209.

3. О специфике лексикографической объективации психологически реального значения слова // Книга в современном мире : Материалы Международной научной конференции. Воронеж, 26–28 февраля 2013 года. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. – С. 212–218 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

4. О субъектно-рефлексивном анализе литературного текста. Эпизод 1. «Детство» в индивидуальном лексиконе Г.М. Умывакиной // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга»; Воронежский государственный университет, 2012–2013. – Вып. 31. – С. 287–309 (в соавторстве с А.А. Фаустовым).

5. Лексемы «подстава» и «подставить» в индивидуальном сознании // Лингвоконцептология и психолингвистика : сб. науч. статей / Научн. ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2013. – Вып. 6. – С. 52–58.

Акованцева Н.В.

1. Тестирование в ходе обучения студентов-нефилологов русскому языку и культуре речи // Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике. Материалы XVII Международной научно-практической конференции (30 января –1 февраля 2013 г.) / [ред.-сост. В.И. Аннушкин]. – М. ; Ярославль : Ремдер, 2013. – 512 с. – С. 15–20.

2. Психолингвистические значения наименований лиц в русском языке (опыт словаря) // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2013. – Вып. 19. – С. 126–157 (в соавторстве).

3. Ассоциативное поле в лексической системе языка // Культура общения и ее формирование : Межвузовский сборник научн. трудов. – Воронеж : Истоки, 2013. – Вып. 27. – С. 147–150.

4. Ассоциативная группа в современном русском языке // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. М.В. Шамановой, Е.В. Борисовой. – Воронеж : Истоки, 2013. – Вып. 4. – С. 22–26.

Дьякова Л.Н.

1. Просветительский проект «Территория слова» в Воронеже. 10 лет работы в прямом эфире // Материалы XVII-ой Международной научно-практической конференции «Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике». – Москва, 2013. – С. 138–141.

2. Русский язык на Воронежском радио // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2013. – Вып. 27. – С. 125–126.

3. Русский язык как тема передачи на радио и ТВ // Коммуникация в современном мире. – Ч. 2. – Воронеж, 2013. – С. 95–97.

4. Сфера незнания воронежцев и сфера их интересов в области русского языка и культуры речи // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы 7 Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2013. – С. 83–93 (в соавторстве с И.А. Стерниным, Т.В. Тимошиной).

5. Просветительские проекты в области русского языка и выявление языковых потребностей населения региона в области русского языка и культуры речи // Родной язык: проблемы теории и практики преподавания. Материалы IV Международной научно-методической конференции. – Борисоглебск, 2013. – С. 119–126 (в соавторстве с И.А. Стерниным, Т.В. Тимошиной).

2014

Стернин И.А.

1. Психолингвистическое значение слов *брутальный, попсовый* и *потрясающий* в русском языке // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 20. – С. 169–178 (в соавторстве с Н.А. Козельской).

2. Психолингвистическое значение слов *грохнуть, завалить* и *независимый* в русском языке // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 20. – С. 182–201 (в соавторстве с Е.А. Маклаковой).

3. Психолингвистическое значение слов *боевой, заводной* и *туз* в русском языке // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 20. – С. 210–221 (в соавторстве с Т.В. Тимошиной).

4. Проблемы несистемной семасиологии // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 20. – С. 43–49 (в соавторстве с Т.В. Тимошиной).

5. Русский язык в обыденном сознании («великий, могучий, правдивый, свободный» – это какой?) // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. – Воронеж, 2014. – С. 12–17.

6. Денотативная дифференциация и метаязыковая модификация словарных дефиниций при обобщении лексикографических значений // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 29. – С. 127–134.

7. Обыденное сознание и языковые мифы («Великий, могучий, правдивый, свободный» – это какой?) // Общество и человек. – 2014. – № 1(7). – С. 95–104.

8. О понятии глубинной семантики слова // Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Материалы открытой межвузовской научной конференции (апрель 2014). – Ярославль, 2014. – С. 15–17.

9. Глубинная семантика слова в языковом сознании // Жизнь языка в культуре и социуме. Материалы международной научной конференции 30–31 мая 2014 г. – М.: ИЯ РАН, РУДН, 2014. – С. 23–24.
10. Понятие системного значения // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 5. – С. 37–39.
11. Риторика в современной России: традиции и новые задачи // XVIII международная конференция по риторике (Ярославль, 30 января – 1 февраля 2014 года) // Филология и человек. – № 2. – Барнаул, 2014. – С. 201–204.
12. Национальная специфика языка и лингвокультурология // Сопоставительные исследования 2014. – Воронеж: Истоки, 2014. – С. 11–17 (в соавторстве с Е.А. Маклаковой).
13. Культура речи и грамотность жителей Воронежа // Сопоставительная и славянская филология: история, состояние, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 200-летнему юбилею А.А. Хованского. – Филологические записки. – Воронеж, 2014. – С. 221–232 (в соавторстве с Л.Н. Дьяковой, Т.В. Тимошиной).
14. Давайте негромко, давайте вполголоса… // Коммуникативные исследования 2014. – Воронеж: Истоки, 2014. – С. 118–119.
15. Значение и сходные термины в семной семасиологии // Психолингвистика и лексикография. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 1. – С. 4–10.
16. Индексальная характеристика сем в сопоставительно-параметрическом методе описания языка // Психолингвистика и лексикография. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 1. – С. 4–10., С. 39–46 (в соавторстве с С.Г. Любовой).
17. Проблемы повышения уровня грамотности и культуры речи в регионе // Региональный парламент. – 2014. – № 12. – С. 35–36.
18. Стернин И.А., Козельская Н.А., Саломатина М.С. Культура речи и понятие цензовой ошибки // Научная школа профессора Т.А. Ладыженской. Коллективная монография. – Вып. 3. – М.: Экзамен, 2015. – С. 200–206.

Попова З.Д.

1. Свойства текста как предмет лингвистического изучения // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности. Материалы 8-й Всероссийской научной конференции. – Иркутск, 2014. – С. 185–193.
2. Словоформы с производными предлогами в функции служебных слов (к вопросу о терминологии) // Филологические записки. Материалы международной научно-практической юбилейной конференции, посвященной 200-летию А.А. Хованского, основателя и редактора-издателя журнала «Филологические записки». – Воронеж, 2014. – С. 57–65.
3. Членимость как свойство письменного текста // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. Сборник материалов Всероссийской конференции, посвящённой 115-летию со дня рождения профессора И.А. Фигуровского. – Елец, 2014. – С. 26–33.

Чарыкова О.Н.

1. Дискурсивные характеристики русских глаголов деструктивного воздействия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2014. – № 1. – С. 17–18 (в соавторстве с Ф.К. Бураихи).
2. Глагольные неологизмы как средство репрезентации индивидуально-авторской концептосферы И. Северянина // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник научных трудов. – Воронеж : Истоки, 2014. – Вып. 32. – С. 90–100.

3. Роль сравнений в репрезентации индивидуально-авторской поэтической картины мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2014. – № 2. – С. 34–36 (в соавторстве с Х.К.М. Драйсави).

4. Мотивированные топонимами номинации предприятий общественного питания в ономастическом пространстве столичного и провинциального городов (сопоставительный анализ) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2014. – № 2. – С. 52–54 (в соавторстве с К.В. Овсянниковой).

5. Предмет сравнения как компонент индивидуально-авторской концептосферы (на материале поэзии С. Есенина и В. Маяковского) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2014. – № 3. – С. 19–20 (в соавторстве с Х.К.М. Драйсави).

Козельская Н.А.

1. Экспериментальное изучение семантики наименований лиц в обыденном языковом сознании студенческой молодежи г. Воронежа // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2014. – Вып. 2. – С. 72–76 (в соавторстве с Г.Я. Селезневой).

2. Психолингвистическое значение слов *брутальный, попсовый и потрясающий* в русском языке // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2014. – Вып. 20. – С. 169–178 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

3. Семантика слов с корнем *благо-* в словаре и в языковом сознании // Психолингвистика и лексикография. – Воронеж : Истоки, 2014. – Вып 1. – С. 63–69 (в соавторстве с В. Панфиловым).

4. Экспериментальное изучение коннотаций в семантике наименований лиц по национальности // «Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова»: материалы открытой межвузовской научной конференции (апрель 2014). – Воронеж : Истоки, 2014 – С. 7–9.

5. Изучение обыденного языкового сознания и культуры речи молодежи Воронежа // Риторика в современной России: традиции и новые задачи // Материалы XVIII Международной научной конференции. – Ярославль, 2014. – С. 26–32 (в соавторстве с Г.Я. Селезневой).

Селезнева Г.Я.

1. Изучение обыденного языкового сознания и культуры речи молодежи Воронежа // Риторика в современной России: традиции и новые задачи. – Ярославль: Канцлер, 2014. – С. 26–31 (в соавторстве с Н.А. Козельской).

2. «Чужое» в обыденном языковом сознании молодежи Воронежа // Жизнь языка в культуре и социуме – 4. – М., 2014. – С. 97–99.

3. Экспериментальное изучение семантики наименования лиц в обыденном языковом сознании студенческой молодежи г. Воронежа // Вестник ВГУ, серия «Филология. Журналистика». – Воронеж, 2014. – № 2. – С. 72–75 (в соавторстве с Н.А. Козельской).

Рудакова А.В.

1. Психолингвистическое значение слов *агрессивный*, *роковой* и *ручной* в русском языке // Язык и национальное сознание: сб. науч. тр. / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 20. – С. 138–152 (в соавторстве с Н.В. Акованцевой).

2. Психолингвистическое значение слов *кислотный*, *конкретный* и *матёрый* в русском языке // Язык и национальное сознание: сб. науч. тр. / Науч. ред. И.А.

Стернин. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 20. – С. 153–165 (в соавторстве с Е.О. Атлановой).

3. Психолингвистическое значение слов *зарубить*, *застукать* и *пурга* в русском языке // Язык и национальное сознание: сб. науч. тр. / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 20. – С. 202–210 (в соавторстве с М.С. Саломатиной).

4. Разработка структуры словарной статьи психолингвистического толкового словаря русского языка // Жизнь языка в культуре и социуме-4: материалы конференции (М., 30–31 мая 2014 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин и др. – М.: Издательство «Канцлер», 2014. – С. 117–118.

5. Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова (на примере лексемы «истеричка») // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2014. – С. 118–123 (в соавторстве с Е.В. Пономаревой).

6. Эффективность рекламного слогана (по данным опроса) // Семантико-когнитивные исследования: сб. науч. тр. / Под ред. М.В. Шамановой, Е.В. Борисовой. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 5. – С. 68–71 (в соавторстве с Е.В. Погореловой).

7. Собственное имя в ассоциативном эксперименте и психолингвистическом значении // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – №3. – С. 47–49.

8. Тематическая группа «Глупый человек»: образцы словарных статей «Психолингвистического толкового словаря русского языка» // Психолингвистика и лексикография: сб. науч. трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 1. – С. 123–153.

9. Фразеосочетания с наименованиями насекомых в словаре и языковом сознании молодежи // Коммуникативные исследования 2014: сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2014. – С. 103–107.

Саломатина М.С.

1. Психолингвистическое значение слов «зарубить», «застукать» и «пурга» в русском языке // Язык и национальное сознание / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2014. − Вып. 20. – С. 202–210 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

2. Культовый – это хорошо // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2014. – Вып. 29. – С. 26–27 (в соавторстве с И.В. Саломатиной).

Розенфельд М.Я.

1. Опыт обучения литературному редактированию текста в рамках дополнительной специализации «Литературный редактор и корректор» // Культура общения и её формирование: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2014. – Вып. 30. – С. 85–88.

2. Психолингвистическое значение лексемы *пиар* // Жизнь языка в культуре и социуме – 4. Материалы конференции. Москва, 30–31 мая 2014 г. – М. : Канцлер, 2014. – С. 115–117.

Акованцева Н.В.

1. Риторический практикум на материале ассоциативного эксперимента // Риторика в современной России: традиции и новые задачи. – Ярославль: Канцлер, 2014. – С. 96–100.

2. Психолингвистическое значение слов *агрессивный*, *роковой* и *ручной* в русском языке // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2014. – Вып. 20. – С. 138–153 (в соавторстве с Рудаковой А.В.).

3. Интегральное ассоциативное поле «отдых» в русском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология, журналистика. – Воронеж, 2014. – № 1. – С. 8–12.

4. Ассоциативное поле «отдых» в русском языковом сознании // Жизнь языка в культуре и социуме – 4. Материалы конференции. Москва, 30-31 мая 2014 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин и др. – М.: Канцлер, 2014. – С. 73–74.

Дьякова Л.Н.

1. Просветительский проект в электронных СМИ // Риторика в современной России: традиции и новые задачи. – Ярославль: Канцлер, 2014. – С. 14–17.

2. Культура речи и грамотность жителей города Воронежа // Сопоставительная и славянская филология: история, состояние, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 200-летнему юбилею А.А. Хованского. – Воронеж, 2014. – С. 221–232 (в соавторстве с И.А. Стерниным, Т.В. Тимошиной).

2015

Стернин И.А.

1. Экспериментальные методы в семном описании семантики / Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 21. – С. 8–11.
2. Методика исследования групповых особенностей семантики слова // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 21. – С. 11–29.
3. Методика психолингвистического исследования синонимов // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 21. – С. 30–39 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).
4. Методика выявления гендерно дифференцируемой лексики // Сопоставительные исследования 2015. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 69–75.
5. Сопоставительно-дифференциальное описание синонимов экспериментальными методами // Сопоставительные исследования 2015. –Воронеж: Истоки, 2015. – С. 55–65 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).
6. Обучение культуре речи и классификация ошибок // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 31. – С. 5–9 (в соавторстве с Н.А. Козельской, М.С. Саломатиной).
7. Оскорбление и оскорбительное словоупотребление: проблемы разграничения в лингвистической экспертизе текста // http://lingva-expert.ru/favorites/i-a-sternin-oskorblenie-i-oskorbitelnoe-slovoupotreblenie-problemy-razgranicheniya-v-lingvistichesko.
8. Оскорбление и оскорбительное словоупотребление в лингвистической экспертизе текста // «Вознесенские казармы». Альманах филологии и коммуникации. – Ярославль: ЯрГУ, 2015. – Вып. 3. – С. 67–75.
9. Антропоцентрические методы и описание семантики слова // Жизнь языка в культуре и социуме–5. Материалы международной научной конференции. Москва, 29-30 мая 2015 г. – М.: ИЯ РАН, РУДН, 2015. – С. 27–29.
10. Методика психолингвистического исследования синонимов // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 2(24). – С. 258–272 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).
11. Мифологические лингвистические концепты // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 6. – С. 108–112.
12. Оскорбление и оскорбительное словоупотребление в лингвистической экспертизе текста (статья вторая) // Язык, коммуникация, речевая культура. – Ярославль: Канцлер, 2015. – С. 255–258.

13. Проблемы возрастной психолингвистической лексикографии // Язык в пространстве речевых культур. К 80-летию В.Е. Гольдина. – М.–Саратов: ИД «Наука образования», 2015. – С. 315–326.

14. Актуальные проблемы сопоставительных исследований в современной лингвистике // Социальные и гуманитарные знания. – Том 1. – № 1 (1). – Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2015. – С. 159–165 (в соавторстве с М.А. Стерниной).

15. Психолингвистическое исследование значений близких синонимов // Социальные и гуманитарные знания. – Том 1. – № 2 (2). – Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2015. – С. 151–155 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

16. Алгоритм описания психолингвистического значения // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. ISSN 1999-8406, эл. № ФС 77-50391. Журнал включен в перечень ведущих периодических изданий списка ВАК (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

17. Дифференциация значений синонимов экспериментальными методами (врач, доктор) // Слова и словари. – Сборник в честь В.Д. Черняк. – СПб.: Свое издательство, 2015. – С. 21–32 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

18. Психолингвистическое исследование значений близких синонимов // Социальные и гуманитарные знания. – Ярославль: ЯрГУ. – Том 1. № 2 (2), 2015. – С. 151–156 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

Попова З.Д.

1. Диалоговые и квазидиалоговые единства в жанре интервью // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. − №4. – 2015. − С. 64–66.

2. Динамика использования производных предлогов подобно и наподобие в художественных произведениях 19–21 веков // Филологические чтения ЯрГу им. П.Г. Демидова. Материалы межвузовской научной конференции (апрель 2015). – Ярославль, 2015. – С. 12–19.

3. К вопросу об интенциональности текста // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXII. Язык и сознание в междисциплинарной парадигме высказываний. Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике 30 сентября-2 октября 2015 года. − Москва-Тамбов-Санкт-Петербург, 2015. − С. 388–318.

4. Номинации времени с определениями в русских высказываниях и текстах // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы 8 Международной научно-практической конференции 24–25 октября 2015 года. – Воронеж, 2015. − С. 60–65.

5. Обогащение русского языка или его интенсивная англизация? (об одной тенденции в массовой коммуникации) // Риторика в контекстах образования и культуры. Материалы 19-ой Международной научной конференции. – Рязань, 2015. – С. 315–318.

6. Расширение ЛСГ глаголов речемыслительной деятельности в актуальном речевом сознании // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Материалы Межрегиональной научной конференции 23–24 октября 2015 года. – Воронеж, 2015. − С. 44.

7. Соотношение семантики грамматической формы фразеосочетания с его значением // Устойчивые фразы в парадигмах науки. Материалы научной конференции, посвященный 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского, 8–11 июня 2015 года. – Тула, 2015. – С. 165–169.

8. Текстовые категории в полевой модели // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности. Материалы 9-й Всероссийской научной конференции 15–16 октября 2015 года. – Иркутск, 2015. − С. 137–145.

Чарыкова О.Н.

1. Сопоставление как метод анализа художественного идиостиля // Сопоставительные исследования 2015. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 12. – С. 11–16.

2. Лексика семантической сферы «финансы» в языке современных печатных СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2015. – № 1. – С. 73–75 (в соавторстве с Чан Тхи Тху Хыонг).

3. Семантика цветонаименований в рекламе автомобиля // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Материалы межрегиональной научной конференции 23–24 октября 2015 г. / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 55–57 (в соавторстве с Сун Чуньчунь).

4. Тематические группы актуальной экономической лексики в русских печатных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 11. – Ч. 2. – С. 186–188 (в соавторстве с Чан Тхи Тху Хыонг).

5. О проекте русско-вьетнамского учебного словаря актуальной экономической лексики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2015. – № 4. – С. 93–95 (в соавторстве с Чан Тхи Тху Хуонг).

Козельская Н.А.

1. Синонимичные слова в актуальном языковом сознании (на примере лексем *родина* и *отечество*) // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж : Истоки, 2015. – Вып 6. – С. 90–100.
2. Коммуникативный принцип в формировании языкового сознания // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж : Истоки, 2015. – Вып 6. – С. 123–133 (в соавторстве с М.С. Саломатиной и И.А. Стерниным).
3. Оценочные слова в языковом сознании и словаре (на примере лексем *бред, туфта, фуфло*) // Психолингвистика и лексикография : сб. научных трудов. – Воронеж : Истоки, 2015. – Вып. 2. – С. 142–157.
4. Коммуникативный подход в языковой подготовке студентов-нефилологов в Воронежском университете // Инновационные модели коммуникативной подготовки бакалавров: проблемы, поиски, решения: коллективная монография. – М.: Издательский дом ГУУ, 2015. – С.93-110 (в соавторстве с М.С. Саломатиной и И.А. Стерниным).
5. К изучению возрастной специфики психологически реального значения слова // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Материалы межрегиональной научной конференции 23–24 октября 2015 года. – Воронеж : Истоки, 2015. – С. 26–27.

Селезнева Г.Я.

1. Устная речь государственного служащего (анализ и методика работы над ней) // Риторика в контексте образования и культуры: материалы 19 международной научной конференции, 29–31 января 2015 года. – Рязань, 2015. – С. 143–146.

2. Фразеологические единицы с антропонимами в обыденном языковом сознании современной молодежи // Жизнь языка в культуре и социуме – 5: материалы международной научной конференции. – М: Канцлер, 2015. – С. 84–85.

Рудакова А.В.

1. Сопоставительно-дифференциальное описание синонимов экспериментальными методами (на примере лексем *врач* и *доктор*) // Сопоставительные исследования 2015 / Науч. ред. М.А. Стернина. Вып. 12. – Воронеж: Истоки, 2015. – 194 с. – С. 55–65 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

2. Методика психолингвистического исследования синонимов // Язык и национальное сознание: сб. науч. тр. / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 21. – 151 с. – С. 31–40 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

3. Психолингвистическая дифференциация синонимических лексем // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 3 (45): в 3 ч. Ч. 3. – С. 146–150.

4. Методика психолингвистического исследования синонимов // Вопросы психолингвистики. – 2015. – №2. – С. 258–271 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

5. Психолингвистическое значение слова «гнилой» в русском языке // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 31. – С. 51–59 (в соавторстве с А. Домбровской).

6. Психолингвистическое и лексикографическое значение слова «грымза» // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 31. – С. 101–105 (в соавторстве с Е.В. Пономаревой).

7. О понятии интегрированного лексикографического значении слова и методике его описания // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 31. – С. 109–115.

8. Психолингвистическое значение лексемы «собака» // Семантико-когнитивные исследования: сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 6. – С. 82–89 (в соавторстве с А.И. Булавиновой).

9. О возможностях создания психолингвистических словарей русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 10(52): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 138–141.

10. Лексическое значение слова в словаре и языковом сознании носителей языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 10(52): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 153–156.

11. Методика обобщения словарных дефиниций при описании интегрированного лексикографического значения слова // Вестник Дагестанского научного центра. – 2015. – №3(58). – С. 152–156.

12. Проблема разграничения лингвистических терминов психолингвистическими методами // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 72–75.

13. Алгоритм описания психолингвистического значения слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – №4. – С. 100–108. ВАК грант РГНФ (в соавторстве с И.А. Стерниным).

14. Психолингвистическое исследование значений близких синонимов // Социальные и гуманитарные знания. – 2015. – Т.1. №2(2). – С. 151–155 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

15. Дифференциация значений синонимов экспериментальными методами // Слова и словари: сб. науч. статей, посвященный проф. В.Д. Черняк / Отв. ред. В.А. Ефремов. – СПб.: Свое издательство, 2015. – 410 с. – С. 21–31 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

16. Семантика этнофолизмов в современном русском языковом сознании // Межкультурное общение: контакты и конфликты: материалы Первой международной научной конференции. Москва, 21–23 октября 2015 года / Ред. коллегия: Н.В. Уфимцева (отв. редактор), А.В. Кирилина, О.В. Баляснikова, А.А. Степанова. — М.: Канцлер, 2015. – С. 99.

17. К вопросу о возможности прогнозирования новых значений слов (на материале наименований человека по национальности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 176–178.

Саломатина М.С.

1. Обучение культуре речи и классификация ошибок // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2015. Вып. 31. – С. 5–8 (в соавторстве с Н.А. Козельской, И.А. Стерниным).
2. Культура речи и понятие цензовой ошибки // Научная школа профессора Т.А. Ладыженской: коллективная монография. – М.: Экзамен, 2015. – Вып. 3. – С. 200–206 (в соавторстве с Н.А. Козельской, И.А. Стерниным).
3. *Битый час* и *битый чайник*, или экспериментальное выявление психолингвистического значения слова // Жизнь языка в культуре и социуме-5. Материалы конференции. Москва, 29–30 мая 2015 г. – М. : Канцлер, 2015. – С. 80–82.
4. Прецедентные феномены в современном языковом сознании (на материале текстов СМИ) // Психолингвистика и лексикография: сб. науч. тр. – Воронеж : Истоки, 2015. – Вып. 2. – С. 55–61 (в соавторстве с А.В. Швадченко).
5. Оценочная лексика в современном языковом сознании (на материале текстов книжных рецензий) // Психолингвистика и лексикография: сб. науч. тр. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 2. – С. 33–38 (в соавторстве с А.В. Колядинцевой).
6. Окказиональная лексика в современном языковом сознании // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы межрегиональный научной конференции 23–24 октября 2015 года. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 62–64 (в соавторстве с Е.В. Шавловской).

Розенфельд М.Я.

1. Психологически реальное значение слова *подвиг* в сознании носителей русского языка // Человек в глобальном мире : материалы Международной научной конференции (г. Воронеж, 18–20 мая 2015) / Под. ред. Н. В. Бутусовой, Й. Ананиева. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 501–506.
2. Экспериментальное изучение лексикона писателя // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия : Филология. Журналистика. – 2015. – No 2. Апрель – июнь. – С. 64–68.

Акованцева Н.В.

1. Убеждающее выступление как средство контроля в курсе «Русский язык и основы речевого воздействия» // Риторика в контексте образования и культуры: материалы XIX Международной научной конференции, 29–31 января 2015 года / Отв. ред. И.Ю. Нефедова ; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2015. – С. 164–167.
2. Семантика лексемы *отдых* в русском языковом сознании // Семантико-когнитивные исследования : межвуз. сб-к научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2015. – Вып. 6. – С. 3–7.
3. Психолингвистическое значение лексемы «отдых» // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 2. – С. 118–130.
4. О понятии интегрального ассоциативного поля // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Материалы межрегиональной научной конференции 23–24 октября 2015 года / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2015. – С. 4–5.
5. Структура интегрального ассоциативного поля «отдых» в русском языковом сознании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология, журналистика. – Воронеж, 2015. – № 4. – С. 5–7.

Дьякова Л.Н.

1. Общение в приемной комиссии // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Материалы межрегиональной научной конференции. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 21–22.

2016

Стернин И.А.

1. Исследовательское и словарное описание психолингвистического значения слова // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 22. – С. 150–161.
2. Динамика развития значения слова в возрастном языковом сознании // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 32. – С. 56–63.
3. Слово МАШИНА в словаре и языковом сознании // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 32. – С. 63–67 (в соавторстве с Э.В. Шаламовой).
4. Ассоциативный эксперимент и описание семантики слова в словаре и языковом сознании (слово *машина* в словаре и языковом сознании современного носителя русского языка) // Вестник МГОУ. – Серия «Лингвистика». – М., 2016. – Вып. 2. – С. 69–74 (в соавторстве с Э.В. Шаламовой).
5. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 1(27). – С. 194–208 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).
6. Pets и питомцы // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 7. – С. 39–45.
7. Дискуссионные вопросы применения закона о государственном языке в экспертизе рекламного текста (оценка ошибок в русском языке) //Актуальные вопросы развития конкурентной политики, совершенствования правоприменительной практики пресечения недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы. Материалы VI Международной научно-практической конференции. 12 мая 2016 г. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 132–140 (в соавторстве с С.И. Шепелевичем).
8. Варианты описания значения слова экспериментальными методами // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 2. – С. 264–275.
9. Темпоральные варианты описания психолингвистического значения лица // Психолингвистика и лексикография. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 3. – С. 110–112 (в соавторстве с С.В. Полубояриным, С.В. Коваленко).
10. Психолингвистический словарь наименований марок машин // Психолингвистика и лексикография. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 3. – С. 230–236 (в соавторстве с Э.В. Шаламовой).
11. Возрастная динамика развития значения слова // Лингвокультура и концептуальное пространство языка / Под ред. О.Н. Морозовой, М.В. Пименовой. – СПб., 2016. – С. 68–73.
12. Возрастная динамика развития психолингвистического значения лексемы *вежливый* // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 90–93.
13. Возрастная траектория развития значения слова // Мир русского слова. – 2016. – Вып. 3. – С. 11–14.
14. Функциональная характеристика слова в семном описании // Вестник Литературного института имени А.М. Горького. – 2016. – № 3. – С. 98–106.

Попова З.Д.

1. Динамика использования производных предлогов *подобно и наподобие* в художественной прозе XIX-XXI веков // Филологические чтения ЯрГУ имени П.Г. Демидова. – Ярославль, 2016. − С. 12–13.
2. Коммуникативные фразеосочетания с инфинитивом // Слово и фразеологизм: взаимосвязь мышления, языка и культуры. Сб. статей к 90-летию профессора А.М. Чепасовой. – Челябинск, 2017. − С. 100–108.

3. Наподобие чего / подобно кому: сходства и различия (сопоставительный анализ) // Сопоставительные исследования. – Воронеж, 2016. − Вып. 13. − С. 235–238 (в соавторстве с А.В. Масловой).

4. От сложного предложения к тексту // Первые Щеулинские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой памяти доктора филологических наук профессора Василия Васильевича Щеулина 25 марта 2016 года. – Ч. I. – Липецк, 2016. − С. 67–73.

5. Предложно-падежные формы имени в ономасиологическом ряду «место пребывания» // Актуальные проблемы филологических исследований: материалы конференции, посвящённой 80-летию профессора Е.Н. Сидоренко. – Симферополь, 2016. – С. 72–73.

6. Семантические поля фразеосочетаний с лексемой *время* // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. Сб. науч. трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Белгородского национального исследовательского университета Николая Фёдоровича Алефиренко. – Белгород, 2016. − С. 258–260.

7. Синтаксические предпочтения стихотворного текста // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике. Материалы Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, посвященная 65-летнему юбилею Виктора Юрьевича Копрова 21–22 октября 2016 года. – Воронеж, 2016. − С. 452–457.

8. Синтаксические функции компаративов с лексемой *подобно* в русских высказываниях // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXIV. Посвящается юбилею заслуженного деятеля науки РФ доктора филологических наук, профессора Н.Н. Болдырева. – Москва-Тамбов, 2016. − С. 559–569 (в соавторстве с А.В. Масловой).

9. Слитно или раздельно? – компьютер не отвечает // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2016. – Вып. 22. − С. 26–30.

10. Субъективная интерпретация текстовой категории информативности как яркое проявление антропоцентризма в языке // Когнитивные исследования языка. Сб. науч. трудов. Вып. XXVII. Антропоцентричный подход в когнитивной лингвистике. − Москва-Тамбов, 2016. − С. 260–266.

11. Частицы НЕ и НИ в устойчивых сочетаниях и оборотах // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах. Материалы Международной научно-практической конференции 18–25 марта 2016 года. – Кострома, 2016. – С. 258–260.

Чарыкова О.Н.

1. Глаголы с формантом –ся с позиции носителя вьетнамского языка // Сопоставительные исследования 2016. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 218– 222 (в соавторстве с Динь Тхи Хонг Тхам).

2. Психолингвистический механизм каламбурных сравнений В. Маяковского // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Часть 1. Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент». Москва, 24–26 мая 2016 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, О.В. Баляснikова, Д.В. Маховиков, А.А. Степанова. – М.: Канцлер, 2016. – С. 244–245.

3. Сопоставительный анализ наименований предприятий общественного питания г. Москвы и г. Воронежа // Сопоставительные исследования 2016. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 141–146 (в соавторстве с К.В. Овсянниковой).

4. Лексическая структура образа кавказской природы в художественном идиостиле М.Ю. Лермонтова // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный

сборник научных трудов. – Воронеж: НАУКАЮНИПРЕСС, 2016. – Вып. 33. – С. 165–175.

5. Функции лексики, обозначающей тактильные ощущения, в рекламном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2016. – № 2. – С. 50–52 (в соавторстве с Мэй Цзылинь).

6. Система колоративов в рекламных каталогах декоративной косметики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2016. – № 3. – С. 30–32 (в соавторстве с Сун Чуньчунь).

7. Колоратив в рекламном дискурсе // Культура и цивилизация. – Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2016. – № 4. – С. 116–124 (в соавторстве с Сун Чуньчунь).

8. Одорическая лексика в рекламном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2016. – № 3. – С. 71–73 (в соавторстве с Мэй Цзылинь).

9. Синестезия как приём суггестивного воздействия в рекламном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2016. – № 4. – С. 42–43 (в соавторстве с Мэй Цзылинь).

Козельская Н.А.

1. Русский язык и культура речи в языковом сознании государственных служащих Воронежской области // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2016. – Вып. 22. – С.14–20.

2. Развитие синонимии оценочных слов в обыденном языковом сознании // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Часть 1. Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент». Москва, 24–26 мая 2016 г. – М. : Канцлер, 2016. – С. 91–93.

3. Экспериментальное изучение гендерной специфики слов (на примере лексем *бизнесмен* и *бизнесвумен*) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: тезисы II всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 28–29 октября 2016 г.). – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 30–32.

Селезнева Г.Я.

1. Лингвострановедческая ценность фразеологических единиц // Культура общения и ее формирование: межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 32. – С. 115–119.

2. Динамика лексического фона в обыденном языковом сознании молодежи // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Ч.1. Материалы 18 Международного симпозиума. – М., 2016. – С. 114–116.

Рудакова А.В.

1. Семантика слова «брутальный» (сопоставительный аспект) // Сопоставительные исследования 2016: материалы Всероссийской научной конференции «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 5 февраля 2016 г.) / Науч. ред. М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 13. – С. 62–69 (в соавторстве с А. Домбровской).
2. Значение прилагательного «грязный» в русском языке // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник науч. трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 7. – С. 60–70 (в соавторстве с А. Домбровской).
3. Проблемы создания психолингвистических словарей русского языка // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам: материалы

XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент» (Москва, 24-26 мая 2016 г.) / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, О.В. Балясникова, Д.В. Маховиков, А.А. Степанова. – М.: Издательство «Канцлер», 2016. – 316 с. – С. 67–68.

4. Лексикографическое значение лексем – наименований матери в русском языке // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 32. – С. 48–54 (в соавторстве с Е.В. Погореловой).

5. Семантика синонимичных имен прилагательных в русском языке (на примере лексем *контактный* и *общительный*) // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 3. – С. 44–49 (в соавторстве с Н.В. Вальтер).

6. Психолингвистическое значение имен прилагательных высшей оценки (на примере лексем *бесподобный, божественный, потрясающий*) // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 3. – С. 223–230 (в соавторстве с Н.В. Вальтер).

Саломатина М.С.

1. Сетевой этикет в языковом сознании молодежи // Язык и национальное сознание : сб. науч. тр. / Науч. ред. И.А. Стернин. − Воронеж : Истоки, 2016. – Вып. 22. – С. 31–38.

2. Стартап стартапу рознь // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 32. – С. 81–83.

Розенфельд М.Я.

1. Языковая игра в российских рекламных текстах // ФИЛКО : филология, культура и образование. Сборник научных статей – Штип, 2016. – <URL: http://js.ugd.edu.mk/index.php/fe/index (в соавторстве с И. Меркуловой).

2. Эвфемизация и инвективизация как тенденции развития языка СМИ (сопоставительный анализ) // Сопоставительные исследования – 2016. Продолжающееся научное издание. – Воронеж : Истоки, 2016. – С. 211–213 (в соавторстве с А.Г. Субботиной).

Акованцева Н.В.

1. Психолингвистическое значение лексемы «отдыхать» // Деятельный ум: гуманитарной методологии к гуманитарным практикам. Часть I. Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент». Москва, 24–26 мая 2016 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв.ред.), Н.В. Уфимцева, О.В. Балясникова, Д.В. Маховиков, А.А. Степанова. – М. : Канцлер, 2016. – С. 46–48.

Дьякова Л.Н.

1. О некоторых особенностях речи телевизионного и радиожурналиста // Коммуникация в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации 13–14 мая 2016. – Воронеж, 2016. – С. 68–72.

2. Звучащая речь журналиста // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 7. – С. 124–127.

2017

Стернин И.А.

1. Опыт изучения языкового сознания государственных служащих Воронежской области (2011–2016) // Язык и национальное сознание. – Воронеж: 2017. – Вып. 23. – С. 52–57.
2. Сфера незнания воронежцев в области русского языка и культуры речи в 2011–2016 гг. (в сравнении с 2005–2010 гг.) // Язык и национальное сознание. – Воронеж: 2017. – Вып. 23. – С. 34–43 (в соавторстве с Н.А. Козельской).
3. Формирование речевой и коммуникативной культуры: проблема мотивации // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: Сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике, 1–3 февраля 2017 г. / Отв. ред.: В.И. Аннушкин. – М., 2017. – С. 445–449.
4. Сопоставительный анализ траектории развития значения слова «мяч» в возрастных группах 3–4 года и 6–7 лет // Сопоставительные исследования 2017. – Воронеж: Истоки, 2017. – С. 110–115.
5. Сфера «незнания и интереса» воронежцев в области русского языка // V международная конференция «Культура русской речи» (Гротовские чтения), 16–18 февраля 2017 г. ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН – https://sites.google.com/site/grotconf/tezisy-2017 (в соавторстве с Л.Н. Дьяковой, Н.А. Козельской). – 3 с.
6. Функциональная помета «фамильярное» в описании семантики слова // V международная конференция «Культура русской речи» (Гротовские чтения) 16–18 февраля 2017 г. ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН – https://sites.google.com/site/grotconf/tezisy-2017. – 3 с.
7. К проблеме разработки коммуникативно-семантического словаря // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2017. – Вып. 33. – С. 62–69 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).
8. Методика описания семантики междометий (на материале междометия АХ) // Мир русского слова. – 2017. – № 1. – С. 33–36 (в соавторстве с Ю.А. Цофиной).
9. Исследование психолингвистического значения слова в Воронежском университете // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: Истоки, 2017. – С. 96–127 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).
10. Виды и методы сопоставительных исследований лексики // Филология и журналистика. – 2017. – Вып. 1. – С. 66–68 (в соавторстве с М.А. Стерниной).
11. Лексикографическое представление психолингвистического значения слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Русский и иностранный языки и методика их преподавания. – 2017. – Том 15. – № 2. – С. 204–214.
12. Языковое сознание региона // Вознесенские казармы. – Ярославль, 2017. – Вып. 4. – С. 36–37 (в соавторстве с Л.Н. Дьяковой, Н.А. Козельской).
13. Об исследовании языкового сознания региона //Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Материалы конференции. – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2017. – С. 197–199 (в соавторстве с Л.Н. Дьяковой, Н.А. Козельской). – https://elibrary.ru/item.asp?id=29733341
14. Языковые маркеры коррупционного текста // Психолингвистика и лексикография. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2017. – Вып. 4. – С. 210–215.
15. О понятии *ненормативная лексика* в языковом сознании и лингвистике // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. – Воронеж: ООО «Издательство «Ритм», 2017. – С. 94–96.
16. Лингвокультурологическое содержание собственного имени (по данным психолингвистических экспериментов) // Лингвосемиотика дискурса. Коллективная монография к 60-летию профессора Андрея Владимировича Олянича / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград, 2017. – С. 189–200 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

17. О понятии коммуникативного значения слова // Коммуникативные исследования. – 2017. – Вып. 1. – С. 36–50 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

18. Знания и мифы обыденного языкового сознания // Коммуникативные исследования. – Воронеж, 2017. – Вып. 3. – С. 47–58.

Попова З.Д.

1. Значение объектного инфинитива в русском языковом сознании // Значение как феномен языкового сознания носителя языка. Тезисы III Всероссийской научной конференции. 20–21 октября 2017 года. – Воронеж, 2017. − С. 74–76.

2. Когнитивная природа актуального членения предложения // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXX. Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований : материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике 20–22 сентября 2017 г. – М., Тамбов. – С. 290–293.

3. Речевая компенсация недостаточности лексического значения языкового знака // Вестник Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева. Серия: Новые гуманитарные исследования. − №1. − 2017. − С. 67–72.

4. Концепт *цель действия* в лингвокогнитивной интерпретации // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXX11. В поисках смысла языка. – Москва-Тамбов, С. 267-274.

Чарыкова О.Н.

1. Русские глаголы с формантом –ся в зеркале вьетнамского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2017. – № 2. – С. 68–70 (в соавторстве с Динь Тхи Хонг Тхам).

Козельская Н.А.

1. Актуальные метаязыковые характеристики в психолингвистическом значении слов (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2017. – Вып. 1. – С. 20–22.

2. Психолингвистический семантический словарь русского языка и языковое сознание носителей языка // Слово и словарь: сб. материалов Междунар. науч. конф. «Современные проблемы лексикографии» (Минск, 23–24 ноября 2017 г.). – Минск: Четыре четверти, 2017. – Вып. 15. – С. 564–569 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

3. К изучению гендерной специфики семантики слова (на примере лексем *учитель* и *учительница*) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Тезисы III Всероссийской науч. конференции 20–21 октября 2017 г. – Воронеж : Истоки, 2017. – С. 41–43.

Селезнева Г.Я.

1. Эвфемизмы в современном дискурсе // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2017. – Вып. 33. – С. 31–32.

2. Эталон «красивый человек» в обыденном сознании современной молодежи // Жизнь языка в культуре и социуме – 6. – Москва, 2017. – С. 100– 101.

Рудакова А.В.

1. К вопросу о создании сопоставительных словарей русского языка // Сопоставительные исследования 2017: материалы Всероссийской научной конференции «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 3–4 февраля 2017 г.) / Науч. ред. М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. – Вып. 14. – С. 16–21.

2. Лексикографическое значение зоонимов в русском языке (на материале лексем *баран, жаба, кабан, кот, лошадь*) // Культура общения и ее формирование: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. – Вып. 33. – С. 8–13 (в соавторстве с А.И. Булавиновой).

3. К проблеме разработки коммуникативно-семантического словаря // Культура общения и ее формирование: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. – Вып. 33. – С. 62–69 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

4. К вопросу о создании темпорального психолингвистического словаря // Жизнь языка в культуре и социуме – 6: материалы Международной научной конференции (Москва, 26–27 мая 2017 г.) / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, Д.В. Маховиков, О.В. Балясникова, А.А. Степанов, С.В. Дмитрюк. – М.: Издательство «Канцлер», 2017. – С. 150–151.

5. О понятии коммуникативного значения слова // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 1 (11). – С. 36–48 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

6. Исследование психолингвистического значения слова в Воронежском университете // Семантико-когнитивные исследования: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. – С. 97–125 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

7. Лексикографическая фиксация темпоральных различий психолингвистического значения слова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – №1. – С. 44–48.

8. Психолингвистическое значение местоимения «мой» в русском языковом сознании // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2017. – Вып. 4. – 228 с. – С. 76–81 (в соавторстве с Н.В. Вальтер).

9. Психолингвистическое значение служебного слова (*на примере предлога «с»*) // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2017. – Вып. 4. – С. 82–87 (в соавторстве с Н.В. Вальтер).

10. Лексикографическое значение наименований человека по профессии // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2017. – Вып. 4. – С. 197–204 (в соавторстве с В. Назаренко).

11. Описание психолингвистического значения служебного слова // Значение как феномен актуального языкового сознания носителей языка: тезисы III Всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 20–21 октября 2017 г.) / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2017. – С. 81–84 (в соавторстве с Н.В. Вальтер).

12. Психолингвистический семантический словарь русского языка и языковое сознание носителей языка // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. материалов Междунар. науч. конф. «Современные проблемы лексикографии» (Минск, 23–24 ноября 2017 г.). / Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культ., языка и лит-ры, Ин-т языкознания им. Якуба Коласа; редкол.: И.Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2017. – Вып. 15 – С. 564–569 (в соавторстве с Н.А. Козельской).

Розенфельд М.Я.

1. Динамика социального компонента значения слова в сознании носителей языка // Культура общения и ее формирование: межвуз. сборник научных трудов. – Воронеж : Истоки, 2017. – Вып. 33. – С. 40–52 (в соавторстве с А.П. Бабушкиным).

2. Советизмы в языковом сознании молодёжи // Жизнь языка в культуре и социуме – 6: материалы Международной научной конференции (Москва, 26–27 мая 2017 г.). – М. : Канцлер, 2017. – С. 262–264.

3. Языковая игра в российских рекламных текстах // FILKO. Зборник на трудови од прва меѓународна научна конференција. – [S.l.], v. 1, p. 549-554, jan. 2017. <http://js.ugd.edu.mk/index.php/fe/article/view/1671>.

Акованцева Н.В.

1. Ассоциативный кластер «ОТДЫХ» в русском языке // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж : ООО «Издательство РИТМ», 2017. – Вып. 4. – С. 4–6.

2. Когнитивно-категориальная структура ассоциативного поля «ОТДЫХ/ОТДЫХАТЬ» // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка : ТЕЗИСЫ III Всероссийской конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 20–21 октября 2017 г.) / Научн. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2017. – С. 3–4.

3. К вопросу об интеграции ассоциативного поля (на примере ассоциативного «отдых» в русском языковом сознании) // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2017. – Вып. 23. – С. 4–7.

4. Частеречная структура ассоциативного кластера «ОТДЫХ/ОТДЫХАТЬ» // Семантико-когнитивные исследования : межвуз. сб-к научных трудов / [под ред. И.А. Стернина]. – Воронеж : Истоки, 2017. – Вып. 8. – С. 67–73.

Дьякова Л.Н.

1. Сфера «незнания и интереса» воронежцев в области русского языка // V международная конференция «Культура русской речи» (Гротовские чтения) 16–18 февраля 2017 г. ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова. – https://sites.google.com/site/grotconf/tezisy-2017 (в соавторстве с Н.А. Козельской, И.А. Стерниным).

2. Проблема речевой уместности на современном телевидении // Коммуникация в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации» 11–13 мая 2017 г. – С. 71–76.

3. Языковое сознание региона // Языковое сознание региона. Вознесенские казармы. Продолжающееся научное издание. – Ярославль, 2017. – Вып. 4. – С. 36–37 (в соавторстве с Н.А. Козельской, И.А. Стерниным).

4. Уроки русского языка для дошкольников (из наблюдений воспитателя детского сада) // Семантико-когнитивные исследования: сборник научных трудов. – Воронеж, 2017. Вып. 8. – С. 178–180 (в соавторстве с И.Ю. Сахаровой).

5. Уместность словоупотребления (на материале телевизионной речи журналистов) // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов. – Воронеж, 2017. – Вып. 4. – С. 131–135.

6. Прогноз погоды на 61 февраля, или размышления о речевой культуре телевизионного журналиста // Акценты. Новое в массовой коммуникации, альманах. – Воронеж: факультет журналистики, 2017. – Вып. 5/6 (148/149). – С. 72–76.

7. Сфера «незнания и интереса» воронежцев в сфере русского языка // Культура русской речи (Гротовские чтения): 5-я Международная научная конференция: сборник тезисов докладов на конференции. – Москва, 2017. – https://www.sites.google.com/site/grotconf/tezisy-2017 (в соавторстве с Н.А. Козельской, И.А. Стерниным).

8. Об исследовании языкового сознания региона // Филологические чтения ЯРГУ им. П.Г. Демидова: материалы конференции 22–23 мая 2017. – Ярославль, 2017. – С. 197–199 (в соавторстве с Н.А. Козельской, И.А. Стерниным).

2018

Стернин И.А.

1. Коммуникативное поведение как аспект обучения русскому языку как иностранному (русские и киргизы) // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. Сборник материалов V Международной научно-методической конференции (25–27 января 2018). –Воронеж: Научная книга, 2018. – С. 375–384 (в соавторстве с У.Д. Камбаралиевой).
2. Информация и информирование (сопоставительно-семантический анализ) // Сопоставительно-семантические исследования 2018. Продолжающееся научное издание. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2018. – Вып. 15. – С. 180–187.
3. Сопоставление результатов описания семантики слова в словарях, языковом сознании и в тексте // Сопоставительно-семантические исследования 2018. Продолжающееся научное издание. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2018. – Вып. 15. – С. 190–197 (в соавторстве с Д.В. Третьяковой).
4. Возрастная динамика значения слова (психолингвистический анализ) // Проблемы онтолингвистики 2018. Материалы международной научной конференции 20–23 марта 2018. – СПб. – Иваново: ЛИСТОС, 2018. – С. 193–198.
5. О некоторых сферах языкового сознания носителя языка // Актуальные проблемы филологического образования. – Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2018. – С. 14–19 (в соавторстве с Л.Н. Дьяковой).
6. ВОРОНЕЖ и ДЕРБЕНТ в региональном языковом сознании // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: изд-во РИТМ, 2018. – Вып. 34. – С. 35–42 (в соавторстве с М.Р. Махаевым, Н.А. Полехиным).
7. Слова нужные и ненужные // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2018. – Вып. 9. – С. 18–23.
8. Опыт описания возрастной специфики семантики слова // Жизнь языка в культуре и социуме – 7. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 1–2 июня 2018. – С. 99–101 (в соавторстве с Т.А. Растегаевой).
9. Степень освоенности топонима «Дербент» (по данным лингвистических ассоциативных экспериментов) // Вестник социально-педагогического института (Дербент) – 2018. – №1(25). – С. 44–51 (в соавторстве с М.Р. Махаевым, Н.А. Полехиным).
10. Есть ли в русском языке абсолютные синонимы? (психолингвистическая дифференциация синонимов) // Психолингвистика и лексикография. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2018. – С. 64–76 (в соавторстве с А.В. Рудаковой, Э.Ю. Соколовой-Сторчай).
11. Сопоставительный анализ ассоциативных полей // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. – 2018. – Вып. 3. – С. 48–51 (в соавторстве с И.П. Конопелько).
12. Семантика слов *адекватный, неадекватный* в современном русском языке // Семантика. Функционирование. Текст. – Киров: ООО «Издательство Радуга-ПРЕСС», 2018. – С. 101–106.
13. Лингвистическая мифология в современной лингвокультурной ситуации // V Международная научно-практическая конференция «Иноязычное образование: опыт, инновации и перспективы». 12–13 ноября 2018 г. – Алматы: Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, 2018. – С. 14–18.
14. Изменения в оценочности слова в современном русском языке: реверсия оценки или развитие смысловой структуры слова? // Русистика и современность / И.П. Лысакова, Е.А. Железнякова, А.О. Абаганова и др.; под ред. проф. И.П. Лысаковой, доц. Е.А. Железняковой. – СПб.: Северная звезда. 2018. – Ч. 1. – С. 23–28.
15. Психолингвистический толковый словарь русских собственных имен // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике.

Материалы Международной научной конференции (Тяньцзинь, Тяньцзиньский университет иностранных языков, 16 ноября 2018 г.). Cultural values in linguistic consciousness and communicative practice .International Conference Proceedings (Tianjin, Tianjin Foreign Studies University, November 16, 2018). – 天津市 – Тяньцзинь – Tianjin, 2018. – С. 21–28 (в соавторстве с А.В. Рудаковой, С.В. Коваленко).

16. Эмоция и оценка в семантике слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018. – № 4. – С. 75–96 (в соавторстве с Д.Ю. Просовецким).

Чарыкова О.Н.

1. Работа над культурой речи в системе подготовки будущих филологов // Актуальные проблемы филологического образования / Науч. ред. проф. Л.Г. Антонова. – Ярославль : ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2018. – С. 63–67.

2. Этнокультурная специфика метафорической номинации // ФИЛКО: филология, культура, образование : материалы Третьей международной конференции. – Штип–Воронеж, 2018. – С. 727–733. – URL: http://js.ugd.edu.mk/index.php/fe/issue/view/152.

Козельская Н.А.

1. Отражение стереотипов восприятия в психолингвистическом значении слова // Жизнь языка в культуре и социуме – 7. Материалы всероссийской научной конференции. Институт языкознания РАН, РУДН (Москва, 1–2 июня 2018 г.). – С. 45–47.

Селезнева Г.Я.

1. Методика работы над русскими фразеологическими единицами в иностранной аудитории // Актуальные проблемы филологического образования. – Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2018. – С. 88–92.

2. Изменения в психолингвистических значениях лексем тематической группы «Наименования лиц» // Жизнь языка в культуре и социуме – 7. –Москва, 2018. – С. 100–101.

3. Экспрессивно-вариативные узлы как один из видов объединения фразеологизмов // «Жизнь языка в культуре и социуме – 7», Материалы междунар. научн. конференции. – М., 2018. – С. 84–85.

Рудакова А.В.

1. Особенности лексикографического значения наименований человека по качественной характеристике в русском языке // Культура общения и ее формирование: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2018. – Вып. 34. – С. 6–10 (в соавторстве с Д.В. Дробышевой).

2. Системные и рецептивные значения в языковом сознании носителей русского языка // Жизнь языка в культуре и социуме – 7: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 1–2 июня 2018 г.) / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, Д.В. Маховиков, А.А. Степанова, С.В. Дмитрюк. – М.: Издательство «Канцлер», 2018. – С. 58–59.

3. Есть ли в языке абсолютные синонимы? (психолингвистическая дифференциация синонимов) // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 64–76 (в соавторстве с Э.Ю. Соколовой-Сторчай, И.А. Стерниным).

4. Особенности лексикографического представления наименований лиц по качественной характеристике (на примере лексем *брюзга, везунчик, весельчак, ворчун, зануда*) // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред.

А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 97–101 (в соавторстве с Д.В. Дробышевой).

5. Особенности семантики наименований человека по профессии (на примере синонимического ряда *архитектор – зодчий – градостроитель – строитель*) // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 136–140 (в соавторстве с Н.В. Назаренко).

6. Проблема отбора словника для семантического психолингвистического словаря русского языка // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 144–159.

7. О теоретических категориях описания психолингвистических значений собственных имен // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 15–21 (в соавторстве с С.В. Коваленко).

Акованцева Н.В.

1. Полевая организация интегрированного ассоциативного поля ОТДЫХ/ОТДЫХАТЬ в русском языке // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Издательство РИТМ, 2018. – Вып. 24. – С. 10–13.

2. О понятии ассоциативного кластера // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка : материалы IV Всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 26-27 октября 2018 г.) / Научн. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж : ООО «Издательство РИТМ», 2018. – С. 3–5.

Дьякова Л.Н.

1. О некоторых сферах языкового сознания носителя языка // Актуальные проблемы филологического образования. – Ярославль, 2018. – С. 14–19 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

2. Детская речь как журналистская тема и предмет лингвистического изучения // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы 4-ой Всероссийской науч. конференции. – Воронеж, 2018. – С. 9–13.

2019

Стернин И.А.

1. Дефиниции психолингвистических значений в дифференциальных психолингвистических словарях // Язык и национальное сознание. Продолжающееся научное издание. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2019. – Вып. 25. – С. 81–87.

2. Дифференциальная лексикография как новое направление в лексикографии // Сопоставительные исследования 2019. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2019. – С. 3–12 (в соавторстве с М.А. Стерниной).

3. Психолингвистическое значение и отражение социальной действительности // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – Вып. 35. – С. 33–35.

4. Оценочность слова в психолингвистических исследованиях // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2019. – Вып. 10. – С. 38–47 (в соавторстве с Д.Ю. Просовецким).

5. Дискуссионные вопросы оценки нецензурного словоупотребления в рекламе // Актуальные вопросы развития конкурентной политики, совершенствования правоприменительной практики пресечения недобросовестной конкуренции и

ненадлежащей рекламы. Материалы IX Международной научно-практической конференции 23 мая 2019 г. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 205–210.

6. О понятии дифференциального психолингвистического словаря // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium / Сборник научных статей. – Вып. 16. – Минск: Беларусская наука, 2019. – С. 176–181.

7. Психолингвистическое описание значения как источник информации об обществе // Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 6–8 июня 2019 / Отв. редактор Е.Ф. Тарасов. – М.: Издательство «Канцлер», 2019. – С. 23–25.

8. Динамика развития и групповые различия психолингвистического значения слова ИНТЕЛЛИГЕНТ в русском сознании // Психолингвистика и лексикография. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2019. – Вып. 6. – С. 117–137.

9. Психолингвистическое описание оценочности в семантике слова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. –Тезисы докладов международной научной конференции (15–17 октября 2019). – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 59–62 (в соавторстве с Д.Ю. Просовецким).

10. Семантика слова *эксперт* в современном языковом сознании // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы V Всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 25–26 октября 2019 г.) / Научный ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: издательство «ООО РИТМ», 2019. – Вып. 5. – С. 71–76.

11. Экспериментальное исследование гендерной семантики слова // Тезисы 4-ой международная конференция «Гендер: язык, культура, коммуникация», 28–29 ноября 2019 года. – Москва: Московская международная академия, 2019. – С. 27–29.

12. Региональная специфика семантики топонима «Москва» (по данным психолингвистических экспериментов) // Вестник Академии наук Чеченской республики. – № 4 (47), 2019. ISSN-2070-2348 (в соавторстве с М.Р. Махаевым).

13. Язык как изменяющееся явление // Методология, теория и практика инновационного развитии регионального образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции 2019 Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ» [Электронный ресурс]. – М.: Перо, 2019. – 641с. с ил. – С. 331–336. — http://bsk.vsu.ru/docs/Science/sciweek/2019/Metodol_%20teor_prakt_innovacion_razv_region_obr_materialy_konferencii.pdf

14. Изменения в русском языке: кризис или развитие // Русский язык: система и функционирование. К 80-летию филологического факультета БГУ. Материалы VIII Международной научной конференции 16–17 октября 2019 г. – Минск: БГУ, 2019. – С. 3–8.

Чарыкова О.Н.

1. Особенности употребления колоративов в современном русском рекламном дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2019. – № 1. – С. 86–88 (в соавторстве с Сун Чуньчунь).

2. Сравнение как средство выражения специфики художественного мировосприятия (на материале текстов Майи Котовской) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2019. – № 4. – С. 25–27 (в соавторстве с Д.М. Кисловой).

3. Имплицитные категории в системе русского языка // ФИЛКО: филология, культура, образование. Материалы Четвёртой международной конференции. – Воронеж–Штип, 2019. – С. 420–424 – URL:http://js.ugd.edu.mk/index.php/fe/issue/view/212.

Козельская Н.А.

1. Концептуализация прецедентных имен в языковом сознании школьников // Теория речевой деятельности: вызовы современности. Материалы X1X Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 6–8 июня 2019 г. – М.: Канцлер, 2019 – С. 49–51 (в соавторстве с В.Ю. Панфиловым).

Селезнева Г.Я.

1. Варьирование фразеологизмов с семантикой «безразлично» в речи молодежи // Материалы XIX международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: вызовы современности». – М., 2019. – С. 85–87.

Рудакова А.В.

1. Специфика психолингвистического описания семантики топонимов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2019. – №1. – С. 66–69.
2. Контекстуальное значение наименований человека в русском языке (на примере слова *добряк*) // Культура общения и ее формирование: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2019. – Вып. 35. – С. 8–12 (в соавторстве с Д.В. Дробышевой).
3. Психолингвистический дифференциальный словарь синонимов русского языка // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. научных статей / Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т языкознания им. Якуба Коласа; редкол.: И.Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2019. – Вып. 16. – С. 168–172. – 339 с. (Междунар. науч. конф. «Современные проблемы лексикографии» (Минск, 15-19 мая 2019 г.).
4. Психолингвистическое описание семантики топонимов // Теория речевой деятельности: вызовы современности: материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 6–8 июня 2019 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Л.С. Жукова, С.В. Дмитрюк. – М.: Издательство «Канцлер», 2019. – С. 153–154.
5. Психолингвистическое значение наименований человека (на примере слов КРАСАВЕЦ, ДОБРЯК, СКРЯГА) // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2019. – Вып. 6. – С. 9–16 (в соавторстве с Д.В. Дробышевой).
6. Возрастные особенности психолингвистического значения наименования цвета в русском языке (на примере слова КОРИЧНЕВЫЙ) // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2019. – Вып. 6. – С. 68–75 (в соавторстве с Я.А. Песковой).
7. Психолингвистическое значение имен числительных первого десятка // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2019. – Вып. 6. – С. 84–107 (в соавторстве с А.О. Шушеровой).
8. Психолингвистический толковый словарь русских собственных имен // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике: материалы Международной научной конференции (Тяньцзинь, Тяньцзинский университет иностранных языков, 16 ноября 2018 г.). – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2019. – С. 18–30 (в соавторстве с С.В. Коваленко, И.А. Стерниным).
9. Специфика описания семантики слов в психолингвистическом толковом словаре синонимов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2019. – №3. – С. 52–54.

10. Психолингвистическое значение наименований цвета в русском языке (на примере слов СЕРЫЙ и СЕРАЯ) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителей языка: тезисы V Всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 25–26 октября 2019 г.) / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2019. – Вып 5. – С. 55–58 (в соавторстве с Я.А. Песковой).

11. Прецедентные тексты и сочетаемость в ассоциативной структуре имен числительных первого десятка // Значение как феномен актуального языкового сознания носителей языка: тезисы V Всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 25–26 октября 2019 г.) / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2019. – Вып 5. – С. 92–94 (в соавторстве с А.О. Шушеровой).

Саломатина М.С.

1. Трансформации в структуре семантемы многозначного слова (на материале наименований лиц в русском языке) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы V Всероссийской научной конференции (Воронеж, ВГУ, 25–26 октября 2019 г.). – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. – Вып. 5. – С. 3–4 (в соавторстве с А.А. Аверьяновой).

Розенфельд М.Я.

1. Динамика психолингвистического значения социально маркированной лексики (на примере слова *подпольщик*) // Слово и словарь: сб. научных статей. – Минск, 2019. – Вып. 16. – С. 164–168.

Акованцева Н.В.

1. Ассоциативный кластер в языковом сознании // Язык и национальное сознание. – Воронеж : ООО «Издательство «РИТМ», 2019. – Вып. 25. – 103 с. – С. 55–60.

Дьякова Л.Н.

1. Слово «бард» в русском языковом сознании // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы 5 Всероссийской научной конференции. – Воронеж, 2019. – Вып. 5. – С. 13–17.

2020

Стернин И.А.

1. Что значит ЗВЕЗДА в современном русском языке? / Язык и национальное сознание. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2020. – Вып. 26. – С. 39–46 (в соавторстве с Л.Н. Дьяковой).

2. *Эксперт, специалист, профессионал*: различия в языковом сознании / Язык и национальное сознание. – Воронеж: издательство «ООО РИТМ», 2020. – Вып. 26. – С. 46–52.

3. Шкалирование сходств/различий языковых явлений обыденным сознанием / Сопоставительные исследования 2020. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2020. – Вып. 17. – С. 3–11 (в соавторстве с А.В. Рудаковой, М.А. Стерниной).

4. Когнитивная интерпретация результатов сопоставительных исследований / Сопоставительные исследования 2020. – Воронеж: ООО «Издательство «РИТМ», 2020. – Вып. 17. – С. 11–20.

5. Английский след в русском языке // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию МАГУ

(Мурманск, 27–29 ноября 2019 г.) / Отв. ред. С.А. Виноградова]. – Мурманск: МАГУ, 2020. – С. 14–20.

6. Лексема БЕСПРЕДЕЛ в гендерном языковом сознании // Культура общения и ее формирование: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 36. – С. 15–21.

7. Типы семем, выявляющиеся в описании психолингвистических значений // Семантико-когнитивные исследования / Под ред. И.А.Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 11. – С. 19–25.

8. Комментирование в структуре словарной статьи психолингвистического толкового словаря // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. – Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2020. – Вып. 2. – С. 57–59.

9. Типология значений в психолингвистической лексикографии // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 102–108 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

10. Слово *челлендж* в современном русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 139–145.

11. Семантическая девальвация слов в современном русском языке / Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. – 2020. – Вып. 4. – С. 52–54 (в соавторстве с Л.Н. Дьяковой).

12. Культурная столица бескультурных людей. О толерантности и людях // Университетская площадь. – Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2020. – № 11. – С. 230–232.

13. Возрастные различия в семантике слова // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс. Материалы Международной научно-практической конференции (15–16 октября 2020 г.) *Электронное издание.* – Борисоглебск 2020. – С. 212–216.

14. Некоторые проблемы психолингвистической лексикографии // Горизонты психолингвистики – 3: сборник научных трудов. – Тверь: Тверской государственный университет, 2020. – С. 134–140.

15. Трафаретная модель дифференциального описания психолингвистического значения // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка». – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 6. – С. 77–81.

Чарыкова О.Н.

1. Лексика, объединённая семантическим компонентом «информация, не соответствующая действительности», в русском языке // Язык и национальное сознание / Науч. ред. И.А.Стернин. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 26 – С. 52–59 (в соавторстве с Хасан Д. Акиль Яхъя).

2. Метафора и национальная картина мира // Семантико-когнитивные исследования / Под. ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 11. – С. 76–81.

Козельская Н.А.

1. Слова *атмосферный, атмосферно* в современном русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч.ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 118–124.

Селезнева Г.Я.

1. Варьирование фразеологизмов в современном русском языке // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 11. – С. 119–120.

2. Слово «граммар-наци» в современном русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 133–136.

3. Цветные революции // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 136–139.

4. Вариативность как способ создания экспрессивной номинации // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2020. – № 2. – С. 49–52.

5. Способы развития актуальной семантики русских фразеологизмов (на материале оборотов со значением «сумасшедший») // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 6. – С. 69–74.

Рудакова А.В.

1. Семантика наименований цвета в русском языке (экспериментальное исследование языкового сознания школьников) // Сопоставительные исследования 2020: материалы VI Всероссийской научной конференции «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 31 января – 1 февраля 2020 г.) / Науч. ред. М.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 17. – С. 116–123 (в соавторстве с Я.А. Песковой).
2. Семантика фразеологического оборота (психолингвистическое исследование на примере ФЕ «золотые руки») // Культура общения и ее формирование: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 36. – С. 12–15 (в соавторстве с А.В. Поповой).
3. Психолингвистическое значение наименований цвета в языковом сознании школьников // Семантико-когнитивные исследования: сборник научных работ / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 11. – С. 96–97.
4. «Немузыкальные» реакции в структуре ассоциативного поля музыкального термина // Семантико-когнитивные исследования: сборник научных работ / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 11. – С. 115–118 (в соавторстве с М.В. Вишнивецким).
5. Гендерная специфика музыкальных терминов в современном языковом сознании (на примере слов АККОРД и АРИЯ) // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 73–85.
6. Психолингвистчесоке значение музыкальных терминов в русском языке (на примере лексем АРИЯ и КЛАВИР) // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 4–12 (в соавторстве с М.В. Вишнивецким).
7. Гендерные и возрастные особенности психолингвистического значения лексемы «оранжевый» // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 6. – С. 62–69.
8. Шкалирование сходств/различий языковых явлений обыденным языковым сознанием // Сопоставительные исследования 2020: материалы VI Всероссийской научной конференции «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 31 января – 1 февраля

2020 г.) / Науч. ред. М.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 17. – С. 3–10 (в соавторстве с И.А. Стерниным, М.А. Стерниной).

9. Дифференциация синонимов в психолингвистическом словаре // Сопоставительные исследования 2021: материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, ФГБОУ ВО «ВГУ», 5 февраля 2021 г.) / Науч. ред. М.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 18. – С. 22–29.

Саломатина М.С.

1. Слово *зайти* / *заходить* в современном русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 130–133.

2. Термин «Ненадлежащее качество товара» в текстах современного российского законодательства // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – № 3. – С. 65–66.

Розенфельд М.Я.

1. Слово ТОПИТЬ (ЗА) в современном русском языке // Психолингвистика и лексикография. Сборник научных трудов / Под редакцией А.В. Рудаковой. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – С. 123–130.

2. Изменение семантики англицизмов, относящихся к лексико-семантической группе «предметы гардероба» (на примере слов *бриджи, гольфы, джинсы*) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 6. – С. 89–92 (в соавторстве с А.А. Чернышовой).

Акованцева Н.В.

1. Слово *прилетело* в современном русском языке // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж : ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 107–112.

2. Лексема *отдыхать* в русском языковом сознании // Язык и национальное сознание. – Воронеж : ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 26. – С. 67–70.

Дьякова Л.Н.

1. Что значит ЗВЕЗДА в современном русском языке // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2020. – Вып. 26. – С. 39–46 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

2. Слова *слить, слиться* в текстах СМИ и современном общении // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов. – Воронеж, 2020. – Вып. 7. – С. 112–118.

3. Семантическая девальвация слов в современном русском языке // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. –Воронеж, 2020. – № 4. – С. 53–56 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

2021

Рудакова А.В.

1. Проблема корректировки дефиниций толковых словарей с помощью экспериментальных методов // Язык и национальное сознание: сб. науч. тр. / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2021. – Вып. 27. – С. 67–73 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

Дьякова Л.Н.

1. Русский язык на радио: что заинтересует слушателей регионов // Язык и национальное сознание: сборник научных трудов / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2021. – Вып. 27. – С. 6–11.

2. О запрете на иностранные слова в СМИ (взгляд филолога и журналиста) // Культура общения и её формирование: межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2021. – Вып. 37. – С. 3–9 (в соавторстве с И.А. Стерниным).

6.5. Научно-популярные публикации о русском языке

2002

Стернин И.А.

1. Я русский бы выучил, только зачем? (о языке абитуриентов) // Моё. Житье-бытье. – 16–22 июля 2002.
2. Слово о слове (о создании Службы русского языка в Воронеже) // Воронежский курьер. – 27 июля 2002.
3. Слово за слово (Всемирный день борьбы с неграмотностью) // Воронежский курьер. – 9 сентября 2002.

2004

Стернин И.А.

1. Толерантность и терпимость // Воронежский курьер. – 16 ноября 2004.

2005

Стернин И.А.

1. Стернин И.А., Журавлева Н.В. Говорите чисто. – Воронеж, 2005. – 32 с.
2. Стернин И.А. Как общаться с экзаменатором. – Изд. 2, испр. – Воронеж, 2005. – 14 с.
3. Стернин И.А. Общение со старшим поколением. – Воронеж: Истоки, 2005. – 26 с.

2006

Стернин И.А.

1. Стернин И.А. Общение с мужчинами и женщинами. – Изд. 6, испр. – Воронеж, 2006. – 36 с.
2. Стернин И.А. Общение со старшим поколением. – Изд. 2, испр. и перераб. – Воронеж, 2006. – 27 с.
3. Грамотная ли страна Россия? // Воронежский курьер. – 9 сентября 2006.

2007

Стернин И.А.

1. Служба русского языка // Здравствуй. – № 8. – 23 февраля 2007.

2008

Стернин И.А.

1. Обойдемся без мата // Коммуна. – 22 апреля 2008.

Селезнева Г.Я.

1. Тонкости важнейшего из искусств // Воронежский курьер. – 12 апреля 2008. – С. 12.
2. Будьте креативны! // Воронежский курьер. – 15 января 2008. – С. 12.
3. Перфекционизм грамотности // Воронежский курьер. – 16 февраля 2008. – С. 12.
4. О Родине – правильно // Воронежский курьер. – 22 февраля 2008. – С. 12.
5. Грамотность – так держать! // Воронежский курьер. – 15 марта 2008. – С. 12
6. Чтобы грамота была не тарабарской // Воронежский курьер. – 22 марта 2008. – С. 12.

Саломатина М.С.

1. Толерантность и успех – вещи несовместные? // Культура общения и ее формирование: сб. науч. тр. – Воронеж, 2008. – Вып. 20. – С. 31–32.

2009

Стернин И.А.

1. Кто самый грамотный? // Коммуна. – 15 сентября 2009.
2. Грамоте разумеют // Воронежский курьер. – 19 сентября 2009.
3. У языка свои законы // Воронежский курьер. – 24 сентября 2009.
4. «Язык – живой самостоятельный организм, который развивается по своим законам» // http://parere.ru/strategy/354/ – 25 октября 2009. – 3 с.
5. Когда язык доступен // Коммуна. – 13 ноября 2009.
6. Университет и «территория слова» региона // Университетская площадь. – № 2. – 2009. – С. 91–96.
7. Грамотная ли страна Россия? // Старооскольский технолог. – № 11 (111). – 2009. – С. 7–9.

Селезнева Г.Я.

1. Ударьте правильно // Воронежский курьер. – 14 февраля 2009. – С. 12.
2. Грамотности – и место, и пространство // Воронежский курьер. – 19 марта 2009. – С. 12.
3. К родственникам – грамотно // Воронежский курьер. – 21 марта 2009. – С. 12.
4. Как правильно подсказывают // Воронежский курьер. – 10 апреля 2009. – С. 12.

2010

Стернин И.А.

1. Горькое правдо: мы не знаем собственного языка // Смена. – № 2. – 2010. – С. 5–13 (в соавторстве).
2. Где собака зарыта… Беседы о русском языке // Коммуна. – 12 февраля 2010.
3. Напрячь извилины (*общение с мужчинами и женщинами*) // Воронежский курьер. – 27 ноября 2010.

2011

Стернин И.А.

1. Служба русского языка. Нет такого слова // Воронежский курьер. – 19 февраля 2011.
2. Как общаются русские и немцы: найдите отличия // Deutsche Welle (Интернет-издание). – 1 ноября 2011. – http: // www.dw-world.de /dw/article/0,,15491848.00.html
3. Стернин И.А. Общение со старшим поколением. – Уч. пос. для магистрантов по программе «Теория и практика речевого воздействия». – Изд. 3, испр. и перераб. – Воронеж: Истоки, 2011. – 24 с.
4. Стернин И.А. Проблема сквернословия. – Уч. пос. для магистрантов по программе «Психолингвистика и лингвокриминалистика». – Изд. 5, доп. и перераб. – Воронеж: Истоки, 2011. – 24 с.
5. Стернин И.А. Общение с мужчинами, женщинами, в семье. – Уч. пос. для магистрантов по программам «Теория и практика речевого воздействия», «Психолингвистика и лингвокриминалистика». – Изд. 7, испр. и расшир. – Воронеж: Истоки, 2011. – 59 с.

2012

Стернин И.А.

1. Стернин И.А. Общение с мужчинами, женщинами, в семье. – Изд. 8, испр. – Воронеж: Истоки, 2012. – 59 с.
2. Многозначная стабильность (о слове *стабильность* в русском языке) // Воронежский курьер. – 2012. – № 17–16 февраля 2012.

2013

Стернин И.А.

1. Сначала было слово // Аргументы и факты. Воронеж. – № 20. – 15 мая 2013. – С. 3.
2. Мобильное хамство // Воронежский курьер. – № 120. – 26 октября 2013.
3. Стернин И.А. Общение со старшим поколением. – Изд. 4, испр. и доп. – Воронеж: Истоки, 2013. – 24 с.
4. Стернин И.А. Общение с дошкольниками. – Изд. 2, испр. и доп. – Воронеж: Истоки, 2013. – 84 с.

Саломатина М.С.

1. Самое позитивное слово // Семантико-когнитивные исследования : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Истоки, 2013. – Вып. 4. – С. 9–14.

2014

Стернин И.А.

1. Почему русские мало улыбаются? // AdMe.ru. – 11 января 2014.
2. Ученые поняли, почему русские так мало улыбаются // Комсомольская правда. – 12–14 июня 2014. – С. 22 (журналист В. Лаговский).
3. В Воронеже сложился парадокс // Воронежский курьер. – 30 мая 2014.
4. Почему русские не улыбаются? // The Village. – 18 сентября 2014. –http://www.the-village.ru/village/city/asking-question/165261-pochemu-russkie-ne-ulybayutsya-zlaya-msk
5. Вы спрашивали // Семерочка. – 11 сентября 2014.
6. Слово ведущего. Язык и мода // Семерочка. – 11 сентября 2014.
7. Слово ведущего. Давайте негромко, давайте вполголоса… // Семерочка. – 9 октября 2014.
8. Слово ведущего. Осторожно с именами // Семерочка. – 30 октября 2014.
9. Не уподобиться рыбке. Становится ли современный человек грамотнее и умнее // Воронежский курьер. – 18 ноября 2014.
10. Слово ведущего. Собаки и собачки // Семерочка. – 20 ноября 2014.
11. Нужно быть аккуратным: многие слова попадают в лексикон простых людей именно с экранов // Вечерняя Москва. – 21 ноября 2014.
12. Будьте любопытны. Как слово помогает изучить человека и общество // Воронежский курьер. – 12 декабря 2014.
13. Новогоднее общение // Семерочка. – 15 декабря 2014. – С. 21.

Саломатина М.С.

1. Культовый – это хорошо // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2014. – Вып. 29 – С. 26–27 (в соавторстве с И.В. Саломатиной).

Акованцева Н.В.

1. Вы спрашивали // Семёрочка. Еженедельная газета. – 24 апреля 2014. – № 16 (64).

2015

Стернин И.А.

1. Интернет и грамотность // Семерочка. – 29 января 2015. – С. 21.
2. Культура из трех букв // Семерочка. – 5 марта 2015. – С. 21.
3. Русские кони // Семерочка. – 26 марта 2015. – С. 21.
4. Вы спрашивали // Семерочка. – 26 марта 2015. – С. 21.
5. Почему существует жаргон // Семерочка. – 30 апреля 2015. – С. 21.
6. Русский язык – это не только запятые // Воронежский курьер. – 30 июня 2015.

7. Эмоции и аргументы // Семерочка. – 28 мая 2015. – С. 21.
8. Чаще говорите спасибо! // Семерочка. – 25 июня 2015. – С. 21.
9. Серебряный возраст // Семерочка. – 30 июля 2015. – С. 21.
10. Вежливость и хамство // Семерочка. – 27 августа 2015. – С. 21.
11. Делать ли замечания? // Семерочка. – 24 сентября 2015. – С. 21
12. Вы спрашивали // Семерочка. – 24 сентября 2015. – С. 21.
13. Привет с родины // Семерочка. – 29 октября 2015. – С. 21.
14. Культурные и образованные // Семерочка. – 26 ноября 2015. – С. 21.
15. Не бойтесь улыбаться! Позиция Стернина // АиФ. – № 49, 2015. – С. 16.
16. «Русского по улыбке не опознают…» // Росбалт. – 26 декабря 2015. – http://www.rosbalt.ru/main/2015/12/26/1475403.html
17. Ноль эмоций. Эксперт о том, почему россияне так мало улыбаются // Аргументы и Факты. – № 1. – 30 декабря 2015.

2016

Стернин И.А.

1. Улыбка по-русски // Аргументы и факты. – № 1. – 2016. – С. 18. – www.aif.ru/society/people/ulybka_po-russki_pochemu_my_tak_redko_ulybaemsya
2. Мурманский язык // Семерочка. – 28 января 2016. – С. 19.
3. Праздники русского языка // Семерочка. – 25 февраля 2016. – С. 19.
4. Метафорическая экспансия // Семерочка. – 31 марта 2016. – С. 21.
5. Разговор по душам // Аргументы и Факты. – № 13. – 30 марта 2016. – http://www.aif.ru/society/opinion/razgovor_po_dusham.
6. Улыбка на троих // Российская газета. – 1 мая 2016.
7. Грустный ли русский язык? // Семерочка. – 30 июня 2016. – С. 21.
8. Бывает ли врожденная грамотность? // Семерочка. – 28 июля 2016. – С. 21.
9. Краткая история грамотности в России // Семерочка. – 25 августа 2016. – С. 21.
10. Тебе какое дело? // Семерочка. – 29 сентября 2016. – С. 21
11. Почему «базар не фильтруем»? // АиФ. Черноземье. – № 17. – 2016.

Саломатина М.С.

1. Стартап стартапу рознь // Культура общения и ее формирование. – Вып. 32. – Воронеж : Истоки, 2016. – С. 81–83.

2017

Стернин И.А.

1. Пять нужных слов // Аргументы и факты. – № 3, 2017. – С. 17.
2. Самарский язык // Семерочка. – 320. 25 мая 2017. – С. 21.
3. Вы спрашивали // Семерочка. – 320. 25 мая 2017. – С. 21.
4. Ошибки воронежцев и воронежанок // Семерочка. – 28 сентября 2017г. – С. 21.
5. Вы спрашивали // Семерочка. – 28 сентября 2017 г. – С. 21.
6. Новый закон об именах // Семерочка. – 26 ноября 2017 г. – С. 21.
7. Язык и ложь // Семерочка. – 30 ноября 2017. – С. 21.

Розенфельд М.Я.

1. Вы спрашивали // Семерочка. – № 47. – 30 октября 2017. – https://riavrn.ru/pdf/7ka/2017/semerochka-47-30-noyabrya-2017/
2. Вы спрашивали // Семерочка. – № 42. – 26 октября 2017. – https://riavrn.ru/pdf/7ka/2017/semerochka-42-26-oktyabrya-2017/
3. Вы спрашивали // Семерочка. – № 30 – 3 августа 2017. – https://riavrn.ru/pdf/7ka/2017/semerochka-30-3-avgusta-2017/
4. Вы спрашивали // Семерочка. – № 25. – 29 июня 2017. – https://riavrn.ru/pdf/7ka/2017/semerochka-25-29-iyunya-2017/

5. Вы спрашивали // Семерочка. – № 12. – 30 марта 2017. – https://riavrn.ru/pdf/7ka/2017/semerochka-12-30-marta-2017/

2018

Стернин И.А.

1. Не набьет улыбка оскомину // Семерочка. – 11 января 2018. – С. 21.
2. Если ребенок ругается // Семерочка. – 1 марта 2018. – С. 21.
3. Скажите – здравствуйте! // Семерочка. – 29 марта 2018. – С. 21.
4. Уехал в Петербург, а приехал в Ленинград // Семерочка. – 26 апреля 2018. – С. 21.
5. Слова, которых нет // Семерочка. – 26 июля 2018. – С. 21.
6. Почему тот, кто мало знает, так уверенно говорит? // Семерочка. – 28 июня 2018. – С. 21.
7. Уместность слова // Семерочка. – 31 мая 2018. – С. 21.
8. Санкт-Петербург и Питер // Семерочка. – 22 ноября 2018. – С. 21.
9. Агрессивный – это хорошо или плохо? // Семерочка. – 13 сентября. – С. 21.
10. Давайте здороваться! // Семерочка. – 20 декабря 2018. – С. 22.
11. Почему тот, кто мало знает, так уверенно говорит? // Семерочка. – 28 июня 2018. – С. 21.

Розенфельд М.Я.

1. Анастасия Ходыкина. Точка стала знаком агрессии. Филологи о том, как соцсети меняют наш язык. Интервью с доцентом кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ, кандидатом филологических наук Марьяной Розенфельд // АиФ-Черноземье. – 21.02.2018. – https://chr.aif.ru/culture/tochka_stala_znakom_agressii_filolog_o_tom_kak_socseti_menyayut_nash_yazyk.
2. Тарас Бурыкин. «Субботний университет» ВГУ: как избежать коммуникативного самоубийства? О лекции доцента кафедры общего языкознания и стилистики М.Я. Розенфельд // Пять сов. – 24 ноября 2018. – http://5-sov.ru/blog/science/4065.html
3. Вы спрашивали // Семерочка. – № 37. – 13 сентября 2018. – https://riavrn.ru/pdf/7ka/2018/semerochka-37-13-sentyabrya-2018/.
4. Вы спрашивали // Семерочка. – № 43. – 25 октября 2018. – https://riavrn.ru/pdf/7ka/2018/semerochka-43-25-oktyabrya-2018/.

2019

Стернин И.А.

1. Заменят ли наушники переводчиков? Комментарий // Аргументы и факты. – № 4. – 2019. – С. 23.
2. Все не так: сетевому жаргону респект и уважуха! // Росбалт. – http://www.rosbalt.ru/style/2019/01/26/1760213.html
3. Как относиться к интернет-сленгу? // Семерочка. – 31 января 2019. – С. 19.
4. Какие слова надо говорить женщине? // Семерочка. 28 февраля 2019. – С. 21.
5. Вы спрашивали // Семерочка. – 28 февраля 2019. – С. 21.
6. Вы с кем разговариваете? // Семерочка. – 28 марта 2019. – С. 21.
7. Вы спрашивали // Семерочка. – 28 марта 2019. – С. 21.
8. Зачем называть кафе и магазины иностранными именами? // Семерочка. – 25 апреля 2019. – С. 19.
9. Вы спрашивали // Семерочка. – 25 апреля 2019. – С. 19.
10. Хаять других – себя хвалить. Слово ведущего // Семерочка. – 30 мая 2019. – С. 21.
11. Кого надо воспитывать? // Семерочка. – 27 июня 2019. – С. 19.
12. Снимают ли ругательства боль? // Семерочка. – 25 июля 2019. – С. 19.

13. Пиши грамотно // Семерочка. – 25 июля 2019. – С. 19.
14. В Питер или в Санкт-Петербург? // Семерочка. – 27 августа 2019. – С. 19.
15. Пиши грамотно // Семерочка. – 27 августа 2019. – С. 19.
16. Кто у нас звезда // Семерочка. – 19 сентября 2019. – С. 19.
17. Кто у нас теперь эксперты? // Семерочка. – 31 октября 2019. – С. 19.
18. В чем разобрался журналист // Семерочка. – Ноябрь 2019. – С. 19.
19. Является ли русский язык «убогим и клоачным»? // Воронежский университет. – № 10. – 15 ноября 2019. – С. 13.

Селезнева Г.Я.

1. Грамотный город: Вы спрашивали // Семерочка. – 31 января 2019. – № 5. – С. 19.
2. Грамотный город: Вы спрашивали // Семерочка. – 26 декабря 2019. – № 52. – С. 19.
3. Грамотный город: Правила переноса // Семерочка. – 30 мая 2019. – № 22. – С. 21.

2020

Стернин И.А.

1. Культурная столица бескультурных людей. О толерантности и людях // «Университетская площадь». – № 11. – Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2020. – С. 230–232.
2. Хвалить публично, критиковать наедине // Семерочка, 6 февраля 2020. – С. 19.
3. Пиши грамотно // Семерочка. – 6 февраля 2020. – С. 19.
4. Рецидив неграмотности // Семерочка. – 27 февраля 2020. – С. 19.
5. Садитесь или присаживайтесь // Семерочка. – 26 марта 2020. – С. 19.
6. Так нельзя говорить? // Семерочка. – 29 апреля 2020. – С. 19.
7. Они фигурируют // Семерочка. – 28 мая 2020. – С. 19.
8. Давать ли советы // Семерочка. – 2 июля 2020. – С. 19.
9. Пиши грамотно // Семерочка. – 2 июля 2020 г., с.19.
10. Почему люди кричат друг на друга // Семерочка. – 30 июля 2020. – С. 19.
11. Как нам не стыдно // Семерочка. – 3 сентября 2020. – С. 19.
12. Уши вянут. А глаза могут? // Семерочка. – 24 сентября 2020. – С. 19.
13. Трудно ли сказать «здравствуйте» // Семерочка. – 29 октября 2020. – С. 19.
14. Как повысить роль русского языка в мире? // Семерочка. – 26 ноября 2020. – С. 19.

Розенфельд М.Я.

1. Пиши грамотно // Семерочка. – № 41. – 29 октября 2020. – https://riavrn.ru/pdf/7ka/2020/semerochka-41-29-oktyabrya-2020/

2021

Акованцева Н.В.

1. Вопрос-ответ // Семёрочка. Еженедельная газета. – 28 января 2021. – № 3 (299). – С. 14.

6.6. Публикации студентов и магистрантов кафедры общего языкознания и стилистики по проблематике проекта (2004-2020)

2004

1. Боровкова Н.А. Женская речь в «женской» и «мужской» прозе // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып. 12. – С. 66–68.

2. Кузнецова Е.Е. Особенности мужского общения в «женской» и «мужской» прозе // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып. 12. – С. 64–66.

3. Прончева О.А., Лапотько А.Г. Понимание иноязычных слов воронежскими школьниками // Коммуникативные исследования 2004. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 83–89.

4. Скрипченко Ю. Словарь музыкального жаргона // Коммуникативное поведение. Вып. 18. Песня как коммуникативный жанр. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 145–208.

2007

1. Бурцева В. Гендерная дифференциация значений по данным ассоциативных экспериментов // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 93–96.

2. Горючева А. Проблема эффективного общения родителей с детьми с детьми // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 33–36.

3. Федотова Н.В. Экспериментальное изучение коммуникативной эффективности цветонаименований в рекламе // Коммуникативные исследования 2007. – Воронеж: Истоки, 2007. – С. 106–109 (в соавторстве с Н.А. Козельской).

4. Шабаева А. Этимологический анализ как способ исследования современного значения слова // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2007. – Вып. 18. – С. 118–121 (в соавторстве с А.В. Рудаковой).

5. Щипунова К.Г. Речевые формулы в ситуации знакомства // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2007. – С. 204–207.

2008

1. Свистова А.К. Концепт «Тоска» в русском языковом сознании // Коммуникативное поведение. – Вып. 31. – Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 45–51.

2. Щипунова К.Г. Прагматические цели знакомства в общении молодежи // Культура общения и её формирование: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 20. – С. 168–172.

2009

1. Богачев С.В. Особенности делового общения с китайскими партнёрами // Коммуникативные исследования 2009. Теория коммуникации. Коммуникативное поведение / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 21–24.

2. Гирчева А.О. Социальная реклама как тип дискурса // Текст. Дискурс. Картина мира / Под ред. О.Н. Чарыковой. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 149–155.

3. Драчевская Е.Г. Лакуны и картина мира // Текст. Дискурс. Картина мира / Под ред. О.Н. Чарыковой. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 41–46.

4. Драчевская Е.Г. Чего нет в русском языке // Культура общения и её формирование»: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 44–46.

5. Дюжакова С.Г. Лексика нравственного содержания в трилогии Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» // Текст. Дискурс. Картина мира / Под ред. О.Н. Чарыковой. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 78–85.

6. Османова К.И. Экспериментальное исследование возрастных особенностей речи носителей // Коммуникативные исследования 2009. Теория коммуникации. Коммуникативное поведение / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 80–85.

7. Свеженцева П.С. Концепт ГОРОД в языковом сознании школьников // Культура общения и её формирование»: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 59–62.

8. Соломатина В.И. Гендерные особенности ассоциативного ядра русского языка // Культура общения и её формирование»: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 61–64.

9. Стегачёва Е.И. Эволюция жанров в современных печатных СМИ (на материале публикаций в газете «Коммерсант») // Текст. Дискурс. Картина мира / Под ред. О.Н. Чарыковой. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 5. – С. 160–166.

10. Щипунова К.Г. Речевой акт просьбы: прагмалингвистический анализ // Культура общения и её формирование»: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 22. – С. 75–79.

2011

1. Герольских Б.А. Гендерное восприятие рекламного текста // Коммуникативные исследования 2011 / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 9. – С. 49–57.

2. Жданова А.Ю. Проблема эффективности рекламного воздействия // Коммуникативные исследования 2011 / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 9. – С. 13–20.

3. Овчинникова В.В. Математические термины в речи политиков // Коммуникативные исследования 2011 / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 9. – С. 132–135.

4. Поляков А.С. Оценочная лексика в языке и тексте // Коммуникативные исследования 2011 / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 9. – С. 58–66.

5. Скаврон Е.А. Факторы повышения убедительности текста (экспериментальное исследование) // Коммуникативные исследования 2011 / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 9. – С. 67–75.

6. Богачёв С.В., Чарыкова О.Н. Деловое письмо как продукт национального сознания (на материале русского, английского и китайского делового письма) // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2011. – Вып. 17. – С. 51–55.

7. Бузова И.Н., Чарыкова О.Н. Глагол как средство речевого воздействия в рекламном тексте // Культура общения и ее формирование. – Воронеж : Истоки, 2011. – Вып. 24. – С. 133–137.

8. Жданова А.Ю. К проблеме эффективности частных объявлений / А.Ю. Жданова // Культура общения и ее формирование. – Воронеж : Истоки, 2011. – Вып. 24. – С. 159–164.

9. Киселева С.Г. Оценочная лексика в речи политиков, находящихся у власти (на примере выступления В.В. Путина) // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 24. – С. 164–167.

10. Косенкова В.В. Смысловые сферы положительной оценки в рекламе автомобилей // Язык и национальное сознание. – Воронеж : Истоки, 2011. – Вып. 17. – С. 71–74.

11. Мормоль А.С. Имя прилагательное как средство воздействия на адресата в печатной рекламе // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 24. – С. 172–175.

12. Надоршина Д.Т. Агрессия в устном деловом дискурсе // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 24. – С. 175–176.

13. Османова К.И. Возрастные особенности семантики слова // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 16. – С. 117–122.

14. Поляков А.С. Оценочность как фактор формирование новых значений в системе языка // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 24. – С. 182–184.

15. Поляков А.С. Оценочность слова в контексте // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2011. – Вып. 16. – С. 87–90.

16. Поляков А.С. Реализация оценочных значений слова в контексте // Текст. Дискурс. Картина мира. – Воронеж : Истоки, 2011. – С. 91–94.

17. Хохонин Д.Е. Атрибуты прецедентных имен и их роль в формировании картины мира // Текст. Дискурс. Картина мира. – Воронеж : Истоки, 2011. – С. 74–77.

2012

1. Головинова В.В. Физико-математические термины в культуре делового общения // Культура общения и её формирование : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 25. – С. 147–150.

2. Дорохова Я.Н. Приемы вербальной манипуляции в прессе // Культура общения и её формирование : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 25. – С. 150–152.

3. Косенкова В.В. Образные слова в рекламе услуг // Культура общения и её формирование : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 25. – С. 162–163.

4. Сычёв П.И. Типы ошибок в устной и письменной речи (наблюдение за речью работников образования и культуры) // Культура общения и её формирование: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 25. – С. 166–167.

5. Шаповалова О.И. О новых значениях в современном русском языке // Культура общения и её формирование : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2012. – Вып. 25. – С. 167–168.

2013

1. Алексеева Е.В. Тематика женского общения (экспериментальное исследование) // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 27. – С. 31–34.

2. Анохина Д.В. Особенности восприятия лексики ислама русским языковым сознанием (на примере слов «рамадан», «аллах», «шахид») // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 27. – С. 111–116.

3. Анохина Д.В., Чарыкова О.Н. Классификация лексики ислама и проблемы ее толкования в русских словарях // Коммуникативные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 68–72.

4. Ерыгина О.С. Метафора как средство выражения агрессии в СМИ // Коммуникативные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 72–76.

5. Жданова А.А. Коммуникативная личность первоклассника // Коммуникативные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 34–42.

6. Казьмина Е.К. Методика выявления возрастной лексики // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 27. – С. 53–55.

7.Казьмина Е.К. Тематика общения молодежи // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 4. – С. 123–125.

8. Косенкова В.В. Оценочная лексика в рекламном тексте // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 6. – С. 44–53.

9. Лапыгина М.В. Метафорические способы создания положительного имиджа политика в печатных СМИ // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 4. – С. 94–98.

10. Павлова А.Н. Значение фоновой лексики в социально-культурном аспекте // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 27. – С. 118–122.

11. Павлова А.Н. Изучение русской фразеологии в иностранной аудитории // Коммуникативные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 153–158.

12. Правдина И.С. Мобильный этикет в сознании студентов-филологов // Коммуникативные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 111–114.

13. Просовецкий Д.Ю. Психолингвистический анализ значения слова «плохо» // Коммуникативные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 114–122.

14. Просовецкий Д.Ю. Психолингвистический анализ слова «хорошо» // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: Истоки, 2013. – Вып. 4. – С. 45–49.

15. Репникова Д.Д., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слов «жеребец» и «конь» в русском языке // Коммуникативные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 122–138.

16. Чаплин Е.В. Стилистические характеристики слова в обыденном языковом сознании // Коммуникативные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 146–152.

2014

1. Вальтер Н.В. Вопрос в политическом аргументативном дискурсе // Риторика в современной России: традиции и новые задачи. – Ярославль: Канцлер, 2014. – С. 12–14.

2. Косенкова В.В. Положительные качества в рекламе услуг // Риторика в современной России: традиции и новые задачи. – Ярославль: Канцлер, 2014. – С. 231–234.

3. Погорелова Е.В., Рудакова А.В. Эффективность рекламного слогана (по данным опроса) // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 5. – С. 69–73.

4. Пономарева Е.В., Рудакова А.В. Психолингвистические значения слова // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 29. – С. 120–125.

5. Просовецкий Д.Ю. Временная динамика употребления лексем «хороший», «хорошо» // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2014. – Вып. 29. – С. 21–27.

6. Просовецкий Д.Ю. На грани хорошего // Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Материалы открытой межвузовской научной конференции (апрель 2014). – Ярославль, 2014. – С. 11–15.

7. Просовецкий. Д.Ю. Положительно-оценочные лексемы в дискурсе высшего должностного лица // Риторика в современной России: традиции и новые задачи– Ярославль: Канцлер, 2014. – С. 23–26.

2015

1. Булавинова А.И., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение лексемы «собака» // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 6. – С. 83–91.

2. Домбровская А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова «гнилой» в русском языке // Культура общения и её формирование: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 31. – С. 51–59.

3. Зольникова Ю.О. Национальные особенности сетевой литературы (на материале русских и немецких интернет-ресурсов) // Культура общения и её формирование: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 31. – С. 59–63.

4. Зольникова Ю.О. Слово «гламур» в современном русском языковом сознании // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 6. – С. 43–48.

5. Клевцова Т. Исследование внешнего имиджа политика С.В. Лаврова на материале телеинтервью // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 6. – С. 120–124.

6. Колесникова Е.И. Опыт выявления гендерных особенностей семантики слова (на материале слова верность в мужском и женском языковом сознании) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Материалы межрегиональной научной конференции 23–24 октября 2015 года / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 27–29.

7. Колесникова Е.И. Опыт исследования и сопоставления гендерных особенностей семантики слова (на материале слова *важно* в мужском и женском языковом сознании) // Язык и национальное сознание / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 21. – С. 59–63.

8. Коратаева Н.В. Военная лексика в метафорическом употреблении // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 6. – С. 53–55.

9. Коратаева Н.В. Военная метафора в современной рекламе // Язык и национальное сознание / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 21. – С. 63–66.

10. Лапыгина М.В. Использование милитарной лексики при создании положительного имиджа политика печатными СМИ // Семантико-когнитивные исследования / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 6. – С. 133–135.

11. Лапыгина М.В. Лексика, номинирующая психические и биологические свойства политика в современных печатных СМИ // Культура общения и её формирование / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 31. – С. 3–4.

12. Лапыгина М.В. Лингвистические средства создания положительного имиджа женщины-политика в печатных СМИ // Язык и национальное сознание / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 21. – С. 68–73.

13. Лапыгина М.В. Система упражнений по предупреждению ошибок в употреблении межъязыковых сербско-русских омонимов // Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке: материалы Международного студенческого форума (г. Воронеж, 16-18 апреля 2015 г.) / Под ред. Т.А. Терновой. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 75–78.

14. Панфилов В., Козельская Н.А. Слово с корнем зло- в русском языке XIX и XXвв. // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 6. – С. 48–53.

15. Погорелова Е.В. Эффективность рекламного слогана // Культура общения и её формирование: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 31. – С. 25–29.

16. Пономарева Е.В. Психолингвистическое и лексикографическое значение слова «грымза» // Культура общения и её формирование: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 31. – С. 100–104.

17. Растегаева Т.В. Опыт экспериментального выявление возрастной маркированности семантики слова // Культура общения и её формирование: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 31. – С. 104–107.

18. Растегаева Т.В. Опыт экспериментального выявления возрастной маркированности слова // Язык и национальное сознание / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 21. – С. 83–87.

2016

1. Вишнивецкий М. Музыкальные термины в художественном тексте (на материале романа И. Полянской «Читающая вода») // Семантико-когнитивные исследования: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 7. – С. 18–23.

2. Воронина К.Д. Черты рекламы в аннотациях к художественно-литературным, научно-популярным и научным изданиям: сопоставительный аспект // Сопоставительные исследования – 2016. Продолжающееся научное издание. – Воронеж : Истоки, 2016. – С. 177–181.

3. Динь Тхи Хонг Тхам Глаголы с формантом –ся с позиции носителя вьетнамского языка // Сопоставительные исследования 2016. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 218–222.

4. Домбровская А. Значение прилагательного «грязный» в русском языке // Семантико-когнитивные исследования: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 7. – С. 60–70.

5. Зольникова Ю.О. Фанфик и оригинал: сопоставительный анализ // Сопоставительные исследования 2016. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 192–193.

6. Зольникова Ю.О. Фразеологизмы, выражающие высокую степень чувства в русском языке // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 32. – С. 23–24.

7. Карагашева Э.Х. Контекстуальное значение имен собственных в русском языке (на материале лексем Испания, Барселона) // Семантико-когнитивные исследования: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 7. – С. 27–30.

8. Каширская М.Е. Образ телеведущего и средства его коммуникативного воздействия на аудиторию (на материале сериала В. Познера «Одноэтажная Америка») // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж : Истоки, 2016. – Вып. 7. – С. 131–137.

9. Коваленко С.В. Сопоставительный анализ семантики имени собственного (экспериментальное исследование) // Сопоставительные исследования 2016. –Воронеж: Истоки, 2016. – С. 120–123.

10. Коваленко С.В. Экспериментальное исследование семантики имени собственного // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 32.– С. 24–31.

11. Колесникова Е.И. Опыт выявления гендерных особенностей семантики слова (бабушка, дети) // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 22. – С. 129–133.

12. Колесникова Е.И. Опыт сопоставительного исследования гендерных особенностей семантики слова (на материале слов женщина и мужчина в мужском и женском языковом сознании) // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 32. – С. 31–36.

13. Колесникова Е.И. Опыт сопоставительного исследования гендерных особенностей семантики слова (слово семья в мужском и женском языковом сознании) // Семантико-когнитивные исследования: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 7. – С. 78–80.

14. Колесникова Е.И. Опыт сопоставительного исследования гендерных особенностей семантики слова (на материале слов белый и красный в мужском и женском языковом сознании) // Сопоставительные исследования 2016. –Воронеж: Истоки, 2016. – С. 123–128.

15. Лапыгина М.В. Лексические средства характеристики интеллектуальных и волевых качеств президента РФ в печатных СМИ // Язык и национальное сознание 2016. – Воронеж: Истоки. – Вып. 22. – С. 24–27.

16. Лапыгина М.В. Лингвистические средства создания положительного имиджа президента РФ // Социальные изменения в глобальном мире. – Штип, Македония, 2015. – С. 807.

17. Лапыгина М.В. Сравнительная характеристика лексических средств создания положительного имиджа мужчины и женщины-политика в печатных СМИ // Сопоставительные исследования 2016. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 128–133.

18. Маслова А.В. Наподобие чего / подобно кому: сходства и различия (сопоставительный анализ) // Сопоставительные исследования. Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 13. – С. 235–238.

19. Мэй Цзылинь Перцептивная метафора в рекламном тексте // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов. – Вып. 2 / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 42–45.

20. Овсянникова К.В. Сопоставительный анализ наименований предприятий общественного питания г. Москвы и г. Воронежа // Сопоставительные исследования 2016. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 141–146.

21. Панфилов В.Ю. Лексическое и словообразовательное значение сравнительно-уподобительных наречий // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 7. – С. 30–36.

22. Плешкова А.Г. Ключевые слова в заголовках публицистических текстов как отражение языкового национального сознания // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 22. – С. 76–81.

23. Погорелова Е.В. Лексикографическое значение лексем – наименований матери в русском языке // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 32. – С. 48–54.

24. Растегаева Т.В. Опыт экспериментального выявления возрастной маркированности семантики слова Семантико-когнитивные исследования: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 7. – Вып. 7. – С. 92–96.

25. Растегаева Т.В. Опыт экспериментального выявления возрастной маркированности семантики слова (хороший, полный) // Сопоставительные исследования 2016. – Воронеж: Истоки. – С. 155–160.

26. Растегаева Т.В. Опыт экспериментального выявления возрастной маркированности семантики слова (российский, русский) // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 22. – С. 146–150.

27. Растегаева Т.В. Психолингвистическое исследование возрастной специфики семантики слова // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки. – Вып. 22. – С. 143–146.

28. Растегаева Т.В. Опыт экспериментального выявления возрастной маркированности семантики слова Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 32. – С. 38–42.

29. Субботина А.Г. Эвфемизация и инвективизация как тенденции развития языка СМИ (сопоставительный анализ) // Сопоставительные исследования – 2016. Продолжающееся научное издание. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 211–213.

30. Цай Ю.Ю. Психологически реальные значения наименований лиц по профессии в русском и немецком языковом сознании: сопоставительный анализ // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 22. – С. 161–168.

2017

1. Булавинова А.И., Рудакова А.В. Лексикографическое значение зоонимов в русском языке (на материале лексем баран, жаба, кабан, кот, лошадь) // Культура общения и ее формирование: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. – Вып. 33. – 184 с. – С. 8–13.

2. Дьяконова Е.А. Россия – это какие города? // Семантико-когнитивные исследования: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 77–82.

3. Дьяконова Е.А. Экспериментальное исследование семантики имени собственного (топоним «Москва») // Язык и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. С. 64–69.

4. Князев И.В. Темпоральная дифференциация семантики слова: *интеллигент, ударник, банкрот, декрет, гласность* (30-ые гг. XX века – начало XXI века) // Семантико-когнитивные исследования: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 26–34.

5. Коваленко С.В. Семантика имени собственного в психолингвистическом аспекте (экспериментальное исследование семантики антропонима ГЕТЕ) // Язык

и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. – С. 69–71.

6. Коваленко С.В. Семантическое сходство собственных имен // Психолингвистика и лексикография / Научный ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2017. – Вып. 4. – С. 25–27.

7. Колесникова Е.И. Гендерная специфика семантики слова (слово «*общественный*» в мужском и женском языковом сознании) // Психолингвистика и лексикография / Научный ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2017. – Вып. 4. – С. 27–32.

8. Колесникова Е.И. Исследование гендерных особенностей семантики слова (на материале слова беспредел в мужском и женском языковом сознании) // Язык и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. – С. 72–74.

9. Корыпаева Е.И. Контрастивная ценность симптоматических выражений с лексемой «сердце» в русском и французском языках // Сопоставительные исследования 2017. – Воронеж: Истоки, 2017. – С. 73–77.

10. Назаренко В., Рудакова А.В. Лексикографическое значение наименований человека по профессии // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2017. – Вып. 4. – С. 197–204.

11. Пантелеева А.В. Темпоральная характеристика имени собственного // Психолингвистика и лексикография / Научный ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2017. – Вып. 4. – С. 165–170.

12. Панфилов В.Ю. Семантика наречия в тексте и языковом сознании (на примере лексемы по-советски) // Язык и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. – С. 43–47.

13. Растегаева Т.В. Опыт экспериментального выявления возрастной маркированности семантики слова (на примере лексемы *любить*) // Язык и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. – С. 79–84.

14. Соколова-Сторчай Э.Ю. Психолингвистическая дифференциация синонимов (*лидер, главарь*) // Семантико-когнитивные исследования: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 86–92.

15. Черкашин А.Н. Психолингвистическое значение слов – наименований лиц по национальной принадлежности (на примере лексем «*даг*», «*дагестанец*», «*чеченец*») // Психолингвистика и лексикография / Научный ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2017. – Вып. 4. – С. 103–113.

16. Черкашин А.Н. Экспериментальное исследование семантики слова (наименования лиц по национальности // Язык и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. – С. 90–93.

2018

1. Дьяконова Е.А. Психолингвистическое значение топонима Владивосток // Семантико-когнитивные исследования / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 9. – С. 36–43.

2. Дьяконова Е.А. Сопоставительный анализ психолингвистических значений топонимических вариантов // Сопоставительные исследования 2018 / Под. ред. М.А. Стерниной. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 15. – С. 149-156

3. Дьяконова Е.А. Топоним Санкт-Петербург в сознании носителей языка: «вербализованные» и «визуализированные» образы (на материале свободного ассоциативного эксперимента с включением «графической» составляющей) // Язык

и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2018. – Вып. 24. – С. 72–77.

4. Князев И.В. Темпоральная траектория развития семантики слов-советизмов в XX веке (по данным словарей) // Язык и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2018. – Вып. 24. – С. 20–69.

5. Коваленко С.В. Особенности описания семантики имён политиков // Семантико-когнитивные исследования / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 9. – С. 43–47.

6. Коваленко С.В. Особенности психолингвистического описания семантики имён деятелей искусства // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы V Всероссийской научной конференции (26–27 октября 2018 г.) / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 4. – С. 25–29.

7. Коваленко С.В., Рудакова А.В. О теоретических категориях описания психолингвистических значений собственных имен // Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 15–21.

8. Колесникова Е.И. Гендерная специфика семантики слова (на материале слова «известный» в мужском и женском языковом сознании) // Язык и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2018. – Вып. 24. – С. 80–82.

9. Колесникова Е.И. Гендерная специфика семантики слова «год» // Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 25–29.

10. Колесникова Е.И. Слово «любовь» в мужском и женском языковом сознании // Культура общения и ее формирование: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 34. – С. 32–35.

11. Колесникова Е.И. Сопоставительно-семантическое исследование мужской и женской специфики семантики слова // Сопоставительные исследования 2018 / Под. ред. М.А. Стерниной. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 15. – С. 159–162.

12. Пантелеева А.В. К проблеме выявления возрастных маркеров текста // Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 42–45.

13. Пантелеева А.В. Стереотипы мышления как маркеры возраста (на материале стереотипов пожилых людей) // Язык и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2018. – Вып. 24. – С. 69–72.

14. Панфилов В.Ю., Козельская Н.А. Опыт изучения формирования лексической семантики на основе экспериментальных и контекстуальных данных (на примере сравнительно-уподобительных наречий)// Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 45–54.

15. Пескова Я.А. Лексикографическое значение наименований синего цвета и его оттенков в русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 140–144.

16. Пономаренко И.В. Оппозиты в языковом сознании носителей русского языка (результаты экспериментального исследования) // Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 60–64.

17. Просовецкий Д.Ю. Какой год был самым хорошим? // Культура общения и ее формирование: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 34. – С. 46–48.

18. Растегаева Т.В. Опыт выявления возрастных особенностей семантики слов, обозначающих родственные отношения (на примере лексемы отец) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы V Всероссийской научной конференции (26–27 октября 2018 г.) / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 4. – С. 52–54.

19. Растегаева Т.В. Слово ИСТОРИЯ в возрастном сознании // Культура общения и ее формирование: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 34. – С. 48–51.

20. Растегаева Т.В. Сопоставительное исследование групповой семантики единиц частотного ядра русского языка // Сопоставительные исследования 2018 / Под. ред. М.А. Стерниной. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 15. – С. 172–174.

21. Соколова-Сторчай Э.Ю., Рудакова А.В., Стернин И.А. Есть ли в языке абсолютные синонимы? (психолингвистическая дифференциация синонимов) // Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 64–76.

22. Соколова-Сторчай Э.Ю. Психолингвистическая дифференциация синонимов (на примере лексем брань-ругань) // Язык и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2018. – Вып. 24. – С. 85–99.

23. Соколова-Сторчай Э.Ю. Синонимия лексема ЗООПАРК – ЗВЕРИНЕЦ // Сопоставительные исследования 2018 / Под. ред. М.А. Стерниной. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 15. – С. 174–180.

24. Тарновская Е.А., Антонова А.В. Сленг в понимании юношей и девушек // Сопоставительные исследования 2018 / Под. ред. М.А. Стерниной. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 15. – С. 187–190.

25. Ульянова М.А. Региональные особенности психолингвистического значения лексемы ОБЛАСТЬ // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы V Всероссийской научной конференции (26–27 октября 2018 г.) / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 4. – С. 81–84.

26. Ульянова М.А. Смысловая структура слова в словаре и психолингвистическом эксперименте (на материале лексем ДЕНЬ и ГОД) // Сопоставительные исследования 2018 / Под. ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 15. – С. 197–203.

27. Хаустова В.Н. Прилагательное «большой» в словаре и языковом сознании (к проблеме региональных различий в семантике // Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 84–90.

28. Хаустова В.Н. Слова ГОД и ВРЕМЯ в языковом сознании (к проблеме региональных различий в семантике) // Язык и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2018. – Вып. 24. – С. 99–106.

29. Черкашин А. Психолингвистическое значение выражения «лицо кавказской национальности» // Язык и национальное сознание: мужвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2018. – Вып. 24. – С. 106–111.

2019

1. Дробышева Д.В., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение наименований человека (на примере слов КРАСАВЕЦ, ДОБРЯК, СКРЯГА) // Психолингвистика и

лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – Вып. 6. – С. 9–17.

2. Дробышева Д.В., Рудакова А.В. Семантика наименований женщин и мужчин по одному признаку (в русском языковом сознании) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: V Всероссийская научная конференция (25–26 октября 2019 г., ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет») / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО Издательство РИТМ, 2019. – С. 8–12.

3. Пескова Я.А., Рудакова А.В. Возрастные особенности психолингвистического значения наименования цвета в русском языке (на примере слова КОРИЧНЕВЫЙ) // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – Вып. 6. – С. 68–76.

4. Пескова Я.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение наименований цвета в русском языке (на примере слов *СЕРЫЙ* и *СЕРАЯ*) // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: V Всероссийская научная конференция (25–26 октября 2019 г., ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет») / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО Издательство РИТМ, 2019. – С. 55–58.

5. Ульянова М.А. Психолингвистическое и лексикографическое значения лексемы ФЕДЕРАЦИЯ // Языки национальное сознание / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – Вып. 26. – С. 104–108.

6. Ульянова М.А. Психолингвистическое значение лексем ВОЗМОЖНОСТЬ, ВОПРОС, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ, КАЗАТЬСЯ, КОМПАНИЯ, ОБЛАСТЬ, ОБРАЗ, ПРЕДСТАВИТЬ, ПРОБЛЕМА, РЕШЕНИЕ, СТАТЬЯ // Психолингвистический толковый словарь русского языка – Вып. 6/1. Частотная лексика / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж : ООО «Издательство РИТМ», 2019.

7. Ульянова М.А. Психолингвистическое значение слова ВОЗМОЖНОСТЬ // Семантико-когнитивные исследования / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – Вып. 10. – С. 47–50.

8. Ульянова М.А. Описание семантики частотных слов русского языка (на примере лексемы ГОСУДАРСТВЕННЫЙ) // Культура общения и ее формирование: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – Вып. 35. – С. 36–40.

9. Ульянова М.А. Описание семантики лексемы ПРЕДСТАВИТЬ психолингвистическими и лексикографическими методами // Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке: материалы Третьего Международного студенческого форума (18–20 апреля 2019 г.) / Науч. ред. М.В. Панова. – Воронеж: издательский дом ВГУ, 2019. – Вып. 3. – С. 382–385.

10. Ульянова М.А. Значение лексемы ЗАМЕТИТЬ в словаре и современном языковом сознании // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы V Всероссийской научной конференции (25–26 октября 2019 г.) / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – Вып. 5 – С. 76–80.

11. Ульянова М.А. Сопоставительный анализ семантики слова СТАТЬЯ в толковых словарях и в языковом сознании // Сопоставительные исследования 2019 / Под. ред. М.А. Стерниной. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – Вып. 16. – С. 151–155.

12. Шушерова А.О., Рудакова А.В. Прецедентные тексты и сочетаемость в ассоциативной структуре имен числительных первого десятка // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: V Всероссийская научная конференция (25–26 октября 2019 г., ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет») / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО Издательство РИТМ, 2019. – С. 92–94.

13. Шушерова А.О., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение имен числительных первого десятка // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – Вып. 6. – С. 84–108.

2020

1. Вишнивецкий М.В., Рудакова А.В. «Немузыкальные» реакции в структуре ассоциативного поля музыкального термина // Семантико-когнитивные исследования: сборник научных работ / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО Издательство «РИТМ», 2020. – Вып. 11. – С. 115–118.

2. Вишнивецкий М.В., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение музыкальных терминов в русском языке (на примере лексем АРИЯ и КЛАВИР) // Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 4–11.

3. Джумаева Айболек Русско-туркменский ассоциативный словарь // Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 89–92.

4. Киселева П.А. Ассоциативный эксперимент как метод в лингвокриминалистике // Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 27–34.

5. Князев И.В. Опыт исследования темпоральной динамики развития значений слов в русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 34–47.

6. Колосова М.А. Лексикографическое и психолингвистическое значения глагола *ГОВОРИТЬ* в русском языке // Психолингвистика и лексикография: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 7. – С. 47–51.

7. Колосова М.А. Психолингвистическое значение лексемы ДЕЛО в современном русском языковом сознании // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 6. – С. 23–30.

8. Пирджикова Г. Образы природы в национальном языковом сознании русских и туркмен // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 6. – С. 54–56.

9. Попова А.В., Рудакова А.В. Семантика фразеологического оборота (психолингвистическое исследование на примере ФЕ «золотые руки») // Культура общения и ее формирование: межвуз. сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 36. – С. 12–15.

10. Пшеничная Е.П. Лексика рукоделия как формирующееся терминополе // Семантико-когнитивные исследования. Продолжающееся научное издание. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып 11. – С. 151–154.

11. Рыбкина Е.С. Язык и стиль российских глянцевых журналов для женщин // Семантико-когнитивные исследования. Продолжающееся научное издание. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып 11. – С. 158–161.

12. Стеганцова А.А. Средства создания образа Волги в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Семантико-когнитивные исследования. Продолжающееся научное издание. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып 11. – С. 165–168.

13. Ульянова М.А. Сопоставительный анализ лексикографического и психолингвистического значений слова ПОДОБНЫЙ // Сопоставительные исследования 2020 / Под. ред. М.А. Стерниной. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 17. – С. 137–141.

14. Ульянова М.А. Лексема ПОДОБНЫЙ в русском языковом сознании // Культура общения и ее формирование: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 36. – С. 24–28.

15. Ульянова М.А. Психолингвистическое и лексикографическое значения лексемы ПЫТАТЬСЯ // Семантико-когнитивные исследования / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 11. – С. 168–171.

16. Ульянова М.А. Психолингвистическое и лексикографическое значения лексемы ФЕДЕРАЦИЯ // Язык и национальное сознание / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 26. – С. 104–108.

17. Ульянова М.А. Гендерные особенности психолингвистического значения слова ВЗГЛЯД // CIP – Каталогизација во публикација Национална и универзитетска библиотека "Св. Климент Охридски", Скопје 316.7(062)МЕЃУНАРОДНА научна конференција филологија, култура и образование, Штип, 2020. Зборник на трудови / Петта меѓународна научна конференција ФИЛКО филологија, култура и образование, 8-9 октомври 2020, Штип = Сборник статей / Пятая международная научная конференция ФИЛКО филология, культура и образование, 8-9 октября 2020, Штип = Conference proceedings/ Fifth International scientific conference FILKO philology, culture and education, 8-9 October 2020, Stip. - Штип : Универзитет "Гоце Делчев", 2021. - 465 стр. .- С. 410–422.

18. Чеканова А.В. Из опыта экспериментального изучения семантики слов с уменьшительным значением // Семантико-когнитивные исследования. Продолжающееся научное издание. – Воронеж : ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып 11. – С. 171–174.

19. Цымбалова А.В. Экспериментальное исследование знания новых значений // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 36. – С. 28–32.

20. Шабанова Л.А. Лексикографическое и психолингвистическое значение слова ОТЕЦ в русском языке // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 6. – С. 98–101.

21. Шатохина Ю.Ю. Психолингвистическое значение слова ОСОБЫЙ в современном русском языке // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных работ / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. – Вып. 6. – С. 98–101.

Заключение

Монография представляет собой обобщение результатов исследований в области современного русского языка в рамках исследовательского проекта «Современная речевая практика» научной школы по общему и русскому языкознанию проф. З.Д. Поповой в 2011–2021 гг.

Результаты, полученные в первое десятилетие работы над проектом (2000–2010 гг.), были представлены в монографиях «Языковое сознание воронежцев» (2010, 250 с.), «Территория слова» (2011, 176 с.).

Данная монография отражает очередной этап разработки проекта. Она опирается на результаты, полученные в первое десятилетие и отраженные в имеющихся публикациях (монографиях и отдельных статьях участников проекта), содержит осмысление этих результатов и сопоставление выявленных в первое десятилетие явлений и тенденций с новыми, выявившимся во второе десятилетие. Отмечаются явления и тенденции, которые сохранились в текущем десятилетии, усилились, ослабились или ушли из речевой практики носителей языка.

Материалы и выводы участников проекта, представленные в публикациях 2001–2010 гг., в сжатом виде также вошли в текст данной монографии, если соответствующие явления и тенденции подтвердились и во второе десятилетие наблюдений.

Таким образом, монография 2021 г., с одной стороны, имеет обобщающий характер, а с другой стороны, отражает очередной этап разработки проблематики проекта, то есть содержит осмысление ранее описанных явлений и тенденций развития русской речевой практики и новые наблюдения.

В монографии также приведена библиография публикаций исполнителей проекта по проблемам современного русского языка и современной речевой практики с 2001 г. по 2021 г. В библиографию включены работы как преподавателей кафедры общего языкознания и стилистики и сотрудников Центра коммуникативных исследований ВГУ, так и студентов и магистрантов кафедры, участвовавших в реализации проекта.

В проведенном исследовании современный период в жизни русского языка рассматривается как период интенсивного развития, в процессе которого происходит приспособление языка к изменяющимся (под влиянием внешних факторов) условиям его функционирования. Такой подход позволяет избежать субъективно-оценочного, сугубо негативного отношения к изменениям в речевой практике современников, а также разграничить объективно происходящие в языке актуальные процессы и кризисные явления в отношении общества к освоению и употреблению языка, к соблюдению языковых норм, т.е. кризис культуры речи.

В рамках проекта «Современная речевая практика» не только осуществлялось исследование активных процессов в языке (в лексике, фразеологии, словообразовании) и общении, но и проводилась большая просветительская работа в области русского языка в городе и регионе.

На основе проделанного анализа новых слов, значений и фразеологизмов, источников и способов их образования, особенностей употребления,

стилистических изменений в лексике, формирования устно-письменной формы подъязыка Интернета, современного общения можно сделать следующие общие выводы.

Развитие языка в настоящее время происходит противоречиво, в борьбе различных тенденций. Десятилетний период наблюдений над современной речевой практикой (2011–2021), отраженный в данной монографии, – небольшой срок для фиксации и описания происходящих в языке процессов, но определенные изменения по сравнению с первым десятилетием XXI века уже могут быть отмечены.

Так, можно констатировать, что наряду с отмеченной ранее персонификацией дискурса, усилилась тенденция к его дифференциации и стандартизации в зависимости от сферы бытования – деловой, политической, экономической, компьютерной.

Появился «патриотический» дискурс, основанный на обращении к традиционным русским ценностям и критике либерализма как течения мысли. Возродилась традиция позитивного, одобрительного освещения действий официальной власти, в противоположность ироническому дискурсу нулевых и 10-х годов. Плюрализация общения, которая проявлялась в остром публичном противостоянии разных точек зрения при обсуждении той или иной проблемы, стала более умеренной.

Мы предполагали, что процесс массовых заимствований в первые десятилетия 21-ого века в основном завершится, однако этого не произошло, что связано с быстрым развитием техники, технологий, изменениями в экономике, образовании, в сфере торговли и услуг, рекламы, шоу-бизнеса, где заимствование иноязычной лексики остается еще достаточно востребованным.

Заимствованные слова активно осваиваются русским языком, вовлекаются в процессы словообразования в качестве производящих основ и аффиксоидов, пополняя лексикон не только литературного языка, но и разговорного.

В лексико-фразеологической системе языка заметно замедлилось расширение пласта межстилевой лексики, наблюдается, наоборот, устойчивая тенденция количественного увеличения, с одной стороны, разговорной и жаргонной лексики, а с другой – профессионализмов. Это отражает взаимодействие тенденций к вульгаризации речи и к ее «онаучиванию», в том числе за счет профессионализмов, особенно иноязычного происхождения.

Наблюдавшаяся в 90-е годы активизация лексики тематических сфер «рыночные отношения», «политика» в настоящее время стабилизировалась. Завершен процесс реактивации лексики в тематических сферах политики и рыночных отношений.

Ослабла роль криминально-правоохранительной лексики в языке, она уже не дает такого импульса развитию языка в целом; многие слова перешли из профессиональных или жаргонных в разговорные.

Завершен процесс пассивизации в лексике тематического поля «Перестройка», где произошло исчезновение положительной оценочности и эмоциональности у большого числа ранее активных лозунговых лексем и словосочетаний.

Активизировалась спортивная лексика, на рубеже веков она не играла такой роли в развитии лексико-фразеологической системы языка, как в настоящее время.

Наши наблюдения над процессами семантических изменений в современной русской лексике позволяют говорить об активности процесса, который может быть назван *семантической девальвацией* слова (формированием на базе научных терминов и книжных слов новых, более примитивных, упрощенных значений слова). Наряду с этим в языковом сознании людей возросло количество ложных значений слов из общественно-политического лексикона и репертуара собственных имен, известных современному человеку.

В стилистической системе русского языка образуется и укрепляется новая функционально-стилистическая подсистема – общенародный сленг, занимающая место между разговорной и сниженной лексикой. Формируется и активизируется стилистический разряд фамильярной лексики.

Усилились тенденции языковой моды – в частности моды на экспрессию и моды на использование узкопрофессиональных и новых иностранных слов.

Проявляется тенденция дальнейшего расширения функций устной речи (орализация), тенденция сокращения межличностного письменного общения, происходит активизации инвективной лексики, повышение агрессивности общения, особенно в СМИ и интернете.

На базе тотального распространения общения в интернете и развития мобильной связи окончательно сформировалась гибридная форма языка – устно-письменная.

Отмечавшаяся нами в 2010 г. тенденция преобладания функциональных изменений над системными в настоящее время ослабла, функциональные и системные изменения в языке примерно уравновешены. Появление многочисленных новых слов и значений – это системное изменение. Многие слова и значения за прошедшие десять лет перешли в систему из узуса, были зафиксированы словарями, стали привычными для носителей языка и употребительными в соответствующих сферах использования языка.

Характерное для начала перестройки преобладание количественных изменений в языке над качественными в настоящее время не наблюдается, качественные изменения стали гораздо более заметными в лексико-фразеологической системе и речевой практике.

Востребованность языковых знаний современными носителями языка (на примере жителей Воронежа и Воронежской области) за последнее десятилетие по структуре практически не изменилось: на первом месте лексические нормы, в том числе нормы употребления и сочетания отдельных слов и выражений, значение и происхождение слов и фразеологизмов; на втором – грамматические нормы, на третьем – сведения о собственных именах (личных именах и фамилиях, наименованиях географических объектов и др.) – значение, правила их склонения и произношения. Перемены коснулись следующих аспектов: стало меньше вопросов о заимствованиях, но больше о семантике просторечных, жаргонных, устаревших слов. Орфоэпические нормы остались на 4-ом месте, хотя в целом количество вопросов об ударении и особенно произношении слов уменьшилось. По сравнению с предыдущим периодом возросло количество вопросов по орфографии и пунктуации. Увеличилось количество «школьных» вопросов, например, из области словообразования, морфологии, синтаксиса. Сошли на нет вопросы из сферы коммуникативных правил и речевого этикета. Радует, что воронежцы, как и в предшествующий период, внимательно

относятся к правильности речи в средствах массовой информации, рекламном дискурсе.

Влияние СМИ на язык проявляется разнонаправленно. В то время как СМИ, несомненно, расширяют кругозор носителей языка, держат их в курсе происходящих событий, они оказывают и негативное влияние на свою аудиторию в области языка, общей культуры, вкуса, общей культуры речи.

Проблема культуры речи в современном российском обществе сейчас актуальна как никогда. Именно поэтому делаются попытки государства принимать меры по повышению культуры речи. Государственный подход заключается в принятии определенных законов, регулирующих словоупотребление.

Уже есть определенный опыт регулирования словоупотребления государством и отдельными ведомствами. В настоящее время в России существуют законодательные акты, подписанные Президентом:

- О недопустимости слов и выражений, не соответствующих нормам современного литературного языка;
- О недопустимости использования нецензурной лексики в СМИ;
- О недопустимости использования нецензурной лексики в публично демонстрируемых произведениях искусства;
- О недопустимости нецензурной лексики в интернете.

Существует ведомственное ограничение на использование иностранных слов в работе телевизионного канала МатчТВ.

Однако при наличии определенных результатов становится ясно, что подобное регулирование имеет существенные недостатки:

в законодательных актах используется неясная терминология, позволяющая произвольную интерпретацию закона;

принимаемые акты не содержат необходимых механизмов осуществления контроля за соблюдением принимаемых законов, что приводит к неэффективности принятого закона и возможности субъективизма и выборочного применения законов к неугодным авторам;

законы создаются без консультации с авторитетными филологами, филологической общественностью, в результате чего принимаемые законодательные акты во многом не учитывают законы развития языка или прямо противоречат существующим законам функционирования и развития языка.

Кроме того, язык не поддается сознательному регулированию «сверху», регулирование может касаться только культуры речи. К тому же, любые запреты в области языка на русского человека зачастую действуют как вызов и только поднимают популярность запрещаемых слов, повышают к ним внимание, мобилизуют людей на поиски обходных путей.

Некорректное, не соответствующее нормам культуры речи, нормам приличия словоупотребление и сквернословие, в обществе никаким строгим законом искоренить не удастся, поскольку исполнение закона гражданами в повседневной речи невозможно проконтролировать. Бессмысленно повседневную речь контролировать.

Вместе с тем необходимо развернутое и целенаправленное формирование культуры речи широких слоев населения, которая бы исключила или снизила бескультурное, в том числе нецензурное словоупотребление в *публичной сфере*.

Язык в устном межличностном общении людей в любом случае останется вне регламентации, и именно устная речь является двигателем развития и изменения языка.

Культуру речи, культуру общения надо формировать не законодательными запретами, а разъяснением уместности тех или иных языковых средств в конкретных коммуникативных ситуациях, в конкретных сферах общения.

При этом могут быть эффективны те или иные запреты в официальных изданиях, произведениях искусства, исполнение которых можно проверить.

Что касается запретов на употребление определенных слов и выражений в СМИ (профессионализмов, модных и новых иностранных слов), такие запреты могут быть полезны как форма воспитания у журналистов культуры речи – чувства *уместности употребления слов и выражений*, как средство привлечения внимания журналистов к их речи. Ведь СМИ – для всех. Они и называются – средства *МАССОВОЙ* информации. То, что они сообщают, должно быть всем понятно, а не только узкопрофессиональной аудитории.

Но вопрос культуры речи носителя языка – это преимущественно вопрос педагогический, воспитательный, а не правовой. В этих целях наряду с традиционной просветительской работой в СМИ надо развивать опыт использования новых медиа, сетевые платформы для пропаганды русского языка и постоянно сканировать сетевое пространство в поиске новых форм взаимодействия с аудиторией.

Основной путь борьбы за культуру речи – просветительский, педагогический, а не законодательный. Общественная борьба за культуру речи населения, конкретные мероприятия в этой области, конечно, очень трудоемки и затратны, требуют длительного времени, но это единственный эффективный путь вытеснения сквернословия и повышения культуры речи и общей культуры народа, который дает долговременный эффект. Законодательные же запреты уместны в рамках отдельных ведомств, изданий, публичных ситуаций и мероприятий, но неэффективны в глобальном контексте.

В целом, для русского языка конца XX – первой четверти 21-ого века подтверждаются следующие обобщенные тенденции развития:

- определяющее влияние общественно-политических процессов и технического прогресса на языковое развитие;
- преобладание изменений в лексике и фразеологии;
- сохранение интенсивности и быстроты изменений в языке;
- формирование новых языковых стандартов под влиянием СМИ и устной речи.

Переход языка от периода интенсивных изменений к периоду стабильного развития не завершен, он продолжается и затягивается, отражая убыстрение технического прогресса, развитие промышленности, сферы потребления, информационных технологий. Интенсивность материальных и общественных изменений, изменений в жизни российского общества, обусловливает продолжающееся интенсивное обновление лексико-фразеологической системы языка и речевой практики народа.

Таковы основные черты, характеризующие изменения в современной речевой практике носителей русского языка в последнее десятилетие.